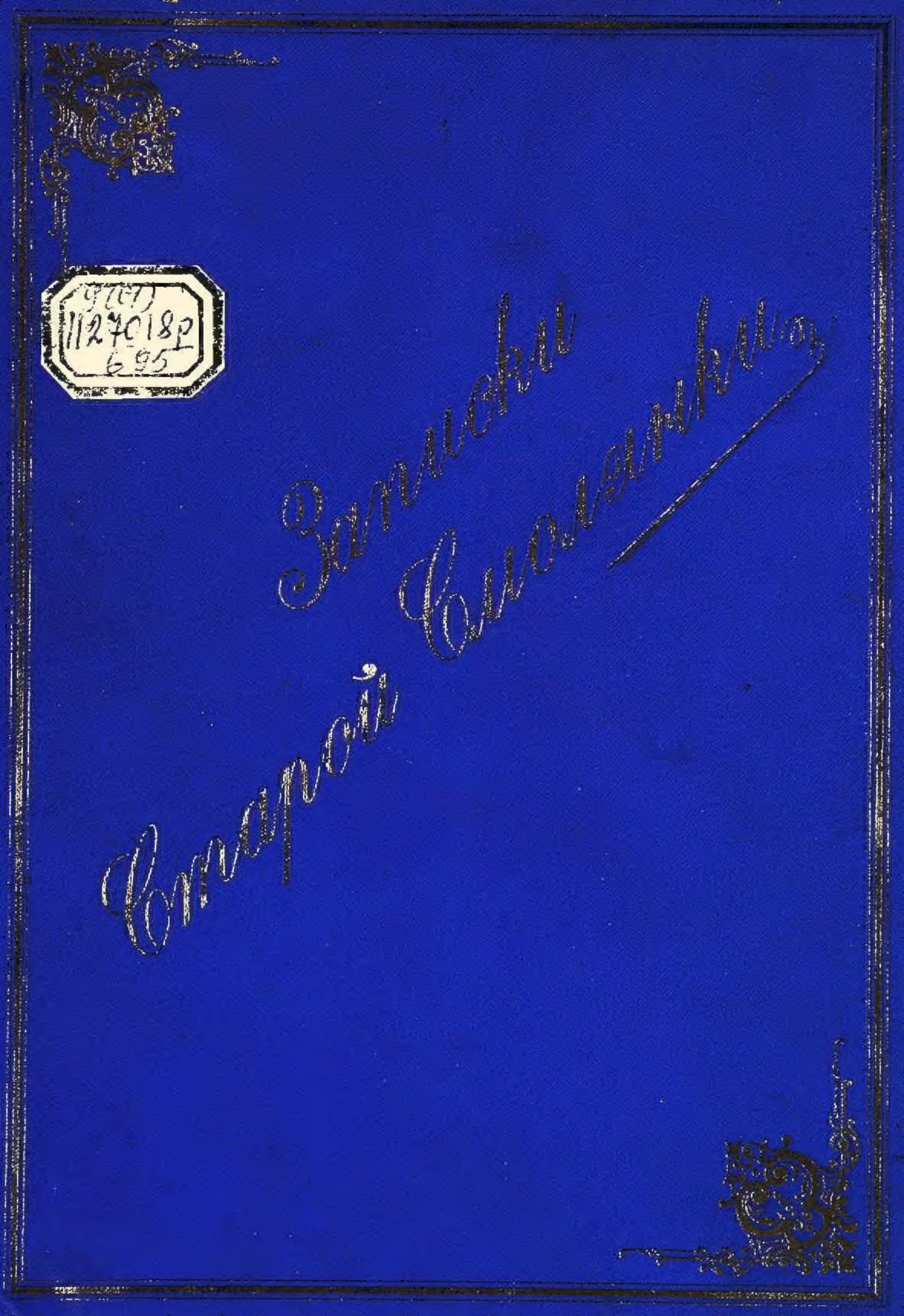

9(С)П
1127018р
б 95
Записки
старой смолянки

ЗАПИСКИ

СТАРОЙ СМОЛЯНКИ

(ИМПЕРАТОРСКАГО В. О. Б. Д.)

В. П. Б—вой.

1858—1878 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(съ 20-ю иллюстраціями).

Жизнь въ Сибири — въ Иркутскѣ.

Примѣчанія и изданіе

Свящ. К. Зн—скаго.

Часть I-я Учебнымъ Комитетомъ при собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи **рекомендована** для библіотекъ старшихъ классовъ учебныхъ заведеній вѣдомства ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. акц. общ. Е. Евдокимовъ, Троицкая, 18.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 іюля 1899 г.

Глубокоуважаемому и добрейшему Виктору Матвеевичу Тимаеву на добрую память. 1899 г. 8 Августа.

Отъ Издателя.

Появляется вторая часть Записокъ Старой Смолянки почти черезъ годъ по выходѣ въ свѣтъ первой.

Причина запозданія—неувѣренность вообще въ сочувствіи къ массѣ нынѣ печатающихся мемуаровъ и записокъ разнаго рода, а къ запискамъ Смолянки, какъ чисто русскаго и религіозно-нравственнаго содержанія,—въ особенности: были минуты, когда вторая часть обрекалась еще долго, долго не увидѣть свѣта, а потому спѣшно и не подготовлялась къ изданію. Неожиданное же множество благодарностей за первую часть отъ лицъ Высшихъ; благодарности старыхъ Смолянокъ съ ближнихъ и дальнихъ угловъ обширной Россіи, выраженныя даже въ печати [1]); лестная рекомендація Учебнаго Комитета Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи для учебныхъ заведеній Вѣдомства Императрицы Маріи [2]), сочувствіе изданію лицъ даровитыхъ и компетентныхъ въ литературѣ [3]); прекрасные отзывы многихъ не только свѣтскихъ, но и

[1]) См. напр., въ „Гражданинѣ“ 10 дек. 1898 г. № 97.

[2]) Отъ 10 іюня 1899 г. за № 10957, 1 экспедиціи Соб. Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

[3]) См., напр.. „Новое Время“—замѣтка г. Old Gentleman'а (21 октября 1898 г.) и др.

духовныхъ органовъ печати [4]), при всемъ этомъ, быстрая распродажа первой части—ободряютъ насъ надеждою на успѣхъ и второй.

Издана II часть по побужденіямъ, указаннымъ въ предисловіи къ первой [5]), но съ присоединеніемъ усерднѣйшей просьбы помолиться объ упокоеніи души рабы Божіей **Варвары** (Петровны), столь жаждавшей на землѣ вѣчнаго покоя, неоднократно просившей молитвъ за нее друзей и близкихъ при жизни [6]).

Въ случаѣ какихъ нибудь недосмотровъ и погрѣшностей, допущенныхъ при изданіи, покорнѣйше прошу исправить ихъ любовію.

Свящ. К. Знаменскій.

С.-Петербургъ.
Смольный монастырь.
Вдовій Домъ.
1899 г. іюля 21 дня.

[4]) Напр., „Христіанскаго Чтенія" (журн. при Спб. Дух. Академіи кн. за ноябрь 1898 г.) и „Биржевыхъ Вѣдомостей" (за 28 октября 1898 г.); „Урала" (за 18 мар. 1899 г.) и „Библіографическаго журнала" (за ноябрь 1898 г.) и мн. др.

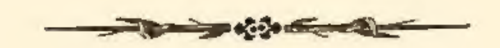
[5]) См. зап. стар. смол. ч. I стр. XVI и XVII.

[6]) Напр., см. зап. ч. II 1859 г. 12 марта, 10 апрѣля, 1861 г. 25 сентября, 1864 г. 23 апр., 1870 г. 5 марта и мн. др.

Народы, щадите и любите другъ друга!

(Великій призывъ Русскаго Царя міра къ миру).

12 Августа 1898 г.

Пусть будетъ Сибирь не мѣстомъ ссылки и каторги.

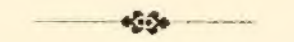
(ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе 6-го мая 1899 г.).

„Читайте, юныя сердца,
И поучайтесь отъ старушекъ:
Онѣ тѣ жъ были, что и вы;
Но какъ среди различныхъ испытаній
    Остались чисты...

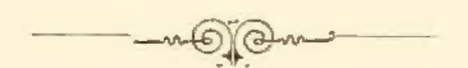
(Изъ письма Святогорца С. 1850 г.).

... Богъ, Царь и вѣра—защита чистотѣ.

Созданіе мысли могучей имѣетъ право на вѣчную юность,
Но подвигъ души благородной имѣетъ право на вѣчную жизнь!

Графъ Адамъ Красинскій.

Иркутскій Институтъ Императора Николая I.

1858 г.

Иркутскій институтъ Императора Николая I.

Представленіе Нуты Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Өеодоровнѣ.

1858 г. 4 августа. Вчера, сверхъ всякаго ожиданія, отъ г. Гофманъ[1]) получено письмо на имя Нуты, въ которомъ просятъ ее пріѣхать въ Петергофъ для представленія Государынѣ.

Дѣло идетъ о мѣстѣ начальницы въ Иркутскомъ Институтѣ.

Добрѣйшая графиня Ю. Ө. Баранова[2]) доложила о же-

[1]) Гофманъ—Андрей Лонг. Статсъ-Секретарь. См. Зап. Стар. Смол. 1 ч., 1856 г. 10 мая, прим. 2.

[2]) Ю. Ө. Баранова Статсъ-Дама, дочь начальницы Имп. в. общ. бл. дѣвицъ Ю. Ө. Адлербергъ. (См. 1 часть зап. 1858 г. 26 апр. портретъ и примѣч. 2-е).

ланіи и просьбѣ Нуты вдовствующей Императрицѣ, и Ея Величество потребовала Нуточку къ себѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ будетъ двѣнадцать часовъ—время, назначенное для представленія.

Господи, благослови и подкрѣпи сестру!—Она такъ волновалась предъ отъѣздомъ... Господи, внуши ей слова, дай силы говорить съ Великими міра сего, вложи милость въ сердце Царицы!..

Моя бѣдная Нута!..

Сегодняшній день рѣшаетъ нашу дальнѣйшую судьбу—или ѣхать въ Иркутскъ, или оставаться въ Смольномъ...

За все будь благословенна десница Его!

Если въ Смольномъ останемся,—дастъ Всевышній силъ и терпѣнія на продолженіе нашихъ обязанностей; во всемъ да вижу я промыслъ Божій, во всемъ...

Ровно двѣнадцать.—Нута представляется. Пойду молиться.

Въ какомъ положеніи дѣло.—Обида дѣвицамъ.

6 августа. Ничто не рѣшено.

Графиня Баранова приняла Нуту прекрасно, говорила о мѣстѣ, какъ о дѣлѣ совершенно оконченномъ, и велѣла узнать подробности службы въ Иркутскѣ отъ бывшей Иркутской начальницы Липранди.[1]) Но сама Государыня не сказала Нутѣ ничего опредѣленнаго. Правда, *Она* дала поцѣловать руку, посадила Нуту, говорила съ нею около

[1]) Липранди, Екатер. Петровна—начальствовала съ 1854—1858 г. Остатокъ дней своихъ провела на покоѣ въ СПБ. Вдов. Домѣ, гдѣ мирно отошла ко Господу 28 декаб. 1874 г. на 77 году жизни. Погребена на кладбищѣ Александровской мануфактуры.

часа, показавшагося Нуточкѣ секундой, но отпустила, ничѣмъ не обнадеживъ, хотя вскользь упомянула, что за одну изъ ищущихъ этого мѣста проситъ Муравьевъ [2]), за другую — бывшая начальница Липранди, на третью указываетъ Е. И. В. Вел. Княгиня Елена Павловна, и прощаясь, секунду подумавъ, какъ бы про Себя и въ сторону: «*а Мы*», произнесла Императрица, «*назначимъ четвертую*» [3])...

Странно, странно и странно. Ходитъ слухъ, что Нуту не назначатъ, потому что она не вдова и не замужняя!...

Я не могу прибрать даже слова для названія подобныхъ сужденій! Одно скажу: пока будутъ разсуждать такъ, врядъ ли дѣло образованія и воспитанія пойдетъ впередъ.

Не все ли равно: кто стоитъ во главѣ заведенія, замужняя, вдова или дѣвица?! Берите ихъ *за внутреннія достоинства*, за умъ, за образованіе, за честность, доброту, за знаніе и любовь къ дѣлу.

Справедливо ли считать *дѣвицъ* какими-то отверженными паріями только потому, что онѣ не вышли замужъ? Правда, во времена ожиданія пришествія Мессіи женщины пользовались гораздо большими преимуществами, чѣмъ дѣвицы, такъ какъ каждая женщина имѣла право надѣяться, что въ ея то потомствѣ и явится Спаситель міра; но теперь, когда такихъ причинъ не существуетъ, *жестоко и смѣшно такъ обижать часто ни въ чемъ неповинную чистоту.* Пора отрѣшиться отъ предвзятыхъ взглядовъ и давно пора давать оцѣнку каждой отдѣльной личности по ея достоинствамъ и недостаткамъ, а не по какимъ-то предразсудкамъ... О, долго, долго еще предубѣжденія эти будутъ царствовать на землѣ! Глубоко пустили они корни!...

---

[2]) Муравьевъ Н. Н. тогдашній ген.-губерн. Вост. Сибири, въ ближайшемъ вѣдѣніи котораго находился и Иркутскій Институтъ (См. зап. 1858 г. 28 октяб. и портретъ).

[3]) Анна Петровна, вставая и уходя, не могла разслышать по тону голоса Императрицы, что это было: окончательное ли рѣшеніе, колебаніе или вопросъ, въ которомъ скрывался полный отказъ.

Негодую на все это не потому, чтобы домогалась для сестры мѣста начальницы; помирюсь на всемъ, гдѣ опредѣлитъ ей быть Господь, лишь бы у насъ силъ хватило... Да, грустно видѣть, какъ задерживаются успѣхи нравственнаго и религіознаго просвѣщенія такими обидными, жалкими, ничтожными взглядами и предубѣжденіями... Что касается до меня, то мнѣ остаться въ Петербургѣ даже пріятнѣе: тутъ мои друзья, тутъ средоточіе просвѣщенія, тутъ итальянская опера съ чудными голосами Бозіо и Тамберлика [4].

Прости, Господи, мое осужденіе и недовольство!

Тяжелое время.—Портреты воспитанницъ М. Грязевой и Е. Сабуровой.

12 августа. Какое тяжелое для насъ время! До сихъ поръ ничего не знаемъ: отказъ или поступленіе,—быть или не быть? Хоть бы что-нибудь поскорѣе рѣшили, чтобы перестать томиться и чтобы снова приняться за свои обычныя занятія, а то все изъ рукъ валится: думаешь—«а вдругъ ѣхать!? Ѣхать за 6000 верстъ!... —Уфъ,—страшно!» Между тѣмъ и оставаться здѣсь больше не хочется; со всѣхъ сторонъ поздравленія, весь Смольный трубитъ...

Разсказываютъ, что Нута такъ понравилась Императрицѣ, что ее 4-го августа уже назначили. Бывшей начальницѣ Государыня, показывая на только что выходящую предъ нею изъ комнаты Ея Величества сестру, сказала: *«особа, которая вышла изъ моей комнаты.*

[4]) Бозіо (сопрано) и Тамберликъ (теноръ)—артисты въ эпоху расцвѣта въ С.-Петербургѣ итальянской оперы 50-хъ годовъ. Апогеемъ успѣха извѣстной въ Европѣ и Америкѣ Анджелины Бозіо была „Травіата". Имя Тамберлика постоянно красовалось на афишахъ вмѣстѣ съ Бозіо (1859 г.).

замѣнитъ васъ. Идите къ графинѣ Барановой и дайте ей свѣдѣнія объ институтѣ». А между тѣмъ отъ г. Гофмана до сихъ поръ ни слова; онъ хлопочетъ о какой-то protégée Е. И. В. Вел. Кн. Елены Павловны. И все это такъ неопредѣленно и тревожно... Я даже сна лишилась.

Господи, приди на помощь къ намъ! Пускай поскорѣе хоть что-нибудь рѣшится...

Я пишу, а передо мною стоятъ два портрета милыхъ дѣтей—моихъ воспитанницъ: Маши Грязевой и Кати Сабуровой [1]). Лѣто онѣ провели въ Петербургѣ и часто бывали въ Смольномъ. Я услаждалась и была въ высшей степени счастлива ихъ *привязанностью* и *любовію* ко мнѣ! Значитъ возможно быть счастливой и здѣсь... въ служебномъ холодномъ Петроградѣ... Благослови, Господи, обѣихъ этихъ сестеръ!

У Маши такое счастливое личико, у Кати же на карточкѣ черезчуръ суровое выраженіе, а между тѣмъ обыкновенно она одарена ласкающей улыбкой. Ничего нѣтъ общаго между ея портретомъ и ею, и онъ нисколько не напоминаетъ ея свѣтлаго и ласковаго личика...

Господи,—какъ тяжело...

Прощальный привѣтъ Смольному со станціи Любань.

31 августа. Станція Любань—вагонъ желѣзной дороги. Сегодня простились мы съ Петербургомъ, покинули друзей, воспитанницъ, Смольный, гдѣ провели лучшіе годы дѣтства; дорогой сердцу Смольный, гдѣ вторично, на закатѣ молодо-

[1]) Маша Грязева—М. Павловна (рожд. Сабурова); Екатерина Павловна—ея родная сестра (по мужу Купріянова, нынѣ монахиня),—обѣ восп. Имп. в. об. бл. дѣвицъ выпус. 1854 г. (См. 1861 г. 23 апр. пр. 9).

сти, да и большую часть зрѣлыхъ годовъ прожили для своей пользы, для пользы молодого поколѣнія, гдѣ пережили много, много... свѣтлыхъ минутъ...

Теперь мы все покинули и ѣдемъ въ далекій Иркутскъ. .

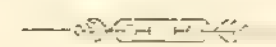
Сестра назначена начальницею 14 августа.

20 августа Императрица Александра Θеодоровна вызвала Нуту въ Петергофъ, чтобъ дать ей *Свое благословеніе*. Вдовствующая Императрица снова приняла Нуту очень милостиво, поздравила съ назначеніемъ и, высказавъ пожеланія, трижды осѣнила Нуту большимъ крестомъ на предстоящій трудный путь. Съ такимъ благословеніемъ и куда угодно ѣхать не страшно!...

Чудная графиня Ю. Θ. Баранова обняла сестру очень нѣжно, и въ Петергофѣ всѣ твердятъ, что она горой стоитъ за насъ обѣихъ. Благослови ее, Боже, а также всѣхъ друзей нашихъ и недруговъ!... Въ послѣднее время мы видимъ такъ много ласки, такъ много привѣта, участія со всѣхъ сторонъ: дѣти плакали навзрыдъ, разставаясь съ нами, дамы, дѣвушки—всѣ выказывали самое искреннее къ намъ участіе.

Благослови, Боже, ихъ всѣхъ, мой милый Смольный, моихъ дѣтей и всѣхъ, искренно и лицемѣрно намъ сочувствующихъ! Благослови, Боже, Петербургъ, гдѣ я видѣла много, много самаго лучшаго въ моей жизни.

Простите, милые друзья, прощайте дѣти!—Богъ знаетъ, когда и гдѣ мы увидимся и увидимся ли на землѣ?...

Замѣтки карандашомъ по дорогѣ въ Иркутскъ. — Желаніе ѣхать въ Сибирь. — Москва. — Отъ Москвы до Перми.— Екатеринбургъ. — Попутчики. — Нищіе. — Ссыльный полякъ. — Городъ Малмыжъ. — Ссыльный князь.—Дороги.—Уральскія горы.

20 сентября. Вотъ забрались мы куда изъ смиренныхъ стѣнъ Смольнаго!

Все случилось, какъ по мановенію волшебнаго жезла.— Пожелали и—сдѣлалось!

Года три тому назадъ, читая описанія сѣверной Россіи, я ознакомилась какъ съ богатствомъ, такъ и съ бѣдностью природы Сѣвера, и не разъ возмущалась безпомощностью и неразвитостью [1]) его жителей. Еще тогда впервые зародилась у меня мысль, въ случаѣ какихъ-либо осложненій или непріятностей, отправиться въ Сибирь, чтобы при помощи Божьей постараться тамъ о распространеніи грамотности, образованія и улучшеніи быта тамошнихъ бѣдныхъ людей. Съ тѣхъ поръ эти мысли все болѣе и болѣе стали занимать меня. Я всячески старалась познакомиться съ краемъ: разспрашивала о немъ, много читала по этому предмету и, по мѣрѣ накопленія свѣдѣній, желаніе мое отправиться туда становилось все тверже и сильнѣе.

Но, какъ разстаться съ Нутой? Иногда я даже подбивала ее, послѣ пятнадцати лѣтъ службы, отправиться вмѣстѣ со мною въ одинъ изъ захолустныхъ городковъ нашего Сѣвера съ тѣмъ, чтобы основать тамъ училище. И чудно Господь приводитъ мечты въ исполненіе!

Въ началѣ 1850-хъ годовъ мы имѣли такъ много непріятностей, что окончательно рѣшили покинуть Смольный. Нута отправилась къ графинѣ Барановой освѣдомиться о мѣстахъ начальницъ въ институтахъ на случай, если бы они освободились—и что же? Какъ я желала, все такъ и случилось.

И вотъ мы вдвоемъ пустились въ дальній, невѣдомый край. Съ нами ѣдетъ одна лишь «Поля», казенная дѣвушка изъ Смольнаго [2]).

---

[1]) Такъ думала Варвара Петровна, читая неправдивыя описанія Сибири, болѣе же близкое ея знакомство съ Сибирью измѣнило этотъ взглядъ; она средній уровень развитія и грамотности Иркутской губ. ставила много выше просвѣщенія центральныхъ губерній Россіи. (См. зап. ч. 1-я 1854 г. 16 авг.).

[2]) „Полинька"—питомица Императорскаго воспит. дома, институтская горничная, очень привязавшаяся къ Варварѣ Петровнѣ и добровольно пожелавшая ѣхать въ Сибирь, гдѣ вышла замужъ.

Грустно было мнѣ разставаться съ Петербургомъ, хотя я сама по временамъ желала покинуть его. Съ именемъ Петербурга связано такъ много воспоминаній: тамъ пережито дурное, но и много, много хорошаго... Охъ, какъ много хорошаго!.. Въ немъ первый и послѣдній разъ я любила... въ немъ мы оставляемъ столько друзей и знакомыхъ!..

Я плакала, какъ дитя, прощаясь съ воспитанницами, прощаясь съ друзьями; многіе изъ нихъ пріѣхали на желѣзную дорогу, чтобы проводить насъ. Войдя въ вагонъ, я долго и горько рыдала, но, къ счастью, пришелъ нашъ знакомый, за нимъ собрались и другіе, заговорили, закаламбурили, и я, незамѣтно для себя, развлеклась и перестала плакать. Славное это дѣло—желѣзная дорога!—Въ 20 часовъ пролетаешь около 600 верстъ! Соберутся въ вагонъ люди со всѣхъ концовъ вселенной, всѣ незнакомые, а разговорятся—зашутятъ, смѣются, какъ-будто весь вѣкъ жили вмѣстѣ,—не видишь и времени, и разойдутся снова, чтобы, быть можетъ, никогда въ жизни не встрѣтиться!

Въ Москвѣ насъ ожидалъ братъ [3]); онъ забралъ всѣ наши пожитки и уложивъ на извозчика, перевезъ въ гостинницу «Лабади»,—одну изъ самыхъ лучшихъ, а потому, разумѣется, и самыхъ дорогихъ. Здѣсь прожили мы четыре дня, занимаясь до одурѣнія укладкой и переукладкой вещей въ другіе чемоданы, потому что приготовленная для насъ однимъ изъ нашихъ знакомыхъ карета оказалась непригодною для длиннаго пути и намъ пришлось пріобрѣсти дорожный тарантасъ.

Денегъ вышло у насъ бездна; онѣ льются, какъ вода. Хочу записывать расходы и бросаю, потому что рѣшительно не хватаетъ терпѣнья!

До Перми намъ было не скучно: везли насъ прекрасно.

[3]) Александръ Петровичъ (см. ч. I, стр.: 50. 65. 88, 105, 106. 107, 108. 109. 118. 124. 128. 305, 413).

Чувствуется какое-то упоеніе въ скорой ѣздѣ: какъ будто легче на душѣ становится, будто безпрепятственно несешься къ желанной цѣли. Одинъ возница, татаринъ, дорогою такъ дивно пѣлъ и свисталъ, что, право, никакому итальянцу такихъ разудалыхъ привольныхъ изгибовъ не выдѣлать,—заливался настоящимъ соловьемъ — прелесть!—А колокольчикъ, а свобода—«волшебная свобода»...

Когда выѣхали мы изъ Москвы и въ первый разъ тронулись кони подъ бойкій и размашистый крикъ ямщика да серебристый звонъ колокольчиковъ, я перекрестилась и вся поддалась очарованью русской «родной ѣзды».

Кромѣ нѣкоторыхъ приключеній, до самой Перми было превесело ѣхать. Съ Перми начались наши злополучія: послѣ сильныхъ дождей дорога осталась неисправленной; грязь сдѣлалась невообразимой, всюду ямы, полныя воды, ухабы, глубокія колеи. Насъ страшно расколотило, и мы должны были остаться въ Екатеринбургѣ на нѣсколько времени, пока дорога не просохнетъ или не приведутъ ее въ исправность. Нашъ тарантасъ тоже сильно пострадалъ; несмотря на чинку его въ Перми, скоро пришлось отдать его снова кузнецу; къ тому же намъ добрые люди посовѣтовали устроить въ немъ желѣзную стѣнку во избѣжаніе «вырѣзныхъ» покражъ. А между тѣмъ мы боимся долго оставаться здѣсь: у насъ можетъ не хватить денегъ.

Пока сидимъ мы въ гостинницѣ въ Екатеринбургѣ и принимаемъ у себя то купцовъ[4]), то бѣднаго почтмейстера — все это наши будущіе попутчики въ Сибирь, которыми

[4]) Изъ попутчиковъ особенно симпатиченъ Варварѣ Петровнѣ былъ томскій купецъ О. С. Хромовъ съ женою Нат. Андреевною и дочерью Анною, оказывавшій Аннѣ и Варв. Петр. въ дорогѣ много вниманія и услугъ, а въ Томскѣ и родственный пріютъ.

Въ Томскѣ же доставила имъ великое утѣшеніе пріятнѣйшая и неожиданная встрѣча со смолянкою вып. 1845 г.—Женей Качаловой, служившей тамъ въ купеческомъ семействѣ гувернанткою.

здѣсь принято дорожить, а намъ—женщинамъ это особенно необходимо...

Сидимъ и толкуемъ о предстоящей дорогѣ: ѣхать или ждать «у моря погоды». Извѣстія о дорогѣ получаются самыя неутѣшительныя. Сегодня пріѣхалъ изъ Сибири какой-то офицеръ и разсказалъ, что послѣднюю станцію (около 60 верстъ) онъ ѣхалъ съ 3-хъ часовъ вчерашняго вечера до 2-хъ часовъ сегодняшняго дня, ночевалъ въ открытомъ полѣ и нѣсколько разъ выпрокинулся изъ тарантаса.—Все это далеко неутѣшительно.

Но, Боже мой, какъ пріучаетъ къ терпѣнію всякое безвыходное положеніе! Сидишь и толкуешь и слушаешь чистѣйшій вздоръ. Сейчасъ вышелъ отъ насъ бѣдный почтмейстеръ, ожидающій дороги въ г. Енисейскъ,—предобрый человѣкъ, но безъ малѣйшаго образованія; не только говорить, онъ и сидѣть-то не умѣетъ, а только и твердитъ грубо и повелительно: «слышите, слышите», поднося при этомъ указательный палецъ къ вашему лицу. Ѣдетъ изъ Петербурга съ женою,—какою-то нѣмочкою изъ Гамбурга. Оба въ прежалкомъ положеніи—безъ средствъ, безъ знаній и сами не предвидятъ, какъ доберутся до мѣстъ назначенія.

А, право, стоило бы господъ, завѣдующихъ здѣшними дорогами, порядкомъ припугнуть: берутъ съ мужиковъ деньги на исправленіе дороги и деньги эти преспокойно кладутъ къ себѣ въ карманъ; щебенка, приготовленная для дороги, успѣла порости травою, дорога же все остается непролазною: колеса въ городѣ вязнутъ по ось!

Въ настоящее время въ передней толпятся какіе-то нищіе; гнусавятъ, поютъ непонятныя молитвы и громко читаютъ что-то въ родѣ ектеній, приговаривая: «голубчикъ ты мой сизый, дай Богъ тебѣ здоровья». За это имъ даютъ деньги; вѣроятно, они имѣютъ нѣчто общее съ нашими «богогаями», цыганами и шарманщиками. Мнѣ это очень

не нравится: какъ-то непріятно и больно слышать молитвы для вымоганія денегъ...

А нашъ спутникъ почтмейстеръ очень добрый человѣкъ: вызвался самъ купить мѣхъ для шубы нашей дѣвушки. сходилъ въ ряды [5]), принесъ, подговорилъ портниху. Купцы — попутчики тоже радѣютъ о насъ, сами предлагаютъ въ Томскѣ дать денегъ взаймы, если бы намъ не достало. Нѣтъ, свѣтъ еще не безъ добрыхъ людей,—кто-нибудь да найдется и поможетъ горю, а этимъ и горе не страшно.

Можетъ быть и погода разъяснится, и можно будетъ продолжать намъ путь...

Ахъ, скорѣй бы Иркутскъ! Весь день проходитъ въ разговорахъ. Боюсь, что подъ конецъ я сама стану говорить со всѣми прибаутками здѣшнихъ купцовъ и почтмейстеровъ,— ко мнѣ вѣдь это такъ все скоро прививается.—Первое время какая-нибудь странность поражаетъ меня, а потомъ я къ ней такъ привыкаю, что сама начну продѣлывать то же самое, что казалось въ другихъ смѣшнымъ.

Екатеринбурга мы покамѣстъ не видѣли. Говорятъ, хорошенькій городъ, гораздо лучше Перми. Гостиница очень порядочная: комнаты большія, чистыя, обѣдъ хорошій; впрочемъ, и во всѣхъ большихъ и малыхъ городахъ можно найти неприхотливый, но вкусный столъ. Пермь—самъ по себѣ грязненькій городъ, невзрачный, но и тамъ кормятъ недурно. Зато ужъ комнаты правдиво названныхъ *«вольныхъ почтъ»* наводятъ ужасъ на проѣзжающихъ: мебель невообразимой грязи и ветхости, стѣны... О, стѣны! Это предметъ страха. вѣроятно, для всѣхъ порядочныхъ постояльцевъ: кишатъ насѣкомыми, сплошь испачканы и исписаны всевозможными пошлостями; напримѣръ, предъ моимъ носомъ долго красовалось миленькое четверостишіе:

---

[5]) Торговые или толкучіе.

И я здѣсь былъ
И напивался,
Всегда канальей былъ,
И все канальею остался!

Страшный цинизмъ!..

Въ Перми же къ намъ явился ссыльный полякъ, лѣтъ 30-ти, недуренъ собою и просилъ дать что-нибудь для семейства. Шесть лѣтъ содержался онъ въ Каменецъ-Подольскомъ острогѣ будто бы за то, что у него нашли на пять рублей фальшивой монеты, которую, по его словамъ, ему «далъ на рынкѣ какой-то еврей!» Теперь его освободили отъ заточенія, но онъ лишенъ дворянства и приписанъ къ пермскому мѣщанству съ водвореніемъ на жительство въ Перми. Дали бѣднягѣ паспортъ съ красною печатью и надписали, что онъ содержался въ острогѣ за найденную у него монету. Его никто не беретъ въ услуженіе; ходитъ онъ по-міру и живетъ милостынею. Видъ его униженный, тоскливый, несчастный настолько, что навелъ тоску и на меня...

Боже мой! сколько страданій на землѣ!..

Пришлось намъ встрѣтиться и говорить еще съ другимъ ссыльнымъ. На рубежѣ Казанской и Вятской губерній есть бѣдный городокъ Малмыжъ [6]). Въѣхали въ него мы вечеромъ; темно, грязно, станція тоже одна изъ самыхъ жалкихъ: ни двери, ни окна не запираются. Въ передней какіе-то отрепанные и въ грязи люди играли въ карты; самоваръ подалъ намъ татаринъ; не было видно ни одной женской фигуры. Тутъ же, къ довершенію картины, явился какой-то приземистый, съ недурными манерами, господинъ, по лицу котораго было видно, что оно испытало все на свѣтѣ; онъ, обратясь къ намъ, сказалъ: «я ссыльный, сдѣ-

[6]) Уѣздн. гор. Вятской губ., въ 138 верстахъ отъ губернскаго.

лайте одолженіе, помогите чѣмъ-нибудь».—Сестра заговорила съ нимъ, но я, напуганная предварительно всею подозрительною обстановкою, забилась въ другую комнату и со страхомъ слушала ихъ разговоръ, въ которомъ, впрочемъ, не нашла ничего страшнаго.

На вопросъ, кто онъ, ссыльный развязно отвѣтилъ, какъ затверженный урокъ: «князь Енг—въ, сосланный за обольщеніе оперной пѣвицы Степановой [7]), какъ сказано въ моихъ бумагахъ, и уже 18 лѣтъ нахожусь въ Вятской губерніи безъ службы и безъ всякаго занятія, подъ надзоромъ полиціи; каждую недѣлю два раза пріѣзжаетъ городничій разузнавать, что я дѣлаю. Прежде говорилъ я по-французски, по-нѣмецки, по-англійски, но теперь все забылъ». Въ доказательство полученнаго образованія онъ пытался заговорить на французскомъ языкѣ, но то были дикіе звуки, въ которыхъ не было почти ничего французскаго.

— За что же вы наказаны такъ строго? — спросила я, заинтересовавшись его разговоромъ съ сестрою.

— Тутъ болѣе меня виновны Дуп.... и еще одно значительное лицо, потому меня безъ суда отправили въ Вятку подъ строгій надзоръ съ запрещеніемъ принимать куда-нибудь на службу. Шестнадцать лѣтъ назадъ я женился; у меня теперь сынъ 13-ти лѣтъ, учится въ Вятской гимназіи, дочь 12-ти лѣтъ и еще двое маленькихъ дѣтей; живу въ домѣ напротивъ этой станціи и молю помощи проѣзжающихъ. Иногда кое-что пописываю. Салтыковъ, [8]) издававшій «Губернскіе очерки», много заимствовалъ изъ моихъ сообщеній. «Фейеръ»—весь мой, мнѣ обѣщались заплатить за него, но обманули.—Въ такомъ родѣ онъ проговорилъ съ $^3/_4$ часа о разныхъ предметахъ и

---

[7]) Вѣрнѣе, не за похищеніе-ли драгоцѣнностей у арт. Имп. театр. Степановой (пѣвицы)? (См. судеб. хр. за 1840 годъ).

[8]) Салтыковъ (Щедринъ), Михаилъ Евграф. († апр. 1889 г.),—женатъ былъ на дочери смолянки Юшковой вып. 1836 г., подруги Варвары Петровны.

когда договорился до слезъ, то, получивъ желаемое, поклонился и исчезъ.

Мы принялись за чай, за это великое утѣшеніе страждущихъ въ дорогахъ, и вскорѣ всѣ улеглись, но я долго не могла заснуть. Луна свѣтила въ окна, и блѣдные ея лучи освѣщали убогій городокъ... Сердце мое ныло,—мнѣ было грустно...

Когда-то, можетъ быть, блестящій, а теперь доведенный до жалкаго состоянія, князь Енг—въ не выходилъ у меня изъ головы... Нѣтъ исхода ему бѣднягѣ, никто не замолвитъ о немъ сильнымъ; почему ни одинъ милостивый манифестъ не смягчилъ его участи?... Самъ-же онъ жаждетъ свободы. А что ждетъ его въ будущемъ?... Можетъ быть, смерть въ Малмыжѣ въ отрадной надеждѣ и ожиданіяхъ послужитъ ему развязкою, а, вѣрнѣе, онъ такъ огрубѣетъ, такъ низко падетъ, что «очутившись въ Питерѣ», будетъ тосковать о дикомъ Малмыжѣ.

Какая жалкая должна быть жизнь въ этомъ городишкѣ, а этому несчастному ссыльному князю — въ особенности!..

По Вятской губерніи ѣхали мы хорошо: дороги мощеныя, нигдѣ ни ямъ, ни вырѣзовъ. Но лѣса, непроходимые, дремучіе лѣса тянутся по обѣимъ сторонамъ дороги на необъятномъ пространствѣ и грустно настраиваютъ путниковъ. Напрасно взоръ ищетъ поля, пашни — ничего подобнаго, кромѣ сплошного, насупленнаго, дремучаго лѣса. Погребальныя ели, громадныя сосны такъ и лѣзутъ на дорогу, а изъ чащи лѣсной, особенно ночью, мерещатся кистень да ружья бродяжекъ, и часто приходятъ мнѣ на память стихи Пушкина:

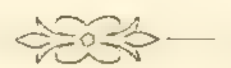
«Въ товарищи мы взяли
Булатный ножъ да темну ночь»... [1])

---

[1]) „Братья-разбойники“.

Селенія встрѣчаются не часто, но все чистенькія, веселенькія. Смотрителя вездѣ были съ нами очень вѣжливы: впрочемъ, конечно, много спасала наша подорожная, данная сестрѣ по указу Его Величества, да открытое предписаніе г. Главноначальствующаго надъ всѣми полицеймейстерами и смотрителями [10]), чтобы не только не было нигдѣ задержки, но чтобы они *«всѣми силами»* содѣйствовали благополучному и скорому нашему прибытію къ мѣсту назначенія. Если бы не страшная дорога, да непогода, да не смотрителя—«ангелы», весело было бы катиться по безпредѣльному царству Россійскому... Виды мѣстами въ Нижегородской, Вятской и Казанской губерніяхъ очаровательны; отъ многихъ мѣстностей не оторвалъ бы глазъ,—столь онѣ живописны: по скатамъ горъ стелются длинныя пашни, лѣпятся деревни, всѣ въ зелени, рѣкамъ и ручьямъ счету нѣтъ. Дороги обставлены липами и березнякомъ,—ѣдешь, какъ будто-бы по саду. Лѣтомъ и весною должно быть очень пріятно и весело мчаться по гладкому, мягкому пути; жаль, что на нашу долю выпало самое ненастное время... Дожди, по разсказамъ здѣшнихъ, не перестаютъ лить уже съ Петрова дня. Ясная погода—рѣдкость,—какъ же не быть распутицѣ?..

Когда я въ первый разъ увидѣла Уральскія горы, мнѣ сдѣлалось какъ-то неловко: какъ будто страхъ напалъ, какъ будто-бы горы сжали мой кругозоръ, ограничили свободу глаза, и самой мнѣ какъ будто мѣста стало мало: являлось желаніе раздвинуть ихъ. Но верстъ черезъ тридцать я наконецъ привыкла къ горамъ и даже съ удовольствіемъ гляжу на нихъ, сознавая себя малою песчинкою въ этой величественной цѣпи гигантовъ съ несмѣтными богатствами, подаренными Россіи щедростію Создателя...

[10]) Графа Ланского, выданное по ходатайству г. начальницы Им. восп. об. бл. дѣв. Маріи Павл. Леонтьевой (см. ч. 1 стр. 112 и ея портреты).

Тугумская станція [1]).—Первое впечатлѣніе отъ Сибирскихъ дорогъ.

26 Сентября. Вотъ мы и въ Сибири! Семнадцать верстъ уже проѣхали страною и дорогою съ «сибирскими ухабами»...

Господи, чего мы не натерпѣлись за это время! Неужели и до Иркутска будетъ такъ!?..

Везли насъ въ 13 лошадей и шагомъ! Ежеминутно мы ждали, что опрокинемся съ полною поломкою тарантаса. Его трясло, подбрасывало, валило съ бока на бокъ, сбрасывало въ ямы полныя воды, поддавало по кочкамъ и онъ издавалъ самые жалкіе стоны. Страшно и вспомнить эту дорогу! Какой дикій край, въ какомъ еще младенчествѣ эта дальняя Россія: дорогъ не исправляютъ, жители этихъ мѣстъ купаются въ грязи, какъ животныя; правосудіе отсутствуетъ въ этихъ уголкахъ. Земскіе только собираютъ да вымогаютъ дань для поправки дорогъ, но этимъ все и кончается... Или созовутъ сотни крестьянъ и скажутъ: «ну, ребята, дайте столько-то съ человѣка, я сейчасъ васъ распущу», а дороги остаются въ прежнемъ видѣ въ муку проѣзжающимъ и мѣстнымъ жителямъ. Больно до боковъ и спины даже дотронуться,—всю разломило. Такое отношеніе сибирскихъ властей—прямо непростительно.

Господи, помоги намъ доѣхать благополучно!..

Первая остановка въ „Сибирскомъ" городѣ.

27 Сентября. Тюмень. Грязно, грязно и грязно!—По улицамъ ходятъ коровы, лошади, свиньи; ѣздятъ преимущественно однѣ бабы, при томъ и верхами, какъ мужчины; ходятъ

[1]) Въ 54-хъ верстахъ отъ уѣзднаго г. Тюмени.

въ ободранной одеждѣ мужики; хлѣбъ плохой, пища тоже, помѣщеній хорошихъ нѣтъ, станція отвратительна, словомъ — все нехорошо.

Неужели вся Сибирь такъ-же дурна?.. Грязь смѣшана со снѣгомъ, солнце закуталось въ снѣжныя облака; дорога лежитъ по необозримымъ равнинамъ, лѣса не видно нигдѣ... Ѣдешь и все просишь: милое солнышко, выглянь, согрѣй насъ и просуши нашу тяжелую, грязную дорогу, развесели мрачную картину, освѣти ее своими ясными лучами: полно спать, загляни сюда и потѣшь бѣдныхъ, угрюмыхъ здѣшнихъ людей!

Часто во время опасности мы прибѣгали къ помощи Божьей и молились: «Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!..» Ѣдемъ, не зная, что насъ ожидаетъ впереди, гдѣ мы остановимся и гдѣ будемъ ждать зимняго, лучшаго пути... Да, отъ Перми до Иркутска путь не изъ легкихъ и особенно въ такое время!..

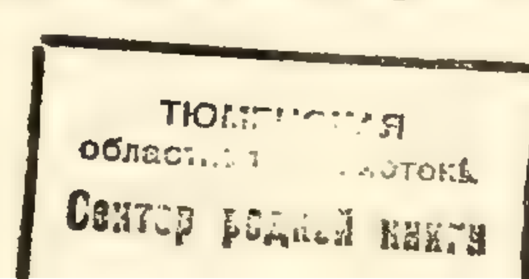
Иртышъ. —Ссыльные.

30 сентября. Сегодня при восходѣ солнца переправились черезъ поэтическій Иртышъ.

Что за чудная рѣка! Широкая, быстрая, въ крутыхъ берегахъ — прелесть!.. прелесть!.. Но берега пустынны, дики и кое-гдѣ тянутся грязныя, приземистыя избушки русскихъ поселенцевъ. Мнѣ тутъ припомнились когда-то давно, еще въ Саратовѣ, пѣтые мною стихи:

«Шуми Иртышъ, струитесь воды!»

Они сложены были какимъ-то несчастнымъ изгнанникомъ, влачившимъ жалкую жизнь на этихъ берегахъ. Въ молодости

распѣвая ихъ, я и не мечтала, что когда-нибудь увижу сама тѣ «струи», про которыя пѣла, и даже поплыву по широкому Иртышу...

О, сколь многое совершается въ жизни такого, о чемъ раньше не думаешь, не гадаешь!..

По Иртышу край обиленъ: виднѣется черноземъ, хлѣбъ родится, какъ разсказываютъ обыватели, безъ большого ухода за полемъ; дичи, скота всякаго, рыбы всего много. Населить бы Сибирь, да заняться бы образованіемъ переселенцевъ—что за благословенный былъ бы край тогда! Какая сила была бы для Россіи! Мужики здѣсь свободно располагаютъ землею: сѣютъ и косятъ гдѣ и сколько хотятъ. Жаль, что пьютъ много, да грязь у нихъ вездѣ ужасная. Рада, рада бываешь, когда найдешь для ночлега чистую комнату, а то вездѣ: тараканы, клопы, нечистота; дѣти, бабы—все страшно грязно, нѣкоторыя отъ грязи въ ужасной золотухѣ. Даже противно видѣть... Не могу понять простого русскаго народа: все какъ-нибудь, да что-нибудь, безъ всякаго желанія научиться, улучшить, облагородить свой бытъ; какъ жили 200 лѣтъ тому назадъ, такъ живутъ и теперь... Да, имъ необходимо хоть нѣкоторое образованіе.

Вчера шли мы съ Нутой по пустынной, степной дорогѣ. Солнце ярко закатывалось и освѣщало самую унылую картину: степь необозримая, степь голая, ни кустика, ни пригорка. По дорогѣ шелъ обозъ; вдали виднѣлась жалкая деревушка. Ничто не радовало взора—все тихо, пустынно, мертво.

Думаю, въ какое отчаяніе долженъ повергать подобный безотрадный видъ бѣдныхъ сосланныхъ?.. Они не выходятъ у меня изъ головы. Сколько страданій идетъ и прошло этой дорогой! Сколько невинныхъ, быть можетъ, тащится здѣсь въ кандалахъ! Сколькимъ изъ нихъ не дождаться свободы и возвращенія на милую родину!..

Здѣсь въ Сибири и служатъ-то все ссыльные и даже изъ каторжныхъ. Въ Омскѣ, начиная съ содержателя гостиницы до послѣдняго дворника—все сосланные. Сначала мнѣ отъ одного названія «каторжный» становилось жутко. «Сосланные» казались страшными, подозрительными и весьма опасными, но потомъ мало-по-малу привыкаешь къ нимъ и къ тому, что кругомъ себя видишь ихъ. Странно только и обидно, что почти всѣ они говорятъ, будто бы попали сюда по наговору или несправедливо.

Красноярскъ.—Переправа.

15 октября. Опять остановка! Доѣхали до Красноярска и снова надо чинить экипажъ, снова терять цѣлый день, а тутъ, на бѣду, и Енисей разыгрался. Переправляться можно будетъ только, когда стихнетъ вѣтеръ. Какъ-то Господь пронесетъ насъ черезъ эту бурную рѣку.

То же самое случилось съ нами и передъ Обью. Подъѣхавъ къ рѣкѣ, мы должны были отложить всякую надежду ѣхать дальше. Волны поднимались на страшную высоту и съ ревомъ разбивались у берега. Къ счастью, по прошествіи семи часовъ, вѣтеръ утихъ, волненіе успокоилось и мы могли оставить грязную избушку, служившую намъ пріютомъ и безопасно доплыть до другого берега. Во время переправы я долго любовалась красивымъ противоположнымъ берегомъ, поросшимъ густымъ, высокимъ лѣсомъ, наслаждаясь звуками родной, русской пѣсни, которую грянули хоромъ наши перевозчики, какъ только мы вошли на паромъ

Раздаешься ты, пѣсня удàлая, не отъ одного лишь края рѣки до другого: слышатъ тебя отъ Невы до Амура [1]).

— О, какъ далеко, далеко раскинулось ты, царство Россійское! Да, велика, хороша и богата земля твоя, но какъ въ ней еще все дремлетъ: при такихъ громадныхъ богатствахъ природы все необходимое здѣсь для жизни ужасно дорого. Теперь здѣсь царствуетъ «золотая горячка»: купцы разрабатываютъ золотые пріиски и всѣ мужики-землепашцы бросаютъ свои поля, чтобы работать на пріискахъ, соблазняясь большими задатками, которые частью пропиваются на мѣстѣ полученія, частью, въ видѣ штрафа, остаются въ карманахъ тѣхъ же хозяевъ... А жизненные, необходимые припасы все дороже и дороже, а мужикъ все бѣднѣе и бѣднѣе...

Станція Кирзакъ.—„Сибирская" дорога.—Переправа черезъ Енисей.—Дорога по Енисейской губерніи.—Почтальоны.— О Липиныхъ.

21 октября. 9 часовъ вечера. Все спитъ кругомъ; однѣ лишь звѣзды ярко горятъ на небѣ и озаряютъ своимъ свѣтомъ этотъ убогій, дикій, унылый, пустынный и кажется всѣмъ міромъ забытый поселокъ.

Дологъ путь нашъ и полонъ всякихъ затрудненій и опасностей. Бурныя рѣки, крутые подъемы, горные спуски и дремучіе лѣса—вотъ чрезъ что приходится слѣдовать намъ. Грязь, кочки, выбоины, ямы, косогоры—на каждомъ шагу. Холодъ, дождь, слякоть—наши почти постоянные спутники. Все мы переиспытали и все перенесли; а сегодня, къ довершенію благополучія, встрѣтили двухъ волковъ, которыхъ, по слухамъ, здѣсь множество.

Страшно въ Сибири...

А сколько тутъ бѣглыхъ каторжниковъ! Но мѣстные жи-

[1]) „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ".

тели обходятся съ ними очень милостиво и даже выставляютъ на ночь пищу на заваленкахъ, чтобъ утолить голодъ *несчастненькаго* (какъ они называютъ бѣглаго) и «не погубить души человѣческой».—Сколько милосердія и незлобія въ сердцѣ русскаго!..

Одно упованіе на Господа подкрѣпляетъ насъ среди здѣшнихъ опасностей. Я твердо вѣрую въ Его святую помощь и защиту. Ужъ сколько разъ мы могли свернуть себѣ голову, начиная съ Нижнеудинскихъ горъ, на которыя мы взбирались по головокружительнымъ косогорамъ, по краю страшныхъ овраговъ! «Хранитъ Господь всѣ кости вѣрующихъ, и не едина изъ нихъ не сокрушится!» [1]).

Безпокоитъ меня только Нута. Эта долгая и трудная поѣздка ее въ конецъ измучила. Она теряетъ всякое терпѣніе; да кромѣ того, страшно боится въ лѣтнемъ экипажѣ подъемовъ и спусковъ по снѣжной, скользкой дорогѣ. Я страдаю за нее, а потому хотѣлось бы скорѣе добраться до Иркутска; но больше шестидесяти верстъ въ день проѣхать немыслимо: рано темнѣетъ, поздно разсвѣтаетъ, ночью же ѣхать слишкомъ рискованно, особенно гористыми мѣстами. Вотъ почему, хоть и близокъ Иркутскъ—всего въ 400 верстахъ, а еще долго намъ до него не доѣхать... Съ Красноярска намъ особенно тяжело.

Ужасная была переправа чрезъ Енисей. Подъѣзжая къ нему, видимъ оба берега покрытыми льдомъ, а средина рѣки чиста [2]). Казенный паромъ отказался перевозить насъ, потому что нельзя пристать къ берегамъ. Взяли вольный — безъ перилъ; на немъ нѣтъ ни распорядителей, ни старшины, ни крѣпкихъ веревокъ. Перевозчики пьяны, а почтальонъ, нашъ провожатый, ничего не смыслитъ; шумъ, брань, неурядица. Погода адская: сильный вѣтеръ и холодъ; ледъ напираетъ со всѣхъ сторонъ. Часа полтора мы мучились, пока не добрались до

[1]) Псал. 33, 21.

[2]) По мѣстному выраженію это „забереги“.

плотнаго льда, по которому поѣхали въ тарантасѣ. Тутъ новое препятствіе: берега такъ отвѣсны и круты, что образуютъ настоящую стѣну, только въ одномъ мѣстѣ можно было кое-какъ вскарабкаться на гору. Разумѣется, это путешествіе по крутизнамъ и переправа то на паромѣ, то на колесахъ, отняли у насъ не мало времени и въ конецъ измучили насъ, бѣдныхъ путешественницъ.

Зато мы почувствовали себя на верху блаженства, когда покатили по ровной, прекрасной дорогѣ, которою славится вся Енисейская губернія, благодаря заботамъ исправника Зыбина. Катили-бъ мы еще скорѣе, если бы не нашъ провожатый, мертвецки пьяный почтальонъ, котораго пришлось привязывать къ козламъ, чтобы онъ не вывалился изъ экипажа. На одной станціи, гдѣ мы немного заснули, онъ продержалъ насъ лишнихъ полсутокъ, загулявши на славу. Съ такимъ-то охранителемъ приходится ѣхать, и если бъ не купцы, слѣдовавшіе позади насъ, могло бъ случиться много непріятнаго: вещи, деньги, все цѣнное находится въ чемоданахъ, а что мы можемъ сдѣлать, если ямщику вздумается обокрасть насъ? На остановкахъ, если провожатый не слѣдитъ за экипажемъ и вещами, одной дѣвушкѣ трудно справиться съ нападающими на наши пожитки воришками, а въ этихъ глухихъ мѣстахъ только и жди этого. Конечно, стоило бы обратиться съ просьбою въ уѣздную почтовую контору, и намъ тотчасъ бы перемѣнили провожатаго; но жаль губить человѣка [3]) и лучше молча переносить эти путевыя невзгоды... Да и намъ ли отчаиваться въ защитѣ Господа... А какіе славные почтальоны попадались намъ раньше!.. Особенно отличался между ними Калашниковъ своими дѣльными распоряженіями, умомъ, трезвостью, а также необыкновенной вѣжливостью. Онъ стоялъ выше многихъ образованныхъ людей, которыхъ принимаютъ въ барскихъ гостиныхъ, сажаютъ рядомъ съ собою и назы-

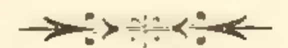
[3]) Каждому почтальону за его сопутствіе Анною Петровною выдавался аттестатъ.

ваютъ «порядочными», лишь въ силу ихъ происхожденія. Ему даже было какъ-то неловко выдавать деньги на обѣдъ. Съ послѣднимъ же нашимъ охранителемъ мы разстанемся съ большою радостію; дай только, Господи, окончить поскорѣе наше путешествіе и благополучно добраться до мѣста назначенія...

Что-то мы встрѣтимъ въ невѣдомомъ краю среди чуждыхъ намъ людей — вотъ мысль, завладѣвшая нами всецѣло... Ужъ тамъ не встрѣтить нашей милочки, Юліи Ивановны [1])...

Господи, благослови эту чудную женщину! Здѣсь, въ этихъ непривѣтливыхъ, пустынныхъ, необозримыхъ степяхъ и непроходимыхъ лѣсахъ съ какимъ благоговѣйнымъ чувствомъ вспоминается привѣтливое личико, ласковая рѣчь и радушный пріемъ нашей лучшей подруги! Вспоминаю, и молюсь, и призываю благословеніе Божіе на весь ея домъ! Какъ тяжела намъ разлука съ этимъ милымъ душевнымъ семействомъ!.. Милочка моя, что то ты дѣлаешь теперь?..

Пора и прилечь хоть на нѣсколько часовъ: завтра, далеко засвѣтло, надо встать, напиться чаю и снова взбираться на крутую гору. Не дай только, Господи, мороза, да еще снѣга, — тогда рѣшительно нельзя будетъ ѣхать на колесахъ. Гдѣ-то теперь снова согрѣемся?.. И доѣдемъ ли когда-нибудь до Иркутска?

Прибытіе въ Иркутскъ.—У мощей св. Иннокентія Иркутскаго.

25 октября. Вотъ и донесъ насъ Господь до Иркутска далекаго!

Сегодня, въ 8 часовъ утра, переправились мы черезъ

[1]) Ю. И. Липина, см. зап. ч. 1-я 1852 г. 14 сент., 1854 г. 16 авг. и 1855 г. 1 іюля.

быструю рѣку Ангару [1]) на вновь изобрѣтенномъ паромѣ Липгарда [2]). Глубокій снѣгъ, горы, волки, бѣглые каторжники — все осталось въ прошломъ, и никто и ничто не нанесло намъ вреда. Помощь Божія помогла совершить такое длинное путешествіе—проѣхать 6,000 верстъ невредимо, и вотъ я уже пишу эти строки въ комнатѣ г-жи Иркутской начальницы, т. е. сестры, которой уже былъ представленъ сегодня личный составъ института.

Выѣхали мы съ послѣдней станціи сегодня въ 5 часовъ утра. Черезъ полчаса загорѣлась на Востокѣ узенькая полоска и все ярче и шире раздвигалась она, освѣщая намъ путь на Иркутскъ. Молча мы ѣхали, и въ сердцѣ обѣихъ насъ теплилась горячая молитва: да просвѣтлѣетъ этотъ край свѣтомъ божественнаго ученія! Да поможетъ Господь сестрѣ образовать изъ воспитанницъ своихъ добрыхъ христіанокъ, которыя послужили бы разсадникомъ нравственнаго и умственнаго просвѣщенія этой далекой и необозримой русской окраины!

Здѣшній институтъ малочисленъ: всего 75 воспитанницъ. Всѣ онѣ размѣстились въ комнатахъ начальницы во время благодарственнаго молебна за наше благополучное прибытіе. Читалъ батюшка Евангеліе: «*просите и дастся вамъ*» [3])... Дай, Господи, потрудиться съ успѣхомъ на новомъ поприщѣ воспитанія во славу Твою!..

Не доѣзжая пяти верстъ до Иркутска, находится мужской монастырь, гдѣ покоятся мощи святителя Иркутскаго Иннокентія [4]). Мы съ Нуточкой прежде всего тамъ отслу-

---

[1]) Беретъ начало изъ о. Байкалъ и впадаетъ въ Енисей. Быстрая и грозная разливами рѣка (см. 31 дек. 1869 г.). У нея два притока—Иркутъ и Ушаковка.

[2]) Что извѣстенъ подъ именемъ „самолетъ"—плашкоутъ на канатахъ.

[3]) Ев. Матѳ. 7-я глав. и стихъ 7-й (зач. 20).

[4]) Святитель Иннокентій—первый Иркут. епископъ (въ мірѣ Кульчицкій). Въ 1718 г. кончилъ Московск. Академію. Въ 1721 г. посланъ епи-

жили молебенъ и, помолившись усердно втроемъ, приложились къ св. мощамъ и осмотрѣли старинную церковь, гдѣ служилъ святитель; видѣли его келію съ часовнею, гдѣ онъ молился, и пещеру преподобнаго Герасима, строителя этого монастыря.

Въ кельѣ, или лучше сказать въ часовнѣ Иннокентія меня поразила прекрасная живопись образовъ. Какъ попали они въ XVIII вѣкѣ въ Иркутскъ? Развѣ изъ «несчастныхъ» [5]) кто-нибудь завезъ ихъ сюда или писалъ, удалившись отъ міра? Образъ Воскресенія Іисуса Христа выполненъ восхитительно: живопись удивительно тонкая, а главное съ благоговѣніемъ вырисовано пречистое тѣло Спасителя: что-то въ немъ есть неземное.

Теперь Нута у Преосвященнаго Евсевія, Епископа Иркутскаго [6]), а я устала, не поѣхала къ нему, притомъ же пусть сначала познакомится съ нимъ Нута, а я потомъ, лучше поѣду ко всенощной поблагодарить еще Господа за наше благополучное прибытіе.

скопомъ въ Китай и съ того же года указомъ Императрицы Екатерины І-й оставленъ епископомъ Иркутскимъ. Преставился въ 1731 г. 26 ноября въ Вознесенскомъ мужскомъ монастырѣ на р. Ангарѣ. Св. Тѣло его обрѣтено въ 1766 году. Прославлено нетлѣніемъ и свыше ста бывшими отъ него чудесами въ 1804 году. (Истор. Россійской іерархіи час. 1-я гл. 11 стр. 201 и житіе святителя). Объ Иркутск. Вознесенскомъ монастырѣ, о его строителѣ, старцѣ Герасимѣ—см. исторія Россійск. іерарх. Архим. Амвросія ч. III-я стр. 578.

[5]) Т. е. ссыльныхъ.

[6]) Евсевій (Евфимій Политкарп. Орлинскій) еп. Иркутскій (р. 1808 † 83 г.) Духовный писатель и сердечный человѣкъ: его „утѣшеніе въ скорби и болѣзни" (1879 г.) выдержало четыре изданія. Прекрасны „бесѣды о христіанской свободѣ къ получившимъ свободу отъ крѣпостной зависимости" (изд. 1864 — 5 гг.) и многіе друг. труды. Былъ ректор. Москов. и Петерб. Академій, еп. Самарскимъ, архіеп. Иркутскимъ, Могилевскимъ и чл. св. Сѵнода.

Первыя впечатлѣнія на новомъ мѣстѣ.

26 октября. Слава Богу! наконецъ-то я уснула покойно въ чистой комнатѣ, на чистомъ бѣльѣ и постели. Сегодня проснулась въ 7 часовъ и солнышко прямо ударило мнѣ въ глаза, какъ бывало въ Смольномъ. Только нѣтъ Невы, моей поэтической Невы, отъ которой не хотѣлось временами глазъ отвести [1]).

Здѣсь передъ окнами тощія, захудалыя деревца въ загородкѣ и носятъ великолѣпное имя «сада». Улица какъ-то такъ странно проложена, что нужно изъ зданія Института смотрѣть вверхъ на проходящихъ [2]). Ну, да это все равно, лишь бы жилось здѣсь хорошо.

Мнѣ здѣсь что-то неловко чувствуется безъ должности. Проживъ 12 лѣтъ въ постоянномъ трудѣ, хлопотахъ и заботахъ о дѣтяхъ, мнѣ недостаетъ чего-то, какъ-будто я напрасно живу на свѣтѣ и даромъ тягощу землю. Отдохну немного послѣ тяжелаго и долгаго пути, уберусь, присмотрюсь, а тамъ, съ Божіею помощью, возьму какой-нибудь трудъ. Такъ жить невозможно. . . . .

. . . .

. . . .

Господи, благослови насъ обѣихъ!

Представленіе служащихъ въ институтѣ.—Петрашевскій.

27 октября. Вчера все еще продолжалось представленіе служащихъ въ институтѣ дамъ и мужчинъ.

---

[1]) См. зап. час. 1-я стран. 168, 169, 175, 180, 182, 184, 186, 192, 201, 379 и рисунокъ стр. 380—381.

[2]) У стараго зданія института была дамба очень капризной рѣки Ушаковки, и по пригорку вверхъ шла дорога. (См. 1859 г. 6 сентября, институтскій садъ)

Между посѣтителями явился и извѣстный Петрашевскій [1]), бывшій во главѣ заговорщиковъ въ 1849 году.

Грустное впечатлѣніе произвелъ онъ на меня. Мы его знали еще, когда онъ учился, въ его молодости, свободнымъ, веселымъ, беззаботнымъ; видѣли также за нѣсколько дней до ареста, когда онъ былъ тоже веселъ, подготовляясь къ исполненію безумнаго замысла, а теперь встрѣтили въ Иркутскѣ изгнанникомъ, лишеннымъ всѣхъ правъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Нерчинскомъ заводѣ. Онъ обрюзгъ ужасно: длинная черная борода, почти лысая голова, не полонъ, но что называется «trapu», все это придаетъ ему какой-то странный видъ. Въ молодости онъ былъ очень недуренъ, но теперь у него сдѣлалось какое-то простое лицо. Что значитъ несчастіе!..

Въ Петербургѣ намъ совѣтовали не принимать его; но какъ отказать человѣку, который ужъ десять лѣтъ страдаетъ за задуманное преступленіе. Онъ виноватъ — словъ нѣтъ, виноватъ страшно; но Господь прощаетъ грѣшниковъ, и нынѣшній добрѣйшій *Государь* [2]) позволилъ ему жить на свободѣ въ Иркутскѣ, а стало быть разрѣшено ему являться и въ обществѣ [3]). Какъ же отказать человѣку въ такомъ положеніи...

Когда доложили о немъ, Нута, напуганная въ Петербургѣ, сильно колебалась принять-ли его, или отказать, и лишь узнавши, что онъ принятъ здѣшнимъ губернаторомъ, и выслушавъ мое горячее поученіе о милосердіи къ заблудшему, приказала «просить».

[1]) Петрашевскій М. В. (см. зап. ч. 1-ая стр. 183), воспитанникъ лицея выпуска 40-хъ годовъ, служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ. За свое дерзкое и безумное увлеченіе въ 1849 г. сосланъ въ Сибирь. (См. Историческ. Вѣстн. за 1898 г. январь и февраль).

[2]) Имп. Александръ Николаевичъ (см. зап. ч. 1-я 1856 г. 30 октября).

[3]) Многіе въ Иркутскѣ его не принимали за несдержанность, дурныя манеры и озлобленную горячность при малѣйшемъ ему противорѣчіи.

Непріятное впечатлѣніе произвелъ онъ на меня: говорилъ о городскихъ сплетняхъ, о томъ, кого нужно здѣсь бояться и проч. и проч. тому подобное. Тонъ его рѣчи былъ тяжелый, самоувѣренный и озлобленный... Одно лишь мнѣ понравилось въ Петрашевскомъ: какъ только вошелъ онъ, первыми его словами были самые тщательные разспросы о матери, о сестрахъ; изъ нашихъ сообщеній о нихъ, казалось, онъ не проронилъ ни слова...

Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій.—Подарокъ Петрашевскаго.—Саратовская дама.—Вниманіе къ Нутѣ графа.

28 октября. Сегодня видѣли знаменитаго Николая Николаевича Муравьева, графа Амурскаго [1])—le comte d'amour. Онъ очень милъ въ обществѣ; держитъ себя просто, безъ чванства, безъ пошлаго покровительственнаго вида; говоритъ обо всемъ и охотнѣе всего о созданномъ имъ Амурскомъ краѣ.

---

[1]) Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій—знамен. русскій государств. дѣятель. Род. 11 Авг. 1809 г., воспит Пажескаго Е. И. В. корпуса,—выпущ. въ Финлян. полкъ. Участв. въ Тур. камп. 1828 г.: противъ поляковъ въ 1831 г. и противъ горцевъ. Чиновн. особ. порученій при ген. Головинѣ. Съ 1840—44 г. начальникъ части черноморской береговой линіи. Съ 1846 г. и. д. военнаго губернатора г. Тулы и Тульскаго гражд. губернатора. Особенно извѣстенъ тѣмъ, что въ числѣ первыхъ изъ губернаторовъ поднималъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, за что получилъ репутацію „либерала и демократа". Въ 1847 г. былъ назначенъ ген.-губернаторомъ Восточной Сибири—съ огромными полномочіями. Особенно прославился чрезъ возвращеніе Россіи земель по рѣкѣ Амуру, уступленныхъ Китаю въ 1689 г.,—за что получилъ титулъ „Графа Амурскаго". Далѣе Н. Н. пытается заселить пустынныя мѣста по рѣкѣ Амуру, -но неудачно. Въ 1861 г. Муравьевъ принужденъ былъ оставить должность ген.-губ., главнымъ образомъ, вслѣдствіе непринятія его проекта о раздѣленіи Восточной Сибири на

Генер.-Губернаторъ Восточн. Сибири, Графъ

Николай Николаевичъ МУРАВЬЕВЪ - АМУРСКІЙ.

Дѣйствительно,—честь ему и слава, что *безъ пролитія крови* завладѣлъ онъ мирно прекрасною страною, гдѣ

«На горахъ роскошно зрѣетъ
Янтарный виноградъ,
Златой лимонъ на солнцѣ рдѣетъ». [2])

На Амурѣ климатъ теплый, здоровый; есть цѣлебные ключи, сообщеніе съ Иркутскомъ скорое,—посредствомъ пароходовъ. Дай Богъ Муравьеву подолѣе жить и не уставать такъ же трудиться для блага нашего Отечества!

Сію минуту принесли отъ Петрашевскаго мнѣ цвѣты.— Приняла и велѣла благодарить.—Рѣшительно не знаю, какъ поступить по-другому?.. Отказать и не принять двухъ горшковъ цвѣтовъ—невозможно. Пусть здѣсь говорятъ, что хотятъ, но обидѣть человѣка въ его несчастіи невозможно,— слишкомъ жестоко...

Сейчасъ приходила къ намъ одна изъ многочисленныхъ здѣшнихъ непріятныхъ дамъ—зачѣмъ?—Я не знаю;—говоритъ, что напомнить о томъ, что 12 лѣтъ тому назадъ она два раза видѣла насъ въ Саратовѣ?—Гдѣ же намъ помнить всѣхъ, кто насъ видѣлъ въ Саратовѣ?!—Одно имя ея у насъ какъ-то уцѣлѣло въ памяти, остального ничего не осталось. Противъ обыкновенія—я приняла ее довольно сухо: покровительница ея здѣсь-же Р—ва пренепріятная особа... да и въ ней самой проглядываетъ какое-то *недоброжелательство*... Боюсь я такихъ людей,—онѣ кажутся мнѣ «соглядатаями» и предательницами...

два ген.-губернаторства (что было необходимо по времени и впослѣдствіи исполнено), и былъ назначенъ членомъ Государст. Совѣта. До своей смерти жилъ въ Парижѣ († 1881 г. 18 Нояб.), изрѣдка пріѣзжая въ Россію, чтобы принять участіе въ засѣданіяхъ Госуд. Совѣта. Похороненъ на Монмартрскомъ, въ Парижѣ, кладбищѣ. (Интересныя свѣдѣнія изъ его біографіи см. „Русская Старина» за 1881 г. и 1883 г. томы XI, VIII и XXL).

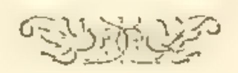
[2]) К. Н. Батюшковъ („Плѣнникъ“).

Сохрани, Боже, насъ и здѣсь отъ недобрыхъ людей!..

Муравьевъ былъ очень милъ: пріѣхалъ первый къ сестрѣ-начальницѣ, не дожидаясь ея визита. Здѣсь, и вообще во всей Сибири, съ одного конца до другого, онъ извѣстенъ подъ именемъ «Николая Николаевича», другой никто такъ здѣсь не называется, — также какъ въ Петербургѣ зовутъ только Вел. Князя.—Прощаясь съ нимъ, сестра сказала, что намѣрена была сама первая пріѣхать, на что онъ очень просто и любезно отвѣчалъ: «*пожалуйста, не безпокойтесь пріѣзжать съ визитомъ:* я васъ попрошу лучше откушать у меня хлѣба-соли»...

Съ Нутой всѣ очень предупредительны.

Благослови, Господи, ея труды для блага ближнихъ и помоги поставить себя и быть любимой, какъ и въ Смольномъ!—Опредѣлена Путочка сюда противъ желаній многихъ здѣшнихъ сильныхъ людей... [3])

Наши занятія.—Иркутское Общество.—Замужнія и дѣвицы.

8 ноября. До сихъ поръ мы только принимаемъ гостей, а сами сдѣлали визитовъ до 10-ти. Annette, разумѣется, работаетъ; но я рѣшительно ничего не дѣлаю; кромѣ нѣсколькихъ писемъ, отосланныхъ къ друзьямъ, въ Иркутскѣ мною еще ничего не сдѣлано. Мнѣ самой даже страненъ подобный родъ жизни: я теперь только понимаю, отчего свѣтскимъ людямъ вѣчно некогда... Охъ, ужъ эти пріемы и визиты!.. лучше бы васъ по обязанности никогда не знать...

Однако же пока еще я не чувствую отвращенія къ своей праздности, напротивъ, минутами она мнѣ очень пріятна. Вѣроятно, силы мои отъ постояннаго напряженія въ продол-

---

[3]) См. зап. ч. II-я 1858 г. 6 авг.

женіе 12 лѣтъ [1]) до того ослабли, что имъ нужно подновиться. Сама чувствую, что покой мнѣ необходимъ, но со временемъ, съ Божіей помощью, я снова примусь за трудъ; а теперь отъ сердца благодарю Господа за возможность отдыха,—только бы не разлѣниться до неспособности къ честному труду...

Познакомились мы, наконецъ, съ Иркутскимъ обществомъ. Дамы здѣсь, какъ и вездѣ: немного ума, немного сплетней, немного добраго сердца, немного, очень немного образованія и много, много пустоты... Въ обществѣ большею частію главное мѣсто занимаютъ молодыя дамы. Есть много и молоденькихъ дѣвицъ, но объ нихъ здѣсь мало говорятъ... Такъ какъ тутъ нѣтъ помѣщиковъ, то коренные жители—домовладѣльцы и хозяева, большею частью изъ купцовъ и мѣщанъ.

Между мужчинами много умныхъ, развитыхъ и видимо порядочныхъ людей, но жены ихъ—ниже всякой критики. Мнѣ кажется, что въ Смольномъ наши казенныя дѣвушки гораздо благовоспитаннѣе ихъ. Напримѣръ: здѣсь часто слышишь, какъ не только дамы, но за ними безнаказанно мужчины глумятся надъ дѣвушками, которыхъ все преступленіе состоитъ въ томъ, что онѣ не вышли замужъ за людей, которыхъ *уважать* онѣ не могли [2]). По моему мнѣнію это не только не есть преступленіе, но высоко-честный и благородный поступокъ, такъ какъ безъ уваженія не можетъ быть истинной и любви. И хотѣлось бы мнѣ знать, въ чемъ же онѣ находятъ достоинство замужней женщины?!. Дѣлаетъ ли ее замужество лучше, мягче, добрѣе? — Вглядитесь въ этихъ «свѣтскихъ» женщинъ: какъ онѣ злословятъ другъ друга, теряя женскую стыдливость; съ какою завистью смотрятъ на чужую красоту, на чужое превосходство!.. Взгля-

---

[1]) Т. е. за время службы классною дамою съ 1846—1858 г.

[2]) Слабость Варвары П.: страшно сердилась, когда слышала выраженіе „старая дѣва“ (см. зап. ч. I-я стр. 177 и др.), а въ Иркутскѣ при ней это неоднократно произносили.

ните, какъ мачихи угнетаютъ дѣтей своего мужа, какъ ненавидятъ ихъ!.. Такъ что же составляетъ преимущество замужней женщины? Въ чемъ оно,—скажите?—Въ производствѣ семейства и въ уродованіи своихъ дѣтей, пока имъ же не придетъ на помощь поносимая ими «дѣвушка» въ видѣ бонны, гувернантки и т. п. существа! Возьмите двухъ самыхъ добрыхъ женщинъ: одну замужнюю, а другую дѣвицу и скажите: кто изъ нихъ болѣе сдѣлаетъ добра? — Если вы безпристрастны, если вы судите по-христіански, то навѣрное согласитесь, что женщина, не имѣющая мужа и дѣтей, стало быть, не связанная семейными заботами и выгодами, легче и скорѣе отзывается на все доброе и часто съ самоотверженіемъ, непонятнымъ для замужней, распространяетъ благо на ближнихъ... [3]). Посмотрѣли бы на покойную А. Д. Слонецкую [4]), на Е. О. Крафтъ [5]), на сестеръ Обручевыхъ [6]) и на многихъ, многихъ другихъ «дѣвицъ», служащихъ въ Смольномъ. — Какъ онѣ отнимали у себя послѣднее, чтобы подѣлиться съ неимущими, какъ работали безъ устали и безъ ропота! Взгляните на... ну да впрочемъ ничто не цѣнится за то только, что мы скромны и «дѣвицы»...

[3]) Мать съ дѣтьми даже при вдовствѣ, можетъ благотворить ближнему болѣе дѣвицы. Есть прекрасныя и многочисленныя семьи, обязанныя исключительно матерямъ. См. Св. Іоанна Златоуста „бесѣда о вдовствѣ и милостынѣ". Его твор. т. III. издан. СПБ. Духов. Академіи 1897 г.

[4]) А. Д. Слонецкая, см. зап. ч. I-я, въ 1848 г. 24 іюня пр. 3.

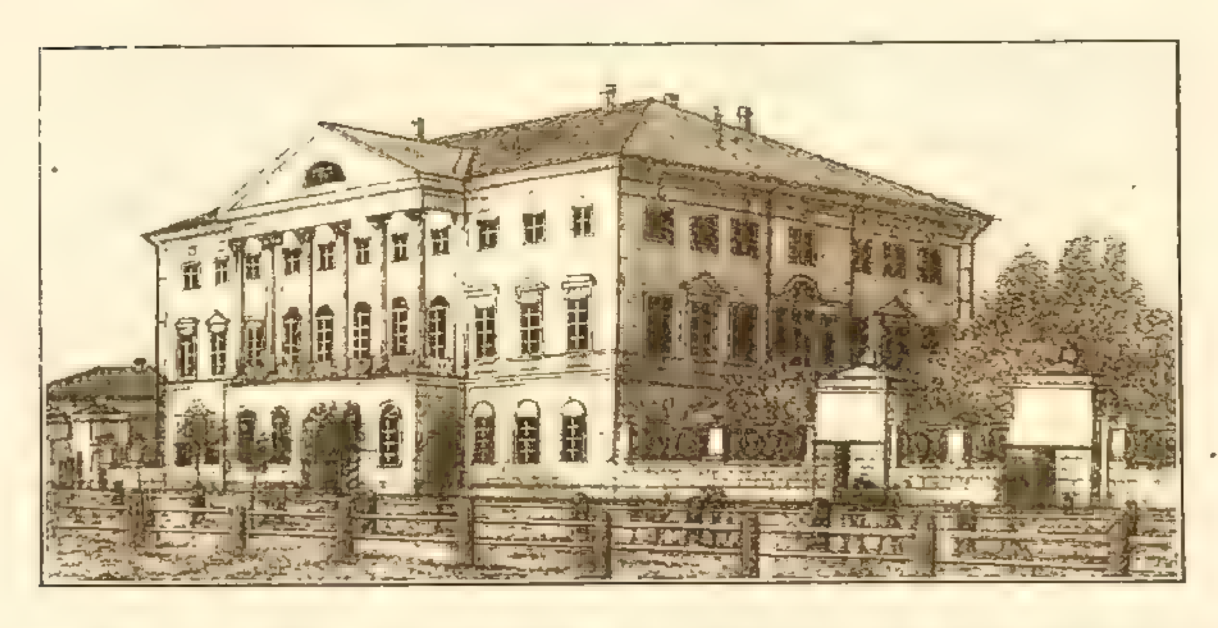
[5]) Е. О. Крафтъ, см. зап. ч. I-я 1856 г. 19 іюля пр. 6. По отзывамъ ея воспитанницъ—умная, честная, добрая и вѣрующая воспитательница.

[6]) Ек. Ник.—см. зап. ч. I-я, 1855 г. 9 іюня пр. I-е. Ольга, Елизавета и Марія Николаевны—(родн. сестры члена Госуд. Сов. Николая Николаевича Обручева), умныя и благовоспитанныя особы, воспитанницами и сослуживцами весьма уважаемыя.

Въ гостяхъ у графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго.—О взаимныхъ отношеніяхъ въ Иркутскомъ обществѣ.—Ссыльные.—Невѣріе и вѣра.

23 ноября. Въ воскресенье графъ пріѣзжалъ просить насъ къ себѣ на вечеръ, куда были приглашены очень немногіе. Здѣсь мы всюду могли бы быть на первомъ планѣ...

За ужинъ шли въ томъ же порядкѣ, какъ и къ обѣду:

Домъ генералъ-губернатора въ Иркутскѣ (гдѣ жилъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій).

Нута съ графомъ въ первой парѣ. Всѣ были вѣжливы и къ намъ внимательны, но все это такъ шатко и невѣрно... Стоитъ графу къ вамъ немного измѣниться и все общество отъ васъ отвернется. Здѣсь точно при западно-европейскихъ дворахъ временъ Людовиковъ: также окружаютъ главныхъ лицъ лестію и также боятся вымолвить лишнее слово, чтобы не дошло «до кого не слѣдуетъ». Въ Петербургѣ не стѣсняясь говорятъ о государственныхъ вопросахъ и дѣятеляхъ, а здѣсь нельзя свободно высказывать свое мнѣніе не только о графѣ Амурскомъ, но даже о судьѣ, объ исправникѣ и о многихъ, многихъ второстепенныхъ лицахъ. Есть здѣсь, на-

примѣръ, г. Р—а, рожденная княжна Е. П. Г., которую всѣ боятся, а потому ѣздятъ къ ней на поклонъ «*страха ради*», чтобы она не сказала про кого изъ нихъ худо.

У Р—й мы въ воскресенье обѣдали, но не понимаю, для чего пригласила она вмѣстѣ съ нами графа и трехъ изгнанниковъ: Спѣшнева, [1]) Львова [2]) и Петрашевскаго.

Они всѣ трое здѣсь приняты ею, видимо, очень хорошо. Странно мнѣ, Петербургской жительницѣ, было видѣть этихъ людей. Чувство боязни, негодованія, досады и въ то же время жалости являлись во мнѣ... Я вглядывалась въ нихъ пристально. Петрашевскій и Львовъ были на видъ очень веселы, смѣялись, толковали и врали разную чушь, какъ-будто бы надъ головою ихъ никогда не проходили страшныя событія; какъ-будто бы не высидѣли они 9-ти мѣсяцевъ въ крѣпости, не были приговорены къ смертной казни и не стояли у столба противъ солдатъ съ заряженными ружьями... Все это, казалось мнѣ, должно было бы оставить на нихъ неизгладимые слѣды!.. Впрочемъ, на Спѣшневѣ и видна печать несчастія: онъ молчаливъ, задумчивъ; улыбки не видно на этомъ прекрасномъ лицѣ, уже покрытомъ преждевременной сѣдиной и морщинами; ему теперь около 40 лѣтъ. Онъ средняго роста, тонокъ; продолговатое блѣдное лицо, правильныя черты, черные длинные волосы и постоянно задумчивый видъ придаютъ какую-то внѣшнюю прелесть этому изгнаннику. Жаль его и хотѣлось бы утѣшить, исцѣлить его и довести до раскаянія; хотѣлось бы по сердцу поговорить съ нимъ, чтобы обратить къ Богу эту *заблудшую душу*... Но они всѣ трое ни во что не вѣруютъ. Грустно

[1]) Спѣшневъ — сообщникъ Петрашевскаго. Принятіе ссыльныхъ въ свое общество графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ удостоено было даже царскаго сочувствія въ 1857 году (см. „Русская Старина“ за 1879 г. т. XXIV ст. 85).

[2]) Львовъ—таковый же, впослѣдствіи возвращенъ былъ изъ Сибири и состоялъ на государственной службѣ.

видѣть ихъ, и мнѣ всегда жаль *подобныхъ людей*: ихъ взоръ, какъ невѣрующихъ, ни на минуту не отрывается отъ земли, и нѣтъ имъ отрады внѣ тѣсной, чувственной жизни. На небѣ они не ищутъ ничего...

Львовъ и Спѣшневъ были и на вечерѣ у графа. Спѣшневъ на видъ—*le type du comme il faut*, не измѣнялъ себѣ, молчалъ и тамъ, какъ вездѣ. Львовъ, напротивъ, болталъ безъ умолку, извивался между молодежью и съ увлеченіемъ польковалъ. Онъ и меня старался убѣдить въ своемъ злобномъ безвѣріи. Львовъ—опасный человѣкъ: очень уменъ, много читалъ и страшный матеріалистъ. По уму онъ мнѣ нравится.

Отрицаютъ самообольщенно эти господа чистѣйшія и высокія наслажденія жизни, но что же они могли бы дать взамѣнъ отнятыхъ благъ? Чѣмъ вознаградятъ они потерю святыхъ и подкрѣпляющихъ насъ вѣрованій? На это ни одинъ изъ нихъ не отвѣтилъ.

О, невѣріе философовъ осьмнадцатаго вѣка! Они съ какимъ-то ожесточеніемъ старались подорвать всѣ основы духовнаго величія и блаженства человѣка и уже достигали цѣли: безвѣріе, безнаказанный развратъ разлились по землѣ, и многіе люди оказались хуже грубыхъ, неразумныхъ животныхъ. Что-же вознаграждаетъ ихъ за утраченную небесную радость сообщенія духа человѣка съ Божествомъ?

— *Не для Господа, существа непостижимо-высокаго, нужны наши вѣрованія, но для насъ, бѣдныхъ земныхъ созданій, для которыхъ* жизнь дѣлается невыносимою, когда нѣтъ утѣшеній свыше,—это такъ явно подтверждается злобными взглядами и поведеніемъ этихъ опаснѣйшихъ невѣровъ...

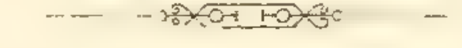
Размышленіе наканунѣ имянинъ.

3 декабря. Теперь я только и мечтаю о здоровьѣ и счастьи Путы; Лизанькѣ [1]) нужно счастье брата и его семьи, нужно счастье остальныхъ братьевъ и сестеръ, нужно многое, многое для другихъ, а мнѣ лично нужны только книги да покой, которыми я вполнѣ теперь наслаждаюсь и благодарю Бога за дарованныя мнѣ блага!

Завтра мои именины! Годъ тому назадъ, въ этотъ день, когда я угощала сослуживцевъ и дамъ Смольнаго, мнѣ даже въ голову не приходило, что слѣдующій день своего Ангела я встрѣчу въ Иркутскѣ, за 6000 верстъ отъ Петербурга.

Судьбы Господа непостижимы!..

«Благослови, душе моя, Господа, и не забывай всѣхъ воздаяній его!» [2])

Жизнь течетъ къ своей цѣли.

14 декабря. Видно, я свыклась уже съ новымъ положеніемъ,—какъ-то дышется легко. Все, кажется, идетъ своимъ порядкомъ или безпорядкомъ—не знаю? Каждый день къ намъ непремѣнно кто-нибудь заѣдетъ, иногда сами выѣдемъ, что-нибудь поработаешь, почитаешь, такъ и летитъ время, и мнѣ, признаться, его не жаль: пустая моя жизнь, но пріятно, что все ближе и ближе къ цѣли, которой не миновать никому...

Вчера у насъ былъ преосвященный Евсевій, [1]) пріятнѣйшій, мудрый и глубоко-вѣрующій святитель.

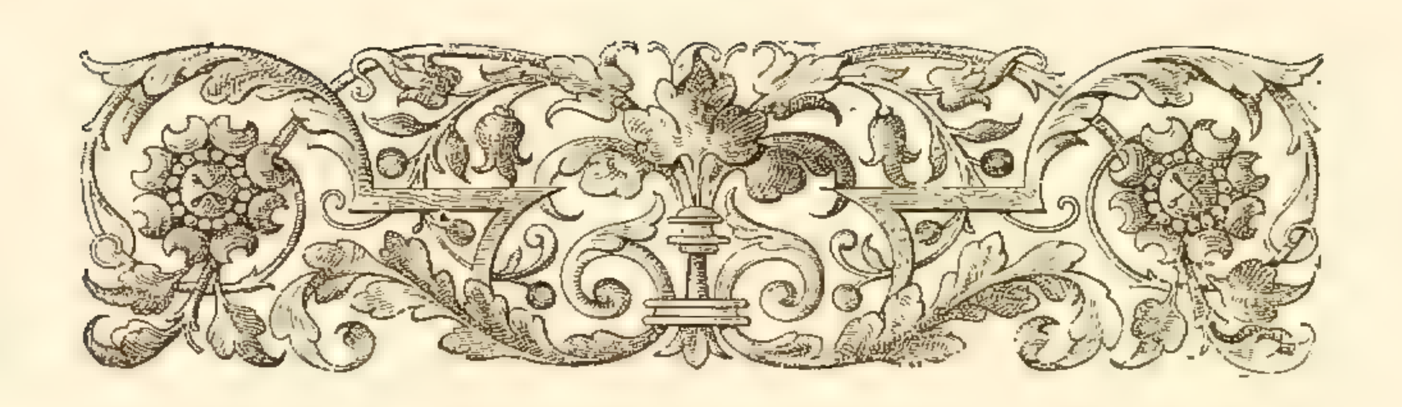
[1]) Лизанька, старшая сестра Варвары Петровны—оконч. Патріотич. Инст. и посвятившая себя заботѣ о семействахъ отца и брата. (См. Зап. ч. 1-я. Стр. 152 пр. 4).

[2]) Псал. 102 ст. 2.

---

[1]) Евсевій архіеп. Иркутскій. Воспит. Моск. Дух. Акад. (см. ч. II-я. 1858 г. 25 окт. прим. 6).

1859 г.

Вступленіе снова на педагогическое поприще.—Вечеръ у генерала Бусее

7 января. Сегодня я снова съ благословеніемъ Божіимъ вступила на поприще педагога. Дала съ большимъ удовольствіемъ первый урокъ музыки маленькой Сибиряковой [1]). Она ничего не знаетъ; стало быть мнѣ приходится начинать съ самаго начала,—чему я очень рада. Дѣвочка смышленая, объясненія понимаетъ легко, и я не замѣтила, какъ прошелъ часъ и 10 минутъ. Въ первый урокъ объяснила я ей ноты, линіи и все понято ею прекрасно. Господи, помоги мнѣ оказать пользу людямъ, научи меня развить эстетическое чувство въ моихъ ученицахъ; пусть это чувство облагородитъ ихъ и послужитъ къ ихъ нравственному и религіозному развитію.

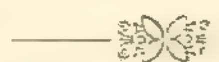
Работать я принимаюсь еще съ большимъ удовольствіемъ потому, что нужны деньги и пойдутъ онѣ бѣдной сестрѣ Лилѣ, находящейся въ тяжкой участи. Жалованья Нуты рѣшительно намъ не хватаетъ; приходится много раздавать, а еще болѣе расходовать «на необходимый вздоръ». Но, если Господь благословитъ насъ,—можно будетъ около 300 руб. въ годъ высылать въ Саратовъ [2]). Какъ бы мы были счастливы, если бы удалось осуществить это!

---

[1]) Ольга Михаиловна Сибирякова, впослѣдствіи воспитанница института Вост. Сибири вып. 1863 г., въ замужествѣ княгиня Вяземская.

[2]) Гдѣ жила въ то время сестра Елизавета Петровна (см. 1858 г 3 дек. прим. 1-е)

Вчера провели мы весьма пріятно вечеръ у генерала Буссе [3]), перваго молодого губернатора города Благовѣщенска. Онъ попробовалъ составить въ Иркутскѣ общество изъ людей, не играющихъ въ карты или, по крайней мѣрѣ, такихъ, которые могутъ обойтись безъ картъ. Дѣйствительно, къ удивленію многихъ, обошлись безъ нихъ, разговаривали, шутили, смѣялись, слушали музыку и незамѣтно досидѣли до половины 12-го ночи. Послѣ вкуснаго, но незатѣйливаго ужина разъѣхались. Хозяйка дома—бывшая институтка [4]), бѣдная дѣвушка, которая раньше замужества принуждена была давать уроки, чтобы пропитывать себя, теперь вполнѣ барыня; всего у нея много. Мужъ ея занимаетъ видное мѣсто, уменъ, воспитанъ, молодъ и образованъ. Пока, мнѣ думается, эта прелестная дамочка не забудетъ своего бывшаго состоянія, она останется все такою же милою, ласковою и будетъ достойною помощницею своему чудно-идеальному мужу, какою всѣ видѣли ее вчера.

Самочувствіе на новомъ мѣстѣ.—Услада возможностью помогать другимъ.—Вѣчность.—Англичане.

6 февраля. Много нужно было записывать; но странно сказать,—*некогда!*—То кто-нибудь заѣдетъ, то самимъ нужно выѣхать, то уроки музыки дать, а тамъ почитаешь и зачитаешься, то сядешь за фортепіано и заиграешься,—такъ время и проходитъ, а иногда такъ, просто, какая-то непонятная усталость и отвращеніе отъ всякаго труда: даже

[3]) Ген. Ник. Ѳед. Буссе., племян. Фр. Ив. Буссе (см. зап ч. 1-я стр. 15, прим. 4), состоялъ для особыхъ порученій при графѣ Н. Н. Муравьевѣ-Амурскомъ. Въ 1859 году назначенъ губернаторомъ въ Благовѣщенскъ Въ 60-хъ годахъ тамъ умеръ, оставивъ по себѣ прекраснѣйшую память въ этомъ теперь до неузнаваемости разростающемся городкѣ.

[4]) Урожд. Екатерина Михайловна Матвѣевская, Ирк. Инстит. вып. 1857 года.

книга не привлекаетъ — все бы лежала или просто сидѣла, закрывъ глаза и сложивъ руки.

Неужели и въ Сибирь со мною переселилась моя малороссійская лѣнь? Нѣтъ, должно быть, это слѣдствіе прежней службы: малѣйшая непріятность и разстраиваетъ меня до слезъ, даже когда и непріятностей нѣтъ, а такъ что-нибудь, — вздоръ какой нибудь... И досадно на себя, и стыдно, и грѣшно мнѣ: теперь такъ хорошо на свѣтѣ живется, чего-же еще не достаетъ?.. Долго-ли продлится эта покойная жизнь, — на то воля Божія, но и за нѣсколько мѣсяцевъ ея я должна благодарить Господа. Теперь мы въ независимомъ положеніи, можемъ отъ себя удѣлить изъ получаемаго другимъ! А нѣтъ на землѣ болѣе высокаго наслажденія, какъ *возможность помогать, удѣлять другимъ*. Старость пускай себѣ приходитъ: вѣра, любовь къ Богу и ближнему не дадутъ замѣтить прибавку новыхъ морщинъ и переходъ волосъ изъ каштановаго цвѣта въ бѣлый, — лишь бы служить человѣчеству и дѣломъ, и словомъ, и примѣромъ; лишь бы, вспомнивъ прошлое, не покраснѣть, не застыдиться, а остальное пусть идетъ своимъ чередомъ... Передо мной тысячи поколѣній шли тѣмъ же неизмѣннымъ путемъ, и послѣ меня люди будутъ жить по тѣмъ же вѣковымъ законамъ. Лишь бы встрѣтить смерть покойно, мирнымъ, свѣтлымъ чувствомъ встрѣтить вѣчность!..

Вѣчность! — ужасающее слово! И стоитъ-ли жизнь чего-нибудь? Что — все земное передъ нею!..

А люди все дерутся и рѣжутъ и губятъ другъ друга. Образованіе не спасаетъ и англичанъ: они въ свирѣпости не уступаютъ индійцамъ. Боюсь, что снова они подберутся къ намъ. Они теперь въ Китаѣ, въ Индіи. Сосѣдство близкое и непріятное. А тутъ Амуръ, и снова можетъ пойти рѣзня съ ненасытными, какъ была подъ Севастополемъ... [1]).

[1]) См. зап. ч. 1-я 1854, 1855 и начало 1856 гг.

Вечеръ у Клейменова.—Музыка.—Кукель.—Свѣчина.

7 февраля. Вчера провели мы вечеръ у горнаго полковника Клейменова [1]) и заслушались музыкой Шопена. Небесная музыка! Нѣтъ. — Слово «небесный» нейдетъ къ Шопену: онъ разрываетъ душу. Въ немъ такъ много грусти, страданій, такъ много мучительныхъ стоновъ. Такой артистъ и не могъ жить долго: огонь его душевный испепелилъ его тѣло.—Бѣдный поэтъ!..

Да, развѣ музыка не сестра поэзіи?..

Кукель [2]) превосходно выполнялъ произведенія этого великаго артиста. Звуки подъ его пальцами стонали, рыдали... Въ первый разъ игра на фортепіано произвела на меня такое ошеломляющее впечатлѣніе. Я страдала и изнемогала отъ музыкальныхъ ощущеній, мнѣ хотѣлось бы ея не слушать больше, но я не могла уйти... Кукель самъ увлекся, игралъ одну пьесу за другою, раскраснѣлся и готовъ бы былъ кажется проиграть всю ночь. Возвратились мы въ часъ пополуночи. Я не могла заснуть до половины третьяго, а сегодня проснулась въ 6 часовъ.

Нѣтъ, не старѣетъ духъ, не слабѣютъ и увлеченія прекраснымъ,—это меня утѣшаетъ. Стало быть можно и здѣсь не опошлиться, не дойти до сплетенъ, до картъ и до старческой ворчливости?!.

Да, религія, поэзія, музыка, природа и любовь къ брату-человѣку не перестаютъ вездѣ служить людямъ неисчерпаемымъ источникомъ высшихъ наслажденій. А тѣло пусть мало-по-малу уничтожается и приготовляется окончательно

---

[1]) Клейменовъ Василій Васильевичъ, инспекторъ надъ пріисками. Прекрасное семейство, пользовавшееся большимъ уваженіемъ въ Иркутскѣ.

[2]) Кукель, Болеславъ Казимировичъ, полковникъ, начальн. штаба войскъ Вост. Сибири при гр. Н. Н. Муравьевѣ-Ам. и Корсаковѣ. Польскаго происхожденія. Женатъ на дочери В. В. Клейменова, Екатеринѣ Васильевнѣ Клейменовой.

отдѣлиться отъ своей безсмертной спутницы души... Земному земное...

У Кукеля четырехлѣтній сынъ [3]) готовится быть выдающимся артистомъ. На своей дѣтской скрипкѣ аккомпанируетъ онъ всѣ вальсы, мазурки, польки, галопы. Если играютъ пьесу, которой онъ еще не слышалъ, то сначала прислушается къ размѣру, а потомъ начинаетъ играть. Прелесть что за ребенокъ! Не улыбнется, когда играетъ. — Игра же его отца напоминала мнѣ игру Свѣчиной [4]) въ Смольномъ,— жены извѣстнаго скрипача. Я слышала ее не болѣе пяти разъ, и вѣроятно во мнѣ никогда не изгладится впечатлѣніе ея игры. Она тоже играла Шопена, но выполняла совершенно иначе: у нея ноты пѣли, вздыхали, шептали и тихонько плакали—то была плѣнительная жалоба, полная тихой. тихой грусти...

Непріятности и мысль о «вѣчномъ покоѣ».

12 марта. Je pense seulement, que meurtri de la lutte
Aygant atteint ce but que tout cherhe et resloute
Un vogageur lassé vint se loger ici (tombeaux perdus).

Вчера пришла мнѣ въ голову странная мысль: захотѣлось умереть. Мнѣ было грустно, какъ бывало прежде [1]). и стала я всматриваться въ жизнь, стала искать на всемъ пространствѣ земного шара такого уголка, гдѣ бъ могла прожить безъ горя, безъ тревогъ, безъ огорченій, безъ скорби... Искала, искала и кончилось тѣмъ, что нигдѣ не нашла.

---

[3]) Вася умеръ весьма молодымъ, по оконч. курса въ С.-Петербург. Университетѣ.

[4]) Свѣчина Евгенія Өедоровна бывала у сестры своей, музык. дамы Импер. восп. общ. бл. дѣв., Анны Өед. Мюллеръ (смолянки) вып. 1849 г., также превосходно игравшей, гдѣ и встрѣчала ее Варвара Петровна.

---

[1]) См. зап. ч. 1-я стр. 49, 50, 124, 126, 178, 224 и т. д.

Языкъ и неумѣнье сдержать себя во время — вотъ враги моего покоя... Бороться устала я, изнемогла; лучше всего на вѣки закрыть глаза и покончить со всѣми тягостями жизни! Мнѣ казалось, что и Нутѣ будетъ легче, когда она избавится отъ такого несноснаго, мучающаго ее существа, какъ я. Съ наслажденіемъ, почти съ упоеніемъ думала я о «*вѣчномъ покоѣ*».

Но сегодня, съ утра и помолившись, я снова убѣждена, что должна еще жить и служить человѣчеству, чѣмъ и какъ могу. Служить, не взирая на всевозможныя непріятныя столкновенія, оскорбленія и даже... ну, даже, на нѣчто худшее. Нельзя безъ того прожить, чтобы со злыми людьми не встрѣтиться...

Господи, поддержи меня и не дай упасть духомъ!

Но все же приходитъ въ голову, что Нутѣ было бы легче безъ меня, исключая, разумѣется, первыхъ дней сильнаго горя...

Молитва во дни святыхъ воспоминаній въ Иркутскѣ и въ Смольномъ.— Непріятности и недовольство собою.

10 апрѣля. *9 ч. вечера.* Сейчасъ я пришла изъ дѣтской церкви отъ всенощной.

И здѣсь, какъ въ Смольномъ, съ благоговѣніемъ совершается священное служеніе, и здѣсь сопровождали мы плащаницу съ зажженными свѣчами [1]), при дѣтскомъ пѣніи. И здѣсь усердно молилась я; но только не такъ горяча была моя молитва, какъ бывало то въ *Смольномъ*.. Особенно одинъ годъ помнится мнѣ. То былъ тяжелый 1854 годъ,— когда *лилось* много слезъ и крови на родной Руси...

---

[1]) См. зап. ч. 1-я, стр. 280.

Послѣ полнаго роспуска дѣтей, мы, въ первый разъ, совершенно свободныя отъ обязанностей классныхъ дамъ, вполнѣ могли предаться воспоминаніямъ святыхъ дней. Я забыла всю внѣшнюю обстановку и такъ слилась мыслями съ жизнью или, лучше сказать, съ послѣдними днями Господа на землѣ, что участвовала, казалось мнѣ, въ самыхъ страданіяхъ Его: какъ-будто бы *«все они совершались»* у меня на глазахъ [2])... Описаніе предсмертныхъ истязаній Божественнаго Страдальца до того измучило меня, что я почти успокоилась, когда услышала *«свершилось»* [3]).

А когда на другой день вынесли плащаницу, я постаралась идти возлѣ нея. Казалось мнѣ, что провожаю самое пречистое тѣло Господа моего! Вся душа моя прилѣпилась къ этому святому образу, слезы тихо катились изъ глазъ, я не обращала вниманія на шедшихъ возлѣ меня нашихъ властей и лишь только временемъ возмущалась ихъ неумѣстными разговорами [4])... Мнѣ бы хотѣлось удалить отъ святыни всѣхъ равнодушныхъ... Такъ подготовлялась я безъ своего вѣдома къ встрѣчѣ неожиданнаго испытанія [5])...

Благодарю Господа за все... — Все прошло и все улеглось,—я спокойна. Такъ и все пройдетъ. Такъ наступитъ и конецъ нашъ. Помяните душу мою, кто вспомнитъ, какъ воевалъ со мною. Произнесите теплую молитву за успокоеніе бѣднаго, слабаго существа, проведшаго большую часть жизни въ тревогахъ. Мнѣ и до сихъ поръ не исправиться!.

[2]) См. зап. часть 1-я 1854 г. 4 и 9 апрѣля.

[3]) Матѳ. 27. 33—56. Марк. 15. 22—41. Лук. 23. 33—49. Іоан. 19. 18—30.

[4]) При оффиціальныхъ посѣщеніяхъ церковн. службъ — это, къ сожалѣнію, весьма частое и печальное явленіе, смущающее колеблющихся въ вѣрѣ и убійственно дѣйствующее на молитвенное настроеніе священнослужащихъ. Много объ этомъ говорилось и писано. Борьба съ этимъ, даже знаменитыхъ епископовъ доводила до серьезныхъ недоразумѣній (см., напр., Амвросій еписк. Пензен. „Русская Старина" 1883 г. Іюль).

[5]) См. зап. ч. 1-я 1855 г. 9 сентября.

Бѣжала въ Сибирь, — но и въ Сибирь перенесла всю себя, ничего не забывъ въ Петербургѣ...

Какое жалкое существо человѣкъ!.. Впрочемъ многіе, многіе лучше, благоразумнѣе меня...

Иркутское общество.—Молодежь.—Н...овъ.—Бакунинъ. — Дуэль. — Петрашевскій и декабристы.

2 мая. Мнѣ кажется, вокругъ Николая Николаевича мишура, мишура и мишура. Онъ любитъ, чтобы общество тѣшилось погремушками: самъ даетъ балы, устраиваетъ клубы, гдѣ собираются лишь затѣмъ, чтобы пить и играть въ азартныя игры, хотя самъ онъ никогда не играетъ. Завелъ «вольные маскарады», на которыхъ танцуетъ рядомъ съ лакеями и горничными; приглашаетъ къ себѣ актрисъ и воображаетъ себя «демократомъ». Его же тѣсный и близкій кружокъ состоитъ преимущественно изъ богатыхъ молодыхъ людей, принадлежащихъ къ знатнымъ семействамъ, — лицеисты, правовѣды окружаютъ его и др. въ томъ же родѣ; еще—изъ такихъ, которые корчатъ изъ себя «либераловъ», извиняя свои дѣйствія видомъ оскорбленнаго чувства справедливости...

Серьезнымъ трудомъ наше общество занято очень мало, а лѣнь и ничего недѣланіе доводитъ иногда до ужаснаго. Вотъ, напримѣръ, что недавно произошло у насъ среди лучшихъ людей. Пріѣхалъ сюда въ прошломъ году молодой человѣкъ Нек...овъ, мать котораго изъ рода Нарышкиныхъ.

Кромѣ прекраснаго происхожденія, онъ имѣлъ и очень приличную внѣшность, но не отличался богатымъ внутреннимъ содержаніемъ. Цѣлью его пріѣзда сюда были чины и карьера. Молодой, красивый, богатый онъ нравился женщинамъ, но держалъ себя гордо и даже надменно; все это не расположило къ нему молодежь: сама она была заражена

высокомѣріемъ и самомнѣніемъ ужаснымъ, хотя были среди нея развитые, дѣльные и прекрасные молодые люди. Въ довершеніе горя, Нек...овъ, по порученію графа, отправился въ Пекинъ. Въ Кяхтѣ, говоря объ Иркутскѣ, будто-бы сказалъ, что тамъ, за небольшимъ исключеніемъ, «всѣ дамы кухарки», а мужчины «негодяи». Слова эти были переданы въ Иркутскъ и ненависть къ нему возрасла. Рѣшено было его никуда не принимать.

Все это случилось еще до нашего прибытія въ Иркутскъ, остальное же разыгрывается предъ нашими глазами.

Въ послѣдній день масляницы Б.........., предназначавшійся въ начальники одной изъ Сибирскихъ губерній, давалъ обѣдъ въ собраніи, куда многіе были приглашены. Послѣ обѣда катались мы въ саняхъ, а потомъ снова вернулись въ собраніе, гдѣ старшины давали ему прощальный вечеръ. Пляска затянулась далеко за полночь, и въ заключеніе всѣ дамы перецѣловали графа, что было ужъ черезчуръ «по-масляничному», хотя случилось въ великій постъ...

Пока графа еще не было въ собраніи, пріѣхалъ туда за нѣсколько дней передъ тѣмъ вернувшійся изъ Пекина молодой Нек...овъ. Основываясь на словахъ главнаго старшины собранія, спросившаго его, будетъ-ли онъ на вечерѣ, Нек...овъ, безъ приглашенія остальныхъ членовъ, явился прямо въ залъ. Дежурный старшина Ан—въ [1]), тоже лицеистъ, подошелъ къ Нек...ову и попросилъ его оставить залъ, «потому что здѣсь только приглашенные». Нек...овъ уѣхалъ; но съ этихъ поръ вражда закипѣла между ними еще сильнѣе.

Нек...овъ ограничился тѣснымъ кружкомъ знакомыхъ и нерѣдко бывалъ, между прочимъ, и у насъ. Въ это время вернулся въ Иркутскъ изъ Пекина одинъ изъ любимцевъ графа—молодой человѣкъ, нѣкто Л. Съ его пріѣзда, отъ его имени стали разсказывать, будто Нек...овъ во время своей командировки не платилъ прогоновъ, за что китайцы подали

[1]) А—въ † 9 янв. 1899 г.

на него жалобу. Въ обществѣ «сибирской столицы» [2]) поднялся ропотъ. Сперва говорили съ осторожностью, называя Нек..ова воромъ и т. п., а наконецъ, на розговинахъ у графа, Б—въ въ общемъ присутствіи повторилъ то же самое. Нашлись услужливые люди, которые съ быстротою молніи передали Нек...ову весьма нелестные о немъ отзывы Б—ва.

Въ первый же день Пасхи Николай Николаевичъ отправлялся въ дальнее путешествіе въ Китай и Японію, откуда не разсчитывалъ вернуться ранѣе, какъ черезъ ½ года. Проводить его до Байкала отправилась вся молодежь, въ томъ числѣ, разумѣется и Б—въ. Провожали любимаго начальника какъ слѣдуетъ, т. е. всю ночь и, какъ это обыкновенно дѣлается у насъ на Руси, — вернулись только на другой день, часовъ около шести вечера. Б—въ ѣздилъ съ г. В......мъ, а потому и пріѣхалъ прямо къ нему въ домъ, гдѣ былъ въ это время Нек...овъ. Послѣдній тотчасъ ушелъ къ себѣ и сталъ дожидаться, когда мимо него проѣдетъ Б—въ съ тѣмъ, чтобы слѣдомъ ѣхать за нимъ. Только что Б—въ вошелъ къ себѣ, какъ туда же явился Нек...овъ.

«Я слышалъ», говорилъ онъ, «что вы называли меня воромъ, неугодно-ли изъяснить, по какому случаю?»

«Я съ вами говорить не хочу», сказалъ Б—овъ и отвернулся.

Нек...овъ схватилъ его за волосы и началъ колотить, тотъ его, и началась потасовка. Тутъ Б—въ кликнулъ людей, велѣлъ связать Нек...ова и отправить въ полицію. Нек...овъ былъ тотчасъ выпущенъ, и Б—въ вызвалъ его на дуэль. Нек...овъ принялъ вызовъ, соглашаясь на двадцать шаговъ, но разсказалъ о происшедшемъ своимъ знакомымъ, — вѣроятно — съ цѣлью, чтобы разстроили ихъ поединокъ. Можетъ быть, все и обошлось бы благополучно, безъ всякаго кровопролитія, если бы иркутское общество не раздѣлилось на двѣ враждебныя партіи, изъ которыхъ каждая сочла себя

[2]) Такъ сибиряки на обыденномъ жаргонѣ часто называли Иркутскъ.

оскорбленной въ лицѣ двухъ главныхъ участниковъ этой непріятной исторіи, чѣмъ и осложнила вражду новыми тучами.

Въ эту исторію, чтобы быть въ курсѣ дѣла, ввязались лица подозрительныя, играя роль перебѣжчиковъ [3]).

На третій день праздника св. Пасхи въ собраніи былъ музыкальный вечеръ, на который съѣхалось все городское общество. Явился туда Мих. А. Бакунинъ—извѣстный революціонеръ 48 года въ Германіи [4]); но о немъ, о многихъ декабристахъ и остальныхъ, такъ называемыхъ здѣсь «*преобразователяхъ*», говорить противно. Этотъ Бакунинъ, недавно прибывшій въ Иркутскъ, хотѣлъ стать авторитетомъ для здѣшняго общества. Безъ всякаго полномочія съ чьей бы то ни было стороны, по побужденію страшнаго самомнѣнія и безцеремонной развязности, онъ началъ въ залѣ собранія отбирать мнѣніе молодежи по поводу происшедшаго столкновенія между Нек—мъ и Б—мъ, прибавляя со своей стороны, что общество должно вступиться за Б—ва; что иначе оно поощритъ каждаго врываться въ домъ и колотить беззащитнаго; что Нек....ва нужно заставить стрѣляться, а если онъ не захочетъ, то высѣчь его. Разжигая молодежь такимъ способомъ, Бакунинъ достигъ цѣли: онъ навербовалъ человѣкъ 15, которые въ случаѣ нужды готовы были подписать свои имена, что дѣйствительно сѣкли виновнаго оскорбителя.

Слѣдующій день прошелъ въ «*отыскиваніи*» бѣднаго Нек...ва, который желалъ скрыться, уѣхать и отъ губер. В—ля успѣлъ получить даже подорожную...

15 апрѣля, вечеромъ, собрались у насъ неожиданно нѣ-

---

[3]) Въ это время изъ такихъ жили въ Иркутскѣ и были приняты въ обществѣ: Бакунинъ, Петрашевскій, Львовъ, Спѣшневъ и мн. декабристы. (См. о нихъ „Русская Старина“ 1870 г. т. II. стр. 240).

[4]) По прозванію въ Иркутскѣ „Саксонскій король“ или „тайный совѣтникъ“. Прибывъ въ Иркутскъ, Бакунинъ во что бы то ни стало желалъ въ Сибири „играть роль“, потому старался быть въ довѣріи у администраціи края. Впослѣдствіе бѣжалъ въ Америку.

сколько дамъ и мужчинъ, въ томъ числѣ ихъ были Кукель, Шишковъ [5]), Бакунинъ, Петрашевскій, Львовъ и др. Главнымъ предметомъ разговора былъ, разумѣется, Нек...овъ. Мы съ сестрою ничего и не подозрѣвали, что поединокъ назначенъ на 16 апрѣля, въ 6 часовъ утра; бывшіе у насъ объ этомъ видимо тоже не знали, разсуждая вообще о происшествіи.

Бакунинъ острилъ, говоря: «*посадить бы ихъ въ темную комнату да заставить стрѣляться черезъ столъ, а потомъ разомъ внести свѣчи, и навѣрно увидѣли бъ такую картину: пистолеты на столѣ, а они оба подъ столомъ*».

Много острили въ этомъ родѣ Петрашевскій и Львовъ, сильно злобные на «золотую» [6]) молодежь, отъ которой не видѣли преклоненія, а напротивъ, иногда изгнаніе изъ ихъ общества за мѣткія и злобныя остроты.

Такое отношеніе и тонъ говорившихъ чрезвычайно мнѣ не нравились, а потому я старалась не распространяться съ этими господами, а усѣлась слушать игру Кукеля [7]), который не вставалъ изъ за фортепіано до самаго ужина. Иногда я вступала въ разговоръ съ дамами, чтобъ отклонить, по возможности, непріятную рѣчь о Нек....вѣ. Мнѣ было жаль этого бѣднаго молодого человѣка:—ему такъ хотѣлось жить, онъ такъ уклонялся отъ поединка,—досталъ подорожную въ Петербургъ, чтобы 16-го выѣхать, но его преслѣдовали съ какимъ-то ожесточеніемъ, настоятельно требуя его смерти. Я не могла понять этой жажды крови въ христіанахъ?.. Они ожесточенно закидывали петлю на бѣднаго молодого человѣка и тащили его къ барьеру...

Эти разговоры всю мою душу переворачивали.

Положимъ, мужчинѣ стыдно быть трусомъ; но если онъ готовъ принять это названіе и позоръ, связанный съ этимъ

---

5) Шишковъ, Арсеній Мих.,—инженеръ путей сообщенія.

6) Т. е. самую близкую по службѣ и быстрой карьерѣ къ генералъ-губернатору (лицеистовъ, правовѣдовъ и др.).

7) См. зап. 1859 г. 7 февраля пр. 2.

именемъ, лишь бы не рисковать великимъ даромъ, даннымъ ему отъ Бога, а потому ему не принадлежащимъ, то зачѣмъ принуждать его драться? Зачѣмъ не оставить ему жизнь?!.. Можетъ быть, когда-нибудь и гдѣ-нибудь и онъ нашелъ бы свое счастье и могъ бы быть полезенъ?.. Но предразсудки мужчинъ такъ велики, что они не смогутъ заснуть спокойно, пока за оскорбленіе не отплатятъ кровью! Тѣ же магометане!..

Гости разъѣхались отъ насъ за полночь и я, конечно, не знала, чѣмъ разыграется драма, вполнѣ надѣясь, что, быть можетъ, Нек....въ успѣетъ уѣхать и тѣмъ спасется отъ преслѣдованія.

На другой день, въ 9 час. утра, только что я сѣла за чайный столъ, къ намъ пришелъ инспекторъ классовъ.

«Ну, что Нек....въ»?—былъ мой почти первый вопросъ.

«Онъ лежитъ уже на столѣ»,—отвѣчалъ Сементовскій [8]).

Чашка чуть не выпала у меня изъ рукъ. Я заплакала, невольно сказавъ: «все-таки убили его!..»

Сементовскій, человѣкъ желчный и жизнью исковерканный, сталъ разсказывать нѣкоторыя подробности поединка.

«Какъ вы все это узнали»?—спросила я.

«Лакей Нек....ва, поселенецъ, служилъ прежде у меня. Сегодня, рано утромъ, когда всѣ еще спали въ домѣ, я слышу сильный звонъ колокольчика. Чтобы не разбудить жену, я самъ отворилъ дверь и увидѣлъ слугу Нек....ва, блѣднаго, испуганнаго».

«Баринъ убитъ; его привезли еще живымъ; но сейчасъ умерли. Мучились очень...»

Такъ передавалъ Сементовскій, и чувство негодованія закипѣло въ моей душѣ...

Все утро и слѣдующіе дни къ намъ не переставали

---

[8]) Сементовскій, Григорій Петровичъ, инспекторъ (съ 1849 г.), и инспект. клас. Иркут. гимназіи. Очень умный и образованный, прекрасно преподавалъ естествовѣдѣніе († въ 1877 году).

являться посѣтители и всѣ возставали противъ Б—ва. Ужасное слово «убійство» пронеслось по городу. Купечество, простой народъ и большинство горожанъ пришли въ негодованіе. Молодежь, принимавшая участіе въ дуэли, первые дни боялась показаться на улицахъ. Когда кто-то первый, кажется, изъ купечества выразилъ сожалѣніе по поводу смерти Нек....ва, толпа разомъ хлынула къ покойнику, стала служить по немъ панихиды и осыпала цвѣтами убитаго. Съ утра до вечера домъ, гдѣ жилъ покойный, былъ переполненъ народомъ. На похороны явилось около пяти тысячъ человѣкъ!..

Но немногихъ изъ Иркутскаго общества привело на похороны дѣйствительное участіе къ убитому,—многими руководили совсѣмъ иныя чувства...

Упросили старика Вен. [9]) разрѣшить напечатать объявленія за его подписью о выносѣ тѣла Нек...ва; и, вмѣсто 60-ти экз. разрѣшенныхъ, напечатали ихъ сотни. Петрашевскій прибивалъ эти объявленія на стѣны домовъ и самъ раздавалъ народу, прибавляя: *«г. губернаторъ самъ хочетъ, чтобы шли на похороны къ убитому»*. Тутъ же, въ церкви, эти «красненькіе» и при входѣ въ церковь разбрасывали «краснаго же содержанія» бумажки, на которыхъ было написано:

«Съ дозволенія начальства».

«Шайка разбойниковъ, во главѣ которыхъ атаманъ Б—въ, сотникъ, полицеймейстеръ С. [10]) и проч., и проч. (слѣдовали имена городской администраціи), принимаетъ заказы на убійства»...

Успѣхъ «преобразователей» радовалъ; народъ роопталъ, говоря: «если бы нашъ братъ убилъ, его бы плетьми, да

[9]) Вен. К. К. гражд. Иркутск. губернаторъ, очень добрый и хорошій старецъ. Исторически интересная личность: колонновожатый царствованія Имп. Александра I-го, присутствовавшій при Его кончинѣ и имѣвшій прекрасное вліяніе на Муравьева-Апостола. († въ 1870-хъ годахъ).

[10]) С—нъ черезъ два года послѣ этого происшествія застрѣлился.

въ каторгу; а баре убиваютъ, имъ нипочемъ»... «Молодежь» боялась показываться на похоронахъ,—боялись за горожанъ: такъ хорошо ихъ подготовили Петрашевскій и К°.

Гробъ Нек....ва отъ дома до кладбища попеременно несли всѣ, мгновенно обратившіеся въ «друзей покойнаго», т. е. любители и попавшіе въ круговоротъ интригъ и злобы. Черезъ два дня, въ радоницу, когда народъ собирается на кладбище, многіе ходили поклониться могилѣ убитаго, убирали ее цвѣтами, катали по ней яйца и величали павшаго «святымъ».

Такъ кончилъ Нек....въ свое земное существованіе и теперь предсталъ на судъ Нелицемѣрнаго Судіи. Миръ праху его!

Но что же дѣлаютъ живые?

Я сказала уже, что слово «убійство» было произнесено чрезъ 2 часа послѣ поединка. Это страшное слово эхомъ разнеслось по всему Иркутску; его не сдержали ни границы Сибири, ни отдаленность отъ столицы Иркутска: письма гурьбою полетѣли въ Петербургъ. Со всѣхъ сторонъ стали распускать ужасные слухи. Стали вмѣшивать въ эту исторію разныя имена и приводить всякія истинныя и ложныя свидѣтельства виновности и соприкосновенія къ дуэли многихъ...

И снова отвратительна стала мнѣ людская злоба провинціальнаго общества...

Жаль мнѣ и «молодежь», на которую взводятъ столько обвиненій... Что она дѣйствовала, какъ безумная, какъ въ горячечномъ состояніи,—это совершенно справедливо; но цѣль и намѣренія ея были—смыть пятно безчестія съ товарища «по неразумнымъ, нехристіанскимъ понятіямъ большей части мужчинъ»,—оттого они и преслѣдовали Нек....ва, настоятельно требуя поединка... Не вѣрю, да и невозможно допустить въ нихъ мысль объ убійствѣ—ради убійства: Б—въ столько же подвергался опасности быть убитымъ, какъ и Нек....въ; притомъ же Нек....въ былъ хорошій стрѣлокъ,

тогда какъ Б—въ никогда не стрѣлялъ изъ писолета и только наканунѣ поединка «бралъ уроки» стрѣльбы.

Но во всемъ видна рука Божія...

Господь попустилъ убить Нек....ва, чтобы его смертію смирить неразумную гордость «образованныхъ христіанъ», не *«знающихъ всепрощенія»*, потому рѣшавшихся на убійство...

Тѣ самые, что такъ недавно свысока смотрѣли на всѣхъ, теперь опозорены и подъ конвоемъ казаковъ ѣздятъ на допросъ; и судятъ ихъ тѣ, которыхъ въ былое время они презирали... Б—въ, говорятъ, палъ духомъ и посѣдѣлъ,— мы его не видали послѣ его несчастія. Всѣ остальные также повѣсили головы. Въ обществѣ носится что-то «зловѣщее». Изъ Петербурга наряжено слѣдствіе, въ которое вмѣшивается всякій, кто хочетъ и даже кто не хочетъ...

Такъ закончилась зима 1859 года въ Иркутскѣ, которую начали такъ шумно и весело. Теперь достается всѣмъ, кто принималъ прямое или косвенное участіе въ этихъ пирахъ и весельяхъ... Будемъ же ждать, чѣмъ кончится слѣдствіе, которое должно раскрыть всѣ подробности дѣла. Жаль, что тѣнь падаетъ и на нашихъ властей: ихъ всѣхъ перебираютъ. Даже имя графа появлялось на подбрасываемыхъ запискахъ. Конечно, это — работа Бакунина или Петрашевскаго съ К°, хотя это еще и не выяснилось; они разжигали сначала дуэль, теперь поджигаютъ народъ, слѣдователей и общество противъ участвовавшихъ въ ней... Горе, когда отсутствуютъ въ людяхъ вѣра святая и нравственныя основы! Съ философіей далеко не уѣдешь. Всѣ эти господа *«преобразователи»*, какъ ихъ зовутъ здѣсь,—страшные себялюбцы и дѣйствуютъ только изъ личной выгоды, надѣясь стать выше всѣхъ другихъ всѣми путями. Но вѣдь и діаволъ желалъ стать выше Бога...

Здѣсь живутъ нѣсколько стариковъ-декабристовъ, но эти скромные, умные и большинство раскаявшіеся. Бесѣдуя

однажды по душѣ съ Ал. О. Поджіо [11]), я на вопросъ, какъ онъ переноситъ свое изгнаніе, услышала: «если бы мы достигли осуществленія своихъ безумныхъ мечтаній, мы не церемонились бы, а потому и власти могутъ съ нами поступать, какъ имъ угодно; мы же почти не несли наказанія».

Образумь и прими ихъ въ Свое стадо, Господи, надѣливъ ихъ раскаяніемъ!

Послѣдствія смерти Нек....ва.—Институтскій садъ.—Свобода.—Окрестности Иркутска и ихъ будущность.—Верхоленскія горы.—Прогулки институтокъ.—„Ключи“.—Поѣздка на Байкалъ.

6 сентября. Непростительно къ худшему измѣнилась я: не могу взяться ни за какое дѣло. День проходитъ за днемъ, и четыре мѣсяца уже пролетѣли съ тѣхъ поръ, какъ я хотѣла записать для памяти свои впечатлѣнія объ Иркутскѣ, о декабристахъ и о поединкѣ, о которомъ столь шумѣли въ Иркутскѣ, легшемъ мрачнымъ, тяжелымъ пятномъ на Иркутское общество, но до сихъ поръ я еще не пришла въ себя. До сихъ поръ разговоръ почти невольно переносится все на одинъ и тотъ же предметъ—Нек....ва. И разговоры о немъ даже надоѣли...

Недавно вскрывали тѣло Нек....ва для освидѣтельствованія, потому что не сдѣлали этого растерявшись, когда покойникъ лежалъ на столѣ. Не знаю хорошенько, что оказалось при вскрытіи трупа, но говорятъ, что все нашли какъ слѣдуетъ; стало быть, теперь клевета, что онъ убитъ не выстрѣломъ Б—ва, падаетъ сама собою.

---

[11]) Имѣвшимъ прекрасное вліяніе на знаменитаго доктора Н. А. Бѣлоголоваго (см. его воспоминанія, стр. 91—181), который лѣчилъ Н. А. Некрасова и такъ чудно съумѣлъ передать болѣзнь души въ послѣдніе дни жизни поэта (см. „Отечеств. Записки“ 1878 г., № 10).

Генералъ К. нарочно пріѣзжалъ въ Иркутскъ, чтобы своимъ вліяніемъ поторопить рѣшеніе дѣла и подвести виноватыхъ подъ милостивый манифестъ 8 сентября, въ день совершеннолѣтія Его И. В. Наслѣдника Цесаревича. Молодые люди снова ожили: выѣзжаютъ и живутъ по прежнему, но рука Господня видимо тяготѣетъ надъ ними; Г. очень перемѣнился и, несмотря на его дерзкій тонъ, его положеніе въ обществѣ неловкое. Сначала мнѣ жаль его было,— очень ужъ молодъ онъ, потому мы принимали его всегда хорошо и привѣтливо; но нынѣ онъ беретъ тонъ ложный и съ такимъ гордымъ видомъ, что я, противъ обыкновенія, обошлась съ нимъ очень сухо. За ласку, особенно во время невзгодъ, платятъ благодарностью. Впрочемъ, можетъ быть, онъ подавленъ горемъ... Большая часть общества до сихъ поръ настроена противъ молодежи. Самъ Н. Н. не очень-то доволенъ ею и исходомъ дѣла. Но довольно о нихъ: надоѣло, Богъ имъ судья...

Лѣто провели мы очень тихо и почти никого не видали. Пока не наступили сильные іюльскіе жары, мы обѣдали и пили послѣ обѣда чай въ саду, т. е. въ той загородкѣ, которая вызвала во мнѣ такое пренебреженіе въ первый же день нашего прибытія въ Иркутскъ [1]). Собственно то не садъ, но длинный палисадникъ, который тянется саженъ на 15 вдоль института. Онъ отгороженъ отъ улицы высокою стѣною, усаженъ тощими елями, березками и яблонями, плоды которыхъ величиною съ горошину. Посреди тянется узенькая дорожка, по которой едва могутъ пройти двое рядомъ, а по обѣимъ сторонамъ ея—кусты малины и цвѣты, въ концѣ ея—скамейки, столъ и стулья. Здѣсь иногда обѣдаемъ мы съ Нутой, здѣсь я читаю и наслаждаюсь, глядя на первую свѣженькую зелень и на синія сибирскія небеса. Кругозоръ не обширенъ и климатъ не нѣженъ, но *«свобода восхитительна»*,—здѣсь я сама себѣ госпожа...

[1]) См. 1858 г. 26 октября, пр. 2.

Въ продолженіе лѣта мы ѣздили нѣсколько разъ за городъ. Окрестности Иркутска живописны, только жаль — мало зелени. Пройдутъ годы, и эти пустынные горы будутъ осыпаны изящными дачами; дѣятельность вдохнетъ жизнь и въ этотъ далекій край; *просвѣщеніе,—истинное просвѣщеніе*, а не «*цивилизація*», сдѣлаетъ Сибирь прекрасною, желанною и благословенною страною... Не дождаться намъ этого золотого времени, но не предвидѣть его нельзя...

Были мы, между прочимъ, на Верхоленскихъ горахъ [2]), на берегу Ангары, въ 12 верстахъ отъ Иркутска. Горы эти такъ хороши и всходить по нимъ такъ легко, что дорожка такъ и манитъ все впередъ, да впередъ; взберешься на высоту и не чувствуешь усталости, а только оглядываешься да любуешься живописными окрестностями. Насъ пригласило на эту прогулку купеческое семейство [3]), дочь котораго воспитывается въ институтѣ [4]). Забравъ съ собою ея подругъ—пепиньерокъ, мы отправились часовъ въ 5 вечера. Сначало было очень жарко, но скоро повѣяло прохладой. Мы расположились на берегу р. Ангары, разостлали ковры, разбили палатки, зажгли костры, чтобы отогнать комаровъ, и, усѣвшись вокругъ чайнаго прибора, повели рѣчь съ чрезвычайно умнымъ старикомъ Останинымъ. Послѣ чая мы любовались горами и, возвратясь довольными, веселыми съ этой

---

[2]) Одна изъ самыхъ живописнѣйшихъ мѣстностей, съ нихъ виденъ весь Иркутскъ. Уступы горъ покрывались душистыми лиліями, жидовскими кудряшками, гіацинтами. Прогулки туда любили иркутскія институтки.

[3]) Василія Алексѣевича и Маріи Алексѣевны Останиныхъ иркутскіе именитые купцы, торговцы чаемъ и красными товарами,—весьма добрые, умные, скромные и честные люди. Честность иркутскаго купечества вообще была поразительна: векселей тамъ долгое время не существовало; простой клочекъ бумаги съ подписью, напр., Василія Алексѣевича, былъ часто самымъ вѣрнымъ поручителемъ въ десяткахъ тысячъ рублей. Благотворительность сибиряковъ тоже заслуживала уваженія.

[4]) Евдокія Васильевна Останина, впослѣдствіи супруга А. Н. Бѣлоголоваго.

прогулки, расположились по прежнему къ чаю и завтраку. Вдругъ, неожиданно для меня, дикая, но прекрасная окрестность огласилась звуками чистыхъ, свѣжихъ, молодыхъ голосовъ—то хоромъ запѣли пепиньерки «Царю небесный»... Трогательно было это пѣніе на высокомъ берегу пустынной Ангары...

Я слушала и молилась, да просвѣтитъ Господь и утѣшитъ эту страну «слезъ и изгнанія»... Пусть молодое поколѣніе, получающее образованіе въ стѣнахъ Института, постарается распространить просвѣщеніе и свѣтъ ученія Христа въ этомъ дикомъ, непочатомъ, но богатомъ Русскомъ краѣ!..

Ѣздили мы лѣтомъ и въ другую сторону Иркутска, на такъ называемые «*Ключи*»; [5]) тамъ горы, покрытыя лѣсомъ живописно раскинулись надъ оврагами. Красивое мѣсто: ручейки и водопады придаютъ ему волшебный, сказочный видъ. Но лучшая наша поѣздка состоялась 12 іюля на Байкалъ.

Давно еще, лѣтъ 7 назадъ, читая въ какомъ-то журналѣ описаніе береговъ Байкала, явилось во мнѣ желаніе побывать тамъ, чтобы собственными глазами провѣрить, на сколько справедливы отзывы писателей о красотахъ природы по берегамъ этого бурнаго озера, но то была только мечта безъ всякой надежды на ея исполненіе. И что же? Непредвидѣнныя обстоятельства обращаютъ эту мечту въ дѣйствительность. Дивна судьба человѣка у Господа!

12 іюля, въ 12 часовъ дня, выѣхали мы изъ Иркутска по заморской дорогѣ [6]). Жаръ былъ сначала нестерпимый, лошади попались изнуренныя, а потому всю первую станцію

[5]) Ключи живописная мѣстность въ 5 верстахъ отъ Иркутска. Славится ключи чистою, хрустальнаго цвѣта водою, съ шумомъ падающею съ горъ.

[6]) Заморская дорога на протяженіи 60 верстъ тянется по берегу рѣки Ангары.

мы могли безпрепятственно любоваться красивыми гористыми берегами Ангары, вдоль которой тянется дорога до Байкала. Когда же сталъ спадать жаръ, я вся предалась впечатлѣнію окружающей меня природы и не знала, въ которую сторону смотрѣть; жалѣла лишь объ одномъ, что всѣ эти живописныя мѣста остаются незаселенными; кажется, будь моя воля, я бы всюду накидала здѣсь хутора и деревеньки. Въ 7 ч. вечера мы, усталыя, голодныя, прибыли въ Лиственичную [7]), перехватили чего-то изъ приготовленнаго обѣда и, отдохнувъ немного, попробовали взобраться на горы. Къ сожалѣнію, это оказалось выше нашихъ силъ. Горы совсѣмъ были отвѣсны—кружилась голова. Для ночлега на берегу Байкала намъ отвели съ виду чистенькій домикъ, но какую бездну насѣкомыхъ мы встрѣтили въ немъ!.. Я не могла заснуть болѣе двухъ часовъ въ ночь. На другой день, въ 6 ч. утра мы уже были на ногахъ, а въ 8-мъ—все общество, состоявшее болѣе чѣмъ изъ 20-ти человѣкъ (въ числѣ которыхъ былъ губернаторъ Венцель съ супругою ѣхавшій для осмотра строившейся Круго-Байкальской дороги, начальникъ штаба Б. К. Кукель съ женою, чин. особ. пор. Рыкачевъ, начальница Александр. пріюта Ф. Е. Выкрещукъ-Сокальская, Веретенниковъ съ женою и многіе изъ нашихъ сослуживцевъ),—весело уже садилось на пароходъ, направляясь въ Култукъ [8]), небольшое селеніе на берегу Байкала, въ 80 верст. отъ Лиственичнаго. Несмотря на усталость, на безсонную ночь, я не могла отвести глазъ отъ горъ, окружающихъ Байкальское озеро. Будь я художникъ, я бы многихъ заставила восхищаться ихъ причудливостью. Одно грустно, что все это пусто; нѣтъ жилья. Эта чудная *мѣстность* пропадаетъ даромъ...

[7]) Лиственичная—почтовая станція у самаго оз. Байкалъ.

[8]) Култукъ—селеніе на юго-зап. берегу Байкальскаго озера со смѣшаннымъ изъ бурятъ и русскихъ населеніемъ: окружено живописно расположенными горами лиловыхъ оттѣнковъ.

Во время нашей поѣздки по бурливому Байкалу поднялся порывистый вѣтеръ съ раскатами грома и страшною молніею. Восемьдесять верстъ мы ѣхали, кажется, сутки съ лишнимъ. Нашъ пароходъ, несмотря на присутствіе на немъ хозяина — Веретенникова, кидало, какъ щепку, и насъ всѣхъ совсѣмъ закачало!

Возвратясь домой совершенно истомленными, мы все-таки остались очень довольны своей поѣздкой и близкимъ знакомствомъ съ капризнымъ, сердитымъ Байкаломъ и съ его восхитительными видами.

1860 г.

Исторія народа и ея источники.—Передовые народы.—Будущность Россіи.

28 декабря. Хочется писать, но что же я стану разсказывать? Есть много, много о чемъ говорить, боюсь только—кто прочтетъ—назоветъ сплетницей. Но развѣ исторія сплетня? Нѣтъ.

Изъ чего же она слагается, какъ не изъ разсказовъ? Исторіи преимущественно разсказываютъ о войнахъ, славныхъ полководцахъ или отмѣчаютъ, *по мнѣнію пишущихъ*, выдающіяся событія,—оттого-то по такимъ «историкамъ» становится часто жалкою, ничтожною, безсмысленною, дѣйствительно, по ея источникамъ, почти ничтожная человѣческая жизнь. Перечитывая учебники исторіи, мнѣ кажется, что всѣ народы такіе еще дѣти, не исключая даже образованныхъ народовъ. Мы всѣ еще такіе варвары, не исключая и передовыхъ народовъ! Начните для исторіи, напр., заносить то, что теперь происходитъ: взгляните на дѣйствія англичанъ въ Индіи—и у васъ волосы станутъ дыбомъ; или полюбуйтесь любезными французами въ Китаѣ во время грабежа дворца. Неправда-ли, какъ' мило? Прочитайте ихъ исторію; они—наши образцы, передовыя націи, на которыхъ мы смотримъ съ благоговѣніемъ. Взгляните въ ихъ исторію о насъ,—развѣ и мы не варвары? не орда, подобная Тамерлановой, которая должна рухнуть отъ ихъ злокозней и подъ ихъ ударами?...

Вглядываясь же сами въ себя, мы видимъ, что мы—Русь *православная*. Никогда не бывать тому, что иностранцы пи-

шутъ о насъ. Не замрешь ты, моя возлюбленная Россія! Тебѣ-ли гибнуть, полной силъ, готовыхъ для молодой, кипучей, полезной и широкой дѣятельности? Ты еще не жила, не приложила къ пользѣ человѣчества своей удали, своего свѣтлаго ума! Ты все перенесешь и не умрешь, моя родная! Недаромъ раскинулась ты отъ океана до океана—это твоя колыбель: ту колыбель ты современемъ разукрасишь. Въ ней сольются узами братства и любви всѣ племена земныя! Ты безъ разбора, съ русскимъ гостепріимствомъ, откроешь врата всѣмъ идущимъ къ тебѣ: славяне, латынь, германцы, греки, турки, татары—всѣмъ просторъ въ твоихъ безпредѣльныхъ равнинахъ! Стекайтесь же всѣ подъ знамя *христіанской любви*,—только эта *наука* просвѣтитъ умы и въ нихъ ясно загорится сознаніе наивысшаго закона Творца въ отношеніяхъ къ Его разумнымъ твореніямъ, безъ различія племенъ и религіи!..

Вотъ, по моему, твое высокое назначеніе, моя чудная родина! Такою мнѣ кажется въ отдаленномъ будущемъ благословенная судьба твоя...

Но нескоро настанетъ еще эта пора. До тѣхъ поръ прольется много слезъ и много крови, и едва-ли дѣти наши увидятъ эти счастливые дни.—Но заря занялась—будетъ и день...

Но вѣдь я ничего и не разсказала изъ того, что хотѣла... И вѣчно такъ. А сегодня такой славный вечеръ: мы однѣ, уроковъ давать не нужно, и думала, попишу.

Да, и писать удовольствіе здѣсь мнѣ большое: въ Иркутскѣ, какъ бывало и въ Смольномъ, я избѣгаю праздныхъ визитовъ; такъ что невольно становлюсь «заштатной» въ обществѣ. Сосредоточить же все въ себѣ нельзя—тяжело; мнѣ необходимо излить свои чувства, и бумага является моимъ милымъ терпѣливымъ другомъ.

Запросъ Нутѣ Его Императорскаго Высочества Принца П. Г. Ольденбургскаго.—Отпуски воспитанницъ.—Оля Сибирякова.

31 декабря. Со смертью Государыни Александры Θеодоровны, Ея И. В. Г. Императрица Марія Александровна желаетъ, кажется, приступить къ нѣкоторымъ преобразованіямъ женскихъ учебныхъ заведеній.

Нутѣ прислали программу, требуя, какъ и отъ всѣхъ начальницъ, ея мнѣнія. Дѣло идетъ *объ отпускѣ дѣтей къ родителямъ и объ измѣненіи програмъ.*

Сестра уже отпускаетъ по праздникамъ дѣтей и на дняхъ она послала свое мнѣніе [1]). О дополненіи програмъ она

---

[1]) Въ виду важности и особаго интереса вопросовъ о пользѣ и вредѣ отпусковъ изъ закрытыхъ жен. учеб. заведеній помѣщенъ здѣсь отрывокъ мнѣнія Анны Петровны. Въ болѣе полномъ видѣ оно напечатано въ приложеніяхъ къ уставу институтовъ.

„Исполняя волю Его Императорскаго Высочества, Предсѣдателя Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, я беру на себя смѣлость высказать мое мнѣніе касательно отпусковъ воспитанницъ изъ института со всею искренностью, требуемою святостію дѣла. Долговременный опытъ убѣдилъ меня, что непродолжительные отпуски изъ института не только не повредятъ воспитанію, но могутъ даже способствовать ему въ той силѣ, что, несмотря на нравственное и умственное развитіе, пріобрѣтаемое воспитанницами въ институтѣ, онѣ не отчуждаются отъ среды, въ которой послѣ выпуска становятся дѣйствующими членами, не отчуждаются отъ семейства, а потому и переходъ ихъ отъ образованнаго общества часто къ необразованному семейству не производитъ на нихъ того ошеломляющаго дѣйствія, которое обыкновенно испытываютъ дѣвушки, кончившія курсъ воспитанія въ закрытыхъ заведеніяхъ, когда возвращаются подъ свой родной кровъ. Къ тому же, видя бытъ своихъ родителей и ихъ неимущее положеніе, дѣти съ раннихъ поръ свыкнутся съ мыслію, что и имъ придется трудомъ доставать средства къ жизни. Это сознаніе необходимости и потребности труда можетъ имѣть весьма благотворное вліяніе на ихъ успѣхи и на направленіе послѣдующей ихъ дѣятельности и внѣ стѣнъ института; оно точнѣе укажетъ имъ цѣль занятій, чего, при всей добросовѣстности воспитателей, весьма трудно достигнуть въ совершенно закрытомъ заведеніи, гдѣ все потребное для жизни воспитанницъ доставляется имъ безъ малѣйшей заботы съ ихъ стороны: *на словахъ же невозможно разоблачить горькую истину, часто ожидающую ихъ за порогомъ института.* Въ молодости, когда такъ легко живется, неохотно вѣрится въ предстоящее тяжелое будущее...

давно уже хлопочетъ. Ей хочется ввести преподаваніе въ Иркутскомъ институтѣ англійскаго языка въ виду близости Америки къ Восточн. Сибири, а также физики и естественной исторіи. Покамѣстъ, во время урока французскаго языка, я читаю и отрывки изъ зоологіи; беру самое занимательно

Что же касается до отпуска ихъ на вакаціи, то тотъ же долговременный опытъ доказалъ мнѣ, что *онъ никогда не проходитъ безъ вреда для воспитанницъ*: родители нравственныхъ семействъ, взявъ воспитанницу на короткое время, предоставляютъ ей полную свободу, боясь стѣснить ее малѣйшимъ занятіемъ, если оно противорѣчитъ наклонностямъ дѣвочки, повторяя въ извиненіе своей слабости: въ институтѣ научится и тому и другому, а теперь пускай себѣ отдохнетъ „*бѣдняжка*". И дѣйствительно „*бѣдная*" дѣвочка: она мало-по-малу утрачиваетъ охоту къ занятіямъ, къ которымъ часто съ большимъ трудомъ начала привыкать въ стѣнахъ института. Но это зло ничего еще не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, которому подвергается дѣвушка, оставаясь дома *долгое* время. Легко можно представить себѣ послѣднюю послѣ долгаго пребыванія въ семействѣ, часто весьма не отличающемся строгою нравственностью. Тамъ дитя, находясь подъ вліяніемъ дурныхъ примѣровъ, *заражается* ими само и ту же заразу вноситъ потомъ въ кругъ своихъ подругъ... Мнѣ доводилось быть свидѣтельницей живого участія, съ которымъ дѣти прислушивались къ пустымъ и часто безусловно вреднымъ разсказамъ своей возвратившейся „просвѣщенной" подруги. Въ подобныхъ случаяхъ вліяніе даже любимой ими наставницы оказывалось совершенно безсильнымъ воздѣйствовать на массу.—Столь сильно зло!

Ограничить же отпуски выборомъ мы не можемъ: это значило бы поколебать уваженіе дѣтей къ *родителямъ*, которое является основою уваженія дѣтей къ власти, что мы, какъ воспитатели, *должны всѣми средствами развивать и поддерживать* *).

Отказать же одной дѣвочкѣ въ отпускѣ на вакаціи въ то время, когда десятки ея подругъ разъѣзжаются по домамъ, не покажетъ-ли ей это нашего недовѣрія къ ея родителямъ, а любовь дѣтей къ нимъ не поставитъ-ли и насъ самихъ въ то же время въ ложное къ дѣтямъ отношеніе? Объяснять же причины отказа въ отпускѣ — слишкомъ рискованно. Не понимая настоящей причины отказа, не постарается-ли воспитанница найти ее въ неблаговоленіи начальства къ ея отцу или матери, и сколь тяжелы могутъ быть послѣдствія закравшагося недовѣрія, а можетъ быть, со злобою, кровнаго оскорбленія къ ея воспитателямъ?

*) Взглядъ, достойный вниманія. „Ячейка семейная—есть основа государственности". (О бракѣ—Иванцова-Платонова).

ное для дѣтей, заставляю разсказывать, а потомъ заставляю письменно излагать прочитанное и разсказанное; это пріучаетъ дѣтей яснѣе выражать свои мысли на французскомъ языкѣ и даетъ имъ много полезныхъ свѣдѣній для жизни.

Какъ бы хотѣлось подвинуть и дать болѣе примѣнимое въ жизни образованіе; раскрыть возможно шире кругозоръ воспитанницъ, чтобы онѣ пробовали свои силы во всѣхъ отрасляхъ наукъ...

Оля Сибирякова [2]), которой я начала давать уроки музыки 7 января 1859 г., очень успѣла: теперь она проходитъ подготовительныя упражненія Гензельта, которыя ей очень нравятся и развиваютъ бѣглость пальцевъ.

Благослови успѣхомъ ее, Господи!—Мои ученицы успѣваютъ.

Благодарю Тебя, Владыко, за благословеніе моего труда!

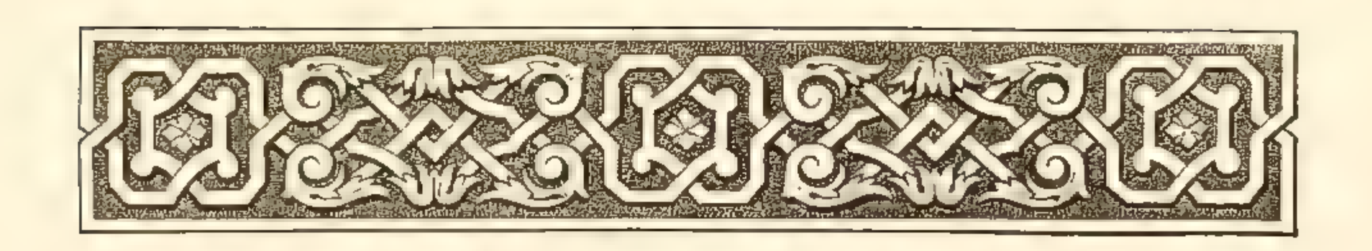

Всѣ эти неудобства легко устраняются *кратковременнымъ отпускомъ по праздникамъ*, въ видѣ награды, назначивъ отсутствіе воспитанницъ отъ 11 часовъ утра до 5 ч. вечера зимою и до 6 ч. лѣтомъ. Каково бы семейство ни было, короткое пребываніе въ немъ останется безъ дурного вліянія: возвращеніе дѣвочки къ полезной дѣятельности, добрые примѣры, которыми она окружена въ продолженіе недѣли, заставятъ забыть неблагопріятное впечатлѣніе нѣсколькихъ часовъ.

Не знаю, извѣстенъ-ли Его Императорскому Высочеству образъ занятій воспитанницъ въ каникулярное время?

Въ Иркутскомъ институтѣ, когда прекращается всякое научное образованіе, то дѣти по цѣлымъ днямъ, оставаясь на открытомъ воздухѣ подъ надзоромъ образованныхъ воспитательницъ, проводятъ время въ чтеніи, въ разговорахъ съ ними, а потому никогда умственное развитіе ихъ не *двигается* такъ сильно и быстро впередъ, какъ въ каникулярное время, хотя и случается иногда, что имя какого-нибудь древняго завоевателя или названіе незначительнаго города испарится изъ ихъ головокъ. Сколько разъ случалось мнѣ видѣть, что изъ двухъ лучшихъ ученицъ та, которая пользовалась двухмѣсячнымъ лѣтнимъ отпускомъ, далеко отставала отъ своей подруги, остававшейся на это время въ стѣнахъ заведенія".

[2]) См. 1859 г. 7 янв. пр. 1.

1861 г.

Балъ.—Лейбницъ. Размышленія о старости.—Провинціальная жизнь.

1 марта. Снова весь Иркутскъ, или, по крайней мѣрѣ, всѣ знакомые Извольскихъ [1]) пируютъ на балу у нихъ и снова я одна добровольно или, лучше сказать, своевольно уклонилась отъ участія въ этомъ празднествѣ.

Что мнѣ въ увеселеніяхъ въ мои годы? Молодость давно прошла,—пусть веселится, кто можетъ, а у меня свои удовольствія. Но между тѣмъ знакомые съ удивленіемъ спрашиваютъ: «неужели и сюда васъ не тянетъ»? «C'est un bal costumé et vous n'y allez pas»? И не понимаютъ они, что этотъ вздоръ теперь уже не можетъ меня тѣшить. Пожалуй, я бы охотно посмотрѣла на всѣхъ, если бы могла это сдѣлать лишь не выходя изъ своей комнаты; но ѣхать, думать о бальномъ нарядѣ... Боже, какая пытка!.. Бѣдная Нуточка должна на вечерѣ присутствовать, иначе придется перессориться со всѣми...

Право, какъ еще дики и насильственны свѣтскія отношенія! Неужели и впослѣдствіи также будетъ слагаться жизнь? Неужели и грядущія поколѣнія будутъ проводить время также неразумно, какъ коротаютъ его въ Иркутскѣ и также стѣснять другъ друга?!...

Сегодня съ большимъ удовольствіемъ прочла я статью

---

[1]) Извольскій, Петръ Александровичъ.—послѣ К. К. Венцеля гражд. губернаторъ въ Иркутскѣ.

о Лейбницѣ [2]). Вѣрованія этого геніальнаго человѣка, умъ котораго уже такъ много изслѣдовалъ и раскрылъ такъ много истинъ, производятъ успокоительное дѣйствіе. Съ напряженнымъ вниманіемъ прочитывала я каждое слово изъ его теоріи о Божествѣ, о душѣ человѣческой, о ея безсмертіи, о продолженіи ея жизни, т. е. дѣятельности, о сохраненіи свободы личности, и мнѣ какъ-то особенно легко становилось на душѣ: и близкая старость, и самая смерть не страшатъ меня болѣе... «*Нѣтъ смерти для духа*». «Нѣтъ старости»! Отрадныя мысли... Такъ и хочется жить послѣ смерти! На землѣ я положительно не жила. Доказательствомъ тому служитъ, что я не хочу пережить ни одного года изъ всѣхъ прожитыхъ мною... Господи, возврати мнѣ только мои прежнія вѣрованія! Мнѣ было такъ хорошо думать, что жизнь цѣлая, всеблаженная ждетъ меня за чертою этого міра! Съ такими убѣжденіями весело не только жить, но и умирать...

Сижу я теперь одна. Въ другой комнатѣ Оля Сибирякова [3]) играетъ давно знакомыя мѣста изъ «Нормы». Всѣ мотивы этой оперы извѣстны мнѣ давно, уже въ ранніе годы, проведенные въ Смольномъ...

Да, Смольный, Смольный... съ тобою сохраняются мои лучшія воспоминанія. Въ былые годы 1 марта мы проводили обыкновенно у Баумгартенъ [4]), у бывшей Додо, сводившей съ ума многихъ, воспѣтой прозой и стихами... И она перемѣнилась... Странно подумать, что и мы уже состарились?..

Какъ просто все это дѣлается: посѣдѣютъ волосы, пойдутъ по лицу морщины, взглянете на себя — вотъ и старость.

---

[2]) Лейбницъ (Готфридъ-Вильгельмъ) знаменитый философъ. Родился въ Лейпцигѣ въ 1646 г. † въ 1716 году. Изъ его сочиненій Варв. Петровна особенно любила читать „Опыты человѣческаго познанія“.

[3]) Оля Сибирякова, см. 1859 г. 7 янв. прим. 1-е и 1860 г. 31 декабря.

[4]) Баумгартенъ (см. ч. 1-я стр. 159, 173, 192, 358, 402, 435).

Зачѣмъ только старѣется одно тѣло? Для чего же остаются прежняя свѣжесть и стремленія куда-то души? Пусть бы за одно старилось все вмѣстѣ? Но нѣтъ,—благо Провидѣніе, неисповѣдимы Его законы! «Un seul esprit vaut tout un monde» a dit Leibnitz; «le mien, par conséquent le vaut aussi; donc, qu'il vive, malgré le dépérissement du corps» [5])!

Думала и я когда-то, что больше жить не стоитъ, что темно на землѣ; позволь тогда только Нута, такъ бы и оторвалась отъ земли, гдѣ, казалось, въ конецъ изстрадалась душа, но мало-по-малу время залѣчило раны и новая жизнь загорѣлась во мнѣ: были даже очень свѣтлые дни... Стало быть, хорошо, что нѣтъ ничего вѣчнаго на землѣ. И страданія не вѣчны! Казалось мнѣ тогда, что я должна въ одну ночь посѣдѣть, такъ разомъ охватывала душу страшная скорбь... А между тѣмъ волосы и до сихъ поръ все еще не всѣ сѣдые,—даже темны, хотя слѣды остались на лицѣ, и морщины причудливыми узорами, похожія часто на буквы, говорятъ только о пережитомъ. Все это говоритъ и о старости, съ которою неразрывно должна быть и скромность...

Теперь наступили праздники. Дождь не перестаетъ идти. На небѣ сѣро, а на душѣ какъ-то мрачно,—вѣрно настроеніе зависитъ отъ погоды; можетъ быть и обстановка тоже дѣйствуетъ: занятія прекращены, я одна цѣлый день, да и многое, многое что другое... Отъ здѣшняго общества развлеченій мало можно ждать: и здѣсь, какъ бывало въ прежнія времена въ Саратовѣ—«не вспыхнетъ мысли въ цѣлыя сутки!..» Все та же безцвѣтная провинціальная жизнь, проявляющая свою общественную дѣятельность вечерами, обѣдами, балами, пикниками и тому подобными увеселеніями. Безъ картъ и танцевъ, кажется, пропадетъ Иркутское общество. Я всю жизнь ищу напрасно интересной и умной

[1]) „Умъ стоитъ цѣлаго міра", сказалъ Лейбницъ: „мой умъ стоитъ, слѣдовательно, той же оцѣнки; такъ пусть же онъ переживаетъ немощь тѣла".

бесѣды,—неисправима да и только! Неужели же на всей землѣ люди живутъ такою же жизнью, какъ у насъ «на дикомъ сѣверѣ?» «Да», говорятъ мнѣ: «вѣдь и животныя пляшутъ и по-своему веселятся»... Согласна я съ этимъ, но воля ваша, а какъ-то скучно существамъ разумнымъ подражать неразумнымъ животнымъ, даже какъ-то обидно...

А какъ—по вашему, господа новаго и новѣйшаго поколѣнія? «Ничего? Да какъ же» говорите вы, «иначе и жить-то?» «О чемъ мыслить, о чемъ толковать?» «Не все же сидѣть дома за книгами, да за бумагами!»

«Да къ чему всѣ ваши бумаги, все это толченье воды въ ступѣ»?

Развѣ уже и нельзя найти болѣе подходящаго и разумнаго занятія на что бы могли быть употреблены ваши молодыя силы, наприм., на изслѣдованіе Сибири, на обученіе неграмотныхъ, на уходъ за больными и т. п. развлеченія. А то танцы да карты, карты да танцы,—вотъ и вся жизнь! Впрочемъ, есть и causerie, перебирающая по косточкамъ всѣхъ враговъ и друзей...

Скучно и глупо! Но и сердиться нельзя: не на кого. Все это дѣлается въ невинности душевной: всѣ идутъ по одной и той же дорогѣ...

Цѣлый день читая, я устала, хотѣлось бы живого слова; но въ Иркутскѣ въ этомъ отношеніи почти всегда «вѣчный голодъ».

Отъѣздъ графа Амурскаго изъ Иркутска.—Размышленія на берегу Ангары.—Некрасивая пепиньерка.—Послѣдній урокъ французскаго языка.

6 февраля. Ровно три недѣли назадъ графъ Амурскій покинулъ Иркутскъ и, кажется, навсегда.

Странное впечатлѣніе производилъ на меня этотъ чело-

вѣкъ: не видя, я скорѣе не любила его. Все слышанное про него поднимало непріятныя чувства въ душѣ, — но всякій разъ, когда мы видѣлись, мнѣ было жаль этого способнѣйшаго человѣка. Онъ всегда казался мнѣ «такимъ несчастнымъ» отъ слагавшихся какъ-то не въ пользу его обстоятельствъ. . Такъ случилось и при прощаніи; я, какъ безумная, плакала при его отъѣздѣ, даже самой было совѣстно: могли подумать Богъ знаетъ что...

17 января, въ 11 часовъ, всѣ служащіе собрались въ Иркутскомъ соборѣ, гдѣ преосвященный владыка Парфеній [1]) служилъ напутственный молебенъ, вѣроятно, навсегда покидающему насъ графу. Мы поѣхали проститься съ Н. Николаевичемъ. Графъ былъ очень взволнованъ. По окончаніи молебствія онъ молча поцѣловалъ руку у Annetie, Извольской [2]), Вакульской [3]) и у меня. Такъ разстались мы, быть можетъ, на всю жизнь. Говорятъ, здѣсь вообще его «не любили»,—насколько тутъ правды—не знаю. Мнѣ всегда казалось, что куда падаетъ много лучей солнышка, туда и всѣ цвѣточки обернутъ головки,—солнышко лучи свои отвело—и цвѣточки отвернулись...

На прошедшей недѣлѣ у М. С. Корсакова [4]) на заимкѣ собралось довольно много народу и я, противъ обыкновенія, не скучала. Мѣстоположеніе чудное! Заимка на горѣ; я гуляла много, а когда уставала, садилась на скамью на довольно крутомъ берегу Ангары. Передо мною шумѣла и струилась Ангара, а за ней виднѣлся весь Иркутскъ, освѣщенный заходящимъ солнцемъ. Вдали, да при солнечномъ освѣщеніи нашъ городокъ много выигрывалъ: видишь мно-

[1]) Преосв. Парфеній (Поповъ), епископъ Ирк. съ 1860 по 1870 гг. (см. 1870 г. 24 февр.).

[2]) Извольская, Евдокія Григорьевна.

[3]) Вакульская, Алекс. Корниловна, супр. гражд. губ. Иркутска, впослѣдствіи супруга ген.-губернатора.

[4]) Михаилъ Семеновичъ, ген.-губерн. Восточной Сибири послѣ Муравьева-Амурскаго.

жество строеній, сливающихся въ полусвѣтѣ и думаешь, невольно думаешь о многихъ существахъ, «живущихъ» и «прозябающихъ» въ нихъ... И спрашиваешь себя: «есть-ли межъ ними счастливые?» И какая цѣль ихъ существованія? И есть-ли здѣсь такія семьи, гдѣ миръ, согласіе и любовь царятъ между ихъ членами?.. И многое, многое другое бредетъ на умъ, заставляя забыть, что и сама я нахожусь окруженная такими же людьми, которые тоже томятся въ тѣхъ же домахъ, домикахъ и домищахъ... Все однѣ и тѣ же мелкія страстишки, все одна и та же жалкая, за немногими исключеніями, ничтожная съ дрязгами людская жизнь...

Но изъ этой тѣсной и почти однообразной общечеловѣческой семьи выдѣляются личности, предъ которыми можно благоговѣть: такова, напр., личность Ливингстона [5]), того путешественника, который всю жизнь свою проводитъ между дикими племенами Средней почти неизвѣстной части Африки, для распространенія между тѣми племенами евангельскаго ученія и, стало быть, возможности на землѣ счастья! Нѣтъ, не способна я на такой великій подвигъ. Гдѣ мнѣ! Не хватитъ и на нѣсколько минутъ самоотверженія. Ливингстонъ— святой человѣкъ: подобныя личности составляютъ въ нашей жизни утѣшительныя явленія и служатъ доказательствомъ величія души человѣческой.

— Завтра сестра выдаетъ замужъ третью пепиньерку, остается только одна, очень некрасивая дѣвушка [6]). Бѣдное дитя! Молодость ея была безотрадна. Въ 18 лѣтъ она отказалась отъ всякихъ выѣздовъ: въ эти годы тяжело видѣть себя на всѣхъ «сборищахъ» постоянно «одинокою». А между тѣмъ она добра, умна и образованна. Виновата-ль она, что природа произвела ее на свѣтъ «такою дурнушкою?»

---

[5]) Отважный путешественникъ по Африкѣ, занимавшій въ то время общественное мнѣніе Европы.

[6]) О. Л. изъ Селенгинска. Молодежь даже ее очень рѣдко приглашала танцовать на вечерахъ.

Хотя бы, по крайней мѣрѣ, она видѣла побольше сочувствія къ себѣ. Куда!.. Глумятся надъ ничѣмъ незаслуженнымъ несчастьемъ... Многое подобное и я перенесла на себѣ... Охъ, какъ можно возненавидѣть жестокость людскую. Какія то были тяжелыя минуты!.. Сегодня мы обѣдали съ нею вдвоемъ. Я старалась теплымъ, ласковымъ словомъ смягчить, хотя немного, горькую ея участь: говорила о благѣ труда, о жизни на пользу брата—человѣка, о независимости, пріобрѣтаемой добросовѣстнымъ трудомъ, говорила о высокомъ значеніи его, о предстоящей ей жизни. Дѣвушка слушала меня, слезы навернулись у нея да и у меня тоже; потомъ она встала, крѣпко меня обняла со словами: «ангелъ, Варвара Петровна»! На томъ мы и разстались. Жаль мнѣ бѣдняжку!.. Въ 18 лѣтъ ея сердце любви проситъ. Молодость жить хочетъ,—а жизни нѣтъ, ей только гнетъ, а жизнь бѣжитъ отъ нея. На любовь отнюдь надѣяться нельзя, хотя и дурнушки также чувствуютъ, какъ и хорошенькія.

Теперь въ литературѣ подняли вопросъ о женщинѣ,—слава Богу! Начало есть. Придетъ время, что заговорятъ о всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ... заговорятъ также объ участи некрасивыхъ дѣвушекъ, явятся, можетъ быть скоро защитники и ихъ интересовъ. Много уже говорятъ о равенствѣ свободныхъ личностей. Дай бы Богъ, чтобы хоть уменьшилась жестокость къ этимъ несчастливымъ личностямъ.

Недавно я сдала экзаменъ французскаго языка. Дѣти въ два года сдѣлали хорошіе успѣхи. Я старалась заниматься съ ними практически: всѣ правила примѣняла въ переводахъ, разсказахъ и въ разговорахъ. Французскимъ языкомъ я часто пользовалась для проведенія между дѣтьми понятій, выходящихъ изъ рамокъ институтскихъ программъ. Думаю, что сѣмя, брошенное на хорошую почву, въ свое время принесетъ плодъ...

Жаль мнѣ было разставаться съ дѣтьми и передавать

ихъ другому учителю. Онѣ тоже послѣ экзамена принялись плакать и просили, чтобы я простилась съ ними, но я не пошла, боялась разрыдаться,—вышло бы неловко... На другой день получила отъ нихъ прочувствованное письмо, которое берегу здѣсь на память. Все же не даромъ жила два года въ Сибири. Вотъ въ чемъ мое утѣшеніе, моя жизнь, моя услада...

Благослови, Господи, это юное поколѣніе! Пусть оно будетъ лучше насъ!

Освобожденіе крестьянъ.—Воспоминанія о 14-мъ декабря 1825 г.—О Рылѣевѣ и его дочери.

22 сентября. Что со мною дѣлается? Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ не дотрогивалась до пера. Какая-то апатія нападаетъ, даже писемъ не хочется писать!

Бѣдная сестрицинька, приходится и ей наряду со всѣми помѣщиками искупать прежніе, невольные грѣхи баричей [1]). Много ей хлопотъ предстоитъ: дворовые требуютъ, кромѣ воли, по 100 руб. каждый. Гдѣ ей взять? А, между тѣмъ, справедливость требуетъ наградить бѣдныхъ людей, проведшихъ жизнь въ рабствѣ. Крѣпостная зависимость—большое зло, введенное у насъ Годуновымъ. Крутой и жестокій былъ характеръ Годунова!.. Что передъ *Нимъ нашъ* Николай Павловичъ,—агнецъ. Будь-ка 14-е декабря при великомъ батюшкѣ Петрѣ Алексѣевичѣ—не пятерымъ бы досталось... [2])

Да, много картинъ прошлаго воскресаетъ въ моей памяти. Припоминается и 14-е декабря 1825 г., когда насъ привезли изъ Кіева въ Петербургъ и, не стѣсняясь нашимъ присут-

[1]) Елизавета Петровна. См. 1 ч., стр. 113 и 440-я.

[2]) См. записки Мих. Александр. Бестужева (тамъ 14 декабря очень подробно) и Русск. Архивъ за 1899 г. (письмо А. Ѳ. Воейкова къ кн. Е. А. Волконской).

ствіемъ, каждый высказывалъ свое сужденіе. Разсказывали очевидцы о казни этихъ пяти преступниковъ; вся душа переболѣла за нихъ, и видѣлись ясно мнѣ идущіе на висѣлицу. Между ними былъ и Рылѣевъ, любовь котораго къ отчизнѣ казалась мнѣ всегда симпатичной:

«Погибну я за край родной,
Я это чувствую, я это знаю
И радостно, Отецъ Святой,
Свой жребій я благословляю».

говорилъ онъ.

Почему-то съ самаго дѣтства, съ перваго дѣтства я питала къ нему жалость, которая переселилась впослѣдствіи и на его дочь [3]). Тогда насъ только-что привезли изъ Кіева въ Петербургъ.

14 декабря произвело на меня сильное впечатлѣніе, которое я не могу забыть во всю жизнь. Никто не обращалъ вниманія на маленькое дитя, и говорили при насъ не стѣсняясь обо всемъ; я слушала и сердечко содрогалось...

Отецъ мой былъ глубоко преданъ Престолу. Оставшись 7-ми лѣтъ круглымъ сиротою, онъ былъ почти дочиста обобранъ родственниками. Восьми лѣтъ его записали въ полкъ, по древнему дворянскому обычаю, а 12 или 13-ти отправили на мѣсто назначенія къ командиру полка, генералу Ратькову, гдѣ жена и дочь этого «николаевскаго» вояки обласкали мальчика, полюбили за живость его характера, за природный умъ и, вѣроятно, за выразительное личико да хорошенькіе глазки. Образованія отецъ не получилъ никакого,—зналъ только русскую грамоту. Выросши на службѣ царской чуть не съ пеленокъ, онъ являлся патріотомъ до мозга костей, до фанатизма, начиная съ куренія «исключительно» русскаго табаку.

---

[3]) См. зап. ч. 1-я 1836 г. 26 февр.—стр. 89-я. Рылѣевъ К. Ѳ. писатель-декабристъ. (См. о немъ „Рус. Стар." за 1873 г.)

Бунтъ 14 декабря, въ его глазахъ, былъ огромнымъ, выдающимся преступленіемъ. Онъ самъ, въ качествѣ адъютанта графа Комаровскаго [4]), находился на Сенатской площади во время стрѣльбы; самъ видѣлъ, какъ Каховской ранилъ Милорадовича [5]), какъ митрополитъ [6]) два раза ѣздилъ уговаривать бунтовщиковъ. Разсказывалъ со слезами умиленія, какъ Государь, остановившись передъ войскомъ, сказалъ: «стрѣляйте въ меня!» Разсказывалъ о сердцѣ русскаго солдата: — какъ, послѣ первыхъ выстрѣловъ по толпѣ, солдаты Московскаго полка побросали ружья и пали на колѣна предъ «Исаакіемъ» [7]). И много, много подобнаго, что уже теперь ускользнуло изъ памяти.

Въ этотъ страшный день мы долго ждали отца къ обѣду. Уже смерклось, а его все не было. Мачиха стала безпокоиться, послала человѣка къ графу, и только вечеромъ пріѣхалъ самъ отецъ съ словами: «бунтъ!» Послали въ гимназію за старшимъ братомъ, и онъ первый намъ разсказалъ множество страшныхъ, пустыхъ и дѣтскихъ слуховъ. Насъ рано уложили въ постель, но подъ давленіемъ чего-то ужаснаго, отзывавшагося на родителяхъ, мы долго не спали, прислушиваясь ко всякому шороху. Мы слышали, какъ папа разсказывалъ, что солдаты Московскаго полка останавли-

[4]) Графъ Комаровскій, Евграфъ Ѳедотовичъ, ген.-отъ-инфант., командиръ отдѣльн. корп. внутренней стражи (род. 1764 г. и † 1843 г.). О немъ см. „Русск. Старина“ 1873 г., т. 7, стр. 293—307.

[5]) См. запис. Богуславскаго -„Гр. М. А. Милорадовичъ“. Графъ Милорадовичъ, Михаилъ Андреевичъ, — извѣстный боевой генералъ, род. 1771 г. Занималъ въ концѣ жизни постъ С.-Петербургскаго генералъ-губернатора и умеръ отъ раны, полученной во время мятежа 14 декабря 1824 года.

[6]) Митрополитъ С.-Петербургскій Серафимъ, въ сопровожденіи митрополита Кіевскаго Евгенія и иподіакона Прохора Иванова (подробнѣе объ этомъ подвигѣ гражданскаго мужества въ историко-статистическихъ свѣд. о с.-петербургской епархіи, вып. осьмой, стр. 43—45).

[7]) Т. е. предъ Исаакіевскимъ каѳедральнымъ соборомъ, на площади котораго это происходило.

ваютъ проѣзжающихъ и проходящихъ вопросомъ: «за Константина или за Николая?» и кто за Николая—того убиваютъ. Зато со словомъ *«московскій солдатъ»* на меня нападалъ какой-то страхъ и мысль объ убійцахъ. Солдатъ-денщикъ разсказывалъ, что изъ Невы у Сената выѣзжалъ Георгій Побѣдоносецъ на конѣ съ мечемъ и побивалъ бунтовщиковъ. Мы боялись выйти не только гулять, но и на крыльцо. Моему дѣтскому воображенію послѣ того долго всѣ солдаты казались чуть не «разбойниками». Помню толкованіе носившаго къ намъ воду мужичка: «бунтуютъ баре за жену царя Константина—Конституцію».

Папа былъ всею душою преданъ Царю, а потому ненавидѣлъ декабристовъ. Эта ненависть передалась и мнѣ. Въ Иркутскѣ же пришлось познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ,—и я убѣждена, что и папа жалѣлъ ихъ. Помню, какъ говаривалъ онъ впослѣдствіи: «120 человѣкъ погибло!—безумцы!..» Будучи дѣвочкой, уже подросткомъ, я слышала, какъ папа читалъ одному гостю письма Рылѣева къ женѣ, писанныя наканунѣ смерти, и Оболенскаго къ отцу, ходившія, вѣроятно, по рукамъ. И врѣзались мнѣ въ память слова Рылѣева: «уже полночь,—иду одѣваться!..» Теперь я ихъ жалѣю, но и негодую на упрямство этихъ людей: въ нихъ нѣтъ любви къ близкимъ, но любовь къ себѣ и обожаніе своихъ взглядовъ заглушаютъ все...»

Припоминается разсказъ родственницы моей матери, которая была очевидцемъ такого случая. Была она на смотру или на разводѣ и тамъ подлѣ нея стояла какая-то дама съ дѣвочкой. Въ то время дозволяли просить Государя вездѣ, гдѣ Его встрѣтятъ. Случились просители и тутъ. Когда Государь выслушивалъ просьбу одной дамы, дама, стоявшая возлѣ моей родственницы, вмѣстѣ съ ребенкомъ бросилась передъ Нимъ на колѣни.

— Государь, пощадите мужа!

— Ваша фамилія?

— Рылѣева.—

— Вашего мужа простить не могу,—сказалъ Онъ и прошелъ мимо.

Рылѣева упала. Государь велѣлъ кому-то изъ окружавшихъ подать ей помощь. Послѣ этого дочь Рылѣева была принята въ патріотическій институтъ; мы воспитывались съ нею въ одно время; она однимъ годомъ позже насъ вышла изъ института. Когда въ 1835 году, 22 іюля [1]), воспитанницы всѣхъ институтовъ пріѣзжали въ Смольный, я, узнавъ, что между ними дочь Рылѣева, которую отецъ, по моему убѣжденію, не любилъ, отыскала ее, чтобы взглянуть и познакомиться съ нею. Помню, какъ сейчасъ, ея блѣдное личико и ее, бойкую и веселую. Гдѣ-то она теперь? Жива-ли? Но, вѣрно, и она живо помнитъ все случившееся, хотя ей было тогда всего пять лѣтъ?..

Не понимаю, какъ укладывалась въ душѣ моей преданность къ Государю съ состраданіемъ къ этимъ бунтовщикамъ? Вѣроятно и тогда, какъ и теперь, жаль было тѣхъ, кто, будучи хорошо одаренъ отъ Бога, заблудился, а чрезъ то сталъ несчастнымъ... Въ Смольномъ, слыша только отовсюду безконечныя похвалы Государю, я привыкла смотрѣть на Него, какъ на высшее существо, и когда вспоминала 14 декабря и людей, участвовавшихъ въ немъ, я ихъ ненавидѣла, теперь же ихъ жалѣю и, на нихъ негодуя, радуюсь, что Господь сохранилъ Царя для блага Россіи.

Вѣчная добрая память. Разсказъ сибирскаго купца объ Е. И. В. Наслѣдникѣ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ.

25 сентября. Могу-ли я разсчитывать на продолжительную память по себѣ? А какъ хорошо послѣ смерти быть

[1]) См. зап. час. 1-я 1836 г. 26 февр., стр. 89.

помянутымъ молитвою и добрымъ словомъ!.. Мнѣ кажется, ничего лучшаго и высшаго для самолюбія человѣка не можетъ быть, какъ доброе воспоминаніе людей изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Лѣтописецъ Несторъ и до сихъ поръ живетъ въ памяти нашихъ современниковъ, я тоже, какъ «лягушка, глядя на вола», быть можетъ, похожа на лѣтописца: я тоже кое-что разсказываю... Нѣтъ, нѣтъ, я шучу, шучу! Что я могу и смѣю разсказать? Часто не хочется говорить дурно о людяхъ, а хорошаго сказать нечего—его такъ мало, особенно у насъ, въ городкѣ скуки, интригъ и сплетенъ...

На дняхъ слышала я отъ почтеннѣйшаго сибирскаго купца разсказъ и восторгалась. На прошедшей нижегородской ярмаркѣ Наслѣдникъ Николай Александровичъ [1]) прогуливался въ рядахъ одинъ безъ полиціи,—накупилъ сарпинки, разныхъ плодовъ, ходилъ по Сибирской пристани, велѣлъ открыть цибикъ съ чаемъ, посмотрѣлъ, какъ его укладываютъ и далъ на артель пять рублей тѣмъ, которые открывали цибикъ. Подошелъ къ кваснику, попробовалъ квасъ и сказалъ: «какой скверный»... На это квасникъ отвѣтилъ: «Ваше Высочество, откупъ запрещаетъ намъ продавать квасъ лучшаго сорта».

«Почему?»

«Потому, что народъ станетъ меньше покупать пива и вина».

«Правду-ли ты говоришь?»

«Правду истинную, Ваше Высочество».

Говорятъ, что вслѣдствіе этого и многаго другого тому подобнаго В. Князь отказался отъ торжественнаго обѣда администраціи города и обѣдалъ только у губернатора Му-

---

[1]) Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ род. 1843 г., † 1865 г. въ ночь на 12 апрѣля въ Ниццѣ (см. 14 и 15 апрѣля 1865 г.).

равьева. Въ Казани онъ обѣдалъ только у татарскаго купца Абакова.

Я восхищаюсь примѣромъ Наслѣдника. Давно бы пора высокопоставленнымъ лицамъ послѣдовать примѣру Наслѣдника Престола и держать себя поближе къ жизни имъ ввѣренныхъ, чтобы видѣть и знать все, а особенно мѣстныя нужды провинціи. Какъ бы ихъ за это любилъ и боготворилъ народъ!.. Какъ бы быстро процвѣтала Россія!..

Предложеніе быть начальницею женскаго духовнаго училища.

12 октября. Часъ тому назадъ пріѣзжала начальница здѣшняго духовнаго училища предупредить меня, что пріѣдетъ къ намъ епископъ Парѳеній предложить мнѣ ея мѣсто. Поблагодаривъ за честь, я наотрѣзъ отказалась отъ него.

Я никогда не отдѣляла мою работу отъ дѣятельности сестры. Нуточка привыкла видѣть во мнѣ половину себя. Для чего же я теперь стану разставаться съ нею? Полезной человѣчеству могу быть я и здѣсь: слава Богу, у меня теперь занято уроками 27 ч. въ недѣлю. И Господь вознаграждаетъ труды мои: дѣти успѣваютъ. Не та-ль же и это нива съ тою только разницею, что здѣсь я незамѣтная труженица, а тамъ должна стоять во главѣ и давать направленіе цѣлому заведенію? Богъ знаетъ, хватило-ли бы у меня умѣнья на такое великое дѣло? Надо вырабатывать «духовныхъ» дѣвушекъ, которыя бы чистымъ огнемъ горѣли по деревнямъ и захолустьямъ, которыя бы своимъ примѣромъ несли христіанское просвѣщеніе въ народѣ... А какъ трудно этого добиться при возмутительно-свободомыслящемъ направленіи учителей? Для этого нужна борьба почти со всѣми,— борьба тяжелѣе Нутиной. Я же никогда не распоряжалась, а всю жизнь только исполняла

приказанія другихъ. Поздно теперь, когда отказывалась и раньше, брать на свою отвѣтственность столь трудное воспитаніе, да еще дѣтей духовныхъ... Правда, воспитывала я довольно самостоятельно дѣтей въ Смольномъ, но тамъ меньше было отвѣтственности; дѣти благовоспитаннѣе и легче пріучались къ извѣстной дисциплинѣ, но и тамъ я была плохою воспитательницею... А теперь просто даже какъ-то дико разстаться съ Нутою и отнять у института любящее, преданное его начальницѣ существо, которое, разумѣется, по силамъ старается принести пользу тому заведенію, гдѣ служитъ ея сестра. Мнѣ было бы даже совѣстно промѣнять свое ничтожное положеніе въ свѣтѣ на болѣе видное.

Начальница духовнаго заведенія получаетъ 800 р. жалованья, помѣщеніе, экипажъ, прислугу Я здѣсь получаю 1,200 р., и мнѣ предлагаютъ оставить уроки за собою. Получать столько пріятно,—но нечестно ради денегъ набирать столько обязанностей, которыхъ не въ силахъ одинъ человѣкъ честно исполнить. Для чего мнѣ разставаться съ Нутою? Господь благословитъ насъ и подкрѣпитъ! Лучше мнѣ помогать ей и поддерживать ее на священномъ и отвѣтственномъ поприщѣ.

«Найдутся на это мѣсто люди лучшіе и болѣе способные, чѣмъ я».—отказываясь, утѣшала я добраго владыку.

Сходки студентовъ.

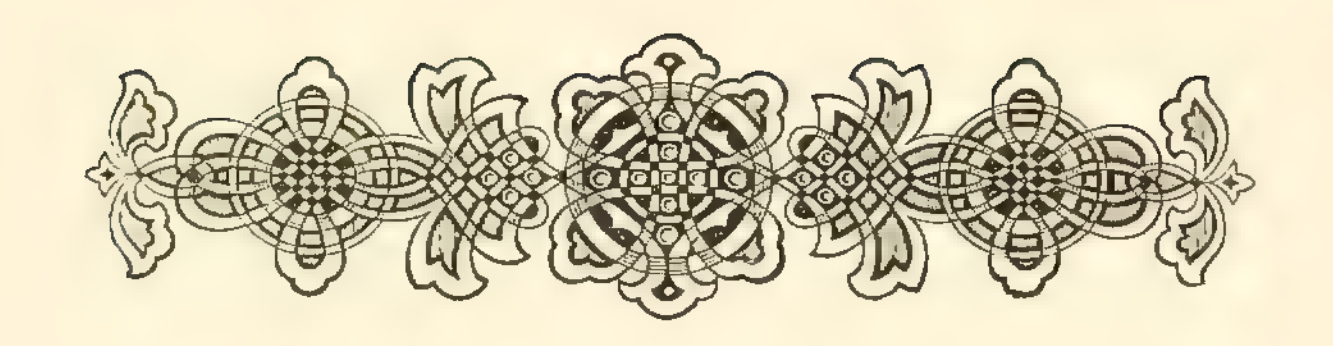
21 ноября. Какое тревожное время мы переживаемъ... Теперь всѣ умы такъ настроены, что отъ одной искры можетъ вспыхнуть пожаръ, — особенно среди молодежи. Мнѣ жаль ее, настраиваемую герценскими коноводами — «друзьями *отечества и человѣчества*»...

У насъ много разсказываютъ о сходкахъ студентовъ столичныхъ университетовъ; говорятъ, что послѣ новаго указа Пут. студенты отправили къ попечителю Ф. депутацію изъ 5 человѣкъ; Ф—овъ ихъ не принялъ. На слѣдующее утро собралось на университетскомъ дворѣ около 1,500 студентовъ и давай шумѣть... Сколько арестованныхъ...

Бѣдные, бѣдные юноши! Какъ не понять имъ простой житейской истины: ни одинъ умный владѣлецъ не впряжетъ молодыхъ, необъѣзженныхъ коней въ дорогой экипажъ: онѣ разнесутъ его, поломаютъ и могутъ убить кучера. Лишь враги юношества такъ могутъ внушать студентамъ, что они какая-то *законодательная сила.* «Чтобы управлять другими — надо самому научиться повиноваться». А когда же и учиться этому, какъ не въ учебномъ заведеніи?

Повинуйтесь за все: и за строптивость и за доброту,— тогда изъ васъ выйдутъ выдержанные начальники, могущіе владѣть собою въ самыхъ возмутительныхъ обстоятельствахъ жизни, а иначе вы напоминаете пѣтуховъ, которые дерутся, а потому ихъ надо сажать по разнымъ угламъ или заколоть во избѣжаніе дракъ.

1862 г.

Землетрясеніе въ Иркутскѣ.

3 января. Шумно и страшно закончилось тысячелѣтіе Россіи въ Иркутскѣ.

Земля сильно сотрясалась, зданія качались, трескались, кресты съ церквей падали, колокола звонили сами собою, еще бы такой ударъ, и едва-ли бы остался камень на камнѣ. Трескъ былъ оглушительный и неудержимый, страхъ гналъ всѣхъ жителей на улицу. Въ Губ. Вѣдомостяхъ, вѣроятно, на дняхъ дадутъ подробный отчетъ о случившемся. Удручающее впечатлѣніе произвело землетрясенье на горожанъ, — но что происходило у насъ въ институтѣ, хочу записать, но не знаю, удастся-ли кончить мой разсказъ: вотъ уже пятый день, какъ земля почти не перестаетъ колебаться [1]). Одинъ Господь знаетъ, чѣмъ все кончится? Можно ждать гибели и смерти на каждой буквѣ изъ этихъ строкъ... Страшно умирать вообще, но умирать въ минуту всеобщаго разрушенія еще страшнѣй! Но да будетъ Его Святая воля!

30 декабря, только-что мы проводили М. С. Корсакова [2]), просидѣвшаго у насъ съ часъ времени, и пошли съ сестрою въ зало походить въ ожиданіи обѣда, — на часахъ было безъ

[1]) Эти колебанія повторялись съ перерывами цѣлый годъ.

[2]) Михаилъ Семеновичъ Корсаковъ (см. 1863 г. 22 іюля). Госуд. дѣятель. Съ 1848 г. командиров. для особыхъ поруч. къ Н. Н. гр. Муравьеву-Амурскому. Съ 1862 генер.-губернат. Восточной Сибири († 1871 г.).

пяти минутъ четыре,—вдругъ поднялся шумъ, страшный трескъ и вслѣдъ за тѣмъ посыпалось что-то! Показалось мнѣ, что рушится наружная стѣна дома. Не понимая причины, объятыя паническимъ страхомъ, мы почти выбѣжали въ коридоръ. Тамъ уже стоялъ экономъ и вся мужская прислуга. На вопросъ сестры: «Что такое случилось?» «Землетрясеніе», отвѣтили ей. Но странно, мы не чувствовали ровно никакого содроганія.

Сестра тотчасъ отправилась наверхъ къ дѣтямъ. Тамъ, говорятъ, былъ страшный трескъ, особенно въ третьемъ этажѣ, но все обошлось благополучно.

Сохрани насъ, Боже!

Землетрясеніе повторяется.

15 января. До сихъ поръ еще слышатся сильные удары. Вчера, во время обѣдни, начиная съ пѣнія «Иже Херувимы», я стала чувствовать содроганіе пола и колонны, къ которой стояла прислонившись, но, принимая то за игру напуганнаго воображенія, я не придала этимъ ощущеніямъ большого значенія.

Во время «Вѣрую» колебанія усилились; я инстинктивно отскочила отъ колонны, и въ эту секунду невидимая сила потрясла двери и стѣны нашего зданія. Нуту оттолкнуло отъ стѣны, подлѣ которой она стояла. Чудныя дѣти не переставали пѣть, но голоски ихъ дрожали и зафальшивили. Я вмѣстѣ со всѣми преклонила колѣни, но молиться не могла; изъ всего символа вѣры слышала только *«и жизни будущаго вѣка»*...

Да, Господи, вѣрую,—хочу вѣровать, что жизнь не кончится этою скучною, тяжелою, земною жизнью, полною борьбы,

испытаній и всякаго рода волненій; я хочу вѣрить, что душа будетъ жить и по смерти.

Вчера вечеромъ въ четверть двѣнадцатаго мы сидѣли въ залѣ; вдругъ застучали окна и зашевелились стулья подъ нами. Нута бросилась къ дѣтямъ, которыя уже спали; отъ сильнаго удара многія въ испугѣ проснулись, но вели себя благоразумно: никто не кричалъ, не прыгалъ съ постели, хотя многія плакали, однако же всѣ были умницы. Нута, крайне взволнованная, обошла всѣ спальни и успокоивала, насколько было возможно, испуганныхъ, а мы остались попрежнему у стола, пославъ только за экономомъ института, съ которымъ я усѣлась играть въ шашки, чтобы какъ-нибудь убить томительное ночное время, *ежесекундно* ожидая новыхъ и новыхъ ударовъ. Ужасное то было состояніе... Такъ просидѣли мы до половины второго. Усталыя, наконецъ, разошлись. Нута, полуодѣтая, прилегла на постель, я же, совсѣмъ не раздѣваясь, примостилась на диванъ и до 4-хъ часовъ не переставала чувствовать колебаній почвы. Слышала, какъ пробило половину 5-го и совсѣмъ *истомленная* я перешла въ постель, заснувъ до 8. Съ половины десятаго до половины двѣнадцатаго я уже дала урокъ, въ 12 час. до 4-хъ опять уроки. Сила въ немощахъ совершается: утромъ едва держалась на ногахъ—теперь же ничего, хотя, правда, урокъ тянулся утомительно долго. Вниманія къ временному, земному преподаванію самая малая доля: всѣ въ ожиданіи чего-то ужаснаго, гнѣва Божія, ежесекундно готоваго разразиться надъ нами.

Какіе безпомощные мы люди?!

Господи, да будетъ воля Твоя!

Сильное дрожаніе Иркутска 30-го декабря на всѣхъ оставило печать страха и ужаса. Вечеромъ, во время пѣнія за всенощной «Хвалите Господа», страшно сильно застучали всѣ двери, какъ будто бы кто-нибудь въ нихъ ломился; зашаталось паникадило,—дѣти бросились, по обыкновенію, на

колѣни, пѣвчіе же продолжали на клиросѣ хвалить Господа своими юными, дрожащими, полными слезъ голосками. Юности страхъ смерти несвойственъ, потому всѣ молодыя, добрыя силы припали къ Вседержителю!..

Ночью было все тихо; мы успокоились.

На другой день, въ воскресенье, перебывало у насъ много посѣтителей; къ двумъ часамъ всѣ *гости* разъѣхались. Мы съ Нутой сѣли въ кабинетѣ, чтобы немного разсѣяться и я начала читать вслухъ что-то изъ «Современника» за октябрь. — чуть-ли не Стюарта Милля [1]).

Въ двѣнадцать минутъ третьяго почувствовавъ, что полъ и стулья заколебались подъ нами, мы повскакали и едва достигли до дверей корридора, какъ раздался такой сильный и страшный трескъ, какъ будто все зданіе рушилось. Мнѣ казалось, что выпадали со стѣнъ камни и разсыпалось все зданіе. Трескъ этотъ напоминалъ взрывъ пороховыхъ магазиновъ въ Петербургѣ 1858 года [2]). Я въ ужасѣ побѣжала на парадную лѣстницу, чтобы оттуда броситься на улицу; но меня удержалъ протяжный крикъ, раздававшійся сверху. Оглянувшись, я увидѣла бѣгущихъ по лѣстницѣ вмѣстѣ съ родственниками и навѣщавшими дѣтей — блѣдныхъ, испуганныхъ, въ слезахъ воспитанницъ. Нута принимала и утѣшала бѣгущихъ, уводя ихъ къ себѣ, въ свои комнаты. Я же бросилась наверхъ, къ тѣмъ дѣтямъ, которыя не успѣли сойти, или оказались храбрѣе меня и своихъ подругъ. Взбѣжавъ во второй этажъ, встрѣтила вмѣстѣ съ дѣтьми одну изъ классныхъ дамъ, которая въ ужасѣ говорила: «Не ходите наверхъ; тамъ все рушится, *камнемъ убило дѣвушку*»... Вдругъ подбѣгаетъ ко мнѣ «трапезникъ» [3]) и говоритъ: «Нужно перебираться изъ корпуса, тамъ (указывая на верхъ) камни сыплются».

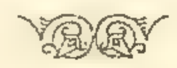
[1]) Джонъ-Стюартъ Милль—извѣстный англійскій мыслитель (1806—1873).

[2]) 20 августа на Пороховыхъ заводахъ, за Охтою. Въ зданіи Импер. общ. бл. д. этимъ взрывомъ было выбито болѣе 500 стеколъ.

[3]) Прислуживавшій при церкви церковный сторожъ (изъ ссыльныхъ).

Не хватило у меня мужества идти наверхъ, и скорѣе, скорѣе подобравъ остальныхъ дѣтей, я увела ихъ къ Нутѣ.

«У страха глаза велики»: послѣ обнаружилось, что эти вѣсти были преувеличены. Обвалилась во многихъ мѣстахъ институтскаго зданія штукатурка и ушибла одну изъ служанокъ въ голову не особенно сильно: на другой день она была уже на ногахъ. Дѣйствительно, упалъ образъ и крестъ въ церкви, а у служащихъ съ этажерокъ и стѣнъ попадали вещи; кое-гдѣ въ зданіи оказались трещины, — больше не было никакихъ поврежденій. Могло быть хуже. Господь терпитъ еще беззаконіямъ нашимъ...

Еще одинъ подземный ударъ.

19 февраля. Все хочу сестрѣ Лизочкѣ описать наши страхи и ужасы, но вѣрно не судьба кончить это описаніе. Больше не стану продолжать ихъ — измучилась. Только успѣли придти въ себя, стала писать — и вдругъ опять волненіе: земля еще не успокоилась. Сегодня ночью съ 17 на 18 снова насъ тряхнуло и довольно сильно.

Господи, Ты Одинъ — наша защита! Мы уже жили, намъ не такъ страшна смерть, но пощади жизнь дѣтей! Быть можетъ изъ нихъ выйдутъ чудные люди!..

Матеріализмъ.

24 февраля. Скучно; а скучно потому, что недовольна я собою; а недовольна буду собою, вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока не сомкнутся на вѣки глаза.

Читаю и думаю: зачѣмъ пишутъ эти противные матеріалисты? Зачѣмъ отнимаютъ они отъ людей ихъ лучшія, ихъ

высшія наслажденія? Что дають они взамѣнъ надежды на будущую, лучшую жизнь?! —Здѣшнюю грязную, гадкую жизнь, съ которой никто справиться не можетъ...

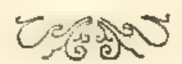
Иркутскъ да журналы опять сбили меня съ толку. Неужели пріятно и весело этимъ «человѣколюбцамъ» разбивать вѣру и счастье людей, отнимать надежду — имѣть когда-нибудь покой души?..

Но нѣтъ, не вѣрю; не хочу вѣрить ихъ безотраднымъ, безвыходнымъ толкованіямъ!.. Господь видитъ меня, Господь слышитъ меня.

— О нѣтъ, я буду еще жить лучшей жизнью, послѣ этой томительной, тяжелой жизни,—иначе Богъ не благъ. А благость Его мы видимъ вездѣ... Уйдите, не отнимайте отъ меня моего утѣшенія, моей опоры... —дайте жить за гробомъ! Къ чему вы хотите отнять у меня столь дорогое, святое?..

Здѣсь Михайловъ. На дняхъ везутъ его въ Нерчинскъ[1]). Онъ начитался бредней этихъ губителей, онъ не вѣритъ въ будущую жизнь. Что же его можетъ сдерживать въ поступкахъ и улучшать, какія основы? Ужъ не авторитетъ ли этихъ негодяевъ губителей?.. «Пусть бы было только мнѣ хорошо, а до другихъ какое дѣло?» — Вотъ ваше правило, матеріалисты! Такъ бы открыто его и проповѣдовали. А когда вы видите, что зло наносите людямъ и этимъ услаждаетесь,—то, по взгляду вѣрующаго человѣка, вы—слуги бѣса. Когда же сами попадаетесь въ несчастіе, ищете утѣшенія въ религіи!..

О, бѣдный, бѣдный крестьянскій вопросъ, чѣмъ-то ты уладишься?..[2])

---

[1]) Михайловъ—неблагонадежный ссыльный.

[2]) Т. е. освобожденіе крестьянъ (19 февр. 1861 г.), обсуждавшееся тогда всею прессою.

И. С. Аксаковъ.

28 февраля. Люблю я газету «*День*», и возмущаютъ меня всеобщія нападки и насмѣшки надъ личностью ея редактора, Ивана Сергѣевича Аксакова [1]). Бываютъ, разумѣется, и у него промахи; но стремленія его столь благородны, исполнены такою любовію къ родинѣ, что всѣ его ошибки, право, можно простить. Особенно нравится онъ мнѣ тѣмъ,

И. С. Аксаковъ.

что не увлекается отжившими, гнилыми началами западныхъ государствъ, а держится *исконно-русскаго*. Но какимъ глумленіямъ за свои русскіе взгляды подвергается онъ!..

---

[1]) Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ—знаменит. русскій публицистъ. (род. 1823—1886 г.), въ годы Турецкой войны получившій всемірную извѣстность.—выставленный даже нѣкоторыми избирательными болгарскими комитетами кандидатомъ на болгарскій престолъ. (См. «Жизнь замѣчательныхъ людей». «*Аксаковы, ихъ жизнь и литературная дѣятельность*». В. Д. Смирнова. Изд. Спб 1895 г.).

Броженіе умовъ.—Бакунинъ.—Герценъ.—Обѣдъ Е. М. Жуковскаго французскому послу.—Депутаты американскихъ чеховъ въ Сибири.

15 іюня. Что-то ожидаетъ мою возлюбленную Россію? Замѣтно у насъ броженіе умовъ. Либералы мечтаютъ о переворотахъ,—но какихъ? Не начнутъ-ли рѣзню—какъ и во Франціи, во время первой революціи? Либералы забываютъ, что игра съ огнемъ опасна.

Повторяются странныя историческія событія. То же пишется, то же говорится, и такъ же злоупотребляютъ именемъ народа, какъ до сихъ поръ злоупотребляли именемъ Божіимъ... Бакунинъ[1]), тотъ *самый Бакунинъ*, который здѣсь подличалъ передъ властями, который раздавалъ милостыню по-фарисейски и оказывалъ благодѣянія, получая деньги отъ откуповъ,—теперь пишетъ воззванія къ славянамъ. Онъ же, спаивая русскихъ, «*ратуетъ за народъ*» и кончаетъ свои рѣчи словами: да будетъ «*воля его*!..» А случись только по-ихнему, и онъ, и Герценъ [2]) и Огаревъ [3]) приберутъ тотъ же «народъ» къ рукамъ и станутъ вѣшать ихъ не хуже какого нибудь падишаха.

Грустно мнѣ такъ думать о Герценѣ, но его послѣдняя

---

[1]) Бакунинъ М.—см. зап. ч. II, 1859 г. 9 мая.—Въ Иркутскѣ онъ называлъ себя «дѣйств. тайнымъ совѣтникомъ», указывая на свою близость къ властямъ, всячески вкрадывался въ ихъ довѣріе, возмущая окрестныхъ жителей. Въ 1861 г. бѣжалъ въ Америку.

[2]) Герценъ, публицистъ — издатель запрещеннаго «Колокола». Съ 1887 г. эмигрантъ изъ Россіи, другъ, пріятель и защитникъ взглядовъ Бакунина († 1870 г.) См. «Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена». В. Д. Смирнова. Изд. 1898 г.

[3]) Огаревъ — публицистъ-либералъ (1813—1877), находился подъ Герценовскимъ вліяніемъ, въ 60-хъ гг. сталъ во главѣ пытавшагося разрѣшать и религіозные вопросы либеральнаго «Вѣча». Вліяніемъ его „Вѣча" отторглась отъ Россіи часть старообрядцевъ и поселилась въ Румыніи, гдѣ они пребываютъ до сихъ поръ, поддерживая всячески русскихъ раскольниковъ.

выходка съ Шедоферроти [4]), письмо котораго онъ отказался напечатать въ своемъ журналѣ, говоря, что: *«мы не такъ глупы, чтобы печатать въ своемъ журналѣ статьи, направленныя противъ насъ»*, возмущаетъ меня! Какъ же въ такомъ случаѣ онъ такъ порицаетъ образъ дѣйствій русскаго Правительства, придерживающаго его злыя сужденія касательно своихъ распоряженій!? Не понимаю такихъ *«русскихъ публицистовъ»*... Лучше-бы имъ не называться русскими...

Да, много на свѣтѣ было и будетъ лицемѣровъ-деспотовъ, прикидывающихся «доброжелательными» либералами. И Наполеоны I и III вѣдь тоже «играли» въ республику...

Сегодня дается Жуковскимъ обѣдъ [5]) французскому послу при Пекинскомъ дворѣ. Посланникъ, возвращаясь во Францію, вздумалъ ѣхать сухимъ путемъ чрезъ всю Россію; съ нимъ ѣдетъ и жена его—американка. Говорятъ, они обворожительно любезные люди, но я, грубая русская, не особенно вѣрю имъ и не цѣню дорого французскую «любезность».

Жуковскій вчера два раза былъ у насъ съ приглашеніемъ быть у него; бѣдная Нюта поѣхала, я же все еще до сихъ поръ вѣрна себѣ и на званые вечера и обѣды не ѣзжу.

Къ намъ въ Иркутскъ прибыли и депутаты отъ американскихъ чеховъ—панъ Мрачекъ и панъ Листовскій. Они ѣдутъ на р. Уссури [6]) осматривать мѣстоположеніе, удобное для поселенія желающихъ покинуть Америку нашихъ еди-

---

[4]) Шедоферроти—французскій публицистъ, умѣло и честно полемизировавшій съ Герценомъ.

[5]) Жуковскій, Евгеній Михайловичъ (по прозванію „Тхинчъ" за свою приставку въ разговорахъ), и. д. генер.-губерн. Восточной Сибири. По общимъ отзывамъ близко знавшихъ его—чудный человѣкъ, неподкупной честности, умный и понимавшій нужды края. Онъ много хлопоталъ объ устройствѣ въ Иркутскѣ постоянной выставки произведеній Восточной Сибири. Временную выставку ему удалось устроить, при чемъ производительность Восточной Сибири оказалась „настолько плоха,—говорилъ онъ,—какъ я даже не ждалъ и глазамъ своимъ не вѣрю".

[6]) Рѣка Уссури правый притокъ Амура. Устье Уссури въ 700 верстахъ отъ Стрѣлки и 880 вер. отъ Благовѣщенска.

нокровныхъ единовѣрцевъ и перебраться къ намъ. Оба они лѣтъ тридцати. Листовской, не зная русскаго языка, все молчитъ; зато Мрачекъ—добрая, симпатичная личность, говоритъ безъ умолку. Оба они редакторы газеты «Славія», издаваемой на берегу Мичигана [7]). Мрачекъ—малярь, Листовской—землевладѣлецъ. Въ институтѣ чехи были три раза. Первый разъ пріѣхали въ дѣтскую церковь къ обѣднѣ, слушали ее съ большимъ вниманіемъ и выразились о дѣтскомъ пѣніи такъ: «*какъ ангелы спѣваютъ*». Оттуда спустились къ намъ пить чай и побесѣдовать. Я заставила Олю Сибирякову [8]) во время чая сыграть извѣстную гуситскую пѣсню, что имъ доставило большое удовольствіе, и на ихъ глазахъ появилась слеза о покинутой родинѣ. Были они въ дѣтской столовой во время обѣда, въ классахъ, въ библіотекѣ, а потомъ опять у насъ. Видимо, все имъ очень понравилось, такъ какъ они просили позволенія еще побывать у насъ. Нута пригласила ихъ къ себѣ на завтрашній вечеръ. Въ слѣдующій вечеръ панъ Мрачекъ и панъ Листовской очень сошлись у насъ съ Будогосскимъ и Турбинымъ [9]), которые въ началѣ января возвратились съ Амура и Уссури послѣ почти годового отсутствія. Чехи, просидѣвъ у насъ до 12 часовъ ночи, просили дозволенія вскорѣ опять пріѣхать, но на другой день заболѣлъ Мрачекъ и прохворалъ почти все время до отъѣзда. Наканунѣ своего выѣзда на Амуръ они пріѣзжали прощаться и привезли слова гуситской пѣсни.

Едва-ли они могутъ поселиться въ нашихъ мѣстахъ, особенно при теперешнемъ состояніи Россіи, когда въ ней

---

[7]) Оз. Мичиганъ—самое большое изъ озеръ Сѣв. Америки: рѣкою св. Лаврентія соединяется съ Атлантическимъ океаномъ.

[8]) См. зап. ч. II 1859 г. 7 янв. пр. 1.

[9]) Будогосскій, Константинъ Ѳаддеевичъ, полковн. штаба войскъ Восточн. Сибири и супруга его Марія Ѳеодоровна,—добрые знакомые Анны и Варв. Петровны, часто у нихъ бывавшіе. Турбинъ Никол. Матв.—адъютантъ Будогосскаго.

все бродитъ и кипитъ: они съ такими республиканскими взглядами и требованіями, что едва-ли имъ можно разрѣшить переселеніе.

Занятія съ дѣтьми и ихъ успѣхи.—Труды и заботы начальницы института.

24 октября. Я оживилась, раскраснѣлась и чувствую себя въ очень хорошемъ настроеніи духа, а вѣдь ничего не случилось, ровно ничего. Была въ классѣ, гдѣ преподаю французскій языкъ, читали письма дѣтей на заданную тему «о музыкѣ», и, вспомнивъ свои былые пылкіе годы, полные поэзіи и тревожнаго ожиданія чего-то невѣдомаго, я прочла, по выходѣ изъ класса, отрывки изъ *моихъ* записей о Варѣ Поярковой [1]), одной изъ даровитыхъ воспитанницъ нашего института. Она выпускная,—дѣвочка умненькая, мечтательная; несмотря на веселый характеръ, своею мечтательностью она напоминаетъ мнѣ мою собственную былую безумную кудрявую головку въ годы юности. Дай Богъ, чтобы путь ея не былъ такимъ тернистымъ, какъ мой...

Правда, воображеніе—источникъ многихъ наслажденій, но зато же и пагубно оно.

Давая уроки французскаго языка и читая исторію литературы, я стараюсь, по возможности, проводить здравыя идеи, охлаждая пылкое воображеніе дѣтей. Не знаю, на сколько успѣю въ этомъ, но если изъ 32-хъ воспитанницъ только пять проникнутся здравымъ смысломъ и духомъ христіанскаго ученія и въ свою очередь на столько же повліяютъ на другихъ сами, то современемъ и эта нива принесетъ обильную жатву.

[1]) Варя Пояркова, Варвара Петровна, восп. Иркутск. инст. вып. 1863 г. (по мужу генер. Вогакъ). См. 1864 г. 6 іюня.

Мои взгляды многимъ не нравятся и мнѣ мое «начальство» говоритъ, что мнѣ достанется. За что? Напримѣръ, недавно одна изъ воспитанницъ превозносила Петра I, отца и благодѣтеля Россіи; я стала проводить параллель между нимъ и нынѣ царствующимъ Государемъ, — между закрѣпостившимъ народъ и тѣмъ, который, разорвавъ крѣпостныя оковы, далъ свободно вздохнуть русскому народу, взглянуть покойно на Божій міръ и стать почти на одномъ уровнѣ съ прочими гражданами и со всѣми сынами свободной Россіи. — «Какъ же вы думаете, — спросила я въ концѣ бесѣды у воспитанницъ, — если бы непремѣнно нужно было дать наименованіе «великій», то которому изъ двухъ государей дали бы вы скорѣе это имя? «Александру Николаевичу», разомъ отвѣчалъ весь классъ. Чуткія и нѣжныя сердца скорѣе отзываются нѣжному сердцу.

Вообще я стараюсь доказать, что *войны языческое, грубое установленіе*, чисто животное; что онѣ вредны, тягостны и побѣдителямъ, и побѣжденнымъ, и что не тотъ Государь великъ, который завоевалъ много царствъ, а тотъ, который даетъ *мирное* устройство своему народу *и тѣмъ обезпечиваетъ благосостояніе его и другихъ народовъ.*

Есть свѣтленькія головки въ этомъ классѣ; Агнія Разсказова [2]), Варя Пояркова, Настя Степанова [3]) и особенно Соня Постоева [4]) — выдаются. Сегодня я была болѣе обыкновеннаго довольна ихъ сочиненіями: видно, что объясненія ими

---

[2]) Агнія Аѳанасьевна, шифернная восп. вып. 1863 г., болѣе 25 лѣтъ служащая въ канцел. Его Имп. Величества по учрежд. Императрицы Маріи. (См. 1864 г. 6 іюня).

[3]) Настя Степанова—Анастасія Петровна, вып. 1863 г., начальница Медвѣдниковскаго сиро-питательнаго дома въ Иркутскѣ.

[4]) Соня Постоева восп. Иркутск. инстит. восьмого курса, умерла незадолго до выпуска.

вполнѣ поняты, да и предметъ занялъ ихъ. Душа Останина [5]) написала тоже очень порядочно, въ сочиненіи ея я встрѣтила нѣсколько своихъ излюбленныхъ выраженій и взглядовъ, вырывавшихся у меня на урокахъ музыки при поясненіи тоновъ и полутоновъ. Вскользь я касалась того, что называютъ «тономъ въ жизни», а Душа Останина прекрасно это поняла и примѣнила въ сочиненіи. Стало быть не совсѣмъ даромъ пропадаютъ мои «пустыя рѣчи». Всѣ дѣти легко разсуждаютъ о Бетховенѣ, о Chopin-ѣ, Mozart-ѣ.

Благодарю Тебя Господи, что удалось вселить въ нихъ хоть каплю любви къ прекрасному [6])! Это прекрасное убережетъ ихъ отъ многаго дурного въ жизни...

Люблю я и иную музыку—священное пѣніе въ храмѣ Божіемъ. У Бортнянскаго [7]) есть чудныя творенія, отъ которыхъ чуткое сердце рвется, многія вещи его я рѣшительно не могу слушать.

Институтки здѣсь поютъ съ большимъ вкусомъ. Церковнымъ пѣніемъ занята сама сестра; нѣкоторыя пѣснопѣнія онѣ исполняютъ всѣ вполголоса: «О всепѣтая Мати» дѣти поютъ такъ, что умереть готовъ подъ эти звуки...

Вообще Нюта видитъ въ церковномъ пѣніи прекрасное средство дѣйствовать на нравственныя стороны дѣтей, раз-

---

[5]) Душа Останина—Евдокія Васильевна, дочь Василія Алексѣевича и Маріи Алексѣевны (см. 1859 г. 6 сент. пр. 4), по мужу Бѣлоголовая (за Апол. Андреевичемъ—невѣстка знаменитаго доктора Николая Андреевича Бѣлоголоваго).

[6]) Ученицы Варвары П. вообще отличаются глубокимъ, осмысленнымъ исполненіемъ пьесъ и хорошимъ музыкальнымъ вкусомъ.

[7]) Бортнянскій (род. въ Глуховѣ въ 1751 † въ 1825 г. и погреб. на Смоленскомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ). Одинъ изъ самыхъ популярныхъ среди русск. духовныхъ композиторовъ. Ученикъ Галуппи. Кромѣ своей талантливости, заслуживалъ вниманія въ церковномъ пѣніи, какъ первый выхлопотавшій Высочайшее повелѣніе (въ 1861 г.), запрещающее церковнымъ хорамъ исполнять въ церквахъ произведенія, неодобренныя цензурою придворной капеллы или не напечатанныя и часто ничего *располагающаго къ молитвѣ* въ своей музыкѣ неимѣющія.

вивая въ нихъ вкусъ и христіанскія правила. Этому многіе у насъ не сочувствуютъ и называютъ ее въ шутку «архіереемъ».

Пускай смѣются, но у насъ въ институтѣ почти нѣтъ никакихъ наказаній—развѣ младшихъ оставляютъ за лѣность безъ третьяго кушанья и то очень рѣдко; большихъ домой по праздникамъ не пускаютъ, если въ продолженіе недѣли были дурныя отмѣтки, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ Нута старается дѣйствовать «бесѣдами по душѣ» и достигаетъ добраго раскаянія. И это потому, что моя бѣдная Нута всей душой предана институту, проводитъ цѣлые дни въ классахъ, сама занимается со старшими. Теперь еще взяла на себя преподаваніе русской литературы, французской исторіи [8]). Если серьезно заболѣетъ кто въ институтѣ, она ночей не спитъ, залѣнятся дѣти—растревожится, падаетъ духомъ, воображая, что неспособна больше вести заведеніе и готова ежечасно подать въ отставку. А, между тѣмъ, институтъ не можетъ не преуспѣвать при такой дѣятельной начальницѣ, ея умѣ, образованіи и любви къ дѣтямъ. Жаль только, что она сама утомляется страшно, и грустно мнѣ смотрѣть, какъ измѣнилась *моя красавица Нута*, моя гордость вѣчная. Ни одна фотографическая карточка не даетъ ни малѣйшаго понятія *о ея чудномъ личикѣ* въ пору молодости. И теперь иногда, какъ оживится, повеселѣетъ, сдѣлается снова привлекательной,—но то бываетъ рѣдко; большею частью бѣдная Нута серьезна, а подчасъ и грустна. Отъ заботъ, отъ постояннаго напряженія силъ здоровье ея разстроилось; все что нибудь болитъ: то бокъ, то сердце, то ноги, голова, спина. Иногда чувствуетъ себя всю разбитою—когда много скопится непріятностей. Въ постель ложится—стонетъ, спитъ—стонетъ, встаетъ—охаетъ, а я, скрѣпя сердце, слушаю, повторяя: «*Господи, исцѣли ее, Господи, подкрѣпи ее, утѣшь, настави*», а сама чуть не плачу. И такъ всю жизнь! Вѣчныя за-

---

[8]) По случаю скарлатины въ семьѣ учителя Иван. Анисиф. Катаева.

боты за здоровье и жизнь Нуты. Меня только и утѣшаетъ увѣренность, что не переживу я моего ангела, Нуточку милую, родную и для меня вѣчно прекрасную!.

Музыка Шопена.

25 октября. Изъ сосѣдней комнаты меня безжалостно терзаютъ Chopin'омъ. Кто не узнаетъ въ этой игрѣ одну изъ моихъ любимыхъ nocturnes? Въ ней звуки поютъ и плачутъ и нѣжно стонутъ, такъ жалобно о чемъ-то шепчутъ: чу! слезно молятся и говорятъ: «да будетъ воля Твоя»... Тутъ снова поютъ сквозь слезы.

— Да!.. С. [1]) умѣетъ передавать Chopin'а, какъ никто! Характеръ его музыки рѣдко кто понимаетъ...

Сегодня четыре года, какъ мы поселились въ институтѣ. Слава Богу за все! Придется-ли только здѣсь умереть, или въ иномъ мѣстѣ найти вѣчное пристанище.

Вліяніе музыки.

1 ноября. Чуть польются стройные, мелодичные, грустные звуки—я не знаю, что со мною дѣлается?..

Редровъ [2]) играетъ на скрипкѣ «мелодію» Прюма, а одна изъ моихъ ученицъ сопутствуетъ ему на фортепіано. Я слушаю и думаю: «въ Россіи куда руку не закинь, вездѣ дѣятельность нужна, но сколько въ ней гибнетъ дарованій»?... И въ эту минуту при этой думѣ вспоминается все: и молитва, и покорность, и тихія слезы...

---

[1]) Вѣроятно Сибирякова, Ольга Михайловна (по мужу Вяземская).

[2]) Редровъ—ученикъ знаменитаго Свѣчина (мужа Жени Мюллеръ, см. ч. 1-я стр. 220). Первая скрипка въ Иркутскомъ городскомъ оркестрѣ, очень даровитый музыкантъ, къ сожалѣнію алкоголикъ и умеръ рано.

Всѣмъ и все прощаю. Прости имъ, Господи! Прости... и меня, Господи, за осужденія: я, можетъ быть, хуже винопійцъ неумѣренныхъ...

Концертъ Редрова.—Воспоминанія о Муравьевѣ-Амурскомъ.

3 ноября. Вчера бѣдная даровитость—Редровъ давалъ свой ежегодный концертъ.

Вотъ уже около двухъ лѣтъ, какъ я не показывалась въ обществѣ, но зная, что найдется немного охотниковъ платить 2 рубля за билетъ, съ намѣреніемъ не танцовать, я отбросила въ сторону обычную свою лѣнь и отправилась въ собраніе. Было всего 8 дамъ и человѣкъ 60 мужчинъ. Мое мѣсто было въ сторонкѣ, очень уютное; подлѣ меня сѣла молоденькая дѣвушка [1]), увѣряющая всѣхъ и меня въ томъ числѣ, что «обожаетъ» меня. Пріятно было и мы говорили все время, когда стихала музыка.

Слушая музыку Редрова, чего только не приходило мнѣ въ голову изъ прошлаго... Вспомнила я себя въ этой же гостиной четыре года назадъ, послѣ Айгунскаго договора [2]), когда Н. Н. Муравьевъ получилъ за него титулъ графа Амурскаго и былъ наверху славы и могущества. Въ дни концертовъ, которые были несравнимо лучше теперешнихъ, залы были полны самымъ разнообразнымъ для Иркутска изысканнымъ обществомъ, преимущественно же военнымъ. Къ чему въ то время было такое множество военной молодежи въ Сибири?—не понимаю; куда ни оглянись—всюду мундиры. Между гражданскими чинами преобладали ли-

---

[1]) Воспитанница Иркутскаго института вып. 1857 г. А. С. Щукина (по мужу генер. Домапская).—Большая умница.

[2]) Въ 1853 году этотъ договоръ заключенъ Н. Н. Муравьевымъ, по которому возвращены Китаемъ Россіи земли по р. Амуру.

цепсты: Б., А., Г., Л., А. и Г. были звѣзды крупной величины, извѣстные серцеѣды и любимцы облеченнаго правомъ жизни и смерти въ Восточной Сибири. Предъ ними все склонялось въ прахъ; у нихъ былъ свой придворный штатъ. Изъ военныхъ блисталъ Кук., будучи вторымъ лицомъ и сильнѣйшимъ послѣ Муравьева. Двери его дома были всегда открыты для молодыхъ и старыхъ. Къ нему собирались, чтобы вкусно поѣсть, чтобы переметнуть карточку и поухаживать за дамами,—дамами и дамами безъ конца. Туда являлись всѣ пріѣзжіе и проѣзжающіе черезъ Иркутскъ. Мнѣ всегда было какъ-то неловко среди этого общества, потому я бывала тамъ очень и очень рѣдко: я терялась тамъ и не знала о чемъ говорить и какъ надо говорить. Хозяева сами, т. е. семейство Кук., были добрые люди, но они были окружены какъ-то для русскихъ странно-странно, или, можетъ быть, я сама была странна? Какъ бы то ни было, но я не любила бывать у нихъ.

Да, четыре года тому назадъ Муравьевъ блисталъ своимъ дворомъ...

Четыре года прошло—и что же? Слѣда не осталось отъ Муравьевскаго кружка: всѣхъ какъ бы вѣтромъ унесло Уцѣлѣло пять-шесть человѣкъ еще сидящихъ, но ужъ потерявшихъ точку опоры и не твердо держащихся на мѣстахъ.. Вотъ карьера!

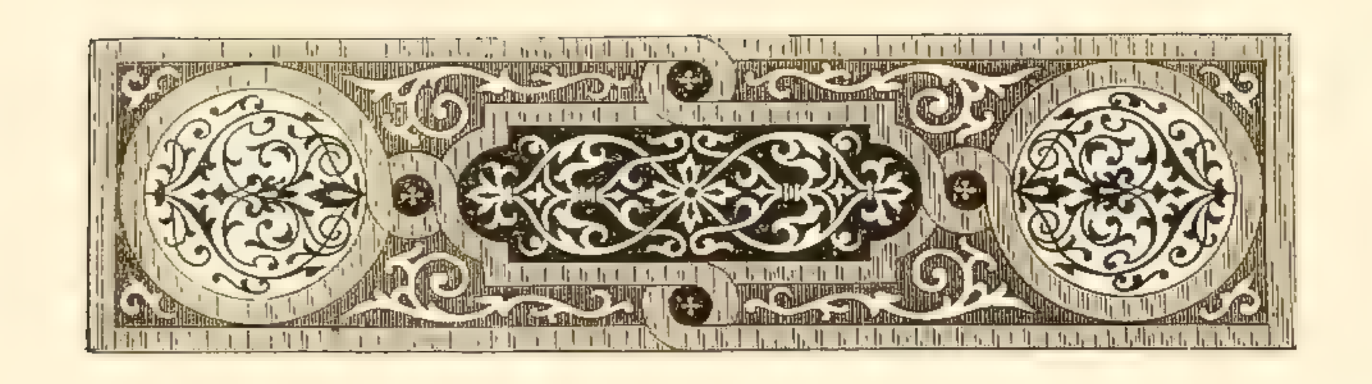
Странно мнѣ было, грустно и жаль Николая Николаевича. Помню, два года назадъ, мы съ нимъ въ этой же самой залѣ жарко спорили о вопросахъ, волнующихъ всѣхъ русскихъ людей. Муравьевъ дѣйствительно любитъ Царя, народъ, Россію, желаетъ ей блага. Помню, какъ я отстаивала увлекавшихся образованныхъ людей—и какое доброе сердце, какіе глубокіе взгляды искрились въ немъ! На всѣ мои доводы Николай Николаевичъ отвѣчалъ: . . . . . . «Я на службѣ, меня любитъ Государь и мнѣ довѣряетъ, но у меня много завистниковъ, а зависть куда не заноситъ людей». И

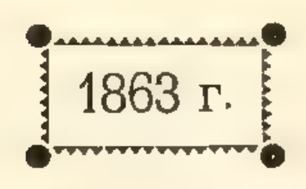
графъ указывалъ, особенно вооружаясь противъ такъ называемыхъ здѣшнихъ *«либераловъ»* Л., П., Б. и другихъ, которыхъ, впрочемъ, онъ всегда принималъ любезно.

Въ 60-мъ году Н. Н. былъ страшно раздраженъ перемѣною къ себѣ Иркутскаго общества, по разнымъ недоразумѣніямъ...

Въ 58-мъ году такъ много твердилось о демократизмѣ, *о народности,* такъ безцеремонно играли словомъ «народность». Это была любимая тема людей, болтавшихъ преимущественно на французскомъ языкѣ *и воспитанныхъ на французской литературѣ, во французскихъ нравахъ*, не признававшихъ ничего святого—русскаго. Такая была мода. И Николай Николаевичъ затѣвалъ маскарады, казался демократомъ. . . . . но все это такъ скучно; много дурного приходится разсказывать; пусть о томъ говорятъ другіе. Бѣдный Муравьевъ,—лучше помяну тебя добрымъ словомъ за твой привѣтъ, когда мы пріѣхали въ Иркутскъ. Ты увлекался и вѣрилъ, какъ ребенокъ, въ любовь и преданность; но ни того, ни другого, исключая Корсак. и немногихъ другихъ ты не нашелъ; большинство въ тебѣ искало только сильную руку, которая поддержитъ въ счастіи и выручитъ въ несчастіи...

1863 г.

Смерть воспитанницы.—Освобожденіе крестьянъ.

24 февраля. Бѣдная сестра, какъ горюетъ она, какъ плачетъ надъ умершей воспитанницей! А дѣвочка [1]) такъ покойно лежитъ среди цвѣтовъ и зелени подъ тюлевымъ покрываломъ, лице ея даже не вызываетъ мысли о смерти: точно заснула она, улыбаясь чему-то. Я долго глядѣла на нее и не хотѣлось отвести глазъ отъ этого молоденькаго личика. Черезъ нѣсколько дней уже ничего не останется на землѣ отъ бывшаго живого существа... На меня всегда какъ-то жутко дѣйствуетъ каждая новая могила, и жаль мнѣ отдавать землѣ человѣка, жившаго съ нами. Потому не люблю я похоронъ. Хотя, быть можетъ, уже скоро придется и меня везти туда, куда рано-ль, поздно-ль должны направиться всѣ мы, и никому ни миновать этой заставы [2]).

— Блаженны покидающіе землю съ твердымъ упованіемъ въ жизнь будущую! И зачѣмъ люди подрываютъ свои лучшія вѣрованія?.. Какъ легко было бы съ вѣрою отрѣшаться отъ земли, гдѣ столько слезъ и страданій.

Боже мой, Боже мой, просвѣти насъ и дай намъ теплую вѣру въ загробную жизнь!

---

[1]) Соня Постоева, умерла въ кори предъ выпускными экзаменами.

[2]) Въ Иркутскѣ кладбище приходилось за Амурской заставой.

Отдавшись всецѣло личнымъ хлопотамъ и заботамъ о сестрѣ Нутѣ, я забыла внести въ свои записки радостное событіе, освободившее въ Россіи 20 милл. рабовъ [3]).

Да благословенно будетъ имя *Александра Николаевича*, совершившаго въ свое царствованіе столь великое и безсмертное дѣло, о которомъ только мечтали его предшественники!

— Дорогой, милый Царь! Да внушитъ Тебѣ Господь мысль о другихъ преобразованіяхъ, *мирныхъ*, добрыхъ, честныхъ, клонящихся ко благу Твоего народа.—Еще много, много назрѣло необходимыхъ преобразованій въ Россіи, а въ особенности у насъ, въ Сибири...

Похороны умершей воспитанницы. Чтеніе произведеній Байрона.

26 февраля. Повезли дѣвочку къ мѣсту вѣчнаго успокоенія; положили ее въ гробъ, окружили зеленью, украсили голову розовымъ вѣнкомъ... Но сегодня у нея какое-то грустное выраженіе, и головка склонилась на бокъ, точно задумалась.

Да. И есть надъ чѣмъ... Всю жизнь мою, начиная съ дѣтства, тревожитъ меня мысль о загробной жизни. И ни чей умъ не проникнетъ въ ту таинственную даль...

Здѣсь, на землѣ, нехорошо; а все-таки умирать страшно. Господи, почему это будущее сокрыто отъ насъ [1]).

---

[3]) 19 февраля 1861 года.

---

[1]) Не для всѣхъ, слово Божіе говоритъ о пророкахъ: есть среди насъ прозорливцы. См. Дѣян. св. апост. гл. 1-я, ст. 7-й, Еванг. Матѳ. г. 24 ст. 36, 44-й и др. парал. мѣста. Объясненіе ихъ въ „бесѣдахъ на Ев. Св. Матѳея“ Св. Іоанна Златоуста, а также въ „сборникѣ статей къ назидательному чтенію Четвероевангелія, Дѣяній Св. Апостоловъ (стр. 38—41) и Апокалипсиса“ М. В. Барсова. Симбирскъ 1893 и 1894 г.

На дняхъ начала я читать Байрона [2]), о которомъ до сихъ поръ не имѣла понятія.

Сколько безъисходнаго страданія въ его Манфредѣ!

Да, иногда часы тянутся годами и роютъ лицо морщинами, на которыя потребовались бы десятки лѣтъ...

Мнѣ больно читать Байрона, а между тѣмъ при первомъ удобномъ случаѣ опять читаю и зачитываюсь. Хороши его героини въ драмахъ: какая неисчерпаемая глубина любви! Самая Мирра, гречанка-невольница, какъ трогательна своею безкорыстной, преданной, безпредѣльной любовью къ Сарданапалу, котораго ей хотѣлось бы исправить, разбудить, направить къ добру. Какъ смиренно сноситъ она свой позоръ и какъ не щадитъ себя, разбирая чувства свои къ Сарданапалу!

Чудное знаніе сердца! Бѣдный Байронъ долженъ былъ хорошо изучить его и многое перечувствовать самъ; оттого-то онъ столько разъ увлекался и былъ столько разъ любимъ!.. Всѣ его драмы восхитительны; особенно произвели на меня впечатлѣніе: «Манфредъ», «Сарданапалъ» и «Наслѣдство». Здѣсь столько глубокихъ мыслей, что . . . что даже при чтеніи ихъ сердце замираетъ. Къ чему только Байронъ высказываетъ свое невѣріе? Оно можетъ и на другихъ отразиться и другимъ жизнь отравить. Его «Небо и Земля», «Каинъ и Авель» я не читала,—не хочу. Пробѣжала мелкія стихотворенія; они, какъ и у нашего Пушкина, составляютъ поэтическую исповѣдь автора: читаешь и слѣдишь за впечатлѣніями поэта. Оставляетъ Англію—любя одну женщину; прощается съ Мальтою—воспѣвая другую; уѣзжаетъ изъ

---

[2]) Байронъ—англ. писатель (р. 1788 и † 1824 г.). Въ нашей русск. литературѣ именемъ „байронизмъ“ обозначается цѣлое направленіе (отлич. особенность—котораго субъективная меланхолія). Рѣдкій изъ образованныхъ молодыхъ людей не читалъ «Чайлдъ-Гарольдъ», «Донъ Жуанъ», «Шильонскій узникъ», «Гяуръ», «Сарданапалъ» и друг. безсмертныя произведенія этого таланта.

Аѳинъ—оплакивая третью, возвращается въ Англію и снова ревнуетъ и тоскуетъ...

Какіе странные мужчины даже въ лучшихъ своихъ представителяхъ! Поступая такъ, они же требуютъ отъ женщинъ въ награду за свое безнравственное непостоянство—постоянства, глубокой и вѣчной привязанности!.. Гдѣ же справедливость?..

Единственно возможное счастіе.

28 февраля. Единственно возможное счастіе состоитъ въ отрѣшеніи отъ всего земного и въ вѣрѣ въ будущую жизнь.

Боже мой, Боже мой, я снова, какъ при поступленіи классною дамою въ Смольный, молю Тебя, дай мнѣ надежду на вѣчную жизнь за гробомъ. О, да не погибнетъ все съ этимъ тѣломъ! Продолжи мою жизнь тамъ, но гдѣ—не знаю. У Тебя много обителей [1]), Владыко мой.

— Страшно подумать, что бѣдная душа явилась на землю съ однимъ лишь назначеніемъ: выстрадать назначенное и—уничтожиться...

Вѣрю, что Господь милосердъ!

Возстаніе Польши.

16 марта. Повидимому, я остаюсь равнодушной къ возстанію Польши или, вѣрнѣе сказать, къ изліянію ненависти къ русскимъ извѣстной части поляковъ [2]).

Да, — уже два мѣсяца, какъ русская и польская кровь льется, и тяжело говорить объ этомъ что-нибудь. Да и что ска-

[1]) См. Еванг. Іоанна гл. 14 ст. 2.

[2]) См. о польскихъ возстаніяхъ—газеты и журналы за 1863 г.

зать? Большинство поляковъ—слѣпое орудіе, фанатично настроенное погибающею шляхтою и коварными іезуитами. Конечно, я люблю мою Россію всею душою, хочу видѣть ее счастливою, просвѣщенною умственно и нравственно, хочу видѣть богатою, цвѣтущею, обширною,—но все только хочу, а на дѣлѣ что? Такъ большинство русскихъ поступаетъ на окраинахъ... И Государь нашъ добрый, любитъ Русь, любитъ человѣчество... а изъ-за поступковъ фанатиковъ кровь льется...

Тяжело видѣть это; русскіе, поляки — всѣ мы братья во Христѣ, исторически суждено намъ составить *одну мощную Русь*, положивши въ основу народныхъ сліяній *миръ и любовь*. Полякамъ, кажется, все предоставлено въ своей Польшѣ,— мы въ своей Руси Бѣлой и Червонной, Малой и Великой; и все бы хорошо было, если бы не фанатическая ненависть «человѣконенавистниковъ»...

Царь дорогой, какъ жаль мнѣ Тебя! Трудно Твое положеніе... Да поможетъ Тебѣ Господь дать мирный исходъ этой кровавой распрѣ! Я всегда за миръ.—Душѣ моей противно всякое кровопролитіе. Глубоко уважаю и люблю я Александра Николаевича за то, что онъ не внимаетъ жестокимъ совѣтамъ и щадитъ преступниковъ: падшая душа всегда можетъ востать; зачѣмъ же отнимать жизнь, данную Богомъ, въ силу какихъ-либо даже историческихъ недоразумѣній?..

Какъ тяжело!..

17 марта. Какъ тяжело! Одно извѣстіе печальнѣе другого. На какія звѣрства способны фанатичные люди къ существамъ, подобнымъ себѣ!—Не могу читать [1]).

[1]) См. журналы и газеты за 1863 г. Мартъ.

Когда же нибудь настанетъ покой благодатный?

Едва-ли... *Боже мой! Боже мой*! Когда же люди перестанутъ убивать другъ друга въ прямомъ и переносномъ смыслѣ?..

Мысли объ изображеніи Спасителя въ Геѳсиманскомъ саду.

21 марта. Противъ моего письменнаго стола виситъ образъ Спасителя въ Геѳсиманскомъ саду.

Божественный Страдалецъ какъ бы въ отчаяніи, въ изнеможеніи, колѣнопреклоненный простеръ руки и поникъ главою подъ бременемъ предстоящихъ испытаній. Его пречистаго лика не видно. И это хорошо задумалъ художникъ.

Въ силахъ-ли человѣкъ изобразить и понять, что выражали въ эти страшныя минуты черты Божественнаго Страдальца? Мнѣ весьма нравится эта скромность художника; онъ, должно быть, былъ истинно вѣрующимъ. «Страданія въ лицѣ Спасителя должны ни во что вметать всякое наше горе», говорилъ св. Златоустъ. Какъ же изобразить ихъ въ святомъ ликѣ человѣку.

— Я не разъ испытывала ихъ благотворную силу. Часто, волнуясь, или работая до изнеможенія за письменнымъ столомъ, вдругъ глаза падаютъ на припавшаго къ землѣ, на полупростертаго,—и смиряешься, и легче станетъ... Вѣдь все живущее на землѣ страдаетъ, и самъ Господь сошелъ на землю только за тѣмъ, чтобы выстрадать за насъ и намъ указать крестный путь терпѣнія [1]).

[1]) Да. См. Еванг. Мар. гл. 8-я ст. 34 и Луки гл. 9-я ст. 23.

Лучшій памятникъ.

16 апрѣля.

While memory, with more than Egipts'art,
Embalming all the sorrows of the heart;
Sits at the altar wich she raised to woe
And feeds the source whence tears etesnal flow [1])!..

Свадьба.—Грусть и завѣщаніе роднымъ.

22 апрѣля. Вчера народъ толпился въ церкви, на паперти, на горѣ, гдѣ стоитъ церковь и на всей окружающей площади. Была купеческая свадьба. Множество экипажей, жандармы, полиція—зрѣлище полное.

Невѣста—молоденькая институтка [1]), богатая, унаслѣдовавшая послѣ матери много денегъ и бриллiантовъ; миленькое личико, свѣтлая блондинка, умненькая головка! Женихъ—сынъ купца, безъ всякаго образованія, начавшій жизнь въ лавкѣ чуть не съ пеленокъ. Много было шума и разговоровъ—какіе вызываютъ обыкновенно свадьбы въ провинціи, но не говорятъ и не думаютъ о томъ, отчего здѣсь почти нѣтъ или совсѣмъ мало *интеллигентныхъ жениховъ?* Тутъ есть надъ чѣмъ задуматься... Сколько предстоитъ ей, бѣдной, нравственной ломки... Помоги, Господи, сжиться!..

— Ангелъ мой, сестра Анетта, моя чудная, ненаглядная, не плачь обо мнѣ, мнѣ такъ тяжело жить; ты не знаешь, я о томъ не говорила тебѣ. Но припомни, сколько разъ замѣчала ты мои заплаканные глаза и тоскующее выра-

[1]) Память сердца есть лучшій памятникъ тому, что мы любили. Ее поддерживаютъ неутѣшныя слезы. (См. зап. ч. 1-я 1854 г. стр. 282-я).

[1]) Иркутскаго института г. Л.

женіе лица. Я не сознавалась ни въ слезахъ, ни въ чемъ, а между тѣмъ такая жестокая скорбь грызетъ мое сердце, что и сказать не умѣю. Мнѣ предчувствуется что-то недоброе... Я совершенно ослабла; скорѣй бы смерть! Смерть все разомъ прекратитъ. Вѣдь рано-ли, поздно-ли, все равно умереть нужно, а ты помнишь мою всегдашнюю жаркую молитву уйти отъ міра раньше тебя, чтобы не заключить жизни тягчайшею скорбію о тебѣ. Живи, мой ангелъ; ты еще можешь быть полезной людямъ; пусть бѣдная Варенька заснетъ раньше тебя сномъ непробуднымъ.

Лизочка, милая [2]), ты не сѣтуй на меня за исключительную привязанность къ Нутѣ.—Вѣдь мы съ нею всю жизнь прожили вмѣстѣ. У тебя составились другія привязанности—у тебя Соня, ея дѣти, у тебя семья,—а мы съ Нутой идемъ отдѣльною дорогою и трудъ, и горе, и нужду и непріятности, и минутныя радости,—все дѣлимъ пополамъ. Не сѣтуй же, моя дорогая, любимая сестрицынька; ты знаешь, любила-ли, люблю-ли я тебя;—помяни Вареньку добрымъ, нѣжнымъ, ласковымъ словомъ; ужъ она угомонилась. И ты, Ваня [3]),—братъ и защитникъ нашъ и любимый изъ братьевъ, и ты, душа моя, скажи: «миръ тебѣ, бѣдная сестра!»

Да, я съ миромъ ухожу, оставляя благословеніе мое всѣмъ братьямъ, сестрамъ, друзьямъ и недругамъ, если они есть; всѣмъ, всѣмъ... Пусть люди будутъ счастливѣе насъ; пусть вѣруютъ и живутъ по Евангелію; какая философія *можетъ* сравниться съ великими истинами христіанскаго ученія?..

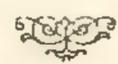
[2]) Елизавета Петровна Быкова. Соня—Софія П. (по мужу Городецкая), сестра отъ мачихи (см. зап. ч. 1-я стр. 124).

[3]) Иванъ Петровичъ Быковъ (см. зап. ч. 1-я стр. 107, 195 и 399).

Наполеонъ.

24 мая. Давно-ли, кажется, матушка Россія боролась съ Европой одна—покинутая всѣми? Теперь снова предстоитъ такая же борьба. Пока живъ Наполеонъ [1]), войнѣ и конца не будетъ; этотъ господинъ то и дѣлаетъ, что, прикрываясь разными громкими фразами, мѣшается во всѣ дѣла въ Европѣ, въ Азіи, въ Америкѣ! Ну кто же повѣритъ хвастливымъ разглагольствованіямъ тщеславныхъ и пустыхъ французовъ, будто бы они безкорыстно идутъ за Польшу «на кровавый бой спасать несчастныхъ?!»

Охъ, эти образованные, европейскіе «варвары» съ англичанами вмѣстѣ! Всмотритесь, какъ показываютъ они себя въ Италіи, въ Египтѣ, въ Китаѣ и Америкѣ, гдѣ до сихъ поръ поддерживаютъ невольническіе штаты...

„Либералы“ и „гуманисты“ въ польскомъ вопросѣ.—Институтскіе уроки французской словесности.—Назначеніе женщины.—Старость.

31 мая. Вездѣ все пѣсня та же поется: вездѣ насъ русскихъ бранятъ; *мы ничто иное, какъ «варвары бородатые», все у насъ «кнутъ да кнутъ»*, да «притѣснители» *«ни въ чемъ неповинныхъ поляковъ»*.

Все это—вздоръ и возмутительная клевета, распространяемая съ умысломъ врагами Россіи и европейскими «гуманистами, жаждущими человѣческой крови». Скоро, вѣроятно, слова «либералъ» и «гуманистъ» будутъ означать тѣхъ, которые съ ожесточеніемъ преслѣдуютъ людей, не раздѣляющихъ ихъ взгляды и понятія. Развѣ во Франціи либералы XVIII-го столѣтія не приносили въ жертву сотенъ людей? Не заключали ихъ въ тюрьмы, не лишали жизни посредствомъ гильотины? И теперь поляки «либералы»

---

[1]) Наполеонъ III-й (род. 1808 и † 1872 г.); см. зап. ч. 1-я стр. 261 пр. 2.

во имя народной свободы *вѣшаютъ* и *разстрѣливаютъ* русскихъ—истинно миролюбивыхъ и слишкомъ добрыхъ соотечественниковъ, къ полному удовольствію «либеральной» Европы!

О книжники, о лицемѣры! Кого обманываете вы своими звенящими рѣчами? [1]). Кто отнесется довѣрчиво къ вашимъ громкимъ рѣчамъ? Что-то будетъ дальше?!..

Вся Русь послала адреса Царю, дворянство и городскіе общества;—это облегчаетъ тягость переживаемаго времени. Почему-то только Малороссія и Бѣлороссія запоздали. Не дѣйствія-ли это іезуитско-польской пропаганды?

Боже мой, какъ злоупотребляютъ Твоимъ «именемъ» эти исчадія ада и какъ поносятъ Его!—Жгутъ и вѣшаютъ *«христіане»* другъ друга *«во имя святой Твоей любви!»* Все они дозволяютъ себѣ, прикрываясь Твоимъ священнѣйшимъ именемъ «Іисусъ!» [2]).

Нѣтъ! Мнѣ больно говорить о томъ, что творится на землѣ.—Великимъ явился бы тотъ, кто умиротворилъ бы всѣ страны и всѣхъ людей! Какъ бы хорошо было, если бы народы разбирались въ своихъ дѣлахъ мирнымъ путемъ и содѣйствовали бы общему своему благополучію... Хотѣлось бы.., но безплодны желанія: люди все бьются, прикрываясь лишь одними «дипломатическими гуманными» словами: «за человѣчество, за просвѣщеніе, за свободу» и такъ далѣе.

О люди—*христіане!* доколѣ это будетъ?.. [3]).

Черезъ мѣсяцъ будетъ выпускъ 32 воспитанницъ, которымъ я читала французскую словесность. Насколько

---

[1]) Такая основа въ сужденіяхъ В. Петровны о политикѣ обличаетъ въ ней человѣка, вдумывающагося въ свящ. писаніе: она ссылается на слова 1-го посл. Коринѳ. глава 13 ст. 1 и 2 и негодуетъ за ихъ неисполненіе.

[2]) Насколько это сожалѣніе В. Петровны могло касаться Россіи, прекрасно и документально обслѣдовано въ трудѣ свящ-ка М. Морошкина: „Іезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II-й и до нашего времени" (СПБ. 1870 г.), а также въ перепискѣ Ю. Самарина съ іезуитами кн. Гагаринымъ и Вяземскимъ.

[3]) Какъ бы была рада Вар. Петровна зарѣ всеобщаго мира, занявшейся въ Россіи 12 авг. 1898 г. и конференціи въ Гаагѣ 1899 г.!?

стало умѣнья, я старалась останавливать ихъ вниманіе на личностяхъ, двигавшихъ умами своего времени, и тутъ же разоблачала ихъ увлеченія и темныя стороны. Подолгу останавливалась я и часто возвращалась къ такъ называемымъ «философамъ XVIII-го столѣтія». Я разсказывала дѣтямъ жизнь, цѣль и стремленія ихъ, равно и средства, которыми они старались достигать намѣченнаго. Какъ ихъ умствованія отражались у насъ въ Россіи,—я все имъ выясняла, а потомъ предоставляла самимъ воспитанницамъ сдѣлать свой собственный выводъ и произнести надъ ними свой приговоръ. Не мало говорила имъ о назначеніи женщинъ; о вліяніи, которое онѣ должны имѣть *на сыновей, на мужей и братьевъ* и вообще на мужчинъ. Онѣ хорошо запомнили что Chateaubriand, André Chénier, Lamartine, Victor Hugo росли и воспитывались подъ вліяніемъ *умныхъ, образованныхъ и любящихъ матерей;* запомнили, что сестра Chateaubrian'а пробудила въ немъ угасавшую вѣру. Изъ всего, много разъ сказаннаго, онѣ вывели заключеніе, что женщина должна быть *ангеломъ хранителемъ, миротворцемъ и утѣшителемъ, какъ бы и гдѣ бы она ни была поставлена.* Онѣ узнали, что женщинѣ могутъ быть доступны всѣ знанія ума человѣческаго,—что, не утерявъ самаго своего дорогого внутренняго качества—«*женственности*» и внѣшняго—«*граціи*», она можетъ быть прекраснымъ докторомъ и діакониссой, профессоромъ и сельской учительницей, писателемъ, артисткой и миссіонеромъ.

Изъ читаннаго по поводу Сталь [3]) и Зандъ [4]) мои вос-

[3]) Сталь—француженка. (род. въ 1766 г. † 1817 г.). Дочь франц. мин. финанс. Неккеръ. Писательница. Бывала въ Смольномъ. Въ одномъ изъ пріѣздовъ воспитанницы поднесли ей вышитую подушку. Француженка пришла въ такой восторгъ отъ подарка, что, прикрѣпивъ подушку къ себѣ на животъ, ходила съ нею по институту. Дѣти были въ восторгѣ отъ французской манеры выражать благодарность. (Изъ воспоминаній старушки-воспитанницы). Варв. П. очень любила „размышленія о мирѣ" Сталь.

[4]) Зандъ-Жоржъ. Писательница (1802—1876 г.). См. зап. ч. 1-я стр. 143, 141, 145 и 216.

питанницы поняли, что замужествомъ шутить нельзя; что бракъ по разсчету слѣдуетъ считать безнравственнымъ; что женщина свободна и должна отказаться отъ замужества. если между людьми, предлагающими ей руку и сердце, она никого не уважаетъ и не любитъ. Впрочемъ, я неясно выразилась: она свободна совсѣмъ не выходить замужъ, если того не пожелаетъ. Онѣ узнали, что остаться въ дѣвушкахъ ничуть не стыдно; что въ старости только тѣ злы, которыя и въ молодости не отличались добротою, — тѣ, жизнь которыхъ проходила праздно, въ заботахъ лишь о нарядахъ, балахъ, обѣдахъ и выѣздахъ. Утративъ съ молодостью свѣжесть и красоту, конечно, что-же остается имъ подъ старость, кромѣ сплетенъ, дрязгъ и клеветы? Образованная же и добрая женщина легко помирится съ увядшею молодостью и красотою, какъ съ превѣчнымъ закономъ всего живущаго на землѣ! Разумѣется, вздохнетъ иногда о быстро пролетѣвшихъ годахъ и станетъ пріискивать, чѣмъ бы замѣнить потерянную внѣшнюю красоту; поищетъ, поищетъ и навѣрное найдетъ *въ человѣческой обязанности готовить себя къ непостыдной христіанской кончинѣ въ вѣрѣ, любви и помощи ближнимъ.* Вѣдь кругомъ насъ много страданій... Тяжело, что и говорить, разставаться женщинѣ съ молодостью; но я думаю—и мужчинамъ не легко; недаромъ столько элегическихъ стоновъ раздавалось у всѣхъ народовъ по поводу увядшей юности... Да, очень непріятна старость! Богъ знаетъ, что дѣлается изъ молодого, здороваго, румянаго лица человѣческаго, — превращеніе удивительное! Человѣкъ можетъ позавидовать въ этомъ случаѣ превращенію гусеницы въ бабочку...

Какъ это скучно! О, если бы человѣкъ умиралъ, не теряя молодого образа! Какъ бы были рады этому всѣ женщины!..

Восхищеніе мыслями Байрона.

2 іюля. Я такъ полюбила Байрона, что не могу оторваться отъ книги!

Странно,—онъ всю душу возмущаетъ и рѣдко успокоительно на нее дѣйствуетъ, а я читаю его запоемъ,—врагъ я себѣ или нѣтъ?.. [1]). Берусь за него для развлеченія, но, и страдая, читаю его. Каждое слово, или, лучше сказать, каждая мысль, каждое движеніе сердца, вѣрно обрисованное, щемитъ душу... Да и какъ не восхищаться имъ! Какъ хорошо, напр., говоритъ онъ, описывая красоту ночи: «*только добрый человѣкъ можетъ наслаждаться ею*». «Въ душѣ, запятнанной преступленіемъ, даже чудныя картины природы могутъ не усыпить угрызеній совѣсти, причиняющихъ сердцу мучительную боль...»

Правъ Байронъ!

— Всматриваясь,—я вижу это въ людяхъ [2]). Напрасно преступники возводятъ къ небу, разстилающемуся безпредѣльно надъ нашими головами,—свои глаза,—имъ легче смотрѣть на милліарды звѣздъ, *чѣмъ въ очи честныхъ*;—что-то гложетъ и гложетъ ихъ сердце...

Вѣрно, Байронъ! Иду продолжать начатую твою пѣснь!..

Институтки на балу у М. С. Корсакова. Воспоминанія молодости. -Чтеніе журналовъ. —„День".

22 іюля. На противоположномъ берегу Ангары, наискось отъ института, гремитъ бальная музыка: на «Звѣздочкѣ», заимкѣ [1]) ген.-губернатора, веселятся институтки. Добрый

---

[1]) Видимо, Вар. П. страдала „байронизмомъ" въ смыслѣ личной разочарованности. (См. 1863 г.).

[2]) Намекъ на Бак—ва, на котораго В. П. смотрѣла очень подозрительно, и ея взглядъ дѣйствительно оправдался.

[1]) „Заимка"—мѣстное названіе загороднаго мѣстечка, или дачи.

Михаилъ Семеновичъ [2]) тѣшитъ нашихъ воспитанницъ, выпущенныхъ 30 іюня. Всѣ онѣ собрались въ институтѣ и поѣхали съ сестрою. Всѣ въ бѣлыхъ платьяхъ и круглыхъ соломенныхъ шляпахъ—выглядятъ очень мило.

Любуясь ими, у меня мелькнула невзначай мысль и о собственной молодости. Вспомнила, какъ въ этотъ день веселилась я въ Смольномъ... Взглянула въ зеркало, и странно было допустить, что я была когда-нибудь такъ же молода. А, между тѣмъ, тутъ же снова, Богъ знаетъ какъ, шепнула память слова одного хорошаго знакомаго моего покойнаго отца, сказанныя давно, давно. Разъ какъ-то ѣхали мы съ сестрою на вечеръ; я, по обыкновенію, одѣлась скорѣй ея и пошла въ гостиную показаться отцу; у него сидѣлъ этотъ пріятель; когда я подошла къ отцу и поцѣловала его, —«куколка», сказалъ тотъ господинъ, глядя на отца. Дѣйствительно, припоминая прошлое, должно быть я была, что называется, миленькая молоденькая дѣвушка; красавицей была Нута, а я *«просто миленькая»*; —добрые, подчасъ задумчивые, подчасъ смѣющіеся голубые глаза, румянецъ во всю щеку и густые каштановые волосы. Я считала себя дурнушкой, вѣроятно потому, что была вѣчно подлѣ Нуты, а она затмѣвала меня.

Да, была молода, но не пользовалась молодостью и не замѣтила, какъ умчалась она...

Но одна-ли я провела безцвѣтно и безслѣдно свое молодое время? Много-ли изъ насъ такихъ счастливицъ, которымъ есть чѣмъ вспомнить свою молодость?—Скромность дѣвицы была неотъемлемая ея принадлежность. Не измѣнись мое лицо, право ничѣмъ не отличилась бы моя молодость

---

[2]) М. С. Корсаковъ, ген.-губ. Вост. Сиб. (см. зап. ч. II-я 1862 г. 3 янв. пр. 2). Съ 1845 г. офицеръ л.-г. Семеновск. полка. Съ 1855 г.—командующій Амурскими войсками. Въ 1860 г.—предсѣдат. совѣта глав. упр. Восточной Сибири и съ 1862 г.—генер.-губернаторъ Восточн. Сибири. Племянникъ Н. Н. графа Мур.-Амурскаго.

отъ настоящаго: душа все также воспріимчива, также волнуется и также страдаетъ. Въ чемъ же разница?..

А волноваться часто приходится: всякій номеръ журнала къ намъ приноситъ тревогу; если на ночь почитаешь,—навѣрно, не заснешь до разсвѣта: воображеніе рисуетъ страшныя картины, и человѣчество видится въ своихъ стремленіяхъ гадкимъ, въ душѣ становится мрачно...

А музыка все несется *съ того берега*: тамъ весело, тамъ пляшутъ, павильонъ на заимкѣ освѣщенъ. А тутъ сижу я одна, пишу, раздумываю и по временамъ заглядываюсь на сводъ небесный; онъ такой чистый, синеватый, прекрасный; горятъ двѣ звѣздочки, а съ запада несется тучка; пронесется-ли она одиноко, или къ ней вѣтеръ принесетъ другія тучки и онѣ вмѣстѣ застелятъ только что прояснившійся горизонтъ... Такъ и у насъ на западѣ, враждебная покамѣстъ лежитъ одна Польша; примкнутъ ли къ ней другія государства и нахлынутъ на Россію бурнымъ, кровавымъ потокомъ,—или Польша примирится съ нами, и снова безъ бури, безъ грома и молніи раскинется надъ нами чистый, лазурный политическій сводъ. Трудно загадывать,—чѣмъ разрѣшится русско-польскій вопросъ? Много злыхъ и лживыхъ толкованій его...

Какое честное направленіе «Дня [3]»! Какъ любитъ онъ Россію и уважаетъ всякую народность!—Боюсь, не запретили бы его... Четыре дня лишнихъ прошло, а ожидаемыхъ номеровъ все нѣтъ, какъ нѣтъ. Послѣдній номеръ былъ отъ 15 іюня и пришелъ въ Иркутскъ 11 іюля... За что же запрещать изданіе?—За преданность и любовь къ Царю и народу!..

Но стараясь, чего не сдѣлаютъ у насъ поляки, герценисты, *бакунисты* и т. подобные...

[3]) „День"—ежедневная московская газета, издав. съ 1861 г., славянофильскаго направленія, подъ ред. И. С. Аксакова, съ 1862 г. Ю. Самарина, потомъ опять И. С. Аксакова и въ 1865 г. прекратилась.

Отвѣтъ Горчакова и посылка пожертвованій.

13 августа. Посланъ отвѣтъ Горчакова [1]) на дерзкія ноты «цивилизованныхъ» державъ. Въ Россіи объявленъ рекрутскій наборъ.

Быть войнѣ! И нельзя избѣжать войны: не отдавать же своихъ 10 милл. братьевъ подъ гнетъ Польши.

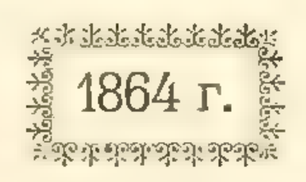
— Вотъ вамъ и справедливость людская и политика европейская!..

«День» принимаетъ подписку на всякія пожертвованія; мы, съ помощью другихъ, переслали около 400 руб. въ пользу семействъ замученныхъ поляками мирныхъ русскихъ гражданъ и въ пользу православныхъ училищъ въ Русскомъ Западномъ краѣ.

[1]) Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ,—госуд. канцлеръ (род. 1798 г.). Искусная и энергичная переписка съ Англіей, Франціей и Германіей по польскому вопросу въ 1863 г. доставила ему славу первостепеннаго дипломата.

1864 г.

Все та же пѣсня.

4 марта. Все та же пѣсня: поляки «куютъ ковы» и строятъ всевозможныя козни, пользуясь благодушіемъ Россіи.

Читая «День», слѣдишь за ними, и становится страшно за нашу южную и западную Русь...

Образованные народы, наши цивилизаторы, дерутся, другіе изъ нихъ къ бою готовятся; вся Европа *«пріятно занята»* и не стыдится съ подстрекательствами восхвалять бойню...

Охъ, вы, просвѣтители!..

На дняхъ мы высылаемъ еще 600 р. на вспоможеніе бѣднѣйшимъ церквамъ въ Бѣлоруссіи.—Господь благословилъ сборъ. Тамъ церкви и духовенство въ ужасномъ состояніи. Объ обрусеніи только еще теперь заговорили!..

Господи, помоги намъ быть полезными Царю и Отечеству.

Воспоминанія о Смольномъ.—Первый день по вступленіи въ должность классной дамы.—Нева и Смольный.—Пожеланія петербургскимъ друзьямъ и воспитанницамъ.—Тяжесть обязанностей классной дамы.—Какъ учили меня мои воспитанницы и чѣмъ умиляли.

23 апрѣля. Памятна мнѣ первая ночь, проведенная въ Смольномъ, въ должности классной дамы [1]).

[1]) См. зап. ч. 1-я 22 апрѣля 1846 г. стр. 151.

Моя комната еще не была готова: я жила у Нуты цѣлый мѣсяцъ. Улегшись на диванъ, долго не могла я заснуть отъ скопившихся разныхъ мыслей; между ними были и отрадныя. Взглянувъ на меблировку комнаты, на все въ ней находящееся, весело думала я: все это наша собственность; отнынѣ я никому и ничѣмъ *не обязана*...

Да, «не обязана» — хорошее слово. Вотъ почему нѣсколько лѣтъ сряду я не переставала радоваться своему уголку, убранному по моему вкусу, гдѣ я была полная хозяйка во время часовъ отдыха. По благой малороссійской привычкѣ, сохранившейся и до сегодня, я, бывало, — дверь на ключъ, и свободная и довольная дѣлаю, что хочу: пишу, читаю, или просто усядусь подлѣ окна и любуюсь на міръ Божій... Какъ ни бѣдны невскіе берега своими видами, но и въ нихъ было много хорошаго для моей отшельнической жизни: горизонтъ широкій; синѣетъ заманчивая даль, а Нева [2]), а небо, а солнце, обливавшее серебристо-золотымъ свѣтомъ мою любимую Неву,—все это давало неистощимый источникъ услады. Въ такіе часы мнѣ было хорошо, и забывала я свою тяжелую обязанность, связанную со множествомъ непріятностей всякаго рода!..

Да, мой милый Смольный, все же на твою долю выпали мои лучшіе дни. Снова быть классной дамой я не могу и не хочу: и лѣта и силы не тѣ; не выдержать болѣе мучительной борьбы и непріятностей. Но первые шесть лѣтъ жилось мнѣ очень хорошо; да и всегда, за исключеніемъ развѣ 52-го и 53-го годовъ, мнѣ было недурно... Спасибо тебѣ, Смольный; спасибо, бывшія мои дѣти, за бывшую вашу дѣтскую привязанность; спасибо, друзья милые: Липины, Баумгартенъ, Тулубьевы [3]); въ вашихъ трехъ домахъ прошло много свѣтлыхъ часовъ моей жизни.

---

[2]) См. зап. ч. 1-я 1856 г. 19 іюля и рисунокъ (стр. 380—381).

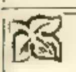
[3]) Вос—ца Имп. об. б. дѣв. вып. 1836 г., урожд. Өедорова, Софія Степановна (по мужу Тулубьева). Липины см. 1-я ч. стр. 234, 286, 332 и Баумгартенъ стр. 439.

Господь да благословитъ всѣхъ васъ!

А вы, мои бывшія воспитанницы, составлявшія и радость и горе моей жизни, простите вспышки гнѣва или рѣзкое слово, вырывавшееся въ минуты накипѣвшей горечи или подъ гнетомъ тяжелаго бремени; забудьте все дурное и одно хорошее вспоминайте—ласку и наши задушевныя бесѣды... Помяните добрымъ словомъ свою бывшую наставницу! Теперь вы сами въ состояніи понять тяжелый трудъ воспитательницы: многія изъ васъ уже матери семейства, есть между вами и наставницы. Теперь вы согласитесь, что постоянно владѣть собою—невозможно... А каково было намъ—класснымъ дамамъ, почти незнавшимъ свободныхъ дней!?—Нервы приходили въ страшное раздраженіе... Бывало идешь въ классъ и горячо молишься, чтобы Господь послалъ терпѣнія и кротости. Передъ выпускомъ вы рѣшительно пугали меня, т. е. не мои собственно воспитанницы, а цѣлый выпускной классъ:—это почувствовавшія свободу послѣ заключенія 140 человѣкъ!.. Господи, чего не вытерпѣла я въ послѣдніе мѣсяцы?!

Но все же были и хорошіе дни; спасибо за нихъ всѣмъ вамъ, моимъ Смолянкамъ...—то бушевали молодыя силы, жажда свободы, то играла молодая кровь, теперь навѣрно остывшая даже въ самыхъ горячихъ головкахъ...

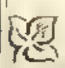
Иногда вы были очень милы, и съ вами вспоминала я свои юные годы, всецѣло уходила въ ваши радости и шалости до самозабвенія. Помните, какъ разъ вы сыграли со мной нехорошую шутку? То было мѣсяца за два до выпуска, или даже менѣе. Вы разспрашивали, по обыкновенію, какъ я провела наканунѣ вечеръ въ гостяхъ; между прочимъ, я вамъ разсказала, что мы писали на заданныя риѳмы и что, противъ всякаго ожиданія, мои стихи выходили очень удачны. Вы просили тутъ же что-нибудь написать, сами подбирая риѳмы, что я и исполняла съ большимъ удовольствіемъ. Приходитъ

„Старая Смолянка"

Варвара Петровна БЫКОВА.

(† въ 1886 г.).

Вѣра Бутенко [4]), дѣвица съ черными глазками и такъ убѣдительно проситъ меня написать на заданныя риѳмы что-нибудь на счетъ Печкина [5]), предмета обожанія всѣхъ выпускныхъ и, въ томъ числѣ, самой Вѣры. Я, не долго думая, забывъ, что облечена должностію классной дамы, видя только шутку, могущую доставить удовольствіе молоденькой дѣвушкѣ, тутъ же, не вставая съ мѣста, окруженная толпою выпускныхъ, написала какой-то вздоръ на риѳмы:

небеса,
краса и пр., и пр...

Условіе было: тотчасъ разорвать этотъ клокъ бумаги. Но каковъ былъ мой ужасъ, когда, мѣсяцъ спустя, въ тетради одной воспитанницы я нахожу между многими стихами и тотъ несчастный экспромтъ, съ плачевными риѳмами — «небеса» и «краса». Къ довершенію удара, подъ ними подписано мое имя, отчество и фамилія! До сихъ поръ не могу себѣ простить такого необдуманнаго поступка, о которомъ узнало и начальство!..

Зато никогда не забуду, какъ разъ, передъ переходомъ въ старшій классъ, вы умилили меня до слезъ. Въ день моихъ именинъ [6]) я проснулась и слышу ангельское пѣніе; прислушиваюсь: то дѣти поютъ у дверей моей комнаты въ коридорѣ *«Да исправится молитва моя»*, тріо, только что разученное ими, безъ моего вѣдома, подъ руководствомъ Анны Петровны! — Я плакала отъ радости, призывая благословеніе Божіе на моихъ юныхъ питомицъ. Проявленія такого рода вашей привязанности служили мнѣ истиннымъ утѣшеніемъ въ моихъ заботахъ о васъ и въ тяжкихъ трудахъ! Гдѣ теперь всѣ вы, и много-ли счастливыхъ между вами?

---

[4]) Вып. 1854 года, Вѣра Иванов. (по мужу генер. Рахманова).

[5]) Печкинъ, Петръ Михайловичъ, учитель словесности въ Имп. в. об благ. дѣвицъ съ 1852—1857.

[6]) 4-го декабря.

Гдѣ Полина Носовичъ [7]? Что Надя Сытенко [8], любившія, меня больше, чѣмъ остальныя? Что сдѣлалось съ обѣими сестрами Сабуровыми—съ Катей и Машей?.. [9]—Сколько воспоминаній встаетъ въ памяти при вашихъ именахъ! Гдѣ всѣ вы, разлетѣвшіяся птички, по разнымъ странамъ Россіи? Васъ и не узнаешь теперь: десять лѣтъ и вамъ дались недаромъ... А Саша Коноплина [10], что дѣлаетъ? Что за милая дѣвочка она была!..

А вы, мои послѣднія воспитанницы, которыхъ я оставила дѣтьми? Вы тоже, вѣроятно, забыли когда-то милую вамъ Варвару Петровну?—Что-жъ дѣлать! Вы были тогда дѣтьми и не понимали, что и я любила васъ много, несмотря на то, что и съ вами приходилось посердиться.—На то мы люди! На то я женщина слабая, нервная и, вдобавокъ, чрезвычайно воспріимчивая! Но видитъ Богъ, какъ страстно желала вамъ добра!..

Размышленіе о провинціальной жизни.

3 мая. Странно!—Хочется и не хочется выбраться изъ Иркутска; думаешь—да гдѣ же лучше? Глупо...

О, губернія! губернія!—Рабство, заискиваніе, вѣчный страхъ передъ начальствомъ, страхъ не за неисполненіе долга, но страхъ за слово, за разный взглядъ—за все, кромѣ службы...

Но, воля ваша, все это глупо и скучно, и скучно и глупо! За это только и хорошъ Петербургъ...

---

[7] Носовичъ, въ спискахъ Парасковія Львовна, вос-ца Имп. вос. об. бл. дѣв. вып. 1854 г.

[8] Сытенко, Надежда Абрамовна—ея подруга и однокурсница. Всѣ онѣ были дортуара Варвары П.

[9] Сабуровы, см. зап. ч. II, 1858 г. 12 августа.

[10] Коноплина, Александра Алексѣевна, вос-ца Имп. вос. об. б. дѣв. вып. 1854 г.

О Некрасовѣ: его поэма „Морозъ—красный носъ“.

5 мая. Говорятъ, Некрасовъ былъ дурной человѣкъ; не вѣрю.—Нужно имѣть душу живую, мягкую, воспріимчивую, чтобы такъ глубоко прочувствовать чужую скорбь и передать ее такъ наглядно, такъ ощутительно, такъ близко къ дѣйствительности, какъ передаетъ это Некрасовъ. Всѣ мотивы, взятые изъ труженической, тяжелой народной жизни, облечены духомъ и плотію,—вы видите тѣхъ людей, вы слышите ихъ смиренныя жалобы на горькую долю, вы видите ихъ слезы,—однимъ словомъ, предъ вами вся жизнь крестьянская, какъ она есть: безъ украшеній, безъ натяжки. Его послѣдняя поэма, напечатанная въ «Современникѣ» [1]), «Морозъ—красный носъ» дышетъ тоской. Читая ее вслухъ Нутѣ, я должна была нѣсколько разъ останавливаться, чтобы перевести духъ отъ подступавшихъ слезъ. Всѣ эти причитанія, весь вопль надгробный надъ любимымъ существомъ осиротѣвшей семьи—такъ и терзаютъ душу...

Нѣтъ, Некрасовъ добрый человѣкъ, но страстный, должно быть и слабохарактерный; потому, вѣроятно, онъ не свободенъ отъ слабостей. Говорятъ, что онъ игрокъ, увлекающійся и т. п. Но есть и бываютъ минуты, когда сквозь накиданный мусоръ пробьется родникъ чистой воды и льются *прозрачныя* струи, ясно отражающія блескъ Божьяго солнца.

Пускай про него говорятъ, что угодно, но, по-моему, Некрасовъ положительно добрый человѣкъ, что бы объ немъ ни говорили: онъ проливаетъ чистыя, искреннія, сердечныя

[1]) За періодъ журнальной дѣятельности Николая Алексѣевича (съ 1856 1865 гг.), когда онъ уже вполнѣ обратился въ „пѣвца народнаго горя въ широкомъ и глубокомъ смыслѣ“. Въ этотъ періодъ имъ написаны: „Коробейники“, „Размышленія у параднаго подъѣзда“. „Желѣзная дорога“, „Крестьянскія дѣти“, что не могла не читать Вѣра П., получая „Некрасовскій Современникъ“.

слезы о страдальцахъ-труженикахъ, — иначе онѣ не производили бы такого глубокаго впечатлѣнія... [2]).

Сталь.—О Коринпѣ—героинѣ романа.—Прощальная пѣснь Коринны.—Шатобріанъ.—Atala и René.—О „Манфредѣ" Байрона.

9 мая. Только теперь переламываю свои предубѣжденія и читаю Сталь и Chateaubriand [1]). Коринна, дѣйствительно, мѣстами увлекательна. Сталь [2]) такъ много пожила, такъ сильно перечувствовала все, выстраданное ею, такъ чудно передала устами своей Коринны; потому-то и Коринна хороша, что взята изъ дѣйствительности. Разумѣется, такая женщина составляетъ исключеніе, но онѣ встрѣчаются въ жизни. Что за поэтическое созданіе, и какъ хороша ея послѣдняя прощальная съ жизнію пѣснь!

«Quelle confiance m'inspiraient jadis la nature et la vie! Je croyais que tous les malheurs venaient de ne pas assez penser, de ne pas assez sentir; et que déjà sur la terre on pouvait goûter d'avance la félicité céleste, qui n'est que la durée dans l'enthousiasme et la constance dans l'amour.— Non, je ne me repens point de cette exaltation généreuse; non, ce n'est point elle qui m'a fait verser les pleurs dont la poussière qui m'attend est arrosée. J'aurais rempli ma destinée, j'aurais été digne des bienfaits du ciel, si j'avais consacré ma lyre, retentissante à célébrer la bonté divine'manifestée par l'univers».

«Vous ne rejetez point, ô mon Dieu, le tribut des talents; etc, ect.

[2]) См. о Н. А. Некрасовѣ въ воспоминаніяхъ Н. Бѣлоголоваго.

---

[1]) Шатобріанъ—знам. фран. писатель (род. 1768 г. † 1848 г.), романтической школы, поклонникъ идей христіанства. Онъ посвятилъ Наполеону „Геній христіанства" и „Мученики христіанства". Болѣе замѣчат. его полем. трактаты о революціяхъ.

[2]) См. 1863. г. 31 мая прим. 3.

Il n'y a rien d'etroit, rien d'asservi, rie'n de limité dans la religion. Elle est l'immense, l'infini, l'éteruel; etc. etc.

Ah, si je n'avais aimé qu'elle! si j'avais placé ma tête dans le ciel, à l'abri des affections orageuses, je ne serais pas brisée avant le temps. Malheureuse! mon génie se fait. sentir seulement par la force de ma douleur. Etc. Etc. etc.

[Переводъ]. „Какую сперва я имѣла увѣренность въ природу и жизнь! Я думала, что всѣ несчастья происходятъ отъ недостатка мысли и чувства, и что уже на землѣ можно предвкушать небесное блаженство, которое есть вѣчный восторгъ и постоянство въ любви. Нѣтъ, я не раскаиваюсь въ этой великодушной экзальтаціи; нѣтъ, не она заставляетъ меня проливать слезы, которыми орошенъ прахъ, меня ожидающій. Я тогда бы исполнила свое назначеніе, я тогда бы была достойна небесныхъ благъ если бы я посвятила всю себя прославленію Божьяго милосердія, явленнаго всему міру. Ты не отвергаешь, Господи, дань талантовъ, и т. д., и т. д., и т. д.

„Нѣтъ ничего узкаго, порабощеннаго, ограниченнаго въ религіи! Она само величіе, безпредѣльность и вѣчность, и т. д., и т. д.

„Ахъ, если бы я могла любить только ее одну, если бы я могла поручить себя только небу, защитивъ себя отъ всякихъ бурныхъ привязанностей,—я бы не была разбита раньше времени. Несчастная! Мой геній даетъ себя чувствовать только силою моей печали!“ И т. д., и т. д.

Все хорошо до послѣдняго слова!

Бѣдная Коринна! Такимъ женщинамъ, какъ ты, по настоящему любить не слѣдуетъ—въ той любви кроется гибель и нравственная смерть. Бѣдная, бѣдная Коринна!..

Изъ «Chateaubriand» прочла покамѣстъ Atala и René. Еще не разобралась хорошенько въ прочитанномъ, но Amélie и René кажутся мнѣ несовсѣмъ естественными. Впрочемъ, мало-ли страннаго и непонятнаго происходитъ въ душѣ человѣка, вопреки его собственному желанію, вопреки его волѣ. О жалкое, несчастное созданіе, человѣкъ! Чѣмъ искреннѣе и глубже его чувство, тѣмъ онъ несчастнѣе, и горе тѣмъ, кто бросаетъ камнемъ въ такихъ несчастныхъ! Имъ нѣтъ покоя на землѣ ни въ какомъ состояніи: богатства, почести не для нихъ.

Вѣрно подъ вліяніемъ René написалъ и Байронъ своего

Манфреда: что это за мрачный образъ и какую тоску нагоняетъ онъ! Развѣ не жаль его?..

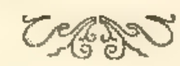

Статья о безсмертіи души.

31 мая. Хорошую вещь прочла я сегодня о безмертіи души. Какъ наглядно доказана безконечная жизнь духа!

Да, мнѣ пріятно вѣрить въ продолженіе моего бытія; я даже повеселѣла по прочтеніи этой статьи; какой-то умный человѣкъ написалъ ее, и я ему чрезвычайно благодарна

Хотѣла бы я знать, какую цѣль имѣютъ тѣ господа, которые разрушаютъ вѣру въ Божество и въ загробную жизнь? Развѣ оттого лучше становится людямъ? Развѣ живется покойнѣе, счастливѣе отъ этого? Напротивъ, чувствуется безисходность положенія, и жизнь является безъ смысла и цѣли.

Наши воспитанницы-сибирячки.

6 іюня. Есть между пепиньерками любимица моя — Агнія Разсказова. Съ ней люблю говорить: она смотритъ такими умными глазками и такъ привѣтливо, что забываешь разницу лѣтъ и говоришь, какъ... какъ съ другомъ. Что готовитъ судьба этому юному созданію? Ей всего 16 лѣтъ. Какая длинная жизнь впереди... Что дастъ она? [1]).

[1]) Агнія Аѳанасьевна, см. 1862 г. 24 октября, пр. 3; у нея и нынѣ благоговѣйно сохраняется карточка Варвары Петровны съ такою надписью: „Агнія, дитя милое, приложите въ жизни всѣ добрыя начала, которыя пріобрѣли вы въ стѣнахъ института. Любите брата человѣка, любите и добрыхъ и злыхъ и поучайте собственнымъ своимъ примѣромъ и словомъ мира и любви. Благодать Божія да осѣнитъ вашу юность, и молодость, и зрѣлый возрастъ. Помяните добрымъ словомъ меня, когда не станетъ въ живыхъ искренно любящей васъ В. Быковой“. 1864 г. 14 апр.

Агнія дружна съ Олей Филимоновой [2]), тоже воспитанницей института, старше ея четырьмя годами. Она тоже вышла первой и теперь сама уже воспитательница, исполняющая обязанность у насъ классной дамы въ старшемъ классѣ. Работаютъ онѣ вмѣстѣ и всю душу кладутъ въ свое дѣло.—Прелесть, что за дѣвушки!

Одна изъ пепиньерокъ, Варя Пояркова [3]), въ которой я находила сходство съ собою въ былыя времена, выходитъ замужъ.—Черезчуръ поспѣшно. Но нельзя останавливать ее, когда ей самой хочется. Впослѣдствіи жизнь покажетъ: хорошо или дурно она сдѣлала.—Отъ нея я много ждала... Что же?—Можетъ и не ошиблась...

Другія пепиньерки тоже хорошія дѣвочки; но ихъ я менѣе знаю: держатъ себя далеко, несмотря на то, что я ласкова и привѣтлива стараюсь быть со всѣми.

Меня безпокоитъ Настя Степанова [4]),—чрезвычайно сдержанный характеръ!..

Новый годъ.—Отсутствіе новаго въ жизни. Чтеніе любимыхъ мыслителей.—Покорность волѣ Божьей.

31 декабря. Послѣдній день года!

Я всегда со страхомъ жду наступленія новаго и никогда не встрѣчаю его радостно. Знаю, что и въ слѣдующемъ люди будутъ все тѣ же, стало быть, лучшаго ждать нельзя. Помоги, Господи, быть полезной и этотъ годъ отмѣтить какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ!..

---

[2]) Ольга Николаевна—первая воспитанница Иркутскаго института вып. 1859 г., дочь очень богатыхъ родителей золотопромышлен., по первому мужу Урановская, по второму ген. Лазарева, всегда весьма признательная Варварѣ Петровнѣ.

[3]) Варвара Петровна (см. 1862 г. 24 окт. пр. 1-е).

[4]) Анастасія Петровна, VIII вып. Иркутскаго института. Начальница сиропитательнаго Елизаветы Медвѣдниковой дома въ Иркутскѣ (см. 1862 г. 24 окт. пр. 4).

Да, ни въ чемъ другомъ не вижу новаго: разговоры и книги, особенно самыя новѣйшія, всѣ говорятъ по-старому и не открываютъ новыхъ жизненныхъ путей. Вотъ почему теряю я прежнюю охоту даже къ разговору. Люблю я теперь только историческіе разсказы: на нихъ просто набрасываюсь. Читаю теперь Bergier «servitudes du christianisme» въ отпоръ современнымъ ему философамъ: Вольтеру, Дидро, Даламберу, Гримму, Гельвецію и всей честной компаніи et tutti quanti вмѣстѣ съ нынѣшними нигилистами.

Удивительное сходство между главарями тѣхъ и другихъ, только нынѣшніе «фейербахи» повторяютъ зады.

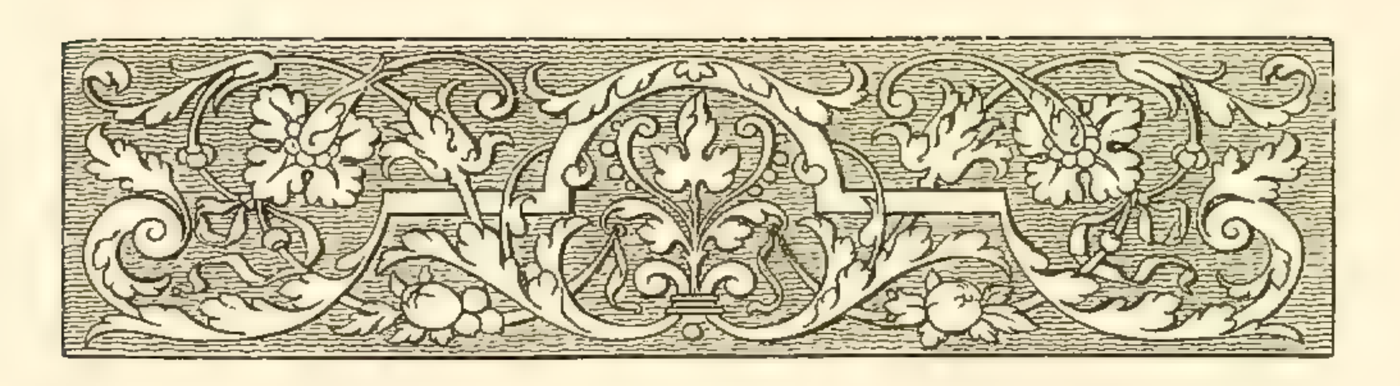
Стала отыскивать статьи, гдѣ бы исторически и на научныхъ данныхъ доказано было все безумное краснорѣчіе матеріалистовъ—и нашла. Во-первыхъ—Бержье; тотъ побиваетъ слово за слово прямо фактами; потомъ философа и естествоиспытателя, знаменитаго Боссюэта [1]); а тамъ еще цѣлую вереницу: извѣстнаго, славнаго геометра Эйлера, Лейбница, и, дастъ Богъ, доберусь до Ньютона. Да, этихъ читаю съ увлеченіемъ: взгляды становятся правильнѣе, и сама жизнь получаетъ иной, болѣе осмысленный характеръ и хочется молиться...

Да будетъ святая воля Твоя, Господи, здѣсь и въ будущей, неразгаданной силами человѣческаго ума вѣчности. Ты призвалъ меня къ бытію; къ Тебѣ, или къ той жизни, которую Ты же, Господи, дашь, я снова пойду, только подкрѣпи мою вѣру!..

---

[1]) Боссюэтъ—французскій проповѣдникъ, историкъ и богословъ (род. 1627 г. † 1704 г.).

1865 г.

Увлеченіе Вольтеромъ и раскаяніе.—Безвѣріе въ Иркутскомъ обществѣ и его послѣдствія.—Русскіе и поляки.

21 января. Агнія Разсказова [1]) уѣзжаетъ на дняхъ въ Петербургъ къ матери; страшно за молодую головку: ее также легко сбить, какъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, сбили меня.

Вольтеръ, который положительно не зналъ ни исторіи, ни еврейскаго языка, имѣлъ на молодежь громадное вліяніе и разсчитывалъ очень вѣрно на большое невѣжество читающихъ. Ему вѣрили и вѣрятъ на слово, признавая за истину всѣ его парадоксы. Теперь, прочтя такъ много и такихъ дѣльныхъ, наглядныхъ обличеній въ искаженіи Вольтеромъ исторической истины, я ужъ не буду сбита съ пути никакими Ренанами. Но тогда, неподготовленная къ борьбѣ, не имѣя другой опоры, кромѣ вѣры и молитвы, я такъ поддалась обману, такъ страдала и всѣми силами искала выхода изъ душной духовной темницы!..

И Господь помогъ мнѣ прозрѣть.

Я очнулась въ стѣнахъ Смольнаго. Окруженная молящимися и вѣрующими я стала молиться и вѣрить, горячо вѣрить въ вездѣсущаго Бога. Я опять почувствовала, что приближаюсь къ Господу, что предъ Нимъ единымъ могу

---

[1]) См. 1862 г. 24 окт. пр. 3 и 1864 г. 6 іюня пр. 1.

излить свою душевную скорбь; лишь отъ Него ждать утѣшенія, предоставивъ себя вполнѣ Его святой волѣ!..

Въ Иркутскѣ снова стало застилать туманомъ глаза; я не возвращалась болѣе къ прежнему невѣрію, но и истина не сверкала прежнимъ свѣтомъ — Разговоры, слышимые постоянно кругомъ, насмѣшки, кощунства въ журналахъ, статьи, по наружности глубоко-ученыя, особенно для неученыхъ — все это дѣйствовало мучительно на меня. И стала я снова молиться, да укажетъ мнѣ Господь истину; и засіяла та истина такимъ яркимъ свѣтомъ и такъ ясно освѣтила всѣ изгибы моего невѣжества и лжи, что обманъ былъ болѣе немыслимъ: весь соръ, вся грязь были на виду... И жаль мнѣ бѣдныхъ, подобныхъ мнѣ, запутавшихся въ сѣтяхъ сомнѣній, бьющихся какъ въ западнѣ и не знающихъ, кромѣ смерти, другого исхода.

На нашихъ глазахъ совершается другое извращеніе исторической истины. Въ немъ участвуютъ поляки и весь мятяжный западъ. Такъ безсовѣстно все ведется, что только приходится дивиться... Спасибо «Дню», «Московъ. Вѣдомостямъ» и «Вѣстнику Ю. З. Россіи», — эти органы печати многое уяснили и продолжаютъ уяснять, зорко слѣдя за всѣми іезуитскими происками безчестныхъ коноводовъ, ловко прибирающихъ къ рукамъ невѣждъ и легковѣрныхъ.

— О, поляки! поляки! какъ обманули они меня! Какъ мнѣ жаль было васъ и какъ я сочувствовала вашему стремленію къ свободѣ! — Безумная! Рабы, вѣдь, мы были и, можетъ быть, и теперь безъ сознанія, продолжаемъ быть. Поляки насъ всѣхъ разжалобили, прикинувшись жертвами, и мы устыдились быть якобы ихъ палачами! [1]).

---

[1]) Кромѣ того В. П. читала польскій катехизисъ, переведенный на русскій языкъ по приказанію графа Мих. Н. Муравьева: „Какъ можно вліять на москаля“. (См. въ „Польской эмиграціи 1831—1863 гг.“ приложеніе).

„Мы, русскіе, такъ себя не знаемъ, какъ выучили наши слабости поляки“. Катковъ.

Кто же виноватъ, что мы не знаемъ своей исторіи? Рабски слѣдуемъ за мнимо-ученой Европой и повторяемъ ложь, распускаемую ею въ ущербъ самимъ себѣ.

Не понимаю, какъ не заботятся въ учебникахъ распространять истину... Твердятъ: «І-ый, ІІ-й, ІІІ-й *раздѣлъ Польши*» и тѣмъ заставляютъ порядочныхъ людей краснѣть за правительство и считать себя виновными; а не скажутъ, изъ чего составилась Польша, что она была; какія земли входили въ ея составъ, и какъ она завладѣла ими, и какъ поступила она съ тѣми землями и ихъ населеніемъ, и какъ этотъ покоренный поляками народъ отбивался отъ ихъ ига, и какъ естественно соединился онъ съ своимъ *роднымъ* краемъ, отъ котораго былъ оторванъ IV вѣка тому назадъ, и пр., и пр. Обо всемъ этомъ краснорѣчиво молчатъ наши учебники и преподаватели; а поляки и печатно, и тайно, и гласно вездѣ, и во всѣхъ журналахъ поютъ жалостливую пѣснь *о варварствѣ москалей*, объ угнетеніи,—по втихомолку, подъ шумокъ, отлично угнетаютъ русскихъ, въ качествѣ крѣпостныхъ, и съ ловкостью іезуитовъ закидываютъ сѣти на Западную и Юго-Западную Русь.

Молодцы! По дѣломъ намъ, простакамъ! — всякій обманетъ...

— Да, и обманули жестоко! Но все же мнѣ жаль тѣхъ, которые не по своей волѣ очутились здѣсь, въ Сибири: пришли и переѣхали сюда... Дай только, Господи, чтобы они не вздумали полонизировать Сибирь...

— Не удалась одна продѣлка, найдутъ другую...

Ловкій народъ! «Изъ воды всегда сухой выйдетъ».

Скорбь о Нутѣ.

28 февраля. Когда-то Господь сниметъ съ меня тяжкое бремя?..

— Погибаетъ моя бѣдная Нута!—Она остается почти безъ всякой поддержки со стороны начальства при непріятностяхъ... [1]).

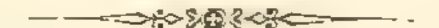
Господи, изведи душу мою изъ темницы. Но да будетъ воля Твоя!..

Успокоеніе въ скорби.

2 марта. Créature d'un jour qui t'agites une heure,
De quoi viens-tu te plaindre et qui te fait gémir?
Ton âme t'inquiéte, et tu crois qu'elle pleure:
Ton âme est immortelle, et tes pleurs vont tarir.
Le regret d'un instant te trouble et te dévore;
Tu dis que le passé te voile l'avenir.
Ne te plains pas d'hier; laisse venir l'aurore:
Ton âme est immortelle, et le temps va s'enfuir.
Ton corps est abattu du mal de ta pensée;
Tu sens ton front peser et tes genoux fléchir.
Tombe, agenouille-toi, créature insensée:
Ton âme *est immortelle*, et la mort va venir.
Alf. de Musset (Lettre à Lamartine).

[Переводъ]. Созданіе одного дня! Твое волненіе длится не болѣе часа. На что же ты жалуешься? И что заставляетъ тебя стонать? — Твоя душа тебя безпокоитъ, а ты думаешь, что она плачетъ.—Душа твоя безсмертна и твои слезы изсякнутъ. Мимолетная печаль и сомнѣнія тебя подтачиваютъ; ты говоришь, что прошлое затемняетъ тебѣ грядущее. Не жалуйся на вчерашній день; дождись зари.—Душа твоя безсмертна, а время пролетитъ. Тѣло твое страдаетъ подъ гнетомъ мысли; ты чувствуешь, что голова твоя отяжелѣла и колѣна подкашиваются. — Пади, преклони колѣна, безразсудное созданіе! Твоя душа *безсмертна*, а смерть не замедлитъ придти.

[1]) Живые свидѣтели—переписка Анны Петровны и архивныя дѣла Иркутскаго института — только могутъ выяснить, въ чемъ состояли непріятности. Вѣроятно, борьба за взгляды и убѣжденія.

Смерть Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.

14 апрѣля. Вчера пришла телеграмма о кончинѣ Его И. В. Государя Наслѣдника въ ночь на 12-е число [1]). Теперь все Царское семейство въ Ниццѣ: и живые и покойный Наслѣдникъ.

Покойный,—а давно-ли былъ онъ полонъ жизни, красоты, могущества; давно-ль былъ женихомъ юной Принцессы Датской Дагмары?.. Больно смотрѣть на карточку, гдѣ они стоятъ вмѣстѣ... Смерти все равно, что ни косить, лишь бы косить: крапива, цвѣты роскошные, репейникъ—все валится подъ лезвіемъ неумолимой...

А моя родная Русь? Что тебѣ готовитъ новый Наслѣдникъ Престола?.. Александръ — хорошее, русское, историческое имя: Александръ Невскій святой Александръ Благословенный, Александръ—освободитель рабовъ. Какъ же Твое имя будетъ возвеличено грядущимъ поколѣніемъ? [2]). Молва еще молчитъ о Тебѣ; чѣмъ-то ознаменуешь свое правленіе Ты—грядущій властитель обширной Россіи? Да осѣнитъ Тебя благость Божія, да исполнитъ Тебя премудрости, правосудія и любви! Да благословятъ Тебя колѣна земныя, какъ благословляютъ отца Твоего, нашего любимаго Государя! Да возлюбятъ Тебя дѣти Твои русскіе и всѣ народы, которые будутъ жить подъ сѣнью Твоей державы! Да благословитъ и умудритъ Тебя Господь на трудномъ, разстилающемся предъ Тобою пути!..

Двадцать пять лѣтъ назадъ, я привѣтствовала также нынѣшняго Государя; сама едва начиная жить молодою жизнью, я призывала всѣ благословенія Божіи на главу

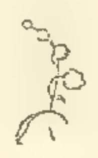
[1]) См. 1861 г. 21 сент., прим. 1.

[2]) Царь-Миротворецъ, Александръ III († 20 октября 1894 г.).

Великаго Князя, въ которомъ соединяла все счастье моей родины... Мнѣ казалось, глядя на доброе, прекрасное лицо Александра Николаевича, что его царствованіе должно быть благодѣтельно для Россіи, и я съ увлеченіемъ любовалась царственнымъ юношей. То было очень давно, еще до женитьбы Государя. Съ тѣхъ поръ, хотя я и жила въ Петербургѣ, но не видала больше никогда Государя. Однако же надежды мои сбылись, и народъ русскій благословляетъ своего Царя; я тоже принадлежу происхожденіемъ и всею душою тому народу и не перестаю благословлять Царя, освободителя милліоновъ рабовъ.

— Бѣдный Государь! Какую тяжелую утрату переносишь! Несчастная Царица! Какъ плачешь Ты, бѣдная мать! Какими горькими слезами обливаешься надъ бездыханнымъ тѣломъ Своего первенца! — Поѣхали за здоровьемъ въ чужой край и вернутся съ трупомъ еще такъ недавно цвѣтущаго юноши! Небывалое начнется шествіе по Европѣ: Царь, Царица, въ слезахъ, везутъ домой, во гробъ положеннаго сына.

Да утѣшитъ Васъ Господь и общее сочувствіе въ горѣ!

Панихиды по умершемъ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ.

15 апрѣля. Только-что пришла съ панихиды; въ ушахъ звучитъ послѣдній напѣвъ: «Вѣчная память», и непрошенная слеза пробивается въ очи...

Жаль цвѣтка, едва распустившагося; жаль Государыню мать. Мнѣ такъ ясно видится вся глубокая скорбь Царицы при погребальныхъ молитвахъ, что я какъ бы при-

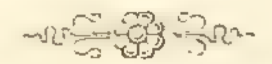
сутствую лично въ тѣхъ роскошныхъ чертогахъ, гдѣ слышатся плачъ и рыданія.

Сохрани, Господи, Царя и Царицу еще на долгіе годы!

«Человѣкъ, яко трава; дни его, яко цвѣточекъ сохнетъ» [1]),— сказалъ давно вдохновенный пѣвецъ.—Какъ слова эти подходятъ къ совершившемуся событію!..

— Да упокоитъ Господь душу твою, бѣдный юноша! Тамъ всѣ равны!..

Дѣти съ умиленіемъ пѣли въ церкви; у насъ всю недѣлю будутъ панихиды; вчера соборъ и площадь подлѣ собора были полны народа.

Выпускной экзаменъ по французскому языку. — Наша молодежь и предостереженія ей.—Какъ совращали меня.

27 мая. Ровно недѣлю назадъ мой классъ сдалъ свой выпускной экзаменъ по исторіи французской литературы и вообще по познаніямъ изъ французскаго языка. Господь благословилъ труды наши.—Шесть лучшихъ воспитанницъ писали на доскахъ: трое переводили à livre ouvert съ русскаго, трое писали на заданныя темы: «Adieu à l'institut, la mère, la musique (прощаніе институту, мать, музыка). «Прощаніе» обратило на себя особенное вниманіе [1]). Мнѣ въ немъ понравилось болѣе всего слѣдующее выраженіе: «Je prie Dieu, que mon institut bien aimé reste ferme, inébranlable au milieu des fausses doctrines et des vagues de l'incrédulité, qui l'entourent [2]).

[1]) Изъ псалма 102-го, ст. 15.

—

[1]) Писала его в -ца вып. 1865 г. Людмила Чайковская.

[2]) [Переводъ]: Я молю Бога, чтобы мой любимый институтъ пребывалъ твердымъ, непоколебимымъ среди ложныхъ ученій и невѣрія, которыя его окружаютъ.

Да, покамѣстъ институтъ стоитъ отпоромъ разливающемуся повсюду ученію матерьялизма. Нута, несмотря на насмѣшки, говоритъ во всеуслышаніе, что старается воспитать женщинъ христіанокъ, которыя могли бы вносить въ семейный кругъ и въ общество начала нравственности, основанной на ученіи Спасителя, и которыя своимъ благотворнымъ вліяніемъ, въ свою очередь, подготовили бы юное поколѣніе къ дальнѣйшему существованію на тѣхъ же началахъ, чтобы наша молодежь не похожа была ни на нынѣшнюю, ни на прежнюю, потому что обѣ не заслуживаютъ любви и уваженія. Вглядитесь — нынѣшняя молодежь нисколько не отличается своимъ направленіемъ отъ молодежи прежняго времени, развѣ рѣчи другія, а суть все та же. Какъ прежде французскіе писатели оказывали большое вліяніе на читателей, такъ и теперь. Дальше Diderot и de la Metterie идти некуда! De la Metterie умеръ въ 1755 г.; стало быть, болѣе ста лѣтъ прошло уже послѣ его смерти; между тѣмъ его произведенія: «l'homme machine» et «le traité de l'âme» [3]) и въ настоящее время читаются нарасхватъ, особенно молодежью. Этотъ господинъ старался доказать, что человѣкъ не имѣетъ духовной стороны, а есть только животное, подобное обезьянѣ! Исходя изъ этой точки, онъ систематически разрушаетъ всякую нравственность, говоря, что *нѣтъ совѣсти*, нѣтъ ни добра, ни зла, и что человѣкъ въ правѣ предаваться всѣмъ порокамъ и преступленіямъ, если онъ того пожелаетъ. Вотъ видите, какіе учителя были у прежнихъ поколѣній! [4]).

Успокойтесь же, любезные друзья, бѣдные молодые люди, — не воображайте, что, глумясь надъ вѣрою, надъ Божествомъ и безсмертіемъ души, вы дѣлаете что-нибудь новое. — Давно уже являлись повторяемыя вами остроты и потомъ исчезали. Матеріализмъ, какъ стоглавая гидра, показывалъ свою страшную голову то тамъ, то тутъ. Еще во времена іезуитовъ и

[3]) „Человѣкъ-машина“ и „Трактатъ о душѣ“.

[4]) Опередившіе и Дарвина цѣлымъ столѣтіемъ.

сластолюбивыхъ папъ матеріализмъ служилъ имъ точкой опоры, и они разрѣшали себѣ всякіе безнравственные поступки на томъ основаніи, что отрицали въ человѣкѣ все духовное и низводили его на степень животнаго... А вы думали, господа, что и вправь говорите что-то такое новое, чего не слышало человѣчество?!. Слышало; — равно какъ слышало и всѣ ваши громкія слова о любви къ человѣчеству, но только подъ звуки гильотины, ружейной и пушечной пальбы и при плескѣ волнъ, въ которыя погружали тысячи жертвъ этой кровожадной любви. И Марратъ былъ «другъ народа», и Робеспьеръ, и Дантонъ, и Collotd Herbvis; всѣ эти начальники терроризма, руководители террора, твердили о «гуманности», называя ее «филантропіей». На мой же взглядъ есть только одна истинная любовь — основанная на *«христіанскомъ милосердіи»*, не дозволяющая никогда проливать кровь человѣческую, а вся эта «филантропія» и «гуманность» только маски для прикрытія какихъ-нибудь своекорыстныхъ видовъ и цѣлей [5]).

Было время, что и меня хотѣли сдѣлать прозелиткою республиканскихъ началъ и съ этою цѣлью снабдили порядочнымъ запасомъ записокъ «демагоговъ» первой французской революціи. Я прочла и отвернулась отъ этого собранія лжи, коварства, корыстолюбія, властолюбія и кровожадности. Всѣ эти «друзья народа», эти «патріоты» своего отечества были отъявленными негодяями. Они щадили и хвалили другъ друга только до тѣхъ поръ, пока это не мѣшало ихъ личнымъ интересамъ. Но, при первомъ разногласіи, при первомъ словѣ правды, вырвавшемся у болѣе справедливыхъ.

---

[5]) И новѣйшіе провозвѣстники „свободы и братства“ и нынѣшніе члены „общественной безопасности“ занимаются взаимоистребленіемъ якобы „изъ любви къ свободѣ и братству“, присоединяя къ той любви и страсть къ подстрекательству для уничтоженія и разрушенія иныхъ историческихъ памятниковъ, какъ-то: библіотекъ, картинъ и пр.—Вѣроятно, это варварское истребленіе назовется у нихъ тоже „любовью къ просвѣщенію?“ (примѣч. автора 1872 г. 19 іюня).

«друзья» отправляли такового на эшафотъ, и осыпали его укорами въ измѣнѣ «отечеству»...

Такъ поплатился Camille Desmoulins, одинъ изъ наиболѣе симпатичныхъ людей того времени, который вначалѣ гордился названіемъ «procureur général de la Lanterne».

Бѣдный, не понималъ всего ужаса такого прозвища! Вѣдь онъ былъ тотъ же палачъ, отъ котораго, вѣроятно, прежде и самъ отворачивался! Тѣмъ не менѣе, нельзя читать безъ слезъ его прощальнаго письма къ женѣ изъ темницы, куда его бросилъ «другъ его» Робеспьеръ.—Каждое слово дышетъ такою грустью, что сразу я и прочесть не могла—больно!

Да, еще издавна честные, но легко увлекающіеся люди, сами того не подозрѣвая, служили орудіемъ достиженія коварныхъ замысловъ разныхъ негодяевъ...

Новый выпускъ.

22 іюня. Вотъ и снова выпускъ; снова рой молоденькихъ дѣвушекъ хлынетъ чистою волной въ мутныя воды свѣта... Что станется съ этой чистотой?..

Бѣдныя дѣти! неужели всѣ, всѣ сольются съ тою грязью?..

Мнѣ жаль васъ, и я плакала въ церкви, молясь, да внесутъ въ міръ эти юныя созданія правду Божію, и да проповѣдаютъ ее и словомъ и дѣломъ!

Господи, благослови ихъ!—Въ этомъ выпускѣ 39 воспитанницъ окончили курсъ; въ 63 г.—30, въ 61 г.—20, а въ 59 г.—21. Это—капли для моря, для Сибири [1]).

[1]) Списки этихъ выпусковъ можно видѣть на страницѣ 19-й историческаго очерка Иркутскаго института (изд. 1896 г. Иркутскъ).

Смерть брата Александра.—„День" Аксакова. — Не схожусь ни съ духовенствомъ, ни съ реалистами.—Отецъ Іоаннъ Неделевъ, Анна Демьяновна Слонецкая и о. Іоаннъ Преображенскій.

14 октября. До сихъ поръ силъ не хватило внести въ свои записки еще одну смерть,—смерть брата, нашего геніальнаго брата, нашу былую защиту, гордость и славу,—смерть нашего брата, Саши [1]).

Въ то время, какъ оплакивали мы здѣсь утрату царской семьи, въ то время, какъ вся Россія, въ лицѣ своихъ представителей, грустно созерцала торжественныя похороны Наслѣдника Престола,—въ тѣ самые дни кончалъ свою страдальческую жизнь бѣдный Саша. О,—такъ я звала его въ молодости; послѣ мы разстались, и прежнее молодое имя осталось до конца его жизни... Да, умеръ онъ среди дѣтей и жены; и никто не упомянулъ имени покойника, и ни въ одной газетѣ даже не сказали, что сошелъ съ земного поприща—краса людей, стоявшій мыслею такъ высоко надъ общимъ уровнемъ. Да, никто не помянулъ; только сестры заплакали, услышавъ эту горестную вѣсть; только сестры молятся за упокой увлекавшейся души его! Господи, прости ему все...

Бѣдный И. С. Аксаковъ: отъ архіереевъ и «Домашней Бесѣды» до «Русскаго Слова»—всѣ противъ него; съ тою только разницею, что прогрессисты зовутъ его старовѣромъ, отсталымъ (отъ чего), умопомрачителемъ, квасникомъ, руссофиломъ, подкупленнымъ правительствомъ, а духовенство называетъ его прогрессистомъ и революціонеромъ. Есть такіе господа, которые называютъ славянофиловъ «красными», коммунистами и вообще подозрительными. Господи, въ какихъ потемкахъ мы ходимъ, боясь другъ друга!.. Бѣдный «День»!—Но пусть тучи заволакиваютъ небо; взойдетъ солнышко—и снова заблеститъ обновленный «День».

[1]) См. зап. ч. 1-я Александръ Петровичъ Быковъ стр. 140. Умеръ въ Москвѣ.

Не сравнивая себя съ Аксаковымъ, я тоже кажусь однимъ—невѣрующей и, по меньшей мѣрѣ, протестанткой, другіе, наоборотъ, посмѣиваются надо мною за вѣру. Я считаю себя просто христіанкой или, по крайней мѣрѣ, хочу быть таковой. Высказываясь же откровенно, не могу поладить со здѣшнимъ духовенствомъ. Не встрѣчаю здѣсь никого, похожаго на покойнаго отца Іоанна Недешева [2]). Здѣсь не отъ кого услышать слова утѣшенія и подкрѣпленія въ духовной нищетѣ...

Да просвѣтится духъ твой предъ лицемъ Божіимъ, любвеобильная душа! Бывало, на исповѣди сознаешься среди слезъ и глубокаго раскаянія въ грѣхахъ; онъ же, пастырь добрый, утѣшитъ словами: «не печалься, дружокъ, пройдетъ, въ молодости всѣ такія же были»! И легче станетъ на душѣ; и уйдешь отъ него обновленною. Онъ насъ обѣихъ съ сестрою любилъ и, пожуривъ за что-нибудь, бывало, прибавитъ: «мнѣ не хотѣлось бы и пылинки видѣть на вашей душѣ». Если, душа чистая, безсмертная, ты можешь видѣть и слышать меня,—радуйся: съ глубокою благодарностью поминаю тебя и Анну Демьяновну [3]), святую женщину, которая тоже такъ часто осушала мои слезы теплымъ участіемъ и словами искренней дружбы. И надъ этой женщиной, въ полномъ смыслѣ слова безупречной, глумились ничтожества, давали ей разныя прозвища и нравственно терзали ее.—Помню, съ какою скорбью говорила она разъ какъ-то: «Мнѣ очень тяжело: даже тѣ, кого считала друзьями, и тѣ противъ меня»!—Да, не встрѣтить мнѣ больше Анны Демьяновны! Вотъ уже 10 лѣтъ минуло послѣ ея смерти, а мнѣ живо помнятся ея слова и дѣла ея на пользу общую.

Миръ праху твоему!

Еще я знала въ Смольномъ добрую, честную личность,—отца Іоанна Преображенскаго, священника во Вдовьемъ

---

[2]) См. зап. ч. 1-я стр. 18-я, 442 и его портретъ.

[3]) Анна Демьяновна Слонецкая, зап. ч. 1-я стр. 177, 195, 277, 338 и 443.

Протоіерей

О. Іоаннъ Яковлевичъ ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ.

Домѣ [4]). По смерти о. Недешева, онъ былъ нашимъ духовникомъ.—Какая кротость христіанская, и какъ молился онъ съ кающимися! Боже мой, дай мнѣ еще хоть разъ исповѣдовать Тебѣ грѣхи мои въ присутствіи этого чуднаго батюшки, такъ хорошо понимающаго сердце человѣческое!..

Отецъ Іоаннъ Недешевъ былъ нашимъ законоучителемъ и принималъ въ насъ живое участіе. Во время моей продолжительной болѣзни, когда я была первый годъ въ старшемъ классѣ, онъ посѣщалъ меня черезъ день и просиживалъ часами у моей постели, подготовляя меня къ вѣчности: доктора почти приговорили меня къ смерти. Опасность про-

---

[4]) См. зап. ч. 1-я стр. 163. Скромнѣйшій пастырь, 55 лѣтъ (1838—1894 г.), прослужившій во Вдовьемъ Домѣ и въ Имп. в. об. бл. дѣвицъ, стяжавшій славу „батюшки безсребренника - прозорливца". (Его біографія въ „Церковномъ Вѣстникѣ" за сентябрь 1894 г.). Въ день 50-лѣтія служенія въ санѣ священника чувства его бывшихъ воспитанницъ „смолянокъ" и духовныхъ дѣтей излились массою привѣтствій, изъ нихъ одно, писанное, приводимъ здѣсь, какъ характеристику вдумчиваго отношенія къ священнику и отцу духовному:

„Смиренный пастырь и учитель,
Посредникъ нашъ у Божества,
Опора слабыхъ, душъ цѣлитель,
Благій виновникъ торжества!
Прими отъ насъ даръ уваженья,
Въ полвѣковой твой юбилей!
Мы видимъ, – что благословенье
Витаетъ надъ главой Твоей;
Престола Божія служитель—
Примѣръ *любви* ты подаешь;
Закона точный исполнитель—
Всѣхъ ко спасенію ведешь;
Ты огорченныхъ утѣшитель,
Покой смятеннымъ подаешь;
Ты грѣшныхъ съ небомъ примиритель,
Ты жизнью славу Богу воздаешь!
Безсмѣнный кормчій,—полстолѣтья
Своимъ ты правишь кораблемъ,
И чуднымъ храма благолѣпьемъ
Тебѣ обязанъ Вдовій домъ!

должалась около мѣсяца.—И послѣ, когда я была уже классной дамой, о. Іоаннъ говаривалъ: «когда вспоминаю о «Варnавкѣ», такъ называлъ онъ меня, «она все представляется мнѣ больной въ кроваткѣ» [5]). Даже слезы прошибаютъ при воспоминаніи объ этихъ двухъ пастыряхъ церкви, смиренно совершающихъ свой священническій подвигъ въ миломъ Смольномъ. Такъ бы и полетѣла къ о. Іоанну Преображенскому, преклонила бы колѣна въ Божьемъ храмѣ и съ рыданіемъ просила бы этого святого человѣка научить меня молиться и дать миръ душѣ моей! Онъ самъ испыталъ глубокую скорбь: въ короткое время схоронилъ двухъ взрослыхъ дочерей и сына, 20 лѣтъ. Самъ отпѣвалъ своихъ дѣтей въ великую пятницу, и вся церковь обливалась слезами [6]).

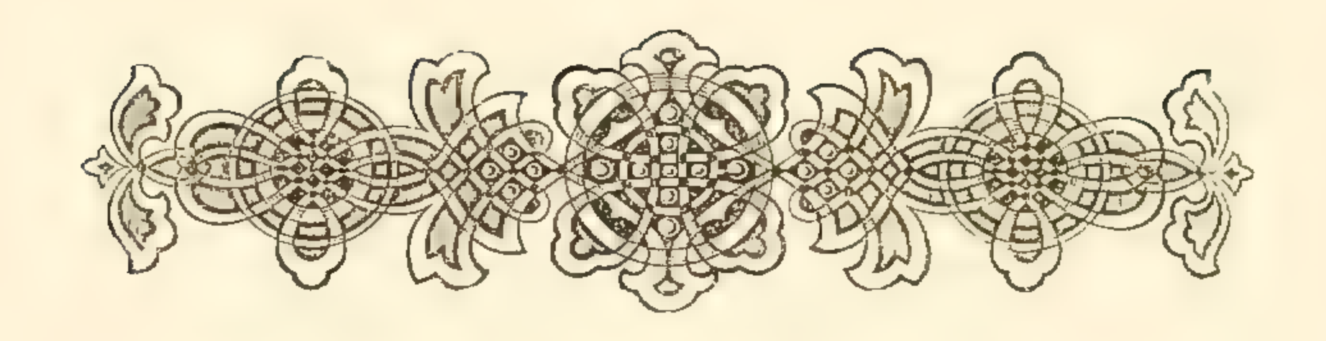

От юныхъ лѣтъ и до сѣдины
Ему ты ревностно служилъ,
На храмъ Святый Екатерины
Свою ты душу положилъ.
Наставникъ юныхъ, старыхъ радость,
Любвеобильный бѣдныхъ другъ,
Почувствуй нынѣ всю ты сладость
Пол-вѣковыхъ своихъ заслугъ!..
Мы здѣсь не свѣтскія витіи,
А овцы пажити Твоей,
Служаки *вѣдомства Маріи,*—
Достойно чтимъ твой юбилей.
Теперь у насъ одно моленье,
Одно желанье и привѣтъ:
Пусть Господь продлитъ твое служенье
Еще на много, много лѣтъ!“ Четвергъ.

Анна Род—ва. 25 февраля 1888 года.

[5]) См. зап. ч. 1-я 11 дек. 1833 г. пр. 11-е.

[6]) На страстной недѣлѣ умерли: сынъ Павелъ и дочь Марія (отъ скарлатины).

1866 г.

Общество посѣщенія больныхъ въ Иркутскѣ.—Поляки, подготовлявшіе возстаніе въ Сибири.

21 марта. Преосвященный Парееній [1]) тоже сталъ принимать участіе въ нашемъ «обществѣ посѣщенія больныхъ», которыхъ мы снабжаемъ сахаромъ, чаемъ и булками. Сегодня онъ снова прислалъ ящикъ чаю и голову сахару. Преосвященный Веніаминъ [2]), настоятель Забайкальской миссіи, тоже присоединился къ намъ, и наше общество снова крѣпнетъ. Такъ не оставляетъ Господь разъ начатаго добраго дѣла! Даже М. С. Корсаковъ [3]) далъ слово присылать всѣ выигранныя имъ въ карты деньги.

Возникло наше общество такъ: четыре года назадъ институтскія дамы просили Анну Петровну принять на себя обязанность распорядительницы этого общества; сестра отказалась отъ всякаго первенства, но охотно приняла, наравнѣ

---

[1]) Епископъ Иркутскій, см. 6 февраля и 12 октября 1861 г. (въ мірѣ Поповъ). † въ 1873 г. Очень ученый и строгой жизни владыка.

[2]) Веніаминъ (Благоправовъ), впослѣдствіи архіепископъ Иркутскій, преемникъ съ 1861 г. преосвященнаго Пареенія. Миссіонерскіе подвиги его недавно занимали русскую прессу (въ 1892 г.).

[3]) См. 1862 г. 3 января пр. 2. 1863 г. 22 іюля, генералъ-губернаторъ.

съ прочими, званіе члена, и мы приступили къ составленію первоначальнаго вклада; приняли на свое попеченіе женское отдѣленіе городской больницы и при ней дѣтское отдѣленіе, которое нужно было совершенно преобразовать и снабдить бѣльемъ, покрывальцами и прочимъ.—Вотъ уже четыре года, какъ мы стали посѣщать больныхъ. Противъ насъ страшно возстали доктора, смотрителя и всѣ должностныя лица. Въ эти четыре года уже смѣнили четырехъ смотрителей и нѣсколько ихъ помощниковъ, но зато больные благословляютъ насъ и очень боятся, чтобы мы не перестали къ нимъ ѣздить. Удалить насъ никто не имѣетъ права: мы просто привозимъ подаянія, на что каждый имѣетъ полное право. Изъ членовъ первоначальныхъ уцѣлѣло всего 5 человѣкъ; зато явились другіе, и у насъ неприкосновеннаго, или запаснаго капитала теперь до 200 руб. Мы затрачиваемъ каждый мѣсяцъ отъ 25 до 30 и болѣе рублей сер., смотря по числу больныхъ и ихъ надобностямъ въ шести палатахъ. Дамы-участницы вносятъ въ мѣсяцъ по 1 р.; болѣе— тяготиться могутъ, сами небогатыя,—и ничего: то вдругъ неожиданно появится новый членъ общества, или единовременно кто-нибудь пожертвуетъ—и снова средства улучшатся... Только злобы много...

За все слава Тебѣ, Господи!

— Въ Иркутскѣ ходятъ недобрые слухи: говорятъ о поджигателяхъ-полякахъ, которыхъ по Сибири разселено многое множество, особенно въ городахъ. Говорятъ, на начало апрѣля готовится возстаніе и отторженіе Сибири отъ Россіи... Въ городской больницѣ, на Ангарѣ, помѣщены сосланные поляки; они устроили кузницу, гдѣ *куютъ топоры, ножи* и т. п.

Почему?..

— Странно у насъ на Руси: власть здѣсь—поляки, а мы, русскіе, у себя дома, но не смѣемъ даже говорить громко страха ради передъ польскою силою... Но я тревожиться не

намѣрена: столько опасностей насъ окружаютъ, что пришлось бы вѣчно чего-нибудь бояться.

Да будетъ воля Божія!..

Телеграмма изъ Петербурга о покушеніи на жизнь Государя.—Кто убійца?—Вліяніе поляковъ.—О защитѣ женщинъ. — Объ увлеченіи статьями „Современника“.—Объ умыслѣ Григорьева.—Чтеніе Михаиломъ Семеновичемъ Корсаковымъ на соборной площади телеграммы и молебны о здравіи Государя Императора.

6 апрѣля. Нѣсколько часовъ назадъ получена изъ Петербурга телеграмма: «стрѣляли въ Государя 4 апрѣля, въ четыре часа, въ то время, какъ выходилъ Онъ изъ Лѣтняго сада». Но ничего неизвѣстно, ранили или нѣтъ нашего возлюбленнаго Царя, помазанника Божія!

Вотъ уже въ другой разъ подымается рука злодѣя на лучшаго изъ русскихъ Государей, царствованіе Котораго вспомянется съ благодарностью потомствомъ, имя Котораго произносится съ любовью современниками! Но чѣмъ Онъ больше дѣлаетъ добра Россіи, тѣмъ больше ненавидятъ Его враги ея, къ числу которыхъ нужно отнести и тѣхъ туноголовыхъ русскихъ, которые жгутъ вмѣстѣ съ поляками Россію...

— Еще неизвѣстно, кто стрѣлялъ въ Государя; но почти навѣрное, можно сказать: или полякъ, или ими одураченный ничтожный русскій, для котораго нѣтъ ничего святого...

Нѣтъ, поляку скорѣе можно простить это преступленіе: этотъ, по крайней мѣрѣ, по неразвитости и по шляхетскому надменному «звычаю» не можетъ свыкнуться съ мыслію, что прежніе «хлопы» и «быдлы» вышли изъ-подъ его плети

и примкнули къ родной землѣ. Онъ все еще мечтаетъ въ своемъ невѣжествѣ о сеймахъ, гдѣ пили и дрались напропалую; о «всемогущемъ шляхетствѣ», которое гнуло все и всѣхъ по-своему, начиная съ вѣры православной, извѣстной у поляковъ до сихъ поръ подъ названіемъ «хлопской вѣры»...

Ну, то поляки — невѣжды, воспитанные ксендзами-іезуитами. Они, какъ шальные, дѣйствуютъ, не отдавая себѣ отчета въ своихъ поступкахъ..., а русскіе... русскіе, которые стараются извести Александра Николаевича.., нѣтъ, они не стоютъ даже названія людей!..

Четыре года тому назадъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе одинъ изъ такихъ господъ — поручикъ Григорьевъ [1]), офицеръ саперный. То было въ разгаръ всевозможныхъ ученій. — Поляки и герценисты дѣйствовали усердно, стараясь подорвать всѣ основы благоустроенныхъ государствъ. Въ университетахъ, въ гимназіяхъ, въ полкахъ, въ семинаріяхъ — вездѣ раздавались глумленія надъ вѣрою и надъ нравственностью; слышались притворныя сѣтованія на страданія народа; жалобы на правительство; твердили о *жалкомъ положеніи женщины*, которую нужно освободить отъ гнета, дать ей образованіе, облагородить ее и т. д., и т. д. Ну, и такъ умѣло облагородили «общественными трудами переплетанія и переписыванія книгъ», что изъ бѣдныхъ женщинъ, поддавшихся ихъ вліянію, сдѣлали подобныхъ тѣмъ же камеліямъ, только подъ другимъ названіемъ...

Даже не вѣрится, чтобы все то была правда, что пишется въ газетахъ о такъ называемыхъ модныхъ фаланстеріяхъ!.. [2])

А четыре года назадъ, какъ поддалась я сама этому

---

[1]) Передаваемое оставляемъ на отвѣтственности автора, за непредставившеюся возможностію провѣрить.

[2]) Единица соціальнаго дѣленія людей, по утопіямъ Фурье.

обману! Читая въ «Современникѣ» статьи о женскомъ трудѣ, о состраданіи къ женщинѣ, *объ уваженіи къ ней*, я, въ самомъ дѣлѣ, думала, что желаютъ ей добра и хотятъ вырвать ее изъ зависимаго положенія, въ которое она поставлена. Между тѣмъ «просвѣтители» окончательно ее поработили, низведя до своего уровня: та же распущенность, то же безвѣріе и стало быть... Что̀ стало быть?..—Что и говорить... уронили, погубили. Бѣдныя женщины!..

---

5 часовъ. Носятся слухи, что Государь раненъ въ плечо; не знаю, насколько правды: лично Михаила Семеновича [1]) не видѣла.

— Сохрани Царя, Господи!..

Михаилъ Семеновичъ собралъ войско подлѣ собора и съ церковной паперти читалъ полученную телеграмму. Народа было пропасть. Служили молебенъ о спасеніи Государя...

Страшно!.. А Господь?—Такъ, но я бѣдная, слабая грѣшница...

Господи, спаси Царя и мою возлюбленную Россію.

Ну, и времячко!..

— Господи, дай мнѣ твердость духа!

Но почему живетъ въ душѣ моей съ самаго дѣтства такая страстная любовь къ своей Руси многострадальной и къ тѣмъ дѣятелямъ, что ей благо творятъ? Можетъ быть я смѣшна этой любовью? Но пусть смѣются; я бы желала и въ другихъ влить мою привязанность.

— Такъ жаль Государя! Въ прошедшемъ году, тоже 4

---

[1]) Т. е. генералъ-губернатора Корсакова.

апрѣля, было страшное ему горе: получена была телеграмма изъ Ниццы объ опасномъ положеніи Великаго Князя Николая Александровича. Государынѣ опять тяжелая скорбь наполнила сердце...

---

7 часовъ вечера. Нута писала Михаилу Семеновичу, прося его увѣдомить, вѣрны-ли слухи о томъ, что Государь раненъ. Михаилъ Семеновичъ прислалъ чиновника по особымъ порученіямъ Сиверса [1]) успокоить насъ и прочесть телеграмму, гдѣ говорится только, что неизвѣстный стрѣлялъ въ Государя и схваченъ. Мы узнали объ этомъ въ 12 час. ночи. Михаилъ Семеновичъ далъ знать сестрѣ, и Нута сейчасъ же просила здѣшняго законоучителя отца Александра [2]) отслужить молебенъ. Дѣти плакали, молясь за Государя. Я сидѣла въ старшемъ классѣ, заставляя переводить съ русскаго языка на французскій. Въ половинѣ 12-го входитъ Нута, вся въ слезахъ, за ней Сементовскій [3]), инспекторъ классовъ.

Я испугалась, ожидая недоброй вѣсти...

«*Въ Государя стрѣляли*», — сказала она.

«Что же, убили?» съ ужасомъ спросила я. «Нѣтъ, говорятъ, благополучно кончилось».

«Слава Богу!» выговорила я, перекрестясь; но сердце сжалось при мысли объ опасности, грозившей Царю и, съ нимъ

---

[1]) Петра Александровича (женат. на Екатеринѣ Иван. Базановой, вос-цѣ Иркут. инст. вып. 1867 г.).

[2]) Протоіерей Александръ Матвѣевичъ Орловъ, законоучитель въ Иркутск. институтѣ съ 1845 г. по 1889 г. (см. о немъ подробнѣе въ историч. очеркѣ института изд. 1896 г. стр. 73).

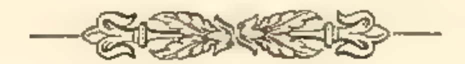
[3]) Григорій Петровичъ, ibidem стр. 67.

вмѣстѣ, всей Россіи. Дѣти стали плакать и всѣ присмирѣли; долго я не могла совладать съ собою, чтобы снова продолжать прерванное занятіе.

Милый, дорогой Государь, восшествіе котораго привѣтствовали съ такою любовью, живи для блага своего народа!..

Но странно, я не успокоилась посѣщеніемъ Сиверса; мнѣ кажется, что что-то скрываютъ.—Зачѣмъ онъ не привезъ ни одной изъ 3-хъ телеграммъ, полученныхъ Михаиломъ Семеновичемъ отъ Валуева [4]), Гейдена [5]) и Дюгамеля [6]), между тѣмъ показалъ копію съ телеграммы, отправляемой въ Кяхту? Гораздо проще было бы привезти не копію, а прямо одну изъ полученныхъ телеграммъ, какъ просила объ этомъ сестра...

— Храни насъ, Господи!

Отвѣтная телеграмма Государя.—Адресъ Государю.—О жизни преступника.—Сборъ на постройку часовни.

7 апрѣля. 11 часовъ вечера. Часа два назадъ снова пріѣзжалъ Сиверсъ [1]) съ порученіемъ отъ Михаила Семеновича показать отвѣтную телеграмму Государя на посланную отъ насъ вчера послѣ молебствія: «*Восточная Сибирь благодаритъ Бога за спасеніе драгоцѣнной жизни Вашего Величества*».

Сегодня, въ четыре часа пополудни, читаемъ слова Государя:

[4]) Министръ внутр. дѣлъ, графъ Петръ Александровичъ—государственный дѣятель (1814—1890 г.).

[5]) Гейденъ—графъ, вѣроятно Ѳеодоръ Логгиновичъ (род. 1831 г.).

[6]) Генер.-губерн. Западной Сибири.

[1]) Петръ Александровичъ, впослѣдствіи д. ст. сов., почетный членъ Совѣта Иркутскаго института (1885—1886 г.).

«Генералу-Лейтенанту Корсакову.

Благодарю отъ души за чувства преданности. Глубоко тронутъ ими».

«Александръ».

Слава Тебѣ, Господи!

Сегодня, во второмъ часу, было общее собраніе представителей всѣхъ сословій для составленія адреса Государю. Говорятъ, съѣхалось около 700 человѣкъ. Тутъ же прочли во всеуслышаніе вновь составленную телеграмму, которую подписали: генералъ-губернаторъ, преосвященный Парфеній, городской голова и тотчасъ отправили ее въ Петербургъ. Теперь уже телеграмма, навѣрно, получена; дорогой Царь, милый, тоже ее прочелъ, и вѣрно у него навернулась слеза, что въ такой дали преданы всей душой Ему, радости нашей.—Я знаю, у Государя нѣжное, любящее сердце...

— Кто этотъ несчастный, который захотѣлъ отнять жизнь у такого Государя?..

Странно, но мнѣ хотѣлось бы, чтобы Государь пощадилъ жизнь человѣка, задумавшаго такое злодѣйство. Я слышала, что придворные будутъ домогаться смерти преступника... Бѣдный Царь! Если бы я имѣла голосъ, сказала бы:—Государь, Господь спасъ Тебя отъ руки убійцы; оставь и Ты ему жизнь; можетъ быть, онъ спасетъ душу свою и увидавъ любовь къ Тебѣ, раскается и спасется!.. Но мой голосъ не дойдетъ до Царя, а Государю станутъ твердить, что въ этомъ и состоитъ государственная необходимость,—мало-ли что и чего не наскажутъ... Между тѣмъ я увѣрена, что Государь думаетъ, какъ и я въ этомъ случаѣ, и что Ему жаль отнять жизнь за покушеніе на Его собственное существованіе.

Тамъ же, въ нашемъ собраніи, предложено было построить часовню въ воспоминаніе спасенія жизни Государя, но обиденъ этотъ памятникъ, если злодѣй былъ русскій... Въ нѣ-

сколько часовъ подписка достигла 25-ти тысячъ, и выражено желаніе немедленно приступить къ постройкѣ. Лишь бы не ...., но промолчимъ лучше. Мы съ сестрой тоже примемъ участіе въ подпискѣ; Нута говоритъ, что нужно дать по 50 рублей. Что же?—охотно; та часовня будетъ сооружена въ память Императора Александра Николаевича, и станутъ въ ней призывать благословеніе Божіе на священную главу Его,—пускай и наша идетъ кроха туда же, лишь бы она дѣйствительно туда попала; а то жаль, если комитетъ или строители растратятъ,—право жаль!...

От дѣтей начнемъ вышивать коверъ въ часовню [2]).

Комисаровъ, спасшій жизнь Государя.

12 апрѣля. И снова крестьянинъ спасъ жизнь царя!

Прошло 200 лѣтъ, и русскій крестьянинъ все также преданъ Помазаннику Божію! Имя крестьянина Осипа Комисарова [1]) отнынѣ пройдетъ въ отдаленное потомство, какъ перешло имя Ивана Сусанина, спасшаго отъ поляковъ родоначальника нынѣ царствующаго дома.

О Каракозовѣ.

19 апрѣля. На дняхъ въ одной изъ телеграммъ, присланныхъ изъ Петербурга, названо имя несчастнаго, покушав-

---

[2]) Собрано было всего въ Иркутскѣ 38 тысячъ, а въ 1868 г. уже вывели стѣны часовни.

[1]) Комисаровъ, Осипъ Ивановичъ, урож. Костромск. губер., шапочный мастеръ. (См. брошюру изд. 1866 г. подъ тѣмъ же названіемъ и съ его портретомъ).

шагося убить Государя.—То Каракозовъ, саратовскій уроженецъ. Болѣе ничего не сказано. Но довольно и этого для позора русскихъ!..

[Позднѣйшая приписка]. По свѣдѣніямъ изъ Саратова, это оказалось подставное лицо, вродѣ Гришки Отрепьева, подосланное *«друзьями русскихъ изъ Лондона»*. Говорилъ онъ чисто по-польски и по-англійски; дворяниномъ никогда не былъ, хотя, за двѣ недѣли до совершенія преступленія, кто-то выдалъ ему изъ герольдіи дворянскую грамоту. Между тѣмъ, за нѣсколько мѣсяцевъ, саратовскіе дворяне, въ полномъ составѣ, разбирали, имѣетъ-ли онъ право на дворянство, и нашли, что *не имѣетъ*, а потому въ выдачѣ грамоты ему отказали. Неизвѣстно даже, русскій онъ или полякъ. Впрочемъ, можетъ быть и русскій по происхожденію, но изъ «надорванныхъ», какъ многіе называютъ нигилистовъ.

Статьи „Православнаго Обозрѣнія“ противъ матеріалистовъ.—„Міротвореніе“ изъ апологетики Лютардта. Ложность выводовъ о міротвореніи и Божествѣ естествоиспытателей и философовъ.—Великіе ученые, вѣрующіе: Коперникъ, Кеплеръ и Ньютонъ.

4 мая. Хорошія статьи печатаетъ «Православное Обозрѣніе» въ отпоръ матеріалистическому ученію Фейербаховъ, Бюхнеровъ, Молешотовъ, Фохтовъ и тому подобныхъ лицъ. Въ февральской книгѣ читала я разсужденіе о геологіи по Шульцу и Фабру, кажется. Тамъ разбиваютъ буквально, фактъ за фактомъ, Лясаля (Лассаля) [1]) и его послѣдователей: выдуманное ими дѣленіе на періоды—каменный, бронзовый и желѣзный, которые они относятъ на милліоны лѣтъ назадъ,—исчезаетъ само собой предъ свѣтомъ

[1]) Нѣмецкій философъ-экономистъ (1825—1864 г.).

истины. Вообще нелѣпостей много въ такъ называемыхъ гипотезахъ этихъ ученыхъ, которымъ, однако-же, вѣрятъ на слово, и которые, противорѣча другъ другу, требуютъ, между тѣмъ, къ себѣ полнаго довѣрія.

Вчера я прочла еще отрывокъ изъ апологетики Лютардта: «Міротвореніе» [2]). — Великолѣпная статья! и какъ все просто изложено: ни одного риторическаго украшенія, ни одного лишняго слова!

«Міръ есть совершившееся дѣло».

Откуда онъ?

— «Міръ есть произведеніе силы слова Божія».

Всѣ предположенія о безсмертной силѣ и веществѣ — чисто пустыя рѣчи, не имѣющія никакого значенія.

Что такое безсмертное вещество? что такое сила?

Если сила значитъ *высочайшій духъ*, положившій стройные непреложные законы для всего живущаго и движущагося, мы придемъ прямо къ понятію о Божествѣ, проявляющемуся во всѣхъ своихъ твореніяхъ *вѣчнымъ строемъ* цѣлаго при безпредѣльномъ разнообразіи видовъ. — Въ основаніи цѣлаго міра лежитъ *мысль* и постоянное осуществленіе этой мысли, начиная отъ низшихъ ступеней до болѣе высшихъ, до высшей цѣли; такъ что все продолжительное развитіе управляется идеей высшей ступени.

Какъ же допустить только одно вещество или безсознательно дѣйствующую природу? Какъ объяснить первое происхожденіе органической жизни? Можетъ-ли образоваться живое изъ безжизненнаго? Допустимъ, что природа — огромная химическая лабораторія, но гдѣ же разумный *химикъ*, работающій въ этой лабораторіи?

Всѣ фантастическія грезы прежнихъ и нынѣшнихъ поверхностныхъ естествоиспытателей бездоказательны и, по-

[2]) Въ 1892 г. эта апологетика издана въ прекрасномъ литературномъ переводѣ профессора Спб. дух. акад. А. П. Лопухина на русскомъ языкѣ.

добно снамъ, забываются при внимательномъ чтеніи апологетики, оставляя только неясное о себѣ воспоминаніе.

И въ древности немало толковали о происхожденіи міра и о душѣ. Я, подобно Ермію [3]), жившему во второмъ или въ третьемъ вѣкѣ, скажу: «*все это мракъ невѣжества, черный обманъ, нескончаемое заблужденіе*». Всѣ философы противорѣчатъ другъ другу въ мнѣніяхъ; недостижима и безполезна цѣль ихъ ученія, не оправдываемая очевидностью, и есть лишь исторія заблуждающагося человѣческаго разума. Ученія Платона, Эпикура, Аристотеля и Демокрита не сходятся между собою и тѣмъ взаимно уничтожаются.

Не такъ писали, не такъ говорили великіе умы; напр., смиренный Коперникъ говорилъ:

«Я желаю не милости, которой сподобился Павелъ,
И не снисхожденія, по которому простилъ Ты Петра;
Только о томъ снисхожденіи, которое Ты оказалъ на
крестѣ разбойнику,
Только о немъ молю я [4])».

Кеплеръ и Ньютонъ—геніальные астрономы и истинные христіане. Кеплеръ заключаетъ свое сочиненіе о гармоніи міровъ такъ: «благодарю Тебя, создатель и Богъ мой, за то, что Ты даровалъ мнѣ радость познать творенія Твои и восхищаться дѣлами рукъ Твоихъ!—Я открылъ величіе дѣлъ Твоихъ людямъ, насколько мой *конечный духъ могъ постигнуть Твою безконечность*. Если я сказалъ что-нибудь недостойное Тебя, *прости мнѣ милостиво*».

Ньютонъ не произносилъ имени Божія, не обнаживъ головы.

Великіе основатели новѣйшей астрономіи провидѣли новѣйшія открытія и прекрасно понимали, что послѣ нихъ

---

[3]) Ермій, христіанскій философъ († ок. 180 г.); написалъ остроумное „Осмѣяніе философовъ“.

[4]) Эпитафія Коперника, по преданію, имъ самимъ составленная (знаменитый астрономъ 1473—1543 г.). См. апол. Лютардтъ стр. 254

умъ человѣческій не остановится, что постоянныя изысканія и наблюденія откроютъ невѣдомые имъ міры, и, проникаясь безпредѣльностью творенія Божія, благоговѣли предъ Творцомъ.

Настроеніе умовъ въ слояхъ русскаго общества. -Аксаковъ и Катковъ. Запрещеніе „Московскимъ Вѣдомостямъ".—Возмущеніе за Байкаломъ поляковъ.—Смерть Порохова.—Настроеніе Иркутскаго общества.—Либералы и ихъ противодѣйствіе гласному судопроизводству. Панихиды по Пороховѣ.—Виновные поляки.

30 іюня. 11 час. утра. Мы живемъ въ такое время когда во всей Россіи нѣтъ мѣста, гдѣ бы можно было сказать: здѣсь безопасно—здѣсь нѣтъ домашнихъ воровъ, нѣтъ измѣнниковъ.

По всѣмъ отраслямъ—гражданскимъ и военнымъ, въ учебномъ вѣдомствѣ, въ вѣдомствѣ врачей и, даже страшно подумать, въ духовныхъ—гнѣздится броженіе умовъ во всѣхъ видахъ, поражающее самыя благія начинанія Государя. Оно, какъ гидра стоглавая, вездѣ являетъ свое лицо.

Кажется, чего проще, какъ *стоять въ Россіи за пользу Россіи и зорко слѣдить за вражескими дѣйствіями*, направленными ей во вредъ. А между тѣмъ, такихъ-то именно людей и отстраняютъ отъ всякаго вліянія, заставляя молчать, называя ихъ возмутителями противъ верховной власти. —Такъ замолчали Ив. Серг. Аксаковъ и Мих. Никиф. Катковъ—люди честные, преданные всей душою Государю и отечеству. Ихъ-то оскорбляютъ всячески петербургскіе журналы, стараясь разными обвиненіями подорвать ихъ честное вліяніе на общество...

Оскорбленный Аксаковъ смолкъ. Катковъ [1]) еще продолжалъ громить неискреннихъ, но и его, на глазахъ цѣлой Россіи, заставили замолчать, голословно обвинивъ въ «подрывѣ довѣрія къ Государю»!..

Каткова обвинять въ этомъ, значитъ винить всѣхъ чест-

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ.

ныхъ людей, любящихъ Государя, Освободителя милліоновъ рабовъ!

Запрещеніе «Московскихъ Вѣдомостей» дало возможность лицемѣрной гидрѣ снова поднять свои сто головъ, которыя сильно опустились послѣ 4 апрѣля. Радость этихъ головъ

---

[1]) Катковъ—извѣстный русскій публицистъ. Родился въ Москвѣ 1818 г. † 1887 г. тамъ же. Къ мнѣніямъ его иногда прислушивалась вся Россія,—особенно во время польскихъ возстаній.

была чрезмѣрна, и либералы-самозванцы, ратующіе за *свободу* печати, громко заявляли свое удовольствіе, что замолкъ независимый голосъ, одинъ еще осмѣливавшійся раздаваться въ предѣлахъ Россіи и своей честной, умной, свѣтлой рѣчью разсѣкавшій мракъ, за которымъ скрываются враги Бога и людей, возлюбленнаго нашего Царя и Россіи, враги мира и труда, желающіе перевернуть все вверхъ дномъ и сѣсть во главѣ государства, прибравъ власть и деньги къ своимъ рукамъ... Эти головы—жиды и прочіе союзники нашихъ исконныхъ враговъ поляковъ; они вмѣстѣ работаютъ, чтобы зачернить, отдалить отъ дѣла честныхъ русскихъ людей...

Какъ слѣдствіе подобныхъ запрещеній, совершилось недавно событіе въ 100 верстахъ и отъ насъ, по ту сторону Байкала. Тамъ работало на Круго-морской дорогѣ около 800 ссыльныхъ поляковъ, назначенныхъ въ каторжную работу, но помилованныхъ Государемъ, сократившимъ срокъ и условія ихъ ссылки. Между ними находится 50 человѣкъ поляковъ жандармовъ-вѣшателей, главный предводитель Шарамовичъ, начальникъ штаба Вронскій и др. У нихъ была и своя печать: «Печать легіона вольныхъ поляковъ», которой они скрѣпили свою роспиcку въ полученіи казенныхъ денегъ.—Они не церемонились грабить все казенное, то есть государственное, *принадлежащее всей Россіи и пріобрѣтенное деньгами и трудами всѣхъ русскихъ гражданъ*.

Охъ, эти поляки! вѣчно они хотятъ отвести глаза: «мы», кричали они, «не трогаемъ частнаго имущества, а беремъ только общественное»!..

Для присмотра за этими людьми назначены (не знаю, по распоряженію какого начальства) 50 казаковъ, разбросанныхъ на разстояніи 300 верстъ по 5 и 6 человѣкъ. Въ прошедшую субботу, 25 іюня, тѣ ссыльные поляки напали на казаковъ, перевязали ихъ, отняли ружья и лошадей, разграбили станціи, ограбили мирныхъ жителей, испортили те-

леграфъ (словно все то происходило въ Польшѣ, а н въ Русскомъ государствѣ!) и безцеремонно пошли на Посольскъ [2]).—Что было дальше, еще въ подробностяхъ неизвѣстно. Говорятъ, полковникъ Чернядевъ или Черняевъ, начальствовавшій надъ казаками, взятъ въ плѣнъ; о полковникѣ Шацъ, строителѣ дороги, пока нѣтъ никакихъ свѣдѣній, а также два другихъ казачьихъ офицера убиты.—Но все это только слухи. Вѣрныя слѣдствія этой траги-комедіи, разыгранной *въ русскомъ царствѣ*, гдѣ *«всѣ власти»* должны стоять за народъ русскій,—слѣдующія: сегодня, въ 6 часовъ утра, приплавили по Ангарѣ тѣло убитаго молодого Порохова, адъютанта начальника штаба, и тяжело раненаго, но еще живого солдата, бывшаго при Пороховѣ. Пороховъ былъ посланъ въ Верхнеудинскъ [3]) для какихъ-то распоряженій. Человѣкъ онъ былъ по душѣ и по всему русскій, потому его прикомандировали въ отрядъ майора Рика [4]). На него напало нѣсколько десятковъ вооруженныхъ поляковъ, а нѣкоторые говорятъ, что онъ самъ съ горсточкою солдатъ и крестьянъ бросился въ жаркую схватку съ бунтовщиками и былъ буквально исколотъ.

Миръ праху твоему!—Сказалось русское сердце при видѣ враговъ, и не дрогнуло оно въ минуту опасности.—То было *честное* сердце!...

— Народъ страшно раздраженъ! Я слышала, что если не уберутъ изъ Иркутска поляковъ, живущихъ здѣсь и воюющихъ на свободѣ, то долготерпѣливый народъ перебьетъ ихъ. Въ средѣ честныхъ людей раздается сильный ропотъ на распоряженія гг. отправлявшихъ отряды по 50-ти человѣкъ противъ 800, успѣвшихъ прекрасно вооружиться

---

[2]) Селеніе на берегу озера Байкалъ.

[3]) Верхнеудинскъ въ Забайкальск. обл., къ ю.-вост. отъ Иркутска, за Байкальск. озеромъ.

[4]) Командира 6-го линейнаго батальона.

на русскій счетъ отнятымъ и перехваченнымъ оружіемъ у крестьянъ, бурятъ и самихъ сторожей-казаковъ...

— Да, тяжело все это видѣть, слышать и не имѣть возможности помочь ничѣмъ. Русскихъ положительно предаютъ въ руки поляковъ, какъ то было во время двухъ знаменитыхъ уній—Люблинской и Брестской, когда Русь была продана панами и іерархами, и какъ то было во время междуцарствія, и какъ совершается теперь революціонерами, простирающими пріятельскую руку всему, что непріязненно ихъ родному краю!..

И это образованные люди!..

— Хорошо образованіе, ведущее къ *измѣнѣ* своему народу!!.

— Я совершенно разстроена всѣмъ, что происходитъ вокругъ меня и что слышится повсюду;—всю ночь не спала.

Господи, помоги мнѣ быть полезной моей дорогой матушкѣ Россіи и словомъ, и дѣломъ, и помышленіемъ, и всѣми моими чувствами!—Бѣдный Государь, не на кого ему положиться!..

Дѣло 4 апрѣля разбирается въ стѣнахъ крѣпости подъ предсѣдательствомъ графа Михаила Николаевича Муравьева. Народъ просилъ Государя о гласномъ судопроизводствѣ, чтобы вывести, наконецъ, на свѣтъ Божій всѣ ковы враговъ, начиная съ поджоговъ и пожаровъ Петербурга 1862 года, до 4 апрѣля, т. е. до перваго покушенія на Императора (1866 г.). Но либеральные органы, оплачиваемые разными административными лицами, возстали противъ гласнаго суда... Все это дѣлается у насъ открыто, во всеуслышаніе цѣлой Россіи и вторятъ имъ наши жестокіе либералы, готовящіе висѣлицы и кинжалы для честныхъ людей; твердящіе о *гласности*, о свободѣ печати, чтобы проводить безпрепятственно свои разрушительныя начала, но какъ дѣло коснется ихъ коварныхъ замысловъ —не нужно свободы печати, не нужно гласнаго суда,

«чтобы не раздражать!»—Кого не раздражать?—кого?—Извѣстно,—молодыхъ людей! Благо есть всегда молодежь, на которую можно сложить грѣхи стариковъ...

Кажется, Герценъ, Огаревъ, Бакунинъ et tutti quanti въ 50 лѣтъ—не дѣти. У нихъ же есть много ровесниковъ—пріятелей тайныхъ; явныхъ немного, но тайныхъ очень довольно, особенно желающихъ попасть въ «передовики».

---

8 часовъ вечера. Все изъ рукъ валится: едва могла дать три урока музыки и то почти безучастно; точно «я»—не «я». Читать не хочется, говорить тоже; словно грозовая туча виситъ надъ моею головою и я жду, что вотъ, вотъ откуда-то грянетъ громъ съ молніей, что она убьетъ, опалитъ и сокрушитъ все...

Что-то зловѣщее совершается кругомъ насъ, хотя достовѣрнаго до сихъ поръ ничего не знаемъ...

— У Порохова служили панихиду соборомъ: архимандритъ съ пятнадцатью священниками [1]). Завтра у насъ, въ дѣтской церкви, тоже отслужатъ панихиду по бѣдномъ молодомъ человѣкѣ, павшемъ первою жертвою польской «справы» въ Сибири... Пусть дѣти привыкаютъ принимать участіе въ дѣлахъ отечества; пусть знаютъ своихъ враговъ и защитниковъ!

Но какіе сумасшедшіе эти поляки!—чего они хотѣли? Теперь начнутъ разстрѣливать ихъ же самихъ!—Душа содрагается...

Когда это люди перестанутъ убивать другъ друга?..

Шацъ спасенъ; объ остальныхъ неизвѣстно.

[1]) Служили весь день панихиды по очереди.

Жалость къ плѣннымъ полякамъ и отношеніе къ нимъ простого народа.—Поляки-узники.—Похороны Порохова.—Тревожное настроеніе и толки объ измѣнѣ.

5 іюля. Нѣтъ, не могу я видѣть страданій: друзья-ли то, враги-ли, посторонніе, вовсе незнакомые,—мнѣ все равно. Душа болитъ, видя месть человѣческую... Нѣтъ! Мнѣ было бы вовсе некстати нести государственную службу внѣ вѣдомства учебнаго или благотворительнаго; рука моя никогда не подписала бы ни смертнаго приговора, ни тѣлеснаго наказанія.—Кажется, я всей душой люблю свою Россію, люблю и Государя, милаго, добраго, но я вся противъ казни поляковъ: мнѣ такъ жаль этихъ самыхъ поляковъ въ дни ихъ униженія и грядущаго наказанія... Я пишу сквозь слезы...

Сейчасъ раздались два выстрѣла съ набережной, гдѣ, было, пристали баркасы со взятыми въ плѣнъ.—Народъ съ утра дожидается. Народъ бѣдный не понимаетъ, что врагъ въ кандалахъ уже не врагъ, что тутъ должно смириться враждѣ, преложить гнѣвъ на милость. Но тяжело видѣть эти толпы, жаждущія встрѣчи съ людьми, причинявшими имъ такъ много зла... *Человѣкъ въ злобѣ непріятнѣе хищнаго звѣря...*

Что чувствуютъ эти несчастные? Нѣтъ, имъ хуже, чѣмъ простымъ колодникамъ: къ тѣмъ всегда народъ относится снисходительнѣе, выноситъ милостыню, а этихъ встрѣчаетъ, какъ лютыхъ, исконныхъ враговъ, и радуется ихъ бѣдствію.

Адское дѣло—вражда! Безумные поляки! зачѣмъ вы вѣчно сами накликаете бѣду на себя, бѣдствія?—Вѣдь нѣтъ такого государства, гдѣ бы позволили ссыльнымъ убивать, жечь, портить дороги и телеграфы: вѣдь это никому не разрѣшено!..

Все это вѣрно; но все же лучше было бы обойтись безъ казни виновныхъ и намъ. Я такъ люблю свою Россію, что хотѣла бы видѣть ее непохожею въ этомъ на другія стра-

ны.—Разумѣется, и народъ винить нельзя: онъ вышелъ изъ терпѣнія. До сихъ поръ никто не обращалъ вниманія на поляковъ, которыхъ здѣсь не одна тысяча; но этотъ разъ они ужъ очень допекли, перешли всякую границу; и вотъ народъ идетъ со злобою встрѣчать гостей, непріятныхъ, непрошенныхъ...

Мнѣ особенно жаль поляковъ-простолюдиновъ, которые, большею частью, почти насильно панами и іезуитами втягиваются въ число бунтовщиковъ...

Господи, внуши милосердіе судьямъ! Больно моему сердцу...

— 1 іюня хоронили Порохова; стеченіе народа было огромное: тысячъ десять, говорятъ. Духовенство, никѣмъ не приглашенное и не получившее ни отъ кого приказанія, все собралось въ соборѣ къ отпѣванію тѣла. Народъ густыми сплошными толпами провожалъ гробъ до кладбища.

Миръ праху твоему, молодой воинъ!—Говорятъ, онъ недаромъ отдалъ жизнь и съ своей стороны положилъ нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и главнаго предводителя, имени котораго не назову. И хорошо сдѣлалъ! Лучше пасть одному, чѣмъ вести подъ разстрѣливаніе десятки глупой «быдлы» [1]). Теперь оба встрѣтились на томъ свѣтѣ! Что же? Какъ находите то, что совершается на землѣ? Не правда-ли—все гадко?.. Все и вездѣ рѣзня, ложь, клевета и ненависть!..

— Въ эту минуту везутъ мимо нашего института узниковъ-поляковъ; я не подхожу къ окну; занавѣси спущены, мнѣ тяжело... Вотъ ужъ нѣсколько ночей, какъ сонъ бѣжитъ отъ глазъ, а воображеніе рисуетъ страшныя картины. Жаль преступныхъ поляковъ, но жаль и своихъ... Караулы удвоены; цѣлую ночь идетъ перекличка сторожевыхъ; ночью же разъ-

[1]) Т. е. поляковъ-простолюдиновъ. Изъ дѣятелей возстанія Шарамовичъ, говорили, выражалъ желаніе быть „повѣшеннымъ въ ясный день“; онъ, вѣроятно, и былъ убитъ Пороховымъ.

ѣзжаютъ по городу казаки: точно ждутъ чего-то. Въ народѣ повторяются зловѣщія слова, между которыми чаще всѣхъ слышится: «измѣна». Начальству не довѣряютъ и сами смотрятъ въ оба.

Мы до сихъ поръ ничего не знаемъ положительнаго и ни у кого ничего не спрашиваемъ—страшно...

Жду съ нетерпѣніемъ преосвященнаго Парѳенія [2]), вернувшагося сегодня,—съ нимъ можно поговорить откровенно.

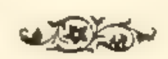

Пріѣздъ къ намъ преосвященнаго Парѳенія. Сообщенія «Епархіальныхъ Вѣдомостей» и «Сибирскаго Вѣстника».

12 іюля. Преосвященный просидѣлъ у насъ цѣлый вечеръ, но былъ очень остороженъ въ словахъ: у насъ были посторонніе, и онъ, видимо, избѣгалъ разговора о случившихся происшествіяхъ. Онъ привезъ съ собою послѣдній № «Епархіальныхъ Вѣдомостей», гдѣ помѣщены отрывочныя извѣстія, которыя вынудили наконецъ и здѣшнее начальство хоть слегка высказаться; потому-то въ прибавленіяхъ къ «Сибирскому Вѣстнику» напечатаны офиціальныя извѣстія съ *приказаніемъ* вѣрить только имъ, «офиціальнымъ», и больше никакимъ извѣстіямъ.

Но гг. редакторы и издатели тѣхъ свѣдѣній такъ старались подорвать вѣру въ *офиціальныя* сообщенія, что теперь имъ положительно ничего не вѣрятъ, а прислушиваются къ мірскому говору, въ которомъ, разумѣется, много преувеличеннаго...

У насъ объявлено военное положеніе.

[2]) См. 12 октября 1861 г. и 1866 г. 21 мар. прим. 1. Старецъ-владыка вернулся съ объѣзда епархіи.

Похороны русскаго воина, раненаго въ схваткѣ Порохова съ поляками.—О словѣ профессора семинаріи Вознесенскаго при гробѣ Порохова.—Губернаторъ и преосвященный Парѳеній.—Копія слова Вознесенскаго.—Наше затворничество.—Поверхностная ученость въ разговорахъ молодежи, отвращеніе къ ней, равно какъ и къ гостиной болтовнѣ.—О супругахъ Звѣвакиныхъ.—Занятія историческими трудами и особенно исторіею Западнаго края Россіи.

20 іюля. Вчера хоронили того солдата, который былъ тяжело раненъ при схваткѣ Порохова съ поляками; онъ умеръ въ здѣшней больницѣ; при похоронахъ было тоже много духовенства, играла военная музыка, шли за гробомъ офицеры и провожалъ покойнаго народъ; только его было немного, потому что простолюдины не знали о его смерти.

Подробностей о его погребеніи не передаю:—слышала ихъ вскользь.

О томъ, что дѣлается за Байкаломъ, ни у кого не спрашиваю—все равно, правды не скажутъ, всѣ боятся начальства: неизвѣстно, «чью руку оно держитъ». Похороны Порохова служатъ тому доказательствомъ. На могилѣ покойника сказалъ надгробное слово одинъ изъ профессоровъ [1]) семинаріи, Вознесенскій. Говоря о Пороховѣ, павшемъ отъ руки поляковъ, онъ коснулся исторической ихъ ненависти къ русскимъ и привелъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ объ этой враждѣ. Слово было сказано въ пятницу. Въ воскресенье протоіерей Громовъ [2]) совершалъ литургію въ соборѣ. Къ нему въ алтарь входитъ квартальный, посланный отъ исправляющаго должность губернатора и требуетъ рѣчь, произнесенную Вознесенскимъ!

Точно мы живемъ не у себя дома, не въ Россіи подъ

[1]) Профессорами въ 60-хъ годахъ оффиціально назывались учителя духовныхъ семинарій: теперь это званіе носятъ лишь наставники высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

[2]) О. Прокопій—настоятель Иркутскаго каѳедр. собора,—очень умный и дѣятельный въ Иркутскѣ пастырь († въ 70-хъ годахъ).

властью русскаго Государя, не подъ защитою церкви Государемъ, а въ Польшѣ подъ игомъ пановъ и ксендзовъ...

Громовъ отвѣтилъ, что онъ въ алтарѣ приготовляется къ совершенію святѣйшаго изъ таинствъ и просилъ оставить его въ покоѣ, прибавляя, что рѣчи Вознесенскаго у него не имѣется.

Квартальный полетѣлъ къ Вознесенскому, требуя *именемъ губернатора* рѣчь, которую профессоръ ему и передалъ, скрѣпивъ ее только своимъ именемъ. Вслѣдъ затѣмъ позвали въ канцелярію губернатора и самого Вознесенскаго.

«Какъ вы смѣли, — говорятъ ему: — безъ нашего позволенія произносить слово?»

«У меня есть свое духовное начальство, давшее мнѣ на это разрѣшеніе».

Покричали, выбранили и отпустили, погрозивъ чѣмъ-то...

Черезъ два дня возвращается преосвященный Парѳеній изъ своей поѣздки за Байкалъ для осмотра епархіи. Вознесенскій отправляется къ нему съ извѣстіемъ о столкновеніи съ гражданскими властями. Преосвященный успокоилъ его, вполнѣ соглашаясь, *что онъ ничего не сдѣлалъ противозаконнаго*.

Узнали объ этомъ власти и, надѣлавшія столько шума и непріятностей, замолкли наконецъ, сообразивъ, что дѣло можетъ для нихъ худо кончиться, если теперь, во время польскаго возстанія, они подвергнутъ гоненію того русскаго, который сказалъ о полякахъ правдивое слово.

Объ рѣчи больше ни полслова. Вотъ эта рѣчь [3]):

«Итакъ, готова новая жертва польской измѣны и новое самоотверженное заявленіе русскаго сердца, вездѣ готовое собственной грудью стать за родное дѣло великой русской семьи.

Всѣмъ намъ дорого наше отечество. Отрадные дни его

[3]) Оглавленіе: „Надгробное слово у могилы поручика Порохова, убитаго въ схваткѣ съ поляками 1866 г. 29 іюня».

славы и темныя тучи надъ его политическимъ небосклономъ равно близки русскому сердцу на берегахъ Невы, какъ и за тысячи верстъ оттуда—при свѣтлыхъ водахъ нашей Ангары.

Не мнѣ, конечно, не моимъ слабымъ словомъ воспроизвесть ни ту радость, которую еще такъ недавно разлила между нами рука, спасшая *Царя-отца*, ни эту настоящую печаль, которою насъ поражаетъ рука измѣнниковъ, отнявшая у отечества его вѣрнаго защитника, такъ отважно противоставшаго измѣнѣ, уже не разъ опозоренной и заклейменной.

Не знавши лично, при жизни, этого доблестнаго сына отечества, ничего не могу прибавить къ вашимъ свѣдѣніямъ о немъ. Одно лишь могу сказать, что сказалъ бы самъ покойный, какъ русскій русскимъ, если бы рука измѣнниковъ не принудила такъ нежданно и такъ рано замолкнуть слово его чистой, отважной, любящей, русской души. Онъ сказалъ бы вамъ *о любви къ Россіи*, жаркой, самозабывчивой, какою была его собственная любовь къ ней, уложившая его на это хладное ложе; сказалъ бы о той любви, которая одна можетъ намъ дать вѣрное ручательство, что измѣна враговъ великой русской семьи не совьетъ себѣ теплаго гнѣзда на нашей почвѣ къ позору имени и чести Россіи и славныхъ задачъ ея на Востокѣ!—Да, только такая пламенная любовь къ великой семьѣ русской, образчикъ которой видимъ нынѣ въ виновникѣ нашего печальнаго собранія, любовь, не понимающая эгоистическихъ областныхъ обособленій Малой Руси, или Сибири, даетъ намъ силы исполнить великія задачи нашей славной народности на Востокѣ и можетъ избавить страну нашу отъ подобныхъ бурь и волненій.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ опасно и безсмысленно, при видѣ враговъ всей русской земли, заявлять эгоистическія областныя обособленности! Не этимъ-ли путемъ обособленій областныхъ интересовъ вела свое дѣло польская интрига на бере-

гахъ Волги? Не возбуждала-ли она въ Малой Руси обособленности интересовъ малоруссовъ? И, подъ видомъ дружбы, не готовила-ли она южнымъ окраинамъ Россіи новыя цѣпи рабства, а Великой Россіи—безплодное прозябаніе въ заволжскихъ кочевьяхъ?!.

Пора намъ понять знакомую тактику польской интриги, свободно распѣвающей на родной *нашей* землѣ свою завѣтную пѣснь о негиблимости коварства польскаго! Пора понять и убѣдиться, что полонизмъ не протянетъ братски руки сыну Россіи, наслѣднику задачъ, данныхъ Богомъ славянству. Не станемъ приводить предъ вами сходство между дѣйствіями польской интриги въ Малой Руси и *на нашей* почвѣ. Тамъ, какъ и здѣсь, не велась-ли она небывалымъ возбужденіемъ областныхъ народностей, печатной критикой мѣстныхъ властей, проповѣдью и разглагольствованіемъ о квасномъ патріотизмѣ, о медлительности, формализмѣ централіознаго управленія... Вспомните дѣло нашихъ собственныхъ политическихъ недородковъ, еще такъ недавно разглагольствовавшихъ въ нашей средѣ объ *обособленности* сибирскихъ интересовъ, будто бы *несовмѣстныхъ* съ интересами родной, *общей русской семьи.* Вспомните это дѣло и, сопоставивъ его съ настоящими явленіями, подумайте, не глядя-ли на эти сепаративные толки ожила снова и *нашла* себѣ прежнюю дерзкую отвагу польская измѣна?!...

Благодареніе Богу, что эти политическіе недоросли не находятъ себѣ сочувствія въ здравыхъ, свѣтлыхъ русскихъ умахъ сибиряковъ, еще такъ недавно и такъ торжественно заявившихъ свою радость о спасеніи жизни Царя-Отца [4]).

Пусть же доблестный подвигъ человѣка, провожаемаго нами въ вѣчность, послужитъ всѣмъ примѣромъ—какъ *русскій*, гдѣ бы онъ ни былъ, *долженъ* встрѣчать измѣну въ великой русской семьѣ, гдѣ бы она себя не заявила: съ мечемъ-ли на ратномъ полѣ, съ разглагольствованіями-ли о

---

[4]) См. 7-е апрѣля 1866 г.

квасномъ патріотизмѣ въ домѣ, или въ канцеляріи, или съ надменнымъ видомъ учености въ школахъ!

Иди же съ миромъ въ обитель мира, доблестный сынъ отечества, свято исполнившій долгъ свой! Вѣчна будетъ жизнь твоя въ обителяхъ Отца Небеснаго и здѣсь, на землѣ, не пройдетъ она безслѣдно. Твой подвигъ, какъ твой загробный голосъ *о любви къ великой семьѣ русской*, объединитъ силы всѣхъ насъ *на служеніе Ей*.—Взгляни, если можешь, на твоихъ собратьевъ по службѣ;—они уже и теперь окружаютъ твое послѣднее ложе, какъ честь и славу своего званія;—твое дѣло пробудитъ въ нихъ воспоминаніе о давно минувшей славѣ героевъ Албазина [5]), предъ которой поблѣднѣетъ и затрепещетъ польская измѣна.

Миръ же праху твоему, отважная, русская, честная душа!» Иркутскъ 1866 г. 1 іюля.

Профессоръ Вознесенскій.

Для избѣжанія всякихъ сплетенъ и ложнаго толкованія нашихъ словъ, мы затворились еще крѣпче, кромѣ дѣтей и служащихъ въ институтѣ никого не видимъ и даже Нута никуда не ѣздитъ; какъ будто не живемъ въ Иркутскѣ. Только по праздникамъ принимаемъ утромъ и то не знаемъ, о чемъ говорить, чтобъ не затронуть какимъ-нибудь словомъ посѣтителей.—Все у насъ врозь и съ начальствомъ и со многими служащими — иностранцами и русскими, старыми, молодыми и юными... Особенно я ссорюсь съ молодыми и юными: они зачитываются Бюхнеромъ, Фохтомъ, Лассалемъ и другими въ этомъ духѣ; все тѣ же у нихъ заученныя рѣчи, которыя надоѣли мнѣ до смерти, а дѣла ни въ чемъ и нигдѣ не видно,—никто о немъ не хлопочетъ, ни старый, ни малый. Вездѣ одинъ лишь наружный видъ, безъ внутренняго содержанія. А гостиная

---

[5]) Крѣпость на лѣвомъ берегу Амура, основ. въ 1651 г. Ероѳеемъ Хабаровымъ. Въ 1685 г. разрушена китайцами, потомъ вновь отстроена русскими и геройски выдержала 11-ти-мѣсячную осаду китайскихъ полчищъ съ іюля 1686 г. по май 1687 года.

болтовня ужъ намъ не по лѣтамъ: совѣстно какъ-то за себя, когда входишь въ тонъ свѣтскаго разговора и съ важностью толкуешь о вещахъ, до которыхъ нѣтъ, собственно говоря, никакого дѣла. Очень неловко дѣлается тогда, и чувствуется крайнее недовольство собою. Пусть молодежь переливаетъ изъ пустого въ порожнее, ей это пріятно — просто бить воздухъ, или поговорить. Но намъ, старухамъ, въ такое смутное время, полное всевозможныхъ тревогъ, крайне тяжело тратить слова попусту и поддѣлываться подъ характеръ рѣчей въ гостиныхъ.

И въ молодости и даже въ юности я любила прислушиваться къ умной бесѣдѣ людей всѣхъ возрастовъ и оттѣнковъ, но всегда, по возможности, избѣгала пустой болтовни. Часто въ обществѣ я покидала молодежь и усаживалась подлѣ стариковъ, слушая разсказы о былыхъ временахъ.— Помню, въ Саратовѣ былъ старикъ Зѣвакинъ, [6]) служившій въ молодости въ Гатчинѣ при Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ и вышедшій въ отставку за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Екатерины Великой. У нихъ въ семьѣ была дочь и двое молодыхъ людей, но я всегда искала случая—подсѣсть къ старикамъ и направить разговоръ на минувшіе годы царствованія Екатерины, Павла и Александра 1-го. Любила слушать и жену его, умную женщину, о мѣстныхъ обычаяхъ начала нынѣшняго и конца прошлаго столѣтій.—У меня, должно быть, была страсть къ правдивымъ разсказамъ объ историческихъ событіяхъ и вообще обо всемъ, относящемся къ русской, родной старинѣ. Вѣроятно, оттого-то я такъ жадно теперь читаю историческіе труды: они мнѣ многое объясняютъ; особенно люблю незатѣйливыя лѣтописи очевидцевъ, въ которыхъ чувствуется правда безъ всякихъ прикрасъ, безъ ложнаго толкованія новѣйшихъ историковъ, которые, излагая событія, проводятъ свой собственный

---

[6]) Зѣвакинъ Семенъ Ивановичъ.

взглядъ, отчего получается иногда самое постыдное искаженіе исторической истины... При этихъ условіяхъ часто ничтожества попадають въ великіе люди, а люди честные, стойкіе подвижники въ добродѣтели, —рисуются отсталыми глупцами. Читая статьи изъ русской исторіи, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ недобросовѣстности или въ непониманіи истины большинствомъ историковъ.

Нынче я вся предана исторіи Юго-Западнаго и Западнаго края; уже три года изучаю ее по статьямъ и документамъ, печатаемымъ въ «Вѣстникѣ» Говорскаго [7]), издававшагося сначала въ Кіевѣ, а теперь въ Вильнѣ. Тамъ нѣтъ ничего голословнаго: все взято изъ подлинныхъ документовъ. Лѣтомъ я занялась краткимъ извлеченіемъ всего прочитаннаго о положеніи и существововаиіи нашей восточной церкви въ западныхъ и южныхъ областяхъ и о стараніи распространить тамъ унію и католичество. Мнѣ самой полезенъ этотъ трудъ, проливающій ясный свѣтъ па событія со временъ Гедемина [8]) и даже немного ранѣе, да и другимъ онъ пригодится; рукопись отдаю Олѣ Филимоновой [9]), она же перепишетъ мнѣ ее въ тетрадь. Хорошо было бы напечатать этотъ историческій очеркъ отношеній русскихъ къ полякамъ: тутъ собраны въ одно цѣлое факты, разбросанные въ разныхъ статьяхъ, которыхъ почти никто не читаетъ, но онѣ бы разъяснили многое, что происходитъ и вокругъ насъ...

---

[7]) „Вѣст. Западной Россіи“ съ 1864 г. издав. въ Вильнѣ К. Говоровскимъ. Его громадная заслуга въ сохраненіи цѣнныхъ документовъ по исторіи Западнаго края, но онъ отличался нетерпимостью ко всему польскому и крайнимъ консерватизмомъ.

[8]) Т. е. съ XIV столѣтія (1315—1340 г.).

[9]) Ольга Николаевна, вос-ца Иркут. инстит. вып. 1859 г. См. 1864 г. 6 іюня прим. 2.

Преосвященный Веніаминъ.—Поляки при станціи Лихановской.—Унтеръ-офицеръ Ивановъ.—Поляки въ войскахъ Сибири.—Подвигъ засѣдателя Нечаева и „милый“ начальникъ.—Польская кузница.—Предчувствіе бѣды и извѣщеніе о ней Корсакова.—Продѣлки поляковъ: пирушка 21 мая, поведеніе ихъ въ Листвиничномъ, жизнь ихъ на каторгѣ и отношеніе къ нимъ русской интеллигенціи.—Награды Путѣ и нѣмцу, директору гимназіи.—Ненависть къ намъ поляковъ.—Гость Путы.—Поляки о Пороховѣ.

29 іюля. Въ прошедшій понедѣльникъ, 25-го числа, провелъ у насъ вечеръ преосвященный Веніаминъ [1])—начальникъ забайкальской миссіи. Онъ пріѣхалъ въ Иркутскъ по дѣламъ на нѣсколько дней, и отъ него мы узнали нѣкоторыя подробности о схваткѣ съ поляками. Между прочимъ, разсказывалъ онъ о дѣлѣ при станціи Лихановской [2]), находящейся въ 25 верстахъ отъ посольскаго монастыря, гдѣ было видно зарево пожара и слышалась перестрѣлка. Преосвященному передавалъ извѣстіе объ этомъ событіи ямщикъ, самъ бывшій дѣятелемъ при защитѣ Лихановской станціи, а я запишу, что слышала отъ преосвященнаго.

«Поляковъ привалило къ намъ множество—человѣкъ 80. Одинъ изъ нихъ вскочилъ прямо на дворъ и крикнулъ: «Есть оружіе?» Надъ нашими солдатиками старшимъ былъ унтеръ-офицеръ Ивановъ; онъ выбѣжалъ впередъ и закричалъ, что было мочи: «Есть».

— «Подавайте все».

— «Приди, возьми».

Полякъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, но не попалъ. Тогда Ивановъ прицѣлился — и полякъ покатился съ лошади. Поляки бросились, чтобъ вытащить раненаго со двора, Ивановъ приказалъ тотчасъ запереть ворота. Страшно стало, что и говорить; — да Ивановъ молодецъ. Тотчасъ всѣмъ намъ указалъ мѣста, а самъ, знай, заряжаетъ ружье и кричитъ: «ура!» Ну и мы поуспокоились и слушали всѣ его

---

[1]) Преосвященный Веніаминъ, см. 1866 г. 21 мар. пр. 2.

[2]) Станц. Лихановская на юго-вост. отъ озера Байкалъ

приказы. А разставилъ онъ насъ кругомъ станціи въ сараяхъ подъ навѣсами, что идутъ вокругъ. Намъ и слышно, какъ взбираются поляки и въ какомъ мѣстѣ, ну мы и сторожимъ съ ружьемъ; а насъ тронуть нельзя, потому—спрятаны. Поляковъ зло взяло, что ничего подѣлать не могутъ; они обложили сарай кругомъ сѣномъ и зажгли его. Мы бросились въ домъ и стрѣляли изъ оконъ, пока не обрушился потолокъ; Ивановъ, а вслѣдъ за нимъ и мы вскрикнули: «ура!» и бросились прямо изъ оконъ. Поляки, должно быть, оторопѣли,—не ждали, видно, что мы рѣшимся идти напроломъ. Они отошли, а мы тѣмъ временемъ побѣжали въ тайгу. Насъ было съ солдатами 11 человѣкъ. Недоставало только одного; думали, не заблудился-ли въ тайгѣ; но на другой день и онъ пришелъ. Господь спасъ всѣхъ».

Вотъ простой разсказъ ямщика, который не желалъ выставить себя храбрецомъ, сознаваясь искренно, что «сначала страшно было, да спасибо Иванову—молодецъ».

Преосвященный пожелалъ видѣть этого «молодца» русской фамиліи, и предъ нимъ предсталъ солдатикъ небольшого роста, смиренный, какъ и всѣ наши солдатики. На немъ шинелишка оборванная и рѣчь его тихая. Куда дѣвалась та удаль широкая, тотъ голосъ звучный, что гремѣлъ, какъ призывный колоколъ, подъ сводами сараевъ и подъ пламенѣющею кровлею станціоннаго дома? Ивановъ смиренно просилъ преосвященнаго ходатайствовать за него у начальства, потому что онъ потерялъ все свое имущество, погибшее при пожарѣ. Преосвященный благословилъ его образомъ и обѣщалъ исполнить его просьбу.

Дѣйствительно, при первомъ свиданіи епископъ говорилъ съ начальствомъ о подвигѣ Иванова, который вполнѣ заслуживаетъ награды за мужественный отпоръ толпы вооруженныхъ поляковъ горстью русскихъ, тогда какъ офицеры и конвойные казаки сдавались въ плѣнъ и дозволяли себя обезоруживать. Но вѣдь наше начальство—поляки; не-

извѣстно, дадутъ-ли что храброму солдату; пожалуй, еще подъ судъ отдадутъ, что не выждалъ прибытія майора и не сдался полякамъ... Все можетъ случиться, гдѣ правленіе и власть въ рукахъ поляковъ...

Вотъ еще случай, разсказанный тоже со словъ самого очевидца-участника—засѣдателя Нечаева.

Поляки бушевали на Забайкальской дорогѣ: жгли, грабили, брали въ плѣнъ; войско выступало медленно и небольшими отрядами изъ 60 и 70 человѣкъ, отправляясь изъ Иркутска. Начальство не приказывало стрѣлять въ бунтовщиковъ;—войско роптало, крестьяне—тоже и, наконецъ, потерявъ терпѣніе, стали сами вооружаться, кто чѣмъ могъ, на защиту родного пепелища. Засѣдатель Нечаевъ, собравъ изъ нихъ 300 человѣкъ, засѣлъ въ лѣсу сторожить поляковъ, которыхъ тамъ было множество. Была ночь; Нечаевъ, изъ предосторожности быть незамѣченнымъ поляками, запретилъ разводить огонь и курить трубки. Крестьяне охотно повиновались. Вдругъ является одинъ изъ храбрыхъ «милыхъ» военныхъ начальниковъ, приказываетъ зажечь костеръ, разрѣшаетъ курить, принимая на себя всю отвѣтственность за неудачу. Разумѣется, огонь освѣтилъ отрядъ и указалъ на него полякамъ, не упустившимъ случая напасть на такую легкую добычу.

Думаю я, какъ назвать подобный поступокъ—глупостью или измѣною?.. Между тѣмъ, «милому» человѣку, имя котораго не хочу называть, все съ рукъ сошло.

Да, много подозрительнаго кроется въ правительственныхъ сферахъ... Давно знали, что поляки нѣчто затѣваютъ. Полякамъ присылали и они привозили съ собой отличное оружіе, и даже за Байкаломъ сами скупали старыя ружья и отдѣлывали и передѣлывали ихъ заново.

Помнится, какъ сейчасъ, о кузницѣ польской, устроенной въ городской больницѣ, куда мы ѣздимъ навѣщать больныхъ

женщинъ [3]). На вербной недѣлѣ, войдя въ палатку неизлѣчимыхъ, я увидѣла у нѣкоторыхъ калачики и спросила: «вы это покупаете сами?» — «Нѣтъ, — отвѣчала за нихъ нянька-полька, — имъ раздавала чиновница, мужъ которой новый чинъ получилъ; она и въ мужское отдѣленіе ходила и къ полякамъ; да только простые принимали, а другіе отказывались, говоря: «благодаримъ, у насъ и свой хлѣбъ есть».

— Развѣ у здѣшнихъ поляковъ есть деньги?

— «Какже нѣтъ? У нихъ тутъ мастерскія заведены и кузница есть».

— Что же они дѣлаютъ въ кузницѣ?

— «Какъ что? изъ желѣза всякія вещи куютъ. ножи, топоры и все другое желѣзное».

— Для чего же они дѣлаютъ ножи, топоры?

Полька, должно быть, спохватилась, что сказала лишнее и тотчасъ прибавила: «Начальство знаетъ, самъ полицеймейстеръ позволилъ».

— Да куда же дѣваютъ тѣ ножи и топоры?

— «Въ казну продаютъ».

Дико прозвучали въ ушахъ моихъ тѣ ножи и топоры. изготовляемые сосланными поляками; чуяло сердце мое, на кого оттачиваются и ножи и топоры, и долго я думала: сказать или нѣтъ о томъ Михаилу Семеновичу [4])? Скажу — заклеймятъ «доносчицей»; утаю — могу накликать великое бѣдствіе, и совѣсть заѣстъ.

Преступленіе зрѣло тайно, подъ покровительствомъ власти, обязанность которой — ограждать жителей отъ злодѣевъ...

— Голосъ совѣсти взялъ верхъ надъ страхомъ названія «доносчицы»; пусть негодяи, враги Россіи, измѣнники клеймятъ какимъ угодно именемъ, — я рѣшилась сказать.

Въ среду, на страстной недѣлѣ, Михаилъ Семеновичъ,

---

[3]) См. 21 Марта 1866 г.

[4]) Генералъ-губернатору Корсакову (см. 1862 г. 3 января и 1863 г. 22 іюля).

готовясь къ исповѣди, пріѣзжалъ, по святому народному обычаю, примириться со всѣми. Мы съ сестрой тоже готовились къ принятію святыхъ тайнъ и искренно, отъ всей полноты сердечной протянули руку мира всѣмъ и, въ свою очередь, просили и насъ простить. Въ такомъ настроеніи духа я разсказала ему все слышанное мною отъ польки и прибавила: «Михалъ Семеновичъ, примите мѣры; по городу носятся злые слухи; берегитесь, чтобы эти ножи и топоры не обрушились на наши русскія головы».

«Полицеймейстеръ знаетъ о нихъ, онъ тамъ каждый день бываетъ».

Не знаю, какія распоряженія сдѣлалъ Михаилъ Семеновичъ, но.., полицеймейстеръ произведенъ въ полковники въ награду за какія-то услуги и кому, не знаю... ну да Богъ съ нимъ!.. я простила ему.

Въ Христову заутреню Михаилъ Семеновичъ, по обыкновенію, пріѣхалъ въ нашу церковь; оттуда пошелъ разговляться къ намъ и, между прочимъ, сказалъ Нутѣ: «Я очень озабоченъ: ночью былъ пожаръ; вездѣ разставлены караулы: въ Малой Разводной [5]) найденъ складъ оружія,— говорятъ, что шайка разбойниковъ».—Самъ полицеймейстеръ разсказывалъ всему городу объ этомъ складѣ и о какихъ-то разбойникахъ, о которыхъ никто въ городѣ не слыхалъ и которые, по его словамъ, должны были произвести безпорядки въ городѣ.—О полякахъ ни полслова.

Кто докажетъ, что эти ножи и топоры, кованные на глазахъ русскихъ больныхъ и съ позволенія поляка полицеймейстера, не пошли въ ходъ на Забайкальѣ?..

Поляки, содержавшіеся въ городской больницѣ, отправлены были въ концѣ мая за Байкалъ. 21 мая, вечеромъ, они пировали въ одной изъ палатъ; освѣтили ее ярко, окна увѣшали цвѣтами, плясали и пѣли до глубокой ночи подъ звуки скрипокъ.

---

[5]) Деревня въ 4-хъ верстахъ отъ г. Иркутска.

«Они, вѣдь, всѣ—художники», выразился объ нихъ надзиратель больницы—полякъ, который провожалъ меня въ обходѣ палатъ. Зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, не понимаю;—мы ѣздимъ частными людьми, не носимъ названій ни попечительницъ, ни покровительницъ; стало быть надзирателямъ нечего за нами слѣдовать. Вотъ развѣ не слѣдитъ-ли онъ въ это время за больными, чтобы не сказали они лишняго слова?.. Дѣйствительно, больные при немъ молчаливы и «всѣмъ» очень довольны.

О пиршествѣ 21 мая разсказывали призрѣваемыя женщины въ богадѣльнѣ, похваливая пѣніе и музыку.

— По какому случаю пировали они 21 мая? — спросила я.

— Говорили, что въ этотъ день у нихъ именинниковъ много.

На все отговорку найдутъ;—умный народъ; и Константинами всѣ называются...

Такъ «*томились въ каторгѣ несчастные поляки!*»

За нѣсколько времени предъ отправленіемъ за Байкалъ, они жили въ Листвиничномъ [6]) и гуляли съ ружьями по горамъ, охотились, проживая на свободѣ. Наканунѣ отъѣзда съ пристани, въ память о себѣ, они зажгли гору, покрытую лѣсомъ, отправившись на ту Кругоморскую дорогу, откуда многіе совсѣмъ не вернулись, а иныхъ безумцевъ ожидаетъ наказаніе. Народъ противъ нихъ страшно ожесточенъ и не пускаетъ къ себѣ, такъ что приходится силою водворять къ нимъ поляковъ, отправляемыхъ на поселеніе. Въ такъ называемой «каторгѣ» имъ еще лучше;—денегъ много, живутъ въ большомъ своемъ обществѣ и пользуются почетомъ среди нашего quasi-образованнаго общества. А въ Польшѣ и Европѣ кричатъ о рудникахъ, цѣпяхъ и тундрахъ сибирскихъ!

---

[6]) Селеніе на берегу оз. Байкалъ, въ 60 вер. отъ Иркутска. Пароходная пристань. Кругоморская дорога, — дорога, идущая около озера Байкалъ.

Самимъ сибирякамъ очень не нравится, что ихъ сюда наслали въ такомъ количествѣ: того и смотри, что перерѣжутъ всѣхъ.

Но и ненавидятъ же меня съ сестрой поляки и стараются всячески повредить, распуская разные нелѣпые слухи. Чтожъ? пускай хлопочутъ на здоровье!—Слава Нуты, т. е. имя честной, доброй, умной женщины не пропадетъ отъ клеветы злыхъ языковъ; только у начальства вредятъ намъ, и мы не получаемъ награды,—да Богъ съ нею! Мы вдвоемъ работаемъ; и я уроками музыки выручаю въ годъ 300 руб., получая по 1 руб. сер. за урокъ. Кромѣ того, французскій языкъ даетъ 168 р., и слава Тебѣ, Господи! Съ голоду не умремъ, и совѣсть чиста и никому не запродана!

Да, мы съ Нутой какъ бы состоимъ на особыхъ правахъ: я за 15-ти-лѣтнюю службу всего навсего получила 138 р. пенсіи; несмотря на то, что изъ нихъ три года прослужила въ Иркутскѣ и сначала давала уроки въ 3-хъ классахъ съ большимъ успѣхомъ, какъ засвидѣтельствовали всѣ присутствовавшіе на экзаменахъ. И ту пенсію получила я послѣ выпуска воспитанницъ и восьмилѣтней службы. Здѣсь же, даже по выходѣ моемъ въ отставку, послѣ 15-ти лѣтъ службы, не получила ни копѣйки; между тѣмъ, обычаемъ, введеннымъ въ законъ, положено выдавать полный окладъ жалованья; стало быть слѣдовало 500 руб., которыхъ меня за что-то лишили.—Анна Петровна тоже получила только тѣ же самые 138 руб. въ Смольномъ, бывши классной дамой. Здѣсь же всѣ три прежнія начальницы получали каждые два года 850 р. награжденія. Нута, сдѣлавъ три выпуска, только въ 63 г. получила coulant: сапфиръ, усыпанный брилліантами, и то по милости Евгенія Михайловича Жуковскаго [7]), который въ Петербургѣ много говорилъ о

[7]) Евгеній Михайловичъ Жуковскій,—родомъ изъ помѣщ. Псковской губ., п. д. генералъ-губернатора Восточной Сибири (см. 1862 г., 15 іюня, прим. 5-е и портретъ).

ся дѣятельности: онъ прослѣдилъ ее въ продолженіе полуторыхъ лѣтъ, съ февр. 1862 г. до 11 іюля 1863 г., когда выѣхалъ изъ Иркутска, гдѣ, за отсутствіемъ Михаила Семеновича, исправлялъ должность генералъ-губернатора. Ни прежде, ни послѣ сестра ничего не получала. Между тѣмъ, всѣ начальницы, по всѣмъ институтамъ, кромѣ одной сестры, получаютъ награжденія послѣ каждаго выпуска...

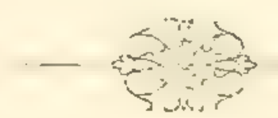
Въ здѣшнюю мужскую гимназію пріѣхалъ въ прошломъ году нѣмецъ М. съ красавицей женой, и ему за нѣсколько лѣтъ службы вышло уже и достойное вознагражденіе, для него и должность новая создана,—попечителя учебнаго округа всей Восточной Сибири, съ громаднымъ окладомъ. Итакъ, все образованіе громадной части русскаго края предоставлено *нѣмцу*... Все возможно!.. А мы — люди *«безпокойные»*, называвшіеся такъ и встарь, въ былые годы молодости грустной, когда такъ много было зависти вокругъ и около, остались безпокойными и теперь, когда тоже совершается столько зла нашимъ состарѣвшимся поколѣніемъ *надъ новымъ, выступившимъ на поприще дѣятельности съ катихизисомъ* Бюхнера, Дарвина... и съ возмутительнымъ самомнѣніемъ, съ прискорбною неразвитостью.

Неполученіе Нуточкою своевременно награды особенно чувствуется теперь, потому что мы слывемъ здѣсь за «безпокойныхъ и фанатичныхъ», особенно въ средѣ поляковъ, которымъ бы хотѣлось стереть насъ съ лица земли; слывемъ отсталыми *«тормазами просвѣщенія»* между революціонерами, которымъ тоже, должно быть, мѣшаемъ, сдерживая «бѣгъ съ горы молодыхъ» нашихъ воспитанницъ... Словомъ, «угодили» мы всѣмъ властямъ и полякамъ и ихъ послушнымъ орудіямъ... Но надъ всѣми нами Господь, Вседержитель, хранящій насъ, и я не боюсь никого! Духъ мой крѣпокъ, Господь укрѣпитъ и тѣло. А теперешнія всѣ коварныя старанія какъ-нибудь повредить намъ—нисколько меня не устрашаютъ. *Пусть себѣ тѣшатся!*—Я никуда и ни къ

кому не заѣду.—Что мнѣ за дѣло, что обо мнѣ толкуютъ? Истина выяснится сама когда-нибудь; и ее засвидѣтельствуютъ, можетъ быть, тѣ самые люди, которые теперь насъ поносятъ...

У сестры въ настоящее время сидитъ вернувшійся изъ-за Байкала [8])..., водившій отрядъ войска противъ поляковъ. Нарочно не выхожу, чтобы не высказать неосторожной правды: сейчасъ разнесутъ по городу, и наживу еще лишняго врага. Пусть безъ меня разсказываетъ, какъ онъ «геройски» отличался; не то говорятъ очевидцы...

Нынче кричатъ по городу, что «хорошо Пороховъ и сдѣлалъ, что убитъ»; иначе его бы извели военнымъ судомъ.. —А мы, россійскіе простаки, «чтимъ» такого «государственнаго преступника», который за матушку Русь православную, да за батюшку Царя Бѣлаго костьми легъ на сырой землѣ, упоивъ ее своею жаркою, молодецкою кровью; со слезами провожаемъ того, кого недруги обзываютъ *преступникомъ*, и надъ трупомъ его съ глубокою скорбью произносимъ надгробныя рѣчи...

Часовня въ память избавленія Государя Императора Александра Николаевича отъ угрожавшей ему опасности 4 апрѣля 1866 г. Посольство американцевъ.—Пріязнь американцевъ къ русскимъ. Наполеонъ III и Европейская политика.—Рѣчь Фокса. Императоръ Александръ Николаевичъ и мои чувства къ нему.

31 августа. Вчера, въ день ангела Государя, положенъ первый камень часовни, воздвигаемой въ память избавленія Царя отъ угрожавшей ему опасности 4 апрѣля.

Мнѣ не удалось быть среди тѣхъ тысячъ людей, которые участвовали въ этомъ народномъ торжествѣ, и помо-

[8]) Н. С. Р—ъ.

литься, вмѣстѣ со всѣми о нашемъ возлюбленномъ Царѣ, *«да продлитъ Господь жизнь его на благо Россіи, которой она принадлежитъ, на счастіе всего человѣчества и на прославленіе святаго имени Его»*.

Подчеркнутыми словами кончилъ рѣчь свою капитанъ Фоксъ [1]), стоящій во главѣ чрезвычайнаго посольства Сѣверной Америки, прибывшаго 23 іюля въ Свеаборгъ и оттуда плывшаго въ Кронштадтъ въ сопровожденіи нашей эскадры, подъ начальствомъ контръ-адмирала Лихачева.

Небывалое посольство отъ нашихъ заатлантическихъ друзей вызвано изъ-за океана событіемъ 4 апрѣля. Американцы, благодарные нашему Государю за слово сочувствія въ годину испытанія и за расположеніе русскихъ, выражаютъ намъ, «неудостоеннымъ вниманія Западной Европы»,—искреннюю пріязнь. Спасибо имъ, особенно при теперешнихъ событіяхъ, когда Россіи придется, можетъ быть, снова бороться съ цѣлой Европой, идущей вѣчно на помочахъ сильнѣйшаго властителя... Теперь Наполеонъ III взялъ всѣхъ въ руки и вертитъ царями и царствами по своему произволу. Франція не можетъ намъ простить двоекратнаго взятія Парижа и не въ силахъ забыть ключей своего города, хранящихся въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ. Франція подзадориваетъ Англію, павшую Австрію и снова могущественную Пруссію противъ Россіи; а мелкота сама поплетется за сильными...—Но Господь посылаетъ намъ союзниковъ [2]). Буди благословенна десница Его!

27 іюля посольство представлялось Государю въ

---

[1]) Дж. В. Фоксъ, второй секретарь морского департамента Соединенныхъ Штатовъ (товарищъ морского министра).

[2]) Послѣ многое объяснилось, непонятное въ тѣ времена. Не одинъ Наполеонъ старался вредить Россіи: *„друзья“*—пруссаки чуть-ли не были сами подстрекателями, какъ во время Восточной войны.

Да, со временемъ тайное содѣлывается явнымъ при свѣтѣ, проливаемомъ исторической истиною. (Позднѣйшая приписка автора, вѣроятно, 70-хъ годовъ).

Петергофскомъ дворцѣ, и капитанъ Фоксъ произнесъ слѣдующую замѣчательную рѣчь, сказанную отъ лица великой республики, Царю народа русскаго, могущественнаго и славнаго:

„Государь, резолюція, которую я имѣю честь представить Вашему Императорскому Величеству, есть голосъ цѣлаго народа, который милліонами устъ говоритъ отъ одного сердца.

Многочисленныя связи, давно уже соединяющія между собою великую Имперію востока и великую республику запада, умножились и укрѣпились непоколебимымъ дружелюбіемъ Императорскаго Правительства къ нашему впродолженіи послѣдняго періода волненій. Слова сочувствія и дружбы, адресованныя въ то время Вашингтонскому правительству, по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества, останутся навѣки неизгладимы въ памяти благодарнаго народа. Какъ членъ великаго семейства націй, мы съ радостью воздаемъ уваженіе благородному дѣйствію человѣколюбія, особенно упоминаемому въ резолюціи конгресса. Мирный эдиктъ просвѣщеннаго Государя одержалъ надъ слѣдствіемъ варварскихъ временъ побѣду, которой наша западная республика достигла лишь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ кровопролитія.

Съ чувствомъ глубочайшаго умиленія я приношу Вашему Императорскому Величеству, Вашимъ освобожденнымъ подданнымъ и всему народу этой обширной имперіи сердечныя поздравленія съ отклоненіемъ, по волѣ Провидѣнія, опасности, которая вызвала настоящее искреннее выраженіе сожалѣнія о гнусномъ покушеніи и благодарности къ Богу за чудное сохраненіе жизни Вашего Императорскаго Величества!

Опасность, отъ которой милосердное Провидѣніе избавило Ваше Императорское Величество, приводитъ на память глубокую горесть, наполнившую всѣ честныя сердца нашей страны во время неожиданной гибели нашего главы, нашего руководителя, нашего отца.

Мы благодаримъ Бога, что такой горести не суждено было испытать нашимъ друзьямъ и союзникамъ—народу русскому.

Да сохранитъ, продолжитъ и благословитъ общій Отецъ всѣхъ націй и всѣхъ правителей государствъ ту жизнь, которую Онъ такъ очевидно сохранилъ уже для блага народа, коему она принадлежитъ, для счастія человѣчества и для прославленія Его святого имени“.

Мы читали со слезами эти простыя слова, гдѣ теплится чистымъ огнемъ искреннее чувство этихъ честныхъ и просвѣщенныхъ людей. Благодать Божія осѣняетъ помазанника своего: Александра Николаевича любятъ русскіе люди, какъ не любили ни одного изъ Государей! Недаромъ

ждали его появленія въ царственномъ семействѣ; недаромъ встрѣтили его съ радостью, и воспѣли поэты—Рылѣевъ съ Жуковскимъ рожденіе его, возвѣщавшее о великомъ назначеніи, предстоявшемъ младенцу, лежавшему въ пеленахъ [3]). Ненапрасно поэтъ любимый, Жуковскій, принималъ участіе въ его воспитаніи. Нѣжная, воспріимчивая, любящая душа поэта имѣла благотворное вліяніе на царственнаго отрока, а впослѣдствіи и на молодого человѣка: Государь отличается добротою и теплотою сердца; въ немъ видите Царя - рыцаря, Царя по сердцу, которому доступно всякое добро и который готовъ откликнуться на всякое страданіе.

Что касается до меня, то я питала всю жизнь чувство глубокаго уваженія къ особѣ Александра Николаевича. Въ пору первой молодости въ стѣнахъ Смольнаго то чувство доходило до восторженности [4]), какъ будто бы я провидѣла будущее духовное величіе тогдашняго наслѣдника престола.—Помню, какъ возвратившись 3 марта изъ дворца съ увлеченіемъ разсказывала я моей учительницѣ музыки [5]) о проведенномъ тамъ времени и о Государѣ Наслѣдникѣ. Вѣроятно, говорила я съ большимъ жаромъ, потому что Stéphanie прервала меня словами: «Au nom du ciel n'allez pac devenir amoureuse du grand duc! Cela serait une vraie folie» [6]).

Дико прозвучали мнѣ тѣ слова...

— Какъ будто можно влюбиться въ Царя? мелькнуло въ моей головѣ. Развѣ нѣтъ между мужчинами людей, гото-

---

[3]) „На древней высотѣ Кремля,
Въ великій праздникъ Воскресенья,
Узрѣла русская земля
Прекрасный день Его рожденья". (17 апр. 1818 г.) В. А. Жуковскій

[4]) См. ч. 1-я записки стар. смолянки (1834 г. 30 авг.).

[5]) Stephanie Cavos. см. зап. ч. 1-я, стр. 78.

[6]) „Ради Бога не влюбляйтесь въ Великаго Князя!—Это будетъ чистое сумасшествіе".

выхъ отдать за Него жизнь свою? Я точно такою же любовью люблю Наслѣдника и его царственнаго отца!

Впослѣдствіи, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ выпуска и особенно по смерти нашего отца, причиной которой была нежданная отставка отъ службы, я сердилась на всѣхъ, исключая одного Александра Николаевича, на котораго, вопреки всеобщему мнѣнію, господствовавшему тогда въ обществѣ, возлагала большія надежды. Тѣ благодатныя надежды стали сбываться съ воцареніемъ Александра Николаевича, и живое чувство преданности и самаго искренняго уваженія проснулось къ нему съ прежней силой. Снова жаркая молитва несется къ престолу Всевышняго,—да покроетъ, осѣнитъ, укрѣпитъ и почіетъ благодать Божія на главѣ его для счастія моей благословенной Россіи великой!

Прощальный обѣдъ американцамъ.—О рѣчахъ Горчакова, Фокса и Куртина.—Пріемъ американцевъ русскими городами.—Смерть Михаила Николаевича Муравьева и сомнѣнія въ ея естественности.—Отношенія Муравьева къ полякамъ.

9 октября. 27 августа былъ прощальный обѣдъ, данный русскими американцамъ въ «*англійскомъ*» клубѣ. Какъ дико звучатъ эти слова! «Русскіе» не нашли болѣе подходящаго помѣщенія для оффиціальнаго пріема иностранныхъ гостей... Больно,—но зато съ какимъ достоинствомъ говорилъ Горчаковъ. Каждымъ словомъ онъ давалъ понять, что говоритъ рѣчь свою отъ имени всего русскаго великаго народа. Все, что нужно было сказать—сказано, и какъ умно, какъ благородно выражено; упомянуто даже объ ошибочномъ толкованіи касательно покушенія на жизнь Государя!.. Хорошо,

очень хорошо! — Я понимаю, отчего въ залѣ стоялъ гулъ по окончаніи рѣчи кн. Горчакова [1])!..

Но и Фоксъ отвѣтилъ столь поэтически, такъ задушевно, что не знаю, кому изъ нихъ отдать предпочтеніе. А милый Куртинъ [2]) увлекателенъ, какъ всегда. Его чувство, мысль — блещутъ, а рѣчь молодая разливается, широкимъ потокомъ. Что за прелесть этотъ молодой человѣкъ въ нравственномъ отношеніи! Карточки его не видала, стало быть ничего не могу сказать объ его наружности; но по его живому, глубоко-прочувственному, огненному слову нельзя не подмѣтить чистый блескъ его молодой правдивой души! И какъ онъ усвоилъ нашу народную рѣчь со всѣми ея оттѣнками! Какимъ чистымъ *русскимъ* языкомъ говоритъ онъ! — ни малѣйшей иностранной *примѣси*. Слушаешь и радуешься; точно стройные звуки очаровательной музыки льются въ душу...

Спасибо Куртину, спасибо Фоксу, спасибо всѣмъ американцамъ, высказавшимъ такое живое сочувствіе намъ!

Мы съ жадностью набрасывались на номера «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ говорилось о празднествахъ, дававшихся въ честь американцевъ, гдѣ повторялись ихъ рѣчи и рѣчи нашихъ русскихъ; часто читая объ этомъ, слезы мѣшали различать буквы, и голосъ прерывался отъ волненія.

Хорошо принимали гостей въ Петербургѣ; но еще лучше, радушнѣе, торжественнѣе и многолюднѣе встрѣчали ихъ въ Москвѣ, въ Нижнемъ, Костромѣ, и окончательно хорошо въ Твери, гдѣ Фоксъ сказалъ восхитительно-замѣчательныя слова о пребываніи американцевъ въ Россіи [3]). Для насъ

[1]) Горчаковъ, кн. Ал. Мих.—знам. дипломатъ, русскій государ. канцлеръ (род. 1798 г., † 1883 г. См. 1863 г. 13 авг. прим. 1).

[2]) Кромѣ Фокса въ американскомъ посольствѣ состояли: командиръ Моррей, капитанъ Бомона, Ванъ-Буренъ, Лобъ, Гринъ, Куртинъ и др.

[3]) За краткость и за охрану своей земли, въ коей сквозитъ американскій принципъ: «Америка прежде всего для американцевъ»—приводимъ выдержку изъ рѣчи Фокса (какъ небезполезную часто и русскимъ).

весь августъ имѣлъ огромное значеніе: почти каждый день совершалось и говорилось что-нибудь новое, а послѣдній прощальный обѣдъ окончилъ длинный рядъ русскихъ торжествъ въ честь американцевъ.

Вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда кончилъ жизнь, полную неутомимой дѣятельности и тревогъ за послѣднее трехлѣтіе, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ [4],—мужъ правды и твердости. Принимаясь за развязываніе адски запутаннаго узла по преступленію 4 апрѣля, онъ сказалъ: *«дойду до корня зла иль костьми лягу»*. И легъ онъ костьми, мужъ неподкупной честности! Отправившись въ свою деревню для отдыха, онъ въ первую же ночь передъ отъѣздомъ въ Петербургъ для окончанія слѣдствія почилъ навѣки. Его нашли мертвымъ въ постелѣ, и тайна его смерти не разгадана. Конечно, легко свалить все на старость, на тучность, на ударъ. А кто знаетъ, не ядъ-ли измѣны пресѣкъ жизнь, нужную Россіи?.. Вѣдь у нея столько враговъ ея разсѣяно по всѣмъ отраслямъ правленія...—Самыя тайныя распоряженія правительства печатаются въ иностранныхъ журналахъ! Поляки втерлись

„Во все время путешествія моего по Россіи я повсемѣстно встрѣчалъ общее и необыкновенное сочувствіе. Сохраненное въ силѣ оно поведетъ обѣ націи къ тѣснѣйшему союзу для *взаимнаго ихъ блага* и *счастія*. Но, говоря о будущемъ, не должно забывать и о прошедшемъ, которое, по вынесеннымъ Россіей испытаніямъ и славному ихъ исходу, поставило ее на высокую степень *могущества и славы*.

Меня извинятъ гг. губернаторы и предводители дворянства, если, вмѣсто отвѣта на ихъ благожелательные тосты, я предложу тостъ въ честь той славной для Россіи эпохи и представителя ея, здѣсь находящагося (указывая на Ѳ. Н. Глинку),—*той эпохи*, въ которую Россія, возставъ какъ одинъ человѣкъ, изгнала съ земли своей столь многочисленныхъ непріятелей.

Да постигнетъ та же участь и всякаго, кто дерзнетъ *враждебно* вступать на землю русскую". „Ура!"

[4]) Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ (род. 1796 г.) † 29 авг. 1866 г. въ с. Сырецъ, или Шереметевкѣ, Лужск. уѣз., Спб. губ., гдѣ и донынѣ сохраняется его домъ и прекрасный храмъ. Замѣчательный русскій человѣкъ и государственный дѣятель. (См. „Жизнь графа М. Н. Муравьева" Д. А. Кропотова).

всюду и забрали въ свои руки всѣ пружины правленія. Куда не оглянись, вездѣ сидитъ полякъ и подъ видомъ преданности ловитъ рыбку въ мутной водѣ, да еще жалуется, что рыба совсѣмъ на удочку нейдетъ. А мы... Да, Михаила Николаевича нѣтъ! Кѣмъ-то Господь замѣнитъ его для защиты Россіи?..

По моимъ мирнымъ убѣжденіямъ, вѣшать поляковъ было не нужно бы, но высшія государственныя соображенія и поступки поляковъ и многое, многое, враждебное, тайное въ родѣ ихъ катихизиса — того требуютъ. Почему-то Михаила Николаевича у насъ за это сильно укоряютъ, но молчатъ объ англичанахъ въ Индіи и на Ямайкѣ; объ «единой Италіи» въ Неаполѣ; о Франціи въ 48-мъ году (о 1792, 93, 94 и 95 гг.—не вспоминаю). Скажите, какъ поступаютъ стоящіе тамъ во главѣ правленія?.. О самихъ полякахъ и говорить нечего. Тѣ всегда отличались изобрѣтательностью по части жестокостей, а въ отношеніяхъ къ русскимъ — въ особенности: поджаривали, сдирали кожу, замуравливали, какихъ только изысканныхъ средствъ въ ходъ не пускали! Не далѣе какъ послѣднее возстаніе полно ужасовъ. Въ сравненіи съ ними Михаилъ Николаевичъ еще милосерднѣйшій изъ людей. Бѣдный, какъ тяжело ему было!.. [5]).

[5]) „А 1871 годъ превзошелъ ужасами своихъ предшественниковъ: республиканцы избивали другъ друга съ видимымъ наслажденіемъ и новѣйшія изобрѣтенія науки ревностно прилагали ко взаимному истребленію; женщины подвизались тоже не хуже своихъ прабабушекъ. Къ чему же тогда показывать пальцемъ на русскихъ?—Ужасное дѣло вражда!“ (Позднѣйшее примѣч. автора).

Казнь Коракозова и соціалисты.—Послѣдніе дни М. Н. Муравьева.—Пріемъ американцевъ въ Смольномъ.—Депутація череповцевъ.—Постройка желѣзныхъ дорогъ.

11 октября. Въ полученныхъ сегодня номерахъ «Московскихъ Вѣдомостей» такъ много волнующаго, отдалившаго меня на 6000 вер. отъ дрязгъ и сплетенъ нашего областного общества: послѣдніе дни М. Н. Муравьева, послѣднія прощальныя слова американцевъ и послѣднее крестное цѣлованіе несчастнаго преступника Коракозова, завлеченнаго адскимъ ученіемъ въ совершеніе злодѣйства. Читая о послѣднихъ минутахъ его существованія, о преклоненіи главы, о паденіи на колѣни, о крестномъ знаменіи, о приложеніи ко кресту и цѣлованіи руки священника, осѣнившаго главу его крестомъ, я глубоко вздохнула. Къ чему это печатаютъ?.. Непрошеныя слезы затемнили глаза, и жаль мнѣ стало бѣднаго человѣка, связавшаго имя свое съ страшнымъ злодѣйствомъ.

— Любуйтесь Герцены, Огаревы, Бакунины.... измѣнники родной страны! Любуйтесь съ «*того берега*»—это дѣла рукъ вашихъ!.. За что вы губите молодость? За что отрываете отъ Россіи сыновъ ея? Любуйтесь и вы, Чернышевскіе, «Благосвѣтлые», Антоновичи, Писаревы, Корши и всѣ «милые» издатели «чудныхъ произведеній»,—всѣ вы измѣнники, закупленные иностранцами и польской «справой»; любуйтесь своей жертвой... Коракозовъ—подставное лицо.

Грустно! Господи, упокой душу Михаила Николаевича Муравьева и бѣднаго Коракозова! Теперь оба предстоятъ Тебѣ: и судья неподкупный и преступникъ.—Милосердіе Твое да будетъ надъ обоими!

— Загадочна смерть Михаила Николаевича.—Что за порошокъ лежалъ въ ложкѣ, котораго онъ не принялъ? Не подложили-ли его во время сна?..—Дѣло еще не было окончено; кто знаетъ, какою смертью онъ умеръ?..

Прощанія американцевъ умилили меня и Нуту: я читала взволнованнымъ, дрожащимъ отъ слезъ голосомъ; Нута отбросила работу, отирая глаза. Фоксъ былъ растроганъ, оставляя Россію, гдѣ онъ видѣлъ столько сочувствія, привѣта, дружбы! 30-е августа онъ съ товарищами провелъ въ нашемъ Смольномъ; Марья Павловна [1]) приняла его прекрасно и тронула своимъ вниманіемъ. На прощальномъ завтракѣ въ Кронштадтѣ, когда адмиралъ Лесовскій напомнилъ Фоксу, что въ это время въ дѣтской церкви Смольнаго совершается молебствіе о благополучномъ ихъ плаваніи,—Фоксъ прослезился и произнесъ дрожащимъ голосомъ: «до сихъ поръ я думалъ, что сердце мое твердо, какъ ледъ, покрывающій сѣверныя воды Россіи, и что на немъ, какъ на алмазѣ, могутъ только отражаться лучи солнца; но все, что я видѣлъ, всѣ заявленія горячей дружбы—переполнили мое сердце; я болѣе не могу говорить, и какъ при вешнемъ солнцѣ съ ледниковъ бѣжитъ вода ручьями, такъ таетъ и мое сердце слезами».

— Всѣ присутствующіе стихли, подъ вліяніемъ его задушевныхъ словъ.

Въ эти минуты подъѣхала шкуна съ запоздавшими выборными отъ маленькаго городка Новгородской губерніи Череповца, посѣщеннаго американцами. Череповцы прибыли съ хлѣбомъ и солью на дорогу любезнымъ гостямъ. Это посольство отъ одной изъ былинокъ необъятной Россіи вдохновило поэтическую душу Фокса, который тутъ же сравнилъ Россію съ океаномъ, состоящимъ изъ *капель, а Государя*—съ солнцемъ, притягивающимъ къ себѣ любовью всю Россію.

Странно,—и мнѣ грустно это прощаніе, какъ будто бы я лично присутствовала, гдѣ было это дружественное посѣщеніе народа. Я какъ будто сама слышала всѣ взаимныя привѣтствія и задушевныя слова; какъ будто жила между

[1]) Леонтьева, нач. Имп. в. об. бл. дѣвицъ (см. зап. ч. 1-я, стр. 112).

ними и теперь прощаюсь и провожаю въ далекій путь безъ надежды на свиданіе...

Господь да благословитъ этотъ народъ на мирное развитіе въ нравственное усовершенствованіе! Да сохранятся на долгіе годы дружественныя отношенія между обоими народами—ими сохранился надолго бы миръ, кабы намъ не мѣшали поляки со своимъ «панурговымъ стадомъ».

Мѣшаютъ также собственные домашніе воры строить желѣзныя дороги и даже соединить Москву съ Кіевомъ и Чернымъ моремъ! Рязанско-козловская дорога служитъ исключеніемъ изъ общаго правила, а, вообще, правительственная сфера не покровительствуетъ развитію путей сообщенія, какъ бы необходимы они ни были. Но это частное предпріятіе, исполненное крайне честно и съ удивительною скоростью – 200 верстъ окончены въ годъ и четыре мѣсяца. Это по-американски! Такой поспѣшностью въ постройкѣ мы не отличаемся, это что-то совсѣмъ непривычное для насъ, русскихъ... У насъ, напротивъ,—мѣшаютъ даже соединенію Сибири съ остальною Русью: вотъ уже четыре года хлопочутъ о построеніи этой желѣзной дороги; всероссійское купечество проситъ разрѣшенія, нашлись бы и средства... но «кто-то» возстаетъ противъ соединенія далекихъ окраинъ съ сердцемъ государства!

Судъ надъ поляками и молитва за нихъ.

24 октября. Сегодня у насъ первое засѣданіе при открытыхъ дверяхъ,—судятъ поляковъ. Народъ толпится у дома, гдѣ собрались судьи и слушатели.

Господи милосердный, смягчи сердца творящихъ судъ А бѣдный народъ съ ожесточеніемъ валитъ смотрѣть, какъ

будутъ разстрѣливать ихъ, думая, что сегодня и казнь совершится...

— Нѣтъ, дурно на землѣ: всюду замѣтна жажда крови...

Господи, Ты, неизрѣченная благость, осѣни души преступниковъ и утѣшь ихъ въ предсмертные дни!

Поляки, безумные поляки! сколько горя причинили вы и намъ и себѣ!

О дѣятельности Нуты.—Приношу-ли я пользу въ Иркутскѣ?

25 октября. 8 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы раннимъ утромъ въѣзжали въ Иркутскъ [1]). Заря свѣтло занималась на небѣ, отъ котораго ждала я отвѣта на запросы, въ виду города, куда призывала насъ новая дѣятельность. Тотъ разсвѣтъ указывалъ, можетъ быть, на нашъ долгъ въ далекомъ краю...

Нута широко понимаетъ значеніе словъ Божіихъ, слышанныхъ въ Вознесенскомъ монастырѣ во время молебна: «вы соль земли». Нута моя и дѣломъ, и словомъ, и мыслею старается быть солью земли, и свѣтъ ея горитъ въ глуши Сибирской. Я же, я... но, Господи, Ты видишь, что и я хочу быть доброй и полезной; но полезна-ли я на самомъ дѣлѣ, про то не знаю...

Скучно въ Иркутскѣ; только чтеніе развлекаетъ, и я, какъ Пушкинъ, твержу:

«Кому же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ не сѣетъ?..

---

[1]) См. 1858 г., 25 октября.

Телеграмма о бракѣ Великаго Князя Александра Александровича съ принцессою Дагмарою, въ миропомазаніи Маріею Ѳеодоровною.

29 октября. Получена телеграмма о бракѣ Его И. В. Великаго Князя Александра Александровича съ принцессою Дагмарою, въ миропомазаніи нареченною Маріей Ѳеодоровной. Марія Ѳеодоровна—чудное имя въ лѣтописи Россіи! Господь да осѣнитъ юную чету на счастье Россіи, которая уже давно полюбила царственную жену.

Пусть имя твое, «*Богомъ данная*» Княгиня, послужитъ символомъ любви и благотворенія и милосердія! Двѣ старшія царицы Маріи, прабабушка и мать твоего царственнаго супруга—дороги русскому народу, видящему въ нихъ образецъ добродѣтелей. Да просвѣтится же жизнь твоя на радость возлюбленной Руси; да соберутся всѣ сыны ея съ юга и сѣвера, съ запада и дальняго востока и да прославятъ царствованіе Ваше!

Новое восходящее, Богомъ указываемое свѣтило ярче готово озарить небо Руси православной; да встрѣтятъ тебя ангелы, готовые сохранить тебя во всѣхъ путяхъ твоихъ!

Тяжесть педагогической дѣятельности.

6 ноября. Давно, почти въ началѣ моей педагогической дѣятельности говорила я: «труденъ, тяжелъ подвигъ воспитательницы; но нужно итти по этому пути скорби, чтобы, насколько могу, быть полезной отечеству».

Спустя нѣсколько лѣтъ повторила я снова: «нужна благодать Божія, нужна сила свыше для поддержанія немощи нашей на той высотѣ, на которую поставило насъ Провидѣ-

ніе; иначе отчаяніе можетъ овладѣть душою, и падетъ она въ изнеможеніи»....

Теперь опять говорю: «честному человѣку, относящемуся къ воспитанію, какъ къ святому дѣлу, цѣль котораго есть исправленіе, усовершенствованіе, веденіе ко благу юныхъ—этотъ подвигъ становится иногда не подъ силу; становится страшно и кажется, что духъ близокъ къ паденію».

Моей бѣдной сестрѣ, чѣмъ далѣе, тѣмъ становится тяжелѣе... Подкрѣпи и помоги ей, Господи!...

1867 г.

О предстоящемъ музыкальномъ вечерѣ.—Смыслъ поставленныхъ пьесъ.—Музыкальные вечера въ институтѣ.—Значеніе музыки для Сибири.—День Нуты.

17 февраля. Настенька [1]), продурачившись еще день, одумалась и просила искренно прощенія, которое, разумѣется, тотчасъ получила. Съ тѣхъ поръ не случалось такихъ безумныхъ ея выходокъ. Французскій языкъ идетъ ни шатко ни валко, но въ музыкѣ она очень успѣла: къ слѣдующему музыкальному вечеру приготовила двѣ пьесы Горіа: фантазію «на черногорцевъ» и этюдъ арпеджіо, одну пѣснь Мендельсона и вальсъ Шопена, кромѣ того, разучила «feu follet Prudent» и фантазію на «Жизнь за Царя» Горіа; послѣдняя забракована мною: недовольно отчетливо выполняетъ.

Юлія Баженова [2]) будетъ играть фантазію Тальберга на «Пуритане» и Горіа—«Геркуланумъ». Леля Баженова [3]) Хäке—«Любушку-голубушку», Purapdeu — «Пастораль» и Шлессера—«Соловей и роза». Двѣ послѣднія составляютъ какъ бы одну картину. Въ первой сначала слышится пѣніе, потомъ игра на гудкѣ съ приплясываніемъ и съ отрывоч-

[1]) Анастасія Су—на вып. 1867 г.

[2]) Баженова, Юлія Констант., выпуска 1867 г. (по мужу Маслова).

[3]) Баженова Елена—ея родная сестра, вып. 1867 г. (вскорѣ по оконч. курса умерла, была за докторомъ).

ными нотами соловьиной пѣсни, потомъ опять пѣніе и гудокъ, и потомъ всѣ удаляются, звучитъ только одинъ гудокъ, наигрывая послѣдній напѣвъ, мало-по-малу стихающій по мѣрѣ отдаленія. Вечеръ смѣнился чудной лѣтней ночью, полной благоуханія и нѣги; соловьиныя трели разсыпались по лѣсу или въ густолиственномъ темномъ саду. Но слаще соловьинаго щебетанія полилась рѣкою живая, полная страсти и нѣги томленія пѣснь человѣка; прислушиваясь къ ней, самъ соловей увлекся и присоединилъ свою трель къ проникающей въ душу пѣснѣ людской. И поютъ они вмѣстѣ, и сліютъ свои голоса два различныхъ созданія Божіи — царь земли и крохотная птичка, и внемлютъ имъ прочія существа. Если бы они могли высказывать свои мысли, вѣрно, сказали бы, что крохотный соловей, лѣсной пѣвецъ, счастливѣй человѣка, царя земли!..—Мы сами портимъ жизнь земную...

Но возвратимся къ пьесѣ... Голосъ человѣка и трель соловья слышатся вмѣстѣ сначала отчетливо, ярко и полно; затѣмъ постепенно ослабѣваютъ и тотъ и другой и, наконецъ, какъ бы отъ утомленія—совсѣмъ замираютъ... Прелесть что за чудная пьеса! Леля исполняетъ ее очень хорошо и ярко передаетъ весь характеръ картины; она нынче принялась работать, и музыка идетъ хорошо.

Вѣра Петровичъ [4]), поступившая въ прошломъ году, подвигается быстро; дѣвочка съ большимъ дарованіемъ, любитъ музыку и внимательна ко всѣмъ моимъ замѣчаніямъ. Вообще, съ удовольствіемъ замѣчаю, что мои ученицы отличаются мягкостью игры: у нихъ нѣтъ рѣзкихъ звуковъ, и при самомъ фортиссимо можно спокойно стоять подлѣ инструмента,—клавиши поютъ подъ пальцами.

Говоря о предстоящемъ музыкальномъ вечерѣ, необхо-

---

[4]) Петровичъ, Вѣра Григорьевна,—восп. Иркутск. института въ вып. 1869 г. удостоена золотой медали. Прекрасная піанистка и любимѣйшая ученица Вар. Петровны (по мужу Корякина). Нынѣ даетъ уроки музыки въ Иркутскѣ.

димо коснуться и цѣли этихъ вечеровъ, повторяющихся каждые два мѣсяца. Семь лѣтъ тому назадъ Анна Петровна придумала ввести музыкальныя испытанія, съ цѣлью заставить воспитанницъ работать усерднѣе. Сначала, когда музыка была въ самомъ плачевномъ состояніи и ученицъ, бравшихъ уроки, было не болѣе тридцати, Анна Петровна раздѣлила ихъ на три разряда, которыя должны были являться на испытаніе по очереди, разъ въ мѣсяцъ. Дѣло пошло успѣшно; число желающихъ брать уроки значительно увеличилось; черезъ два года стали замѣтны и таланты, изъ трехъ разрядовъ образовалось четыре, три послѣдніе подвергались испытанію—въ началѣ мѣсяца, а лучшія ученицы должны являться каждые два мѣсяца. Теперь ученицъ уже стало болѣе пятидесяти; первый разрядъ состоитъ изъ восьми замѣчательно хорошо играющихъ,—разумѣется, и между ними есть громадная разница; второй разрядъ тоже очень удовлетворителенъ; Анна Петровна образовала еще пятый, съ тѣмъ, чтобы два первые чередовались и тоже являлись на сцену каждые два мѣсяца. Эти испытанія приносятъ большую пользу: музыка идетъ съ наибольшимъ успѣхомъ и охватываетъ все большій и большій кругъ воспитанницъ, и по окончаніи курса наши воспитанницы, разсыпаясь по всей Восточной Сибири, вносятъ въ почти пустынныя мѣста любовь къ изящному, что оказываетъ облагораживающее дѣйствіе на мѣстное общество,—а и это есть просвѣтительное начало. Сколько институтокъ занимаютъ мѣста наставницъ и учительницъ въ этомъ краю!—Это все воспитанницы-сестры, труженицы на непочатой нивѣ....

Господь да благословитъ ваши труды!

Но какъ работаетъ моя Нута! Вечеромъ она совершенно ослабѣваетъ, напримѣръ вчерашній день.—Утромъ встала въ половинѣ седьмого, одѣлась и пошла въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ и запастись силами на предстоящій трудъ. Возвратясь пила со мной чай, работая, пока онъ простылъ.

Около 9-ти принимала эконома, осмотрѣла больныхъ и поднялась на верхъ, гдѣ до 10½ час. присутствовала при урокѣ русскаго языка въ маленькомъ классѣ, а съ 10½ до 12 сама давала урокъ русской словесности въ старшемъ классѣ, замѣняя больного учителя. Въ 12 была въ дѣтской столовой и позавтракавъ тотчасъ пошла прогуляться въ садъ съ англійской книгой въ рукахъ. Въ 2 часа снова принялась за занятія: давала пепиньеркамъ и Олѣ Филимоновой [5]) урокъ англійскаго языка. Въ 4 часа обѣдала и усталая отправилась въ городскую больницу свезти подаяніе и навѣстить больныхъ. Оттуда возвратилась совсѣмъ изнеможенною и хотѣла еще заниматься съ Олей, [6]) но этому я положительно воспротивилась и уговорила ее отдохнуть. Чтобы сколько-нибудь развлечь сестру, я предложила прочесть для нея что-нибудь полегче, такъ какъ журналы и газеты болѣзненно дѣйствуютъ на нее. Порывшись въ библіотекѣ, я нашла сочиненія итальянца Гольдони и прямо напала на его «Теренція». Но характеры, разговоры, завязка—все это такъ вяло, что сама чтица захотѣла спать. Нута же положительно истомилась; я упросила ее лечь въ постель, и она, голубушка моя, тотчасъ заснула, какъ только прикоснулась къ подушкѣ: наканунѣ она не спала почти всю ночь, безпокоясь о чемъ-то. —Вотъ образчикъ какъ она проводитъ свой день. Сегодня встала въ 6 часовъ, занялась англійскимъ языкомъ, гуляла около часа, обошла дѣтскую больницу и въ 9 часовъ уже давала урокъ французскаго языка въ маленькомъ классѣ; въ 10½ занималась тѣмъ же французскимъ со старшими, которыя послабѣе—это она дѣлаетъ обыкновенно три раза въ недѣлю: по средамъ, пятницамъ и субботамъ. Изъ столовой ушла раньше, чтобы принять забайкальскаго губерна-

[5]) Филимонова, Вѣра, см. 1864 г. 6 іюня пр. 2 и 1866 г. 20 іюля пр. 8. Первая въ выпускѣ Иркут. института 1859 года.

[6]) Ольга Мих. Сибирякова (по мужѣ кн. Вяземская). См. 1859 г 7 янв. пр. 1. Прекрасная піанистка.

тора, гуляла и въ 2 часа снова ушла въ классъ. Вечеромъ, вѣроятно, пойдетъ присутствовать при урокѣ пѣнія.

О бывшемъ музыкальномъ вечерѣ.—Нюта Калугина и окончившія вмѣстѣ съ нею институтъ—.О предстоящемъ выпускѣ.

18 мая. Былъ снова музыкальный вечеръ 7 мая. Моя Вѣра.[1]) спѣла такъ хорошо «Вѣютъ вѣтры», переложенное Листомъ, и такъ искусно передала фантазію Кетерера, что ее съ наслажденіемъ слушали. Леля Баженова особенно хорошо сыграла кватюоръ изъ Пуританъ, переложенный Тальбергомъ. Катя Базанова [2]) чистенько исполнила: «Я пойду косить», а Юля Баженова великолѣпно, en maître, разыграла Erlkönig, переложенное Листомъ, и «Желаніе» [3]) Шуберта, переложенное Розенгеймомъ.

Теперь я снова стала заниматься Нютой Калугиной [4]), у которой замѣчательный toucher (къ стыду своему не умѣю сказать по-русски этого слова). У нея такіе глубокіе звуки! Послѣ выпуска Нюта поддалась обаянію своего шестнадцатилѣтняго возраста и закружилась въ свѣтѣ; музыка отошла на задній планъ. Нынче же, окончивъ свою службу пепиньеркой, она должна поступить наставницей въ частный домъ. Музыка снова вспомнилась, и Нюта часами сидитъ за фортепьяно, которое поетъ и заливается подъ ея гибкими тоненькими пальцами.—Да, Нюта, вообще, щедро одаренная дѣвушка! Она вышла первой по наукамъ,—и музыкантша-то она, и рукодѣльница, и стройна, и ловка, и голосъ у нея звучный

[1]) Вѣра Григорьевна Петровичъ, см. 1867 г. 17 Мая 4.

[2]) Екатерина Ивановна, вып. 1867 г. (по мужу Сиверсъ, см. 1866 г. 6 апр. 1867 г. 18 мая 2).

[3]) «Le désir».

[4]) Анна Филип., вып. 1865 г. съ шифромъ (по мужу Зензинова).

и пріятный. Два года назадъ, на экзаменѣ французскаго языка, она такъ говорила, что къ ней прислушивались, какъ слушаютъ музыкальное произведеніе. Сказалъ же Victor Hugo: «La priere pour tous». — Она вызвала слезы на глазахъ экзаменаторовъ. Покойный Константинъ Петровичъ Бобановскій [5]), бывшій директоръ гимназіи и членъ по учебной части института, всегда восхищался ею.

Впрочемъ, въ томъ выпускѣ многія недурно говорили; по окончаніи экзамена, однажды, Константинъ Петровичъ, обратившись къ воспитанницамъ, сказалъ имъ: «благодарю васъ за музыкальное утро»!—Правда,—чистый выговоръ, голоса ясные, рѣчь толковая—все было прекрасно; разумѣется, половина класса далеко не то изъ себя представляетъ; но у насъ выпуски дѣлаются по возрасту, и каждые два года переходятъ всѣ вмѣстѣ. Стало быть, очень естественно, что половина воспитанницъ могла бы составить другое отдѣленіе. Въ выпускномъ курсѣ много свѣтлыхъ головокъ, какъ много и легкомысленныхъ. Время, опытъ, годы конечно возьмутъ свое и изгладятъ шероховатости. Въ маленькомъ классѣ онѣ подавали блестящія надежды, онѣ были утѣшеніемъ сестры; во второмъ классѣ стали лѣниться; въ старшемъ работали больше, но по своимъ способностямъ—немного.

Грустно становится, когда думаю о нихъ... Бывали минуты, что отчаяніе брало за нихъ!

— О, тяжелое дѣло—учить людей! Льстить—статья иная, это художество всегда награждаетъ успѣхомъ... Но не чувствовала, не чувствую и никогда не буду чувствовать себя способною къ этому ремеслу...

---

[5]) Директоръ училищъ Иркутской губ. и съ 1848—1855 г. членъ по учебной части въ Иркутск. институтѣ.

Выпускныя.

25 іюня. Пришла отъ обѣдни, — по выслушаніи молебна, по случаю выпуска воспитанницъ.

Что сказать о предстоящемъ?

— Не знаю; но мнѣ очень жаль ихъ, и сказать имъ нужно было бы такъ много, что лучше не говорить, сочтутъ не во-время,—обидятся...

Благодарю Тебя, Создателя вселенной!

Отъѣздъ изъ института.—События за два мѣсяца.—Новое покушеніе на Государя Императора.—Газетныя извѣстія о страданіяхъ болгаръ.—По поводу предостереженія газетѣ „Москва".

5 іюля. Меня всегда очень трогаютъ слезы при прощаніяхъ. Положимъ, онѣ скоро сохнутъ, и жизнь остающихся и отъѣзжающихъ идетъ снова обычнымъ чередомъ,—но все же тѣ слезы говорятъ многое безъ словъ...

Вчера Нюта Калугина обливалась слезами, прощаясь съ Анной Петровной; бросится къ ней на шею и зарыдаетъ, потомъ попрощается съ другими и снова къ ней съ тѣмъ же рыданіемъ. Сестра, разумѣется, не могла хладнокровно переносить такое разставанье, она плакала, и всѣ мы присутствующія тоже.

— Бѣдная дѣвочка! Что ждетъ её за стѣнами института? Боюсь за живость ея характера, какъ нѣкогда покойный мой отецъ боялся за мою. — Она ѣдетъ наставницей въ одно семейство въ Нерчинскъ. Сестра постаралась о помѣщеніи ея и выхлопотала ей приличное вознагражденіе: она будетъ получать 500 р. въ годъ, даже больше, чѣмъ классная дама; между тѣмъ, ей хотѣлось бы лучше остаться здѣсь въ институтѣ. Не предчувствуетъ-ли эта птичка бѣды, вылетая изъ гнѣздышка...

— Какъ много случилось въ послѣдніе два мѣсяца такого, что волновало и живило меня, за чѣмъ слѣдила я съ участіемъ и тревогой!—Пріѣздъ славянъ; пріемъ, оказанный имъ всюду; задушевныя слова, которыми обмѣнивались гости и хозяева... И вдругъ, среди всего—новый вражескій выстрѣлъ въ нашего возлюбленнаго Царя!

Вѣсти о подробностяхъ происшествія, о пребываніи Государя въ Парижѣ, о крикѣ негодованія французовъ при совершеніи злодѣйства ихъ любимцами—поляками,—все это тревожитъ и мучаетъ меня, спать не даетъ, и я, несмотря на свободное отъ занятій время, едва засыпаю во второмъ и третьемъ часу ночи.—Не угодно-ли кому передѣлать души и заставить думать только о томъ, что дѣлается вокругъ меня?

Мы снова сильно перепугались при страшной вѣсти: «въ Государя стрѣляли!» Когда же, наконецъ, кончатся кровавые замыслы шляхты. Когда оставятъ въ покоѣ измученную панами и ксендзами Русь? Господь да хранитъ мое отечество и Своего Помазанника!

— Въ послѣднемъ 83 № вновь выходящей газеты «Москва» слышится такой вопль о помощи страдальцамъ болгарамъ, что нельзя читать его безъ содраганія и слезъ.—Кончивъ уроки музыки, я взяла съ собою въ садъ только что принесенныя «Московскія Вѣдомости» и «Москву»,—обѣ любимыя нами газеты; призадумавшись надъ умной, логичной, мѣткой рѣчью Каткова (12 іюля), перешла я къ передовой статьѣ «Москвы»,—и сжалось сердце при описаніи жестокихъ истязаній, которымъ подвергаются несчастные болгары, исповѣдующіе православную вѣру! Помощи имъ ждать не отъ кого: все это бѣдные поселяне, у которыхъ не имѣется ни вождей, ни денегъ, а страданія ихъ переполняютъ чашу!!.—Прочтя, я помолилась, чтобы Господь помогъ намъ сдѣлать сборъ въ пользу болгаръ, какъ было года четыре тому назадъ, когда для Западнаго края только черезъ наши руки прошло 9,200

руб. Хотя бы половину, хотя бы четверть этого собрать... Разумѣется, мы первыя внесемъ. Но горе въ томъ, что много мы не въ состояніи: у насъ и миссія, и городская больница, и многимъ, многимъ помочь надо.

Господи, помоги! Если бы у меня было силы побольше стала бы давать еще нѣсколько уроковъ.

«Москва» едва выглянула на свѣтъ Божій послѣ трехмѣсячнаго запрещенія и снова получила предостереженіе.

А я люблю ее,—она съ русскимъ, чисто христіанскимъ направленіемъ! Точно мы живемъ въ такое время, когда не смѣемъ говорить о своихъ нуждахъ!

Нынче стараются отдалить его вѣрныхъ слугъ отечества и честныхъ дѣятелей, которыхъ закидываютъ грязью и называютъ измѣнниками родной страны! Бѣдная Россія, на которую клевещутъ и чужіе, и свои, и тянутъ въ разныя стороны, чтобы она не вышла на просторную, прямую, широкую дорогу своего развитія. Но, крѣпись, великанъ могучій; не падай духомъ! Предъ тобой разстилается путь далёкій: и рости, и жить, и цвѣсти тебѣ! Истлѣютъ въ прахъ враги твои, а ты все будешь жить и просвѣщать другихъ. Благость Господня да осѣнитъ тебя любовью къ ближнему и премудростью! Рости, моя Русь дорогая, духомъ и истиною! Просвѣщайся и просвѣщай другихъ.

Господи, спаси Царя нашего любимаго и окружи его разумными и честными пособниками!...

28 августа. Die Wunde brennt; die bleichen Lippen beben; Gott, wie Du willst, Dir hab ich mich ergeben [1])!..

---

[1]) [Переводъ]. „Рана горитъ; блѣдныя уста дрожатъ; Боже, да будетъ воля Твоя!..“

Чтеніе газетъ и журналовъ. — Искусство жить и прослыть за умную собесѣдницу. — Любовь къ отечеству.

15 сентября. Не читать журналовъ—скучно: не знаешь, что дѣлается на свѣтѣ, точно заключенная въ монастырѣ, куда не доходитъ ни дурной, ни хорошей вѣсточки; а читать журналы--значитъ волноваться и скорбѣть. Придетъ почта, — ждешь съ нетерпѣніемъ, когда швейцаръ принесетъ желанныхъ вѣстей; живо распечатаешь и пробѣжишь глазами передовыя статьи. Рѣдко появится довольная улыбка;— большею же частью тоскливо сожмется сердце, и боишься продолжать чтеніе, пока немного не успокоишься.

Господи, какъ живутъ другіе? Или только мы съ сестрой такія безумныя: тревожимся не своимъ личнымъ горемъ? Жить бы намъ, какъ всѣ: выѣзжать и самимъ принимать, играть въ карты и повторять стереотипныя фразы, приноравливаясь къ ихъ современности, къ мѣсту и къ случаю. Затѣмъ всѣмъ улыбаться и со всѣми соглашаться, или выразительно молчать и громко хвалить тѣхъ, кого въ извѣстномъ обществѣ принято хвалить. Во-время можно и посмѣяться надъ тѣми, которые кажутся смѣшными извѣстному обществу; можно бросить «милое» словцо и въ «подкупленнаго» Каткова, и въ «идіота» Аксакова, и въ самого святителя Филарета, котораго отчего же не назвать «тормазомъ» или того хуже и не пожелать ему убраться поскорѣе восвояси? Все это можно, а у насъ въ Сибири и не особенно осторожно... Тамъ, гдѣ не въ ходу «Филареты», а какіе-нибудь «Егоры» иль «Иваны», можете что угодно и какъ угодно говорить о Филаретахъ, но объ Егорахъ не иначе, какъ съ должнымъ почтеніемъ, съ прибавленіемъ чина и «господинъ», какъ о благодѣтеляхъ рода человѣческаго... Пусть на языкѣ почаще слышатся «*гуманность*» да «прогрессъ» съ «принципомъ» и «цивилизаціей»; не лишне выпустить и нѣсколько «*пикантныхъ*» словъ безстыдства съ легенькой струйкой «сплетенъ», освѣщенныхъ улыбкой. — Что

за прелесть была бы жизнь!—и вами всѣ были бы довольны, и вы отъ всѣхъ безъ ума!

Кабы такъ жить!.. Но горбатаго могила исправитъ.

Теперь поздно себя перерабатывать; не жила я никогда только своею личною жизнью. Всегда мнѣ было близко все, относящееся къ моей родной матушкѣ-Россіи; еще съ ранняго дѣтства я любила прислушиваться къ разсказамъ о ея счастливыхъ и скорбныхъ временахъ; все ложилось на сердце неизгладимыми чертами, и съ юныхъ лѣтъ я привыкала считать себя нераздѣльнымъ членомъ великой русской семьи. Такъ прошли дѣтство и молодость. Теперь-ли мѣняться, когда и смерть недалека?!.

Нѣтъ, нѣтъ, не разлюбить и ни на минуту не позабыть мнѣ до гроба моей бѣдной, печальной, оклеветанной родины.

Нѣтъ, не могу оставаться равнодушной къ ея тревогамъ и скорбямъ; она—мать моя, родина святая!..

Нѣтъ, не измѣнить, а заставить всякаго полюбить ее,—вотъ чего желаю, вотъ о чемъ молюсь Господу.

Катковъ и Аксаковъ—борцы съ теченіемъ современнаго имъ общества.—Иркутское общество предъ иностранцами.—Нута.

30 сентября. Не умолкаетъ и теперь Катковъ [1]). Его честное слово разносится по всей Руси, но противное теченіе заливаетъ его,—и все шире и все глубже мятежный потокъ пролагаетъ путь, ломая, разрушая, унося препоны своимъ дикимъ, бѣшенымъ стремленіемъ. Мы точно наканунѣ первой французской революціи; читаешь, вдумываешься, и наше настоящее кажется снимкомъ послѣднихъ десятилѣтій XVIII-го вѣка. Цѣлымъ столѣтіемъ мы какъ бы

[1]) См. 1866 г. 30 іюня.

отодвинулись назадъ; уроки исторіи пропадаютъ напрасно, а, между тѣмъ, все такъ ясно, опредѣленно.

Вчера долго, долго не могла я уснуть подъ впечатлѣніемъ передовыхъ статей «Московскихъ Вѣдомостей». Давно Аксаковъ, Катковъ говорятъ громко, во всеуслышаніе о вліятельныхъ лицахъ, продающихъ Россію, и говорятъ не переставая, а ихъ какъ будто не слышатъ. Все идетъ обычнымъ порядкомъ, съ виду красиво, а внутри далеко нѣтъ. Западный край, Балтійскій край переходятъ исподволь полякамъ и нѣмцамъ. Желѣзныя дороги устраиваются на Западѣ; о соединеніи же Москвы съ югомъ черезъ Кіевъ и съ востокомъ черезъ Екатеринбургъ на Тюмень и далѣе — и не помышляютъ... Катковъ и Аксаковъ не разъ повторяютъ ту мысль, что русскому честному человѣку, любящему свое отечество, жить очень тяжко: лицемѣрамъ, честолюбцамъ и предателямъ — удивительно легко... Неужели же такъ всегда было и будетъ у насъ на Руси?.. *)

Десять лѣтъ уже проживая въ Иркутскѣ, насмотрѣлись мы на все и собственнымъ опытомъ дошли до убѣжденія, что истинно русскій человѣкъ можетъ задохнуться въ нашемъ «иностранномъ обществѣ» русскаго происхожденія. Нѣтъ ни поддержки, ни привѣта честному труду. Зато подружитесь съ поляками, съ нѣмцами, — и такое пойдетъ раздолье!..

По моему стыдно такъ унижаться? И развѣ не позоръ своему человѣку, хозяину, искать дружбы и покровительства пришельцевъ?

— Завтра будетъ 22 года службы моей Нуты. Какъ плакала я, провожая ее въ Смольный [2]). И вотъ уже два десятка годковъ улеглись съ той минуты, какъ рыдала я въ церкви, гдѣ служили молебенъ. Скорбный путь, — но благо-

---

*) Видимо, В. П. находится подъ впечатлѣніемъ недавняго мятежа поляковъ.

[2]) См. зап. ч. 1-я стр. 149 (1 окт. 1845 г.).

творный! Сколько юныхъ существъ научилось жить, глядя на ея безустанную любвеобильную дѣятельность! И какъ ее любили, особенно въ бытность ея классною дамою! И что за чуднымъ, обворожительнымъ существомъ выступила она на службу отечеству!..

А теперь... Какъ измѣнилась моя бѣдная Нута, вслѣдствіе безпрестанныхъ непріятностей, надвигающихся со всѣхъ сторонъ! И какая стала грустная и серьезная!

Вотъ какъ живется русскимъ дѣятелямъ въ родномъ краю!..

Успокоительное размышленіе.

1 ноября. Telle qu'une maison déserte, une âme vide de pensées dépérit de jour en jour.—Oui.

Mais le trop de réflexions tue la pauvre âme; elle souffre, elle souffre immensément.

Mon Dieu, Vous êtes l'unique, le véritable flambeau de toute créature humaine. Hors la religion — point de salut. Tout n'est que ténèbres dans cette vie, — privée de la lumière sacrée de la religion.

Talents, sciences, beauté, — tout n'est que vanité, fumée, ou bien un vif éclat qui disparait aussitôt, sans laisser de traces.

Oh, mon Dieu, éclaire-moi, soutiens-moi, ne m'abandonne point.

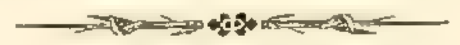
[Переводъ]. Лишенная мысли, неразмышляющая душа, подобно необитаемому дому, гибнетъ съ каждымъ днемъ.—Это такъ.

Но излишнее размышленіе убиваетъ бѣдную душу; она страдаетъ, безмѣрно страдаетъ.

Ты, мой Боже,—единственный и настоящій свѣточъ всякаго разумнаго созданія. Внѣ религіи нѣтъ спасенія. Все мрачно въ жизни, не озаряемой и не освящаемой религіей.

Таланты, познанія, красота, — все это только суетность; днемъ ихъ можно сравнить съ сильнымъ свѣтомъ, тотчасъ же безслѣдно исчезающимъ.

Боже мой! просвѣти меня, поддержи и не оставь меня.

Записки А. Г. Хомутовой.—Общество въ ея время и теперь.

13 ноября. Читая въ «Русскомъ Архивѣ» отрывки изъ записокъ 1812 и 1814 гг. извѣстной А. Г. Хомутовой [1]), много передумала я. Какъ жилось тогда легко, и какъ поверхностно скользили великія событія даже по тому, кто возвышался надъ общимъ уровнемъ. Много говорится о праздникахъ, о Государѣ, о лицахъ, составлявшихъ тогда блестящій свѣтъ, и ни слова о родной Руси, о народѣ, выстрадавшемъ свое *величіе*! Такая всемірная скорбь, такіе вопли и рыданія не вызывали стоновъ изъ груди даже лучшихъ женщинъ! Почему? А теперь?—Впрочемъ, думаю, и теперь большинство ихъ остается равнодушными, отдаваясь удовольствіямъ, заботамъ домашнимъ, или увлекаясь ходячими моделями или пустыми фразами, почерпнутыми изъ наиболѣе распространенныхъ модныхъ и заграничныхъ журналовъ. Какъ посмотришь вокругъ, то ни тѣ, ни другія, ни третьи не дорожатъ отечествомъ: общественное бѣдствіе — не ихъ личное бѣдствіе; онѣ чужды родной странѣ...—Да, такъ дѣйствуетъ большинство.—Хомутова была одна изъ немногихъ; но и ей всетаки какъ-то легко жилось.

Что же за несносное и причудливое созданіе я? Или такая ужъ педантка и такъ люблю разсуждать о томъ, что до меня не касается, и въ чемъ ничего не смыслю?..

Смерть митрополита Филарета. — Скорбь объ умершемъ. — Ожиданіе новыхъ русскихъ дѣятелей.

25 ноября. 19 ноября почилъ сномъ вѣчности преосвя-

[1]) Хомутовъ. С. Г.—свитскій офицеръ. участникъ отечественной войны (1812—14 гг.), — оставилъ записки, которыя и печатались въ „Русск. Архивѣ“ за 1866—70 гг.

щенный Филаретъ [1]), — слава русской церкви, свѣтильникъ ясный въ теченіе полувѣка; — какъ будто пусто стало на землѣ русской при отшествіи съ нея святителя.

Да воздвигнетъ Господь новыхъ крѣпкихъ столповъ вѣры православной! Да просіяетъ новое свѣтило между истинными исповѣдниками Господа Іисуса Христа!..

Одинъ за другимъ отходятъ талантливые слуги Россіи; говорятъ, боленъ Горчаковъ, старецъ, бодрый духомъ, но ветхій деньми. Кто же останется?... Гдѣ же другіе, подобные Филаретамъ сыны отечества? Гдѣ пособники царскіе? гдѣ свѣтильники, горящіе и освѣщающіе землю родную?—Или появятся скоро? Заговорятъ безмолвствующіе нынѣ?..

Пора, пора пробудиться отъ спячки, встряхнуть нашу Русскую лѣнь. Пора явиться провозвѣстникамъ истины и яркимъ свѣтомъ живого слова разогнать тьму, обступившую насъ, особенно-же крестьянина-землепашца...

И съ какихъ давнихъ поръ и какъ издалека и какъ хитро подступаетъ та тьма необъятная!...

О, зажигайтесь скорѣе и больше, свѣтильники! Гоните мракъ невѣжества, проливайте въ народъ больше свѣта духовнаго! Оберегайте и укрѣпляйте Русь дорогую!..

Вѣдь все — борьба, борьба вѣчная добра со зломъ и свѣта со тьмою! — Какъ жаль, что всѣ великія задачи жизни до сихъ поръ рѣшаются огнемъ, мечемъ и рѣками крови ближняго. Когда же мы будемъ въ Христовой любви пребывать?!.

Письма Батюшкова и Жуковскаго въ „Русскомъ Архивѣ".—Воспоминаніе о прошломъ и о поэтахъ юности.

15 декабря. Въ нѣкоторыхъ номерахъ «Русскаго Архива»

---

[1]) Въ мірѣ Дроздовъ. (См. зап. ч. 1-я 1853 г. 25 марта) Род. 1789 г. Чудные о немъ труды Саввы, Архіеп. Тверского, или а также матеріалы для біографіи въ „Русск. Старинѣ" за 1885 г. т. XLVI, XLVII.

печатаются письма Батюшкова [1]) и Жуковскаго [2]), которыя я читаю съ особеннымъ удовольствіемъ.

Прозрачная чистота души Жуковскаго, съ его благородными порывами и мечтами, и теплое, доброе сердце Батюшкова при легкомъ остроуміи, сыплющемъ искры свѣта, — все это обаятельно дѣйствуетъ на меня; какъ будто бы десятки лѣтъ спадаютъ съ плечъ, и воскресаютъ въ памяти и Смольный, и Нева, и классы, и садъ Смольнаго съ столѣтними липами, и толпы молоденькихъ подругъ, и сама я въ голубомъ или зеленомъ платьѣ, съ пылающимъ румянцемъ юности, — съ курчавыми волосками, падающими густыми локонами на плечи; читавшая и зачитывавшаяся Жуковскимъ, Батюшковымъ и знавшая пропасть ихъ стиховъ наизусть; — все, — вся поэзія юности ощутительно воскресаетъ въ памяти, и совершенно забывается настоящее и долгій путь — изнурительный, полный скорбей и тревогъ, состарѣвшееся лицо и посѣдѣвшіе волосы...

Даже странно потомъ возвращаться къ дѣйствительности и думать: все давнымъ-давно миновало, отжило, умерло и погребено...

Но все же пріятно мнѣ думать, что любимцы моей юности были честными русскими людьми, любившими свое отечество и желавшими ему блага...

И какая дружба связывала ихъ всѣхъ между собою? Батюшковъ, Жуковскій, Карамзинъ, Блудовъ и Пушкинъ молодой. — Какія имена, и какъ разнообразна ихъ дѣятельность, и какъ несходны характеры, а между тѣмъ, какое

---

[1]) Батюшковъ, Констан. Николаев. (1787—1855 г.). Послѣднее и прекрасное для любителей изданіе въ 1898 году его сочиненій можно получить у Ея Превосх. Софіи Никол. Батюшковой (Москва, Б. Никитская, соб. домъ). Тамъ же сочиненія и Помпея Никол. Батюшкова.

[2]) Жуковскій, В. А. См. зап. ч. 1-я, стр. 84, 93, 105 и друг.

сходство въ ихъ основѣ! Даже какая трагическая развязка жизни «перваго» и послѣдняго!.. [3])

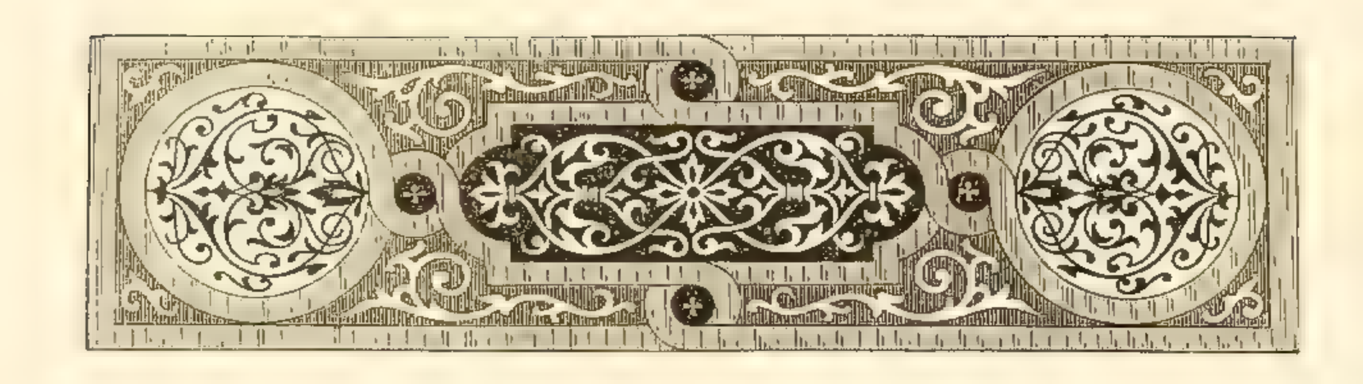
— Въ послѣднемъ номерѣ читала я письма Жуковскаго къ Великому Князю Константину Николаевичу.

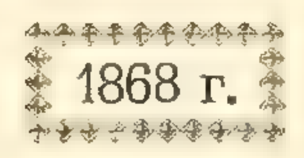
Какое спокойствіе и достоинство въ рѣчахъ поэта! Какъ высоко смотритъ онъ на санъ царственный и какъ хорошо поучаетъ сына царскаго въ обязанностяхъ, въ его отношеніяхъ къ народу!.. Такъ можетъ говорить только человѣкъ, совѣсть котораго *безупречна*: ни одной пустой фразы, ни одного лишняго слова для украшенія рѣчи, которая льется гармонически, какъ воды широкихъ русскихъ рѣкъ.

Будь благословенна память такихъ дѣятелей!

[3]) Первый умеръ въ тихомъ умопомѣшательствѣ, второй убитъ на дуэли въ 1836 г. 29 января (27-го раненъ).

1868 г.

Газеты и журналы о митрополитѣ Филаретѣ. — Митрополитъ Филаретъ и Пушкинъ.

5 января. Благослови, Господи, новый годъ, новый трудъ и новую борьбу честныхъ людей со зломъ!

Нынче, въ послѣднихъ номерахъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Москвы» и др. печати много пишется о великомъ духовномъ посмертномъ торжествѣ блаженно-почившаго митрополита Филарета. «Московскія Вѣдомости» съ особенной любовью помѣщаютъ въ своихъ столбцахъ все, относящееся до девятидневнаго пребыванія останковъ святителя среди Москвы и въ Троице-Сергіевской лаврѣ. Болѣе замѣчательныя слова митрополита Филарета сообщаются народу. Мы читаемъ, читаютъ классныя и нѣкоторыя дамы и въ свою очередь передаемъ дѣтямъ, — пусть и онѣ знаютъ *«своихъ великихъ людей»*.

Нѣтъ, не угасъ свѣтильникъ церкви! Нѣтъ, духъ его, оставшійся въ его твореніяхъ, въ запискахъ, въ душахъ, знавшихъ его и внимавшихъ его вдохновеннымъ словамъ, — этотъ животворный духъ подкрѣпитъ слабѣющаго, подниметъ падающаго и оживитъ умирающихъ духовно!

Рѣдкое въ Россіи торжество совершалось при его погребеніи; и то торжество было народнымъ, незаказнымъ, не дѣланнымъ или вздутымъ. Народъ стекался тысячами и съ

ФИЛАРЕТЪ

Митрополитъ Московскій.

(† 1867 г.).

непокрытой головой, въ благоговѣйномъ молчаніи встрѣчалъ тѣло святителя, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Да, Филаретъ — слава русской и православной церкви, неувядаемая и несокрушимая слава!

Великій духъ усопшаго святителя отзывался на всѣ духовныя проявленія человѣчества; откликнулся онъ и на вопль отчаянія бѣднаго Пушкина, любимца моего, падавшаго часто и сознававшаго своё паденіе.

«Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?»[1])

съ тоской и страданіемъ говорилъ Пушкинъ среди окружавшей его пустоты и пошлости общества, въ которомъ онъ кружился. Тотъ вопль душевный былъ услышанъ митрополитомъ, и рѣчи *мира и любви* потекли изъ вдохновенныхъ устъ:

«Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана.
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь обречена.

Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Душу самъ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.

Вспомнись мнѣ, Забытый мною,
Просіяй сквозь сумракъ думъ!
И созиждется Тобою
Сердце чисто, правый умъ!..»

Пушкинъ умилился словами святителя и въ поэтическихъ образахъ передалъ чувства, наполнявшія душу его при чтеніи тѣхъ завѣтныхъ словъ:

---

[1]) См. соч. А. С. Пушкина „26 мая 1828 г.“

«Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты—
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла мракъ земныхъ суетъ;
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ [2])».

Всенародный святитель простираетъ руку помощи духовной *всенародному поэту* [3]) и врачуетъ раны души его елеемъ словъ священныхъ!

[2]) Сочин. А. С. Пушкина изд. Суворина 1887 г. т. IV. Стансы (отвѣтъ митр. Филарету). Варіантъ послѣдняго куплета:

„Твоимъ огнемъ душа согрѣта
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ гласу Филарета
Въ священномъ ужасѣ поэтъ“.
(„Душепол. Чт.“ іюнь 1899 г. ст. 301)

[3]) Мы, какъ очевидцы празднованія столѣтія со дня рожденія (26 мая 1899 г.) Александра Сергѣевича Пушкина, можемъ воочію убѣдиться, какъ иностранцы интересуются произведеніями нашего геніальнаго поэта. (См. иностр. корреспонденціи).

(Род. 1799 г. † 1837 г.).

Какой чудный образъ!

Филаретъ и Пушкинъ!

Кажется, что есть общаго между ними? Между тѣмъ великій проповѣдникъ слова Божія понялъ, что много свѣта, теплоты и любви кроется въ томъ заблуждающемся и вѣчно страждущемъ поэтѣ: и жаль ему стало погибающихъ даромъ силъ, свѣтлаго ума, добраго сердца; онъ поднялъ падавшаго и утѣшилъ страждущаго! — Кого же не въ состояніи утѣшить и поднять свѣтъ Христова ученія?..

Благословенна да будетъ память твоя, человѣкъ Божій! Много слезъ осушилъ ты! Много ранъ исцѣлила благодать, дарованная тебѣ отъ Бога.

Воспоминаніе о кончинѣ Императора Николая I-го.—Раутъ у М. С. Корсакова.—Отношеніе Корсакова къ Нутѣ.—Подарокъ Нутѣ отъ Государыни.—Забота сестры о сослуживцахъ.

18 февраля. Скорбью и тревогой наполнялись сердца русскихъ 13 лѣтъ тому назадъ: въ эти дни скончался покойный Государь, во время кровопролитной войны и всеобщаго страха за тяжелый исходъ той войны и за грядущее царствованіе новаго Государя[1]). Исходъ, правда, былъ немного непріятенъ для насъ но за то грядущее царствованіе обильно благодѣтельными преобразованіями, во главѣ которыхъ стоитъ освобожденіе крестьянъ.

Такъ боится человѣкъ не того, чего нужно опасаться...

Сегодня раутъ у Михаила Семеновича Корсакова[2]), вернувшагося вчера изъ Петербурга,—весь городъ тамъ; Нута тоже отправилась къ нему съ одной изъ классныхъ дамъ и съ пепиньеркой. Михаилъ Семеновичъ пріѣзжалъ самъ приглашать, стало быть было бы невѣжливо не ѣхать. Перемѣ-

[1]) См. зап. ч. 1-я. 1855 г. 25 и 27 февраля, 1, 4, 5 и 31 марта (стр. 313—322).

[2]) Корсаковъ, см. 1869 г. 3 янв. пр. 2.

нился онъ очень въ девять лѣтъ губернаторства, и въ свои 40 лѣтъ совершенно сѣдой. Въ отсутствіи онъ пробылъ годъ и три мѣсяца, наконецъ возвратился въ управляемый край.

Дай, Господи, миръ въ отношеніяхъ его къ Нутѣ. Сегодня, правда, онъ былъ очень любезенъ, но... но нѣтъ ничего вѣрнаго въ людяхъ; доказательствомъ служитъ предполагаемое сердце на Нуту еще... до сихъ поръ.

Къ концу же прошедшаго года произошло что-то странное, необъяснимое. 20 ноября, наканунѣ «Введенія во храмъ», приносятъ повѣстку на полученіе подарка отъ Государыни за выпускъ. Посылаемъ на почту, и оттуда привозятъ прекрасную рубиновую брошь, осыпанную алмазами, и очень милостивый рескриптъ [3]), писанный въ Ливадіи 24 сентября, при рескриптѣ поздравительное письмо отъ Его Высочества Принца Ольденбургскаго.

Съ первою почтою, т. е. 24 ноября, Анна Петровна благодарила Государыню письмомъ, копія съ котораго хранится у насъ, а также и принца Ольденбургскаго—за представленіе къ наградѣ. Въ послѣднемъ письмѣ она, между прочимъ, просила: «какъ ни счастлива я высокимъ вниманіемъ Ея Императорскаго Величества, но радость моя не будетъ полна до тѣхъ поръ, покамѣстъ мои сослуживицы и сослуживцы не получатъ вознагражденія; только ихъ добросовѣстному труду, ихъ усердному содѣйствію моимъ начинаніямъ обязана я успѣхомъ ввѣреннаго мнѣ заведенія; поэтому прошу Ваше Императорское Высочество обратить Ваше милостивое вниманіе...» и т. д.

На дняхъ, на масляницѣ, получена бумага отъ 31 декабря, за подписью Принца, о назначеніи наградъ всѣмъ служащимъ, представленнымъ Нутою въ прошедшемъ году.

Между тѣмъ, мѣсяцъ назадъ, пріѣхалъ курьеръ отъ Михаила Семеновича и сообщилъ Нутѣ что Михаилъ Семено-

---

[3]) См. зап. ч. 1-я, стр. 423 въ примѣчаніи.

Генер.-Губерн. Восточной Сибири

Михаилъ Семеновичъ КОРСАКОВЪ.

вичъ, при возвращеніи въ *Иркутскъ*, лично переговоритъ о представленіяхъ служащихъ въ институтѣ?!

Сегодня онъ самъ сознался, что совершенно помимо его все получено въ институтѣ, о чемъ онъ даже и не зналъ.

Кто же это, какой добрый человѣкъ напомнилъ Государынѣ о забытой сестрѣ [4]), которой, не смущаясь, отказывали въ слѣдуемыхъ ей, по закону, наградахъ? Какимъ образомъ вспомнили ее въ Ливадіи и одной изъ всѣхъ, служащихъ въ институтѣ, оказали вниманіе; правда въ продолженіи девяти лѣтъ всѣхъ служащихъ награждали, и даже щедро, вѣроятно походатайству Принца Ольденбургскаго.

Все это очень странно, и мы не знаемъ, кому обязаны...

Пусть же Господь утѣшитъ неизвѣстнаго добраго человѣка. Это вниманіе со стороны Государыни даетъ нѣкій *вѣсъ въ обществѣ*,—что положительно *необходимо* здѣсь сестрѣ, какъ начальницѣ института.

Но все исходитъ отъ Господа и доброй Государыни: Господь смирилъ, Господь возвысилъ; благослови, душа моя, имя святое Его!

Значеніе и поддержка начальницы въ провинціальномъ обществѣ.

7 марта. Не «вѣсъ» собственно нуженъ сестрѣ, но *поддержка* обществомъ института, на который смотрятъ съ пренебреженіемъ, и его оскорбляетъ безнаказанно всякій, если знаютъ, что въ Петербургѣ неблагосклонно относятся къ самой начальницѣ.

Что-жъ дѣлать? Мы еще совсѣмъ дѣти, хотя считаемъ себя взрослыми... Но одни-ли мы такіе? Взгляните на такъ называемые «передовые народы»: все та же пѣсня на разные

[4]) См. 29 іюля 1866 г.

лады. Человѣчество еще въ пеленкахъ, хотя и староватo немножко.

Когда-то будутъ цѣнить людей лишь по личнымъ достоинствамъ?..

Проѣздъ чрезъ Иркутскъ высокопреосвященнаго Иннокентія, назначеннаго митрополитомъ Московскимъ.

19 апрѣля. Сегодня мы слушали обѣдню въ изящной архіерейской церкви; служилъ самъ преосвященный Парѳеній; въ алтарѣ стояли во время службы: новый митрополитъ Московскій Иннокентій [1], бывшій сибирско-американскій миссіонеръ, и преосвященный Веніаминъ, заступающій мѣсто отъѣзжающаго архипастыря.

Послѣ обѣдни мы зашли къ преосвященному, чтобы проститься съ митрополитомъ. Онъ—добрый старикъ и очень любимъ въ Иркутскѣ; хотя мы его знаемъ очень мало. Онъ былъ прежде раза два у Анны Петровны и въ нынѣшній пріѣздъ былъ тоже два раза;—лицо у него доброе, почтенное. Въ два часа къ нему явилось купечество и вмѣстѣ съ нимъ отправилось въ соборъ, гдѣ преосвященный Веніаминъ служилъ напутственный молебенъ въ присутствіи всѣхъ властей города. Изъ собора владыка въ экипажѣ отправился на перевозъ и проведетъ ночь въ Вознесенскомъ монастырѣ; съ нимъ поѣхалъ преосвященный Веніаминъ,

[1]) Всѣ трое миссіонеры, но безусловно выдающійся изъ нихъ высокопреосвященный Иннокентій,—въ мірѣ Иванъ Евсѣевичъ Поповъ, переименованный въ Веніаминова. Замѣчательный дѣятель. Имя его и до сихъ поръ съ благоговѣніемъ воспоминается среди инославныхъ христіанъ, особенно же въ сѣверо-восточной Сибири и въ американской Аляскѣ съ Алеутскими островами. Умеръ въ санѣ митрополита Московскаго. (См. „Иннокентій, митр. Московскій и Коломенскій, по его сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ“ Ив. Пл. Барсукова, изд. 1882 г.).

Епископъ	Митроп. Московскій	Епископъ
ПАРѲЕНІЙ.	ИННОКЕНТІЙ.	ВЕНІАМИНЪ.

городской голова и еще нѣсколько лицъ. Завтра всѣ три преосвященныхъ будутъ служить божественную литургію въ монастырѣ, въ соборѣ, гдѣ покоятся мощи святителя Иннокентія; и затѣмъ новопоставленный митрополитъ Московскій покидаетъ, вѣроятно навсегда, Иркутскъ, гдѣ началъ свое служеніе въ должности діакона Благовѣщенской церкви. Еще живы старики, которые помнятъ его посвященіе; и вотъ этотъ смиренный діаконъ далекаго Иркутска ѣдетъ занимать каѳедру великаго Филарета! .

Неисповѣдимы въ жизни человѣка судьбы Божіи!

Послѣдняя служба митрополита Иннокентія въ Иркутскѣ.— Рѣчь протоіерея Громова.—Литургія въ Вознесенской обители.—Отъѣздъ.

21 апрѣля. 17 числа, въ день рожденія возлюбленнаго Государя Александра Николаевича, литургію и молебенъ совершали въ каѳедральномъ соборѣ всѣ три іерарха: митрополитъ Московскій, архіепископъ Иркутскій и епископъ Камчатскій.

Это было послѣднее служеніе высокопреосвященнаго Иннокентія въ Иркутскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Съ ними раздѣляли безсмертную трапезу архимандриты: настоятель Вознесенскаго монастыря Мартиніанъ [1]), начальникъ Иркутской миссіи—Епифаній и инспекторъ семинаріи—Іаковъ. Протоіереи: каѳедральный Прокопій Громовъ [2]), Гавріилъ Веніаминовъ (сынъ митрополита); священники: Чирцевъ, К. Сотниковъ, Пѣтуховъ, Иннокентій Пономаревскій; діаконы: Ф. Поповъ, Мих. Громовъ, Ант. Маловъ. Но, за четыре дня до отъѣзда въ Москву, совершалась се-

[1]) Впослѣдствіи архіеписк. Таврическій († въ 1897 г.).

[2]) Сидѣвшій на одной скамьѣ въ Иркутской семинаріи съ преосвященнымъ Иннокентіемъ. (См. 1866 г. 20 іюля пр.). Отецъ М. Иннокентія былъ бѣдный пономарь Авгинской Ильинской церкви.

мейная служба владыки: преосвященный митрополитъ ѣздилъ въ Ангинское селеніе помолиться на могилѣ *отца*. 15 апрѣля совершилъ литургію и панихиду въ кладбищенской Іерусалимской церкви по похороненнымъ тамъ его матери, женѣ и дѣтямъ. Старецъ горько плакалъ, прощаясь съ родными могилами...

Послѣ торжественнаго, прощальнаго служенія протоіерей Громовъ произнесъ ему слѣдующее:

„Высокопреосвященнѣйшій владыко! Когда была твоя первая молитва въ этомъ соборномъ храмѣ, въ которомъ совершилъ теперь послѣднее служеніе?

„Когда дитятею вступилъ въ среду питомцевъ семинаріи?

„Сегодня помолился ты въ послѣдній разъ подъ сводами святилища, хранящаго слѣдъ стопъ прославленнаго Первосвятителя Иннокентія, которому соименень ты.—Храмъ не измѣнился; но какъ десницею Всевышняго измѣненъ ты, Богоизбранный! Когда, слишкомъ за шестьдесятъ лѣтъ, въ кругу сверстниковъ, духовныхъ питомцевъ, появился привезенный изъ селенія, скудно, по сиротству одѣтый, девятилѣтній отрокъ, — кто бы сказалъ въ то время, что это будущій святитель и даже первосвятитель Московской каѳедры?

„Господь удивилъ непостижимостью судебъ своихъ не столько надъ тобою, сколько надъ отдаленною нашею страною, надъ нашимъ градомъ, закинутымъ въ глубину Сибири, къ которому идутъ теперь слова: И ты, Иркутскъ, еда малъ еси между областями Россіи?—Изъ тебя изшелъ духовный вождь, котораго пасеніе началось надъ племенами, большею частью не сущими отъ двора Христова, и должно окончиться на древнѣйшей пажити православія.

„Благоговѣемъ предъ совершившимся и предъ совершающимся и молимъ Господа, молимъ Заступницу усердную препроводить тебя къ матери градовъ, нетерпѣливо ожидающей твоего пришествія здраво и невредимо, и тамъ хранить тебя мирна и долгоденствующа".

Во время рѣчи каплями слезы лились по лицу старца-апостола.

«За все благодареніе Господу, милующему насъ недостойныхъ».—вотъ былъ смыслъ отвѣта святителя, какъ сообщали.

20 апрѣля, въ субботу, его высокопреосвященство совершилъ литургію въ Вознесенской обители и, послѣ трапезы у настоятеля, въ послѣдній разъ (по разсчетамъ чело-

первый русскій епископъ въ Америкѣ

ІННОКЕНТІЙ

(съ 1868 г. Митроп. Московскій).

вѣческимъ), поклонился во святыхъ почивающему святителю Божію Иннокентію [3]); послѣдній разъ посмотрѣлъ на городъ, въ которомъ получилъ благодатно-плодотворное воспитаніе и изъ котораго предначалъ свое авраамовское странствіе [4]); въ послѣдняя благословилъ Иркутскъ, бывшій въ виду, и, конечно, мысленно благословилъ Благовѣщенскъ, весь Амуръ, весь Востокъ Сибири и Аляску, составлявшія его паству, и скрылся отъ насъ навсегда.

Прости и молись, святитель, за насъ... Встрѣчай и береги чуднаго пастыря, златоглавая, бѣлокаменная!

Кто бы могъ истолковать Бетховена творческіе порывы.—Книга Ленца о Бетховенѣ.

29 мая. Вчера почта привезла мнѣ давно жданныя книги: «Beethoven et ses trois styles».

Кончивъ уроки, я сѣла къ письменному столу, разложила предъ собою Бетховена [1]) сонаты, тріо, симфоніи и, какъ голодный человѣкъ, набросилась на книгу, не имѣя терпѣнія читать послѣдовательно, а выбирая отрывки, чтобы утолить первую жажду, и не зная, на чемъ остановиться: хочется и того, и другого, и всего. Послѣ я примусь за дѣло съ большей послѣдовательностью; но на первый разъ, я страхъ какъ обрадовалась разъясненію мыслей великаго музыкальнаго творца. Краткій, бѣглый обзоръ очерка не удовлетворилъ меня;—правда, лучше сумерки, чѣмъ непроглядная темная ночь; спасибо Ленцу, что онъ хоть иное разъяснилъ, какъ могъ, но мнѣ этого слишкомъ мало. Если

[3]) Въ 5-ти верстахъ отъ Иркутска. (См. 1858 г. 25 окт., пр. 4).

[4]) См. біографію М. Иннокентія, И. П. Барсукова. Портретъ снятъ съ рѣдкой американской гравюры 40-хъ годовъ, любезно предоставленной внукомъ владыки свящ. о. Іоанномъ Веніаминовымъ.

[1]) Бетховенъ—величайшій композиторъ XIX стол. Род. 1770 г. въ Боннѣ и † 1827 г. въ Вѣнѣ.

бы о Бетховенѣ писало близкое, любящее его существо, слѣдившее за всею внутреннею его жизнію, за проявленіями его творческаго духа,—существо, понимавшее не только грамматически, но мыслію и сердцемъ міръ звуковъ,—тогда можно было бы вѣрнѣе истолковать творческіе порывы Бетховена; тогда можно было бы разсказать повѣсть всѣхъ сонатъ и симфоній со всѣми душевными ощущеніями, изъ которыхъ вылились эти чудныя *творенія*. Раздѣливъ на группы всѣ творенія Бетховена, можно было бы охарактеризовать ихъ въ короткихъ словахъ. Сильно страдая временами, Бетховенъ всѣ накипѣвшія слезы выплакалъ въ заунывныхъ звукахъ, въ надрывающихъ душу аккордахъ, вызывающихъ то же настроеніе въ исполнителяхъ и слушателяхъ; это первый отдѣлъ. Второй — чистая, стройная мелодія, носящая отпечатокъ яснаго, спокойнаго состоянія духа поэта. Третій—носитъ характеръ восторженности подъ вліяніемъ взаимной любви; то — торжествующая пѣснь счастія, страсти, упоенія и вѣры въ безконечность чувства любви. Есть еще одно твореніе его, но оно стоитъ особнякомъ, рѣзко выдѣляясь между прочими музыкальными произведеніями; оно все проникнуто духомъ безсмертія, возвышается надъ землею и уноситъ слушателя въ вѣчный, безпредѣльный, таинственный міръ. Бетховенъ, работая, запирался на цѣлые мѣсяцы, и одинъ Господь знаетъ, что думалъ, что чувствовалъ онъ въ тѣ дни поста и уединенія. Никто не передаетъ его вдохновеній, никто не разгадаетъ думъ его тайныхъ.

Отчего не передать бы—любящей сестрѣ, гордившейся геніальнымъ братомъ? Сколько могла бы она разсказать о жизни брата! Сколько напечатать писемъ!

У Ленца [2]) описаніе трехъ стилей представляетъ собой только остовъ, кой-гдѣ облеченный плотью. Вчера я цѣлый

---

[2]) Ленцъ (Вильгельмъ), уроженецъ г. Риги (1809—83). Музыкальный критикъ. Капитальное его произведеніе „Бетховенъ и его три стиля".

Его Императорское Величество
Государь Императоръ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ,
въ бытность Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

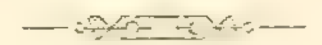
Ея Императорское Величество
Государыня Императрица
МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА,
въ бытность Цесаревною.

день до поздняго вечера не отрывалась отъ книги. Лучшая часть—четыре письма Бетховена, въ одномъ изъ которыхъ—къ нашему князю Голицыну—онъ говоритъ за мѣсяцъ или за два до смерти: «Es scheint mir kaum hatte ich einige Noten geschrieben» *)

Какая геніальная скромность!

Впрочемъ, я говорю только подъ первымъ впечатлѣніемъ; прочла еще очень мало, такъ какъ больше слѣжу по музыкальнымъ партиціямъ и повѣряю слова Ленца. Біографическаго очерка его еще не читала; можетъ быть, отнесусь снисходительнѣе къ честному труду, за который весьма благодарна Ленцу. Хоть проблескъ, хоть нѣсколько лучей,—и за то спасибо.

Спѣшу на уроки: ждетъ Вѣра Петровичъ, обѣщающая очень много.

Рожденіе Его И. В. Великаго Князя Николая Александровича.—Дѣдушка новорожденнаго по воспоминаніямъ моей юности.

9 іюня. У Цесаревича, Наслѣдника престола, родился 6 мая сынъ Великій Князь Николай Александровичъ [1]).

Сегодня въ Иркутскѣ во всѣхъ церквахъ идутъ молебны о новорожденномъ; у насъ, въ дѣтской церкви, тоже молятся.

Что ждетъ этого царственнаго младенца? Невольно задумаешься надъ его колыбелью, видя, какъ все непрочно, и самые престолы рушатся на Западѣ...

— Господи, сохрани и просвѣти эту младую душу Твоимъ Божественнымъ свѣтомъ и согрѣй ее любовью: да будетъ

*) „Кажется мнѣ, что я сегодня написалъ ноты".

[1]) Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай II.

онъ благъ, правосуденъ, и да содѣйствуетъ словомъ и дѣломъ и всею жизнью нравственному улучшенію, слѣдовательно и благополучію народа, надъ которымъ будетъ царствовать.—Вотъ уже и дѣдушка нашъ возлюбленный Александръ Николаевичъ! А у меня въ памяти «дѣдушка» живетъ еще такимъ, какимъ видѣла его тридцать лѣтъ назадъ въ Саратовѣ [2]): стройный, молоденькій; его продолговатое, бѣлое лицо, правильныя черты и чудные голубые глаза, свѣтящіеся ангельскою добротою, его чистый, звучный голосъ, который все бы слушала... Такъ и умру, не видавъ измѣнившагося, постарѣвшаго лица, и не желаю его видѣть... Душа Его осталась все та же.

Образъ же Государя проносится въ жизни моей, какъ чистое, свѣтлое видѣніе; Господь да сохранитъ его!

Вѣра Петровичъ. — Шопенъ. — Южно-русскіе мотивы въ произведеніяхъ Шопена. Воспоминаніе о ранней порѣ дѣтства.

12 іюня. Моя Вѣра [1]) играетъ въ другой комнатѣ извѣстный «valse mélancolique» Шопена [2]); всѣ ноты такъ жалобно поютъ и столько слезъ въ тѣхъ звукахъ, что душа ноетъ... «Pauvre Chopin»! говоритъ Вѣра: «pourquoi la valse est si triste?

Il était donc bien malheureux».
«Oui, il se sentait malheureux».
«Et pourquoi *)»?

[2]) См. зап. ч. 1-я, стр. 103—109. 387—394 и мн. др.

[1]) Вѣра Григор. Петровичъ. См. 1867 г. 17 мая, пр. 4 и 1868 г. 12 іюня.

[2]) Шопенъ, Фридрихъ-Францъ знам. піанистъ-композиторъ. Воспитыв. въ Варшавѣ и † 1849 г.

*) «Отчего такой грустный вальсъ?..» «Онъ былъ, вѣроятно, очень несчастливъ?» «Да. онъ чувствовалъ себя несчастнымъ». «Отчего?»

Прошу отвѣчать пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ, отчего поэтъ былъ несчастливъ. Кто угадаетъ тайны души человѣческой. если она сама ихъ не раскроетъ міру? Страданія видятся и слышатся, но причины ихъ не угадать.

Бѣдный Шопенъ! большая часть его произведеній проникнута грустью и тоской безнадежной; скорбь его изливается въ нѣжныхъ, томительныхъ звукахъ, полныхъ гармоніи; глаза заволакиваются слезами, сердце щемитъ, —а все слушаешь заунывную мелодію. будто знакомую пѣснь о чемъ-то родномъ, далекомъ; о какомъ-то горѣ прошедшемъ, которое вспыхиваетъ зарницей въ воспоминаніяхъ. .

А звуки все льются и льются... Моя Вѣра сама увлекается.

Но какъ много южно-русскихъ напѣвовъ у Шопена; даже въ этомъ вальсѣ звучатъ мнѣ знакомые мотивы. слышанные давнымъ давно подъ южнымъ небомъ. среди кіевскихъ и черниговскихъ полей.

Ничего не осталось во мнѣ изъ того. что существовало въ первые годы дѣтства, проведеннаго среди роскошной. благоухающей природы; но память сохранила все, что видѣли очи и что слышали уши; помню до мельчайшихъ подробностей все слышанное. но никогда. никогда не передамъ;—пусть со мной умрутъ всѣ тѣ воспоминанія...

Да, у Шопена часто слышатся напѣвы русскихъ народныхъ пѣсенъ: вѣрно, онъ много зналъ ихъ и запечатлѣлъ въ своей памяти, воспользовавшись ими для своихъ музыкальныхъ произведеній. Одна пѣснь, особенно любимая покойной матерью, которую я сама распѣвала, едва выучившись говорить.—переложена Листомъ, какъ шопеновское произведеніе. Между тѣмъ она прямое достояніе нашей Малороссіи и начинается словами: «Вѣютъ вѣтры. вѣютъ буйные» и пр. Помню, какъ, бывало, гуляя въ кіевскомъ саду, заливалась я, выводя дѣтскимъ голоскомъ заунывный напѣвъ, не понимая смысла словъ пѣсни...

— Странно, дико подумать, что было время, когда я была кудрявымъ, рѣзвымъ ребенкомъ, баловнемъ матери и маленькимъ «бѣсенкомъ» въ домѣ. Что осталось отъ того розоваго дитяти?..

Страшно!..

Но благо Провидѣніе, Его законы неизмѣнны для всѣхъ живущихъ на землѣ...

Благослови, душе моя, Господа и не забывай благодѣяній Его!

Восторгъ отъ игры Вѣры и мысль объ ея артистической будущности.

27 іюня. Вотъ цѣлый часъ Вѣра играетъ попеременно мои два любимые ноктюрна Шопена; кажется, она не можетъ вдоволь наслушаться этихъ выстраданныхъ звуковъ, въ которыхъ композиторъ излилъ всю скорбь своей страждущей поэтической души. Между тѣмъ нѣтъ духу сказать: «полно, Вѣра; замолкни, душа моя»...

— Но, какъ играетъ Вѣра! Какое пониманіе смысла музыки...

Господи, благослови эту юную артистку въ будущемъ.

Лермонтовъ.

14 сентября. На дняхъ попался мнѣ Лермонтовъ [1]). Какъ за стараго, любимаго друга, берусь за него.

Сколько мыслей мелькало въ умѣ мальчика, и какъ рано сталъ онъ жить. Въ 20-мъ году ему было только 15 лѣтъ.

[1]) Лермонтовъ, Мих. Юрьевичъ (1814—1841 г.).

Между тѣмъ какія тяжелыя думы свинцомъ ложились на юное сердце...

Да, онъ рано началъ скорбѣть и быстро угасъ. А сколько свѣта могъ онъ внести въ нашъ мрачный и безсердечный міръ...

«Грядущее тревожитъ ґрудь мою:
Какъ жизнь я кончу, гдѣ душа моя
Блуждать осуждена; въ какомъ краю
Любезные предметы встрѣчу я?»...

Тѣ же завѣтные вопросы тревожили и мою юность. Загробная жизнь занимаетъ меня съ самыхъ отроческихъ лѣтъ [2]).

«Мнѣ жизнь все какъ-то коротка,
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего то»,—говорилъ Лермонтовъ 15-ти лѣтъ.

* * *

«Я предузналъ свой жребій, свой конецъ.
И грусти ранняя на мнѣ печать;
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ;
Но равнодушный міръ не долженъ знать.
И не забыть—умру я. Смерть моя
Ужасна будетъ; чуждые края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ.
Кровавая меня могила ждетъ,
Могила безъ молитвъ и безъ креста»...

Какое странное предчувствіе ранней насильственной смерти, и даже *могилы безъ креста*, и даже укора, преступнаго въ родномъ краю!

Помню, какъ равнодушно встрѣтили въ Петербургѣ роко-

[2]) См. записки смол. ч. 1-я стр. 5. 16. 371. 126, 142 и др.

роковую вѣсть о смерти поэта, и помню слова умнаго и даже добраго человѣка: «злой злѣ и погибе». Но не думайте, что это сказало какое-нибудь духовное или вѣрующее лицо. Напротивъ, приговоръ строгій выраженъ послѣдователемъ Вольтера и французскихъ философовъ XVIII-го столѣтія, человѣкомъ, которому не чужда была и поэзія... Больно слышать такой приговоръ, но въ обществѣ о поэтѣ ходили дурные слухи, и никто не жалѣлъ *погибшаго*, который уже въ началѣ жизни могъ сказать столь многое... Даже здѣсь, въ Иркутскѣ, двое служившихъ съ Лермонтовымъ на Кавказѣ и присутствовавшихъ при его ссорѣ съ Мартыновымъ наканунѣ поединка, встрѣтившись со мною, говорили съ ожесточеніемъ о Лермонтовѣ и оправдывали Мартынова. Только нашъ добрый Бенедиктовъ [4]) отзывался о немъ съ большой похвалою.

Бѣдный поэтъ! Мои оба любимца погибли одинаково

[4]) Не одна Варвара Петровна такъ сердечно вспоминаетъ В. Г. Бенедиктова. Въ Имп. восп. об. бл. дѣвицъ въ 50-хъ гг. его, если не ошибаемся, обожали. Одна, напр., воспитанница дортуара Варвары Петровны, вып. 1854 г., до сихъ поръ здравствующая — Ел. К. Кл—ко не согласилась учителю рус. словесности Лучицкому повторить о недостаткахъ поэзіи Бенедиктова ни на послѣднемъ урокѣ, ни на экзаменѣ. За это ей, весьма успѣшной въ наукахъ, было сбавлено нѣсколько балловъ. Узнавши объ этомъ, Вл. Гр. прислалъ ей слѣдующее:

„ПОСЛАНІЕ“

Я, васъ окинувъ первымъ взглядомъ,
Проникъ—парнасскій инвалидъ,
Что рьянымъ огненнымъ каскадомъ
Въ васъ ключъ поэзіи кипитъ.
Взглянулъ я вѣрными глазами;
Потомъ вы мнѣ сказали сами,
Открывъ частицу тайнъ своихъ,
Что въ сердце вамъ, то искры сыплетъ,
То это-жъ сердце рветъ и щиплетъ
Волшебный Лермонтова стихъ;
Что и на классной вы скамейкѣ
Соученицъ въ семьѣ большой
Поэта музѣ-чародѣйкѣ

отъ вражьей руки! Вдохновенный Пушкинъ убитъ также безвременно и напрасно!

Михаилъ Фарадей по статьѣ „Русскаго Вѣстника“.

3 ноября. Благодѣтельно подѣйствовала на меня статья «Русскаго Вѣстника»: «Михаилъ Фарадей» [1]). Слеза умиленія и радости заблестѣла на глазахъ, когда прочла я люби-

---

Ввѣрялись бойкою душой?
Къ тому-жъ, еще одной догадкой
Я увлекаюсь: вѣрно вы,
Ловя созвучія украдкой,
Хоть для себя,—не для молвы,
Мечтой налётною согрѣты,
Хоть въ шутку, пробуя перо,
Слагали въ мѣрные куплеты
Словъ задушевныхъ серебро?
Я,—мнится, вижу: думы тучка
Къ вамъ на чело бѣжитъ, бѣжитъ...
И ваша трепетная ручка
Надъ робкой риѳмою дрожитъ.
Бывало-ль такъ? Признайтесь въ этомъ!
И я безмѣрно буду радъ,
По-братски, васъ назвать поэтомъ,
И вы мнѣ скажете: „собратъ“!
Мой стихъ—старинный мой мучитель,
Увы!—и вамъ онъ повредилъ.
Monsieur Лучицкій,—вашъ учитель,
Меня предъ вами осудилъ.
И—дѣльно: я не подходилъ
Подъ сводъ его учебныхъ правилъ,
Дитя небеснаго огня,
— Вы заступились за меня!
За это онъ вамъ балловъ сбавилъ
И пострадали вы потомъ.
Но за невинное страданье

[1]) Царь современной физики, въ частности электро-техники. Расцвѣтъ его дѣятельности падаетъ на сороковые годы настоящаго столѣтія.

мый текстъ проповѣдей величайшаго изъ современныхъ физиковъ: *«слово Божіе да будетъ, какъ молотъ, разбивающій скалу, и да покоритъ оно Господу всякую мысль, гордую и суетную»*.

Стало быть, высшее знаніе таинствъ природы не только не мѣшаетъ быть христіаниномъ, но, напротивъ, только вѣрующій можетъ расширить предѣлы своего умственнаго кругозора.

Ньютонъ, Кеплеръ, Коперникъ, Фарадей—все это глубоко-вѣрующія личности, стоящія высоко надъ уровнемъ общества. Просвѣтленные Божественнымъ словомъ, они, кажется, съ благоговѣніемъ изучаютъ творенія Господа и, познавая вѣчную премудрость Его въ тѣхъ твореніяхъ, сами какъ будто ищутъ приблизиться къ образу Божію чистотою и смиреніемъ въ своей жизни.

«Фарадей», какъ говорится въ статьѣ, былъ отъ природы раздражителенъ и гордъ, но благодаря разумному воспитанію и высокому образованію, онъ обратилъ сжигавшій его огонь во внутренній жаръ и движущую силу жизни вмѣсто

Судьба—о, я увѣренъ въ томъ,—
Стократъ пошлетъ вамъ воздаянье:
И не одинъ блестящій балъ
Нашъ бальный свѣтъ для васъ прибавитъ
И васъ забыть того заставитъ,
Кто баллы въ классъ вамъ сбавлялъ!
Изъ вашей памяти изгнанью
Онъ подвергался-бъ навсегда!..
Но,—если этому посланью
Не недоступна череда
Порой бывать предметомъ чтенья.
Лучицкій, въ случаѣ такомъ,
Спасенъ отъ вашего забвенья
Моимъ услужливымъ стихомъ,
И мнѣ быть долженъ благодаренъ
За то, что будетъ лучезаренъ
Онъ вашей памятью о немъ.

В. Бенедиктовъ.

1852 г.

внутренняго опустошенія въ безплодныхъ страстяхъ. Для достиженія нравственнаго совершенства, которымъ отличалась вся жизнь великаго труженика, было необходимо сознаніе безсмертія души, находящейся всегда въ присутствіи Божіемъ. И работалъ онъ надъ переломомъ своей гордой воли и гнѣвливыхъ порывовъ, молился онъ, призывая на помощь Всевышняго; и слово Божіе, какъ огонь, пожгло всѣ тернія и возрастило чистое зерно въ душѣ его: кротость сіяла въ глазахъ его, и привѣтливое слово звучало въ устахъ Фарадея. Чрезъ 27 лѣтъ послѣ женитьбы писалъ онъ: «между всѣми воспоминаніями и событіями отмѣчаю время одного, которое, *какъ источникъ чести и счастья*, превосходитъ всѣ прочія: я женился 12 іюня 1821 г.» Каковъ долженъ быть человѣкъ, который по прошествіи 30 лѣтъ такъ высоко цѣнитъ свое семейное счастіе!..

Тронуло меня также его благородное воспоминаніе о г-жѣ Марсе, которую онъ называлъ своею первою учительницей, потому что первыя свѣдѣнія о химіи и электричествѣ онъ заимствовалъ изъ ея «разговоровъ о химіи». «Вы легко вообразите радость, которую испыталъ я впослѣдствіи, лично познакомившись съ г-жею Марсе. Какъ часто мысль моя переносилась въ прошлое, соединяя прошедшее и настоящее; какъ часто, посылая ей какое-нибудь сочиненіе, какъ даръ благодарности, думалъ я о первой моей учительницѣ».

Сохранить въ себѣ столько признательности и благодарности можетъ только высоко-нравственный умъ! Какъ благоговѣю предъ такими личностями!.. Какими свѣтильниками служатъ они во мракѣ окружающей насъ неблагодарной среды!..

Воспоминаніе о смерти отца.

9 декабря. Много лѣтъ тому назадъ, когда еще ярко игралъ румянецъ на молодомъ моемъ лицѣ и кудрями раз-

сыпались густые волосы, горько я плакала въ этотъ день: кончался «родной» и вечеромъ, послѣ христіанскаго напутствія, отошелъ въ вѣчность [1]).

Сегодня цѣлый день неотступно предо мною стоитъ изнеможенный, тоскующій, холодный ликъ его. Уже такъ давно все это совершилось; ужъ сама я состарѣлась, и волосы побѣлѣли; а онъ такъ отчетливо предо мною, какъ въ тотъ роковой вечеръ, и съ тоскою глядитъ на меня.

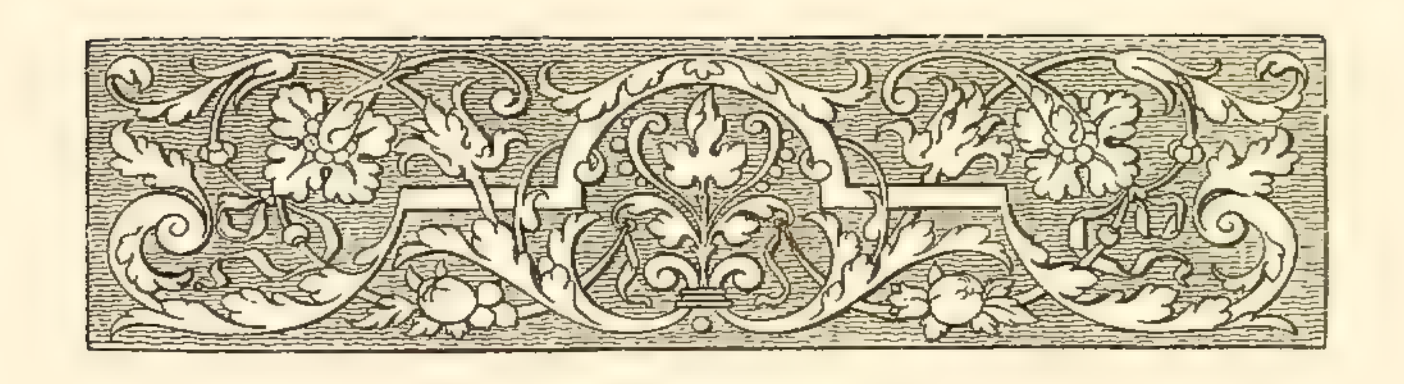
Отецъ милый! То была-ли тоска по жизни, страхъ-ли смерти, или жалость за покидаемыхъ дѣтей, за бѣдную «твою Варю», гордую, впечатлительную и горячую? Если за меня страдалъ ты, родной, то не ошибся: много, много горя пришлось мнѣ выстрадать. Все предо мною рисуется «любимое» лицо съ блестящими глазами, съ смертной блѣдностью.

Покой, Господи, душу его въ царствіи Твоемъ!

Прощай, папа милый, до свиданія! Думаю, что теперь оно уже скоро настанетъ...

[1]) См. зап. ч. 1-я 1839 г. стр. 113—118

1869 г.

Мысли о музыкѣ и о произведеніяхъ Бетховена.

1 марта. Когда я хочу успокоиться, волнуясь всѣмъ, что слышу и читаю въ газетахъ, я запираюсь въ кабинетѣ Анны Петровны, беру хорошую книгу, гдѣ ничто не касается моей Руси возлюбленной, гдѣ ее не оскорбляютъ, не грабятъ, ей не измѣняютъ, не продаютъ иностранцамъ.., малопо-малу увлекаюсь чтеніемъ, забываю настоящее, прошедшее, думы о будущемъ и становлюсь покойнѣе, веселѣе, мягче. Или возьму свою настольную книгу: «les trois styles par Bethhowen par Lenz» [1]), разложу предъ собой сонаты безсмертнаго творца, изучаю, стараясь понять его великія произведенія, и не замѣчаю, какъ летитъ время. Мнѣ тогда такъ становится хорошо, такъ ясенъ смыслъ и назначеніе «искусства для искусства», что непонятны даже споры изъза этого предмета, оглашавшіе печать въ продолженіе десятка лѣтъ.

Искусство (разумѣю музыку инструментальную или вокальную) есть само по себѣ цѣль жизни. Великій композиторъ геніальный Бетховенъ выше Гете, Шиллера и самого Шекспира. Понимающій Бетховена упивается звуками его чудной музыки и становится мягче, добрѣе, возвышеннѣе.— Все то чистые потоки вдохновенной гармоніи, льющіеся въ

[1]) См. 1868 г. 29 мая прим. 2.

душу, гдѣ эти благотворныя струи омываютъ всѣ раны душевныя...

Сегодня суббота масляницы; дала только два урока музыки, сижу одна и читаю Ленца, единственную извѣстную мнѣ книгу, изъ которой могу почерпать нѣкоторыя свѣдѣнія о Бетховенѣ.

Хотѣлось бы мнѣ прочесть письма о немъ извѣстной Беттины [2]); одно время Бетховенъ былъ сильно ею занятъ, по крайней мѣрѣ то видно изъ отрывковъ его писемъ. «Музыка есть предчувствіе небеснаго познанія; чѣмъ болѣе душа питается ею, тѣмъ болѣе, тѣмъ сильнѣе развивается музыкальное пониманіе. Тысячи играютъ на разныхъ инструментахъ, но немногіе понимаютъ смыслъ звуковъ. Въ основѣ музыки лежитъ нравственное чувство».—Такъ говорилъ Бетховенъ о своемъ искусствѣ; такъ передавала Беттина разговоры съ нимъ, изъ которыхъ я взяла это.

Дѣйствительно, немногіе изъ «такъ называемыхъ» музыкантовъ понимаютъ музыку; большинство изъ нихъ, «какъ и писатели», только пробавляются тѣмъ, что въ ходу въ извѣстное время. О любителяхъ и говорить нечего: они хвалятъ то, что «всѣ» хвалятъ и порицаютъ то, что въ данное время «принято порицать», будь то Бетховенъ или нашъ великій Глинка. Помню, какъ двадцать пять лѣтъ назадъ, при появленіи «Руслана», вмѣсто ареста угрожали гвардейскимъ офицерамъ оперой «Русланъ».—Вотъ вамъ и судьи высшаго общества! Не то-ли же было и съ Бетховеномъ?—Что писали о его 3-ей симфоніи? о «Фиделіо»? объ увертюрахъ къ ней?.. Только за четыре года до его смерти вѣнское «общество друзей музыки» утвердило Бетховена своимъ «почетнымъ» членомъ, въ то время, когда таковыхъ было множество и своихъ и чужихъ...

Надобно умереть, чтобы быть оцѣненнымъ по достоин-

---

[2]) Беттина-Арнимъ (Елизавета) —писательница (род. 1785 г.), весьма близкая къ знам. композитору.

ству. Послѣ всего этого стоитъ-ли говорить и сокрушаться о томъ, какъ у насъ въ Иркутскѣ... разбираются въ музыкѣ...

Великій постъ.—Стремленіе къ самосовершенствованію.—Размышленія о старости.—Старики Чурины.

6 марта. Люблю я дни великаго поста.

Въ «чистый» понедѣльникъ, поднимаясь въ нашу институтскую церковь, услышала первыя слова: «*Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ*».

Съ умиленіемъ, съ благоговѣніемъ крестясь, вслушивалась я въ завѣтныя Божественныя слова: «*Блаженни алчущіи правды, яко тіи насытятся; блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ; блаженни плачущіи, яко тіи утѣшатся; блаженни милостивіи, яко тіи помилованы будутъ; блаженни миротворцы, яко тіи сынами Божіими нарекутся; блаженни изгнанные за правду, яко тѣхъ есть царствіе небесное; блаженни, егда осудятъ васъ, изженутъ имени Моего ради*». *Такъ гнали всѣхъ пророковъ прежде васъ.*

Слушаешь, вдумываешься въ смыслъ небесныхъ рѣчей, углубляешься въ себя, видишь такую бездну нестройнаго, противнаго, что голосомъ мытаря повторяешь въ сердечномъ сокрушеніи: «*Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшной!*» И хочется *быть лучше* и сбросить съ души своей все бремя тяжелое, налагаемое постоянными житейскими столкновеніями и собственными своими недостатками: своею гордостью, вспыльчивостью, скоростью и мало-ли чѣмъ другимъ...

Нравственно я та же, что была тридцать лѣтъ назадъ. Тѣло старѣетъ, душа все та же. Хотя бы сколько-нибудь уменьшилась прежняя гордость, живость характера и болѣзненная впечатлительность! Когда эти недостатки замѣчаю за собою въ обществѣ, сдерживаюсь и молчу, но чуть не-

много забудусь, разойдусь такъ, что въ пору молодой дѣвушкѣ: «Une fois le pied dans l'étrier, m'ar rête qui peut» [1]). Стыдно даже... Мнѣ надо говорить теперь степенно, серьезно, прилично своимъ лѣтамъ; а я иногда, когда увлекусь чѣмъ нибудь, такъ и разольюсь неудержимымъ потокомъ,—какъ дѣвченка: ничего не подѣлать съ собой. Замолчу, должно быть, въ могилѣ; тогда ужъ совсѣмъ похолодѣю. Впрочемъ, Вольтеръ въ 84 года писалъ легкія стихотворенія пустенькаго содержанія; Пальмерстонъ [2]) такихъ же лѣтъ управлялъ цѣлымъ свѣтомъ; Buffon [3]) писалъ свои лучшія страницы въ 70 слишкомъ лѣтъ. Стало быть старость не мѣшаетъ живости ума и мысли. А мнѣ еще далеко до «совсѣмъ снѣжныхъ вершинъ»; надѣюсь не дойти до нихъ и, кажется, не желаю. Но, да будетъ воля Божія! Я давно собираюсь уходить, а все живу; стало быть нужна зачѣмъ нибудь.—Воля Божія.

Что же станется съ моимъ тѣломъ въ 80 лѣтъ?—Страшно подумать!.. Въ бытность свою классной дамой въ Смольномъ, я говѣла всегда въ Екатерининской церкви, что при Вдовьемъ домѣ [4]). Съ какимъ-то боязливымъ чувствомъ смотрѣла я на иныхъ дряхлыхъ старушекъ, которыя едва переступали, сморщенныя, сгорбленныя, полуслѣпыя. Глядя на нихъ,—думала: неужели и я доживу до такого полнаго разрушенія тѣла? Неужели заживо буду мертвецомъ на землѣ? Между тѣмъ было время, когда эти бѣдныя, жалкія существа жили полною жизнью дѣтства, юности и молодости. Когда взоръ многихъ изъ нихъ горѣлъ яркимъ пламенемъ любви, радости, «счастья»! Когда многихъ изъ нихъ любили страстно и, какъ дара, ждали ихъ привѣтливой улыбки на розовыхъ губкахъ! И вотъ во что превратилось когда-то

[1]) „Вдѣлъ ногу въ стремя, не оглядывайся назадъ".

[2]) Пальмерстонъ—лордъ. Дипломатъ. англійскій госуд. дѣятель. (См. зап. ч. 1-я стр. 271 пр. 7).

[3]) Бюффонъ (1707—1788 г.). Жоржъ-Луи Леклеръ—знамен. ученый.

[4]) См. зап. ч. 1-я 1854 г. 11 ноябр. (стр. 296—298).

молодое, прекрасное созданіе! Гдѣ слѣды ихъ былой свѣжести и красоты ихъ прежняго обаянія?

Такъ размышляла я, глядя на вдовушекъ, проходившихъ и проводимыхъ мимо меня; инымъ изъ нихъ было лѣтъ по 90.

Правда, попадаются прекрасныя старушки. Въ Иркутскѣ есть славная парочка Чурпныхъ [5]), и мужу и женѣ болѣе чѣмъ по 70 лѣтъ, а бодры и очень напоминаютъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Домикъ у нихъ на берегу Ангары чистенькій, весь въ цвѣтахъ; въ кладовыхъ всевозможныя соленья и маринованья. Александра Ильинишна завѣдуетъ сама всѣмъ хозяйствомъ; комнатка ея рядомъ съ кабинетомъ мужа, который для себя выписываетъ свѣтскіе журналы, а для жены—духовные.

«Вотъ Алексѣй Яковлевичъ непремѣнно мою комнату устроили подлѣ себя, чтобы не бѣгала я», шутитъ старушка.

Это та самая, которую сваталъ нынѣшній Московскій митрополитъ Иннокентій.

«Женишка-то какого просмотрѣла», говорила, смѣясь, Александра Ильинишна въ бытность митрополита, проѣздомъ, въ Иркутскѣ [6]).

Да, стало быть, сохраняется же бодрость старушекъ, которыя не только не въ тягость близкимъ, но и сами другихъ поддерживаютъ. И я такою же хотѣла бы быть. Что за прелесть эта Александра Ильинишна!

«Вотъ никогда и похворать не дадутъ; только слягу въ постель. Алексѣй Яковлевичъ и начнутъ охать и стонать, ну и встану».

«Что съ вами, Алексѣй Яковлевичъ»?

«Да, весь не могу!»

«И забуду, что сама больна, стану ухаживать за ними»...

И тихо, и мирно въ домѣ. Такой старости и я не боюсь.

---

[5]) Изъ Иркутскихъ купцовъ 1-й гильдіи.

[6]) См. 1868 г. 19 и 21 апрѣля.

Они дождались правнуковъ. А и любитъ же старушка вспоминать, какая она была бѣлая, да румяная, да живая, да говорливая. Что же,—глядя на нее, вѣрится, что оно такъ и должно было быть: подъ этими морщинами блистало когда-то полное свѣжести юное личико и въ померкшихъ глазахъ свѣтился когда-то яркій огонекъ рѣзвой, шаловливой молодости...

«Sic transit gloria mundi!» [7]).

Игра Вѣры.—Мое стремленіе въ Петербургъ послушать исполненіе твореній Бетховена.

11 марта, 9 часовъ вечера. Клавиши стонутъ и замираютъ подъ пальцами моей Вѣры: она играетъ извѣстную сонату Бетховена ut min. quasi fantasia, ту поэтическую фантазію, полную безпредѣльной тоски, которую Бетховенъ посвятилъ любимой имъ Джульетѣ, вышедшей потомъ замужъ за графа Галленберга. Говорятъ свѣдущіе люди, что это произведеніе не должно быть въ рукахъ молоденькихъ дѣвицъ: оно имъ не подъ силу; и я того же убѣжденія, а потому въ продолженіе моей десятилѣтней дѣятельности въ качествѣ учительницы музыки, только второй ученицѣ позволяю исполнять это простое, но полное глубокаго чувства

---

[7]) „Такъ проходитъ слава міра".

Страшно трагически кончиласѣ жизнь старушки Чуриной. Похоронивъ любимаго мужа, она грустно доживала свой вѣкъ вмѣстѣ съ незамужней, немощною дочерью. Другая ея дочь, овдовѣвъ, жила съ своей замужней дочерью. Въ апрѣлѣ 1873 года, рано утромъ, все семейство было поражено страшною вѣстью: „Александра Ильинишна и Наталья Алексѣевна убиты!" Зять внучки поскакалъ въ тотъ мирный домъ и нашелъ четыре мертвыхъ тѣла: Александра Ильинишна, дворникъ, кучеръ, кухарка; дочери не нашли; только потерянная туфля указывала путь въ Ангару:—ее утопили. Донесли генералъ-губернатору, подняли на ноги полицію и открыли убійцъ, между которыми главнымъ былъ поваръ.

и смысла adagio. Надѣюсь, Вѣра исполнитъ его прилично; не одному же Листу доступно играть его...

Какъ бы мнѣ хотѣлось побывать въ Петербургѣ только для того, чтобы услышать оркестровое и квартетное исполненіе безсмертныхъ твореній Бетховена! Кажется, мнѣ ничего болѣе не нужно, какъ только изучить душу этого поэта, его мысли, чувства, вылившіяся въ волшебные звуки, слушать ихъ, слушать безконечно и умереть, внимая напѣвамъ, въ которыхъ отразилась вся жизнь геніальнаго человѣка. Какъ бы хорошо было такъ закончить свое существованіе! [1]).

Иркутскій концертъ въ пользу Яницкаго.

24 апрѣля. Вчера, послѣ шести лѣтъ замкнутой жизни, рѣшилась я, наконецъ, отправиться въ концертъ слушать 4-ю симфонію Мендельсона, которую, по увѣренію многихъ, должны были хорошо исполнить. Концертъ давался въ здѣшнемъ театрѣ въ пользу одного изъ сосланныхъ поляковъ, скрипача Яницкаго. Программа концерта составлена хорошо: 1-я часть — увертюра «Волшебная флейта» — Моцарта, — соло на скрипкѣ, — соло на роялѣ, фантазія Листа на септюоръ Лючіи, 4-я симфонія Мендельсона; — 2-я часть — увертюра «Бургграфъ» Добжинскаго, гимнъ Страделла, andante и Rondo изъ концерта Вебера и свадебный маршъ Мендельсона.

[1]) „Напрасно жаждала я ѣхать въ Петербургъ, чтобы слышать симфоническое исполненіе безсмертныхъ твореній Бетховена: одинъ разъ только дано мнѣ было вкусить это блаженство, въ другіе—Бетховена терзали до неузнаваемости. Въ Саратовѣ же, какъ и вездѣ, гремятъ всякіе инструменты, но настоящей музыки нѣтъ, да и ея не понимаютъ. Даже русскихъ своихъ пѣсенъ не умѣютъ, какъ слѣдуетъ, передать. А въ церкви что за кощунство!.. И визгъ, и ревъ, и какіе-то обрывки изъ разныхъ оперъ въ видѣ концертовъ: звуки столь фальшивы, что молиться нельзя. Грустно!..“ (Замѣтка автора въ 1880 г. отъ 21 сентября).

Я поѣхала съ удовольствіемъ и даже торопилась, боясь пропустить увертюру. Пріѣхали рано, дожидались четверть часа. и наконецъ зазвучали клавиши рояля и струны трехъ скрипокъ, віолончели и контробаса. Я напрягла все вниманіе, слушала, слушала и ровно ничего не вынесла! — Артисты даже хорошенько не сыгрались, и прекрасная увертюра превратилась въ какое-то безсмысленное «прокатыванье» звуковъ.

Затѣмъ вышелъ на сцену корнетистъ здѣшняго цирка, иностранецъ Маурицъ, и протрубилъ какую-то горную мелодію на серебряномъ cornet à piston, поднесенномъ ему въ даръ собратомъ, «артистомъ-чиновникомъ» при здѣшнемъ генералъ-губернаторѣ [1]). — Прежалкая музыка, годная для цирка и для услажденія слуха звѣрей и его постоянныхъ, усердныхъ посѣтителей...

Вдругъ раздались громкія рукоплесканія: къ роялю подошла молодая полька Мац—чъ, жена одного изъ высланныхъ къ намъ изъ Западнаго края поляковъ-врачей, которые пользуются здѣсь большою славой и обласканы обществомъ,— вслѣдствіе чего и жены этихъ господъ находятъ сильную поддержку. При появленіи въ Иркутскѣ М—чъ, она прямо была произведена въ «иркутскаго Рубинштейна». Даже находились и такіе смѣльчаки, которые извѣстнаго всему міру первокласснаго артиста ставили ниже молоденькой, 18-тилѣтней польки, прибывшей изъ Вильны.

Въ Иркутскѣ можно проводить какую угодно нелѣпость; необходимъ только извѣстный апломбъ (чтобы не сказать по русски грубо), авторитетъ; ничего не понимая въ музыкѣ, всему на слово повѣрятъ.

И такъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ, сѣла за рояль молодая М—чъ. Раздалось pianissimo съ начала до конца «Warum» — Шумана; потомъ руладкой перейдено къ фантазіи Листа на септюоръ Лючіи и, какъ начато, такъ и

[1]) Сибиряки-современники его вспомнятъ.

окончено, безъ всякихъ оттѣнковъ.—Плохо: звуки пропадали, задыхаясь подъ сурдинкой.

Нужна большая, чисто польская отвага, чтобы такъ издѣваться надъ довѣрчивыми слушателями, воображающими видѣть предъ собою всемірную знаменитость, стоящую выше всѣми признанныхъ славныхъ артистовъ! Техника, правда, хороша: пальцы развиты прекрасно, и бѣглость есть, но все это только одна внѣшняя сторона; вѣдь это—гладкій стихъ, выработанный, отчеканенный; вѣдь это только средство, или какъ бы хорошій инструментъ, безъ помощи котораго артистъ не въ состояніи дать понятія о своемъ искусствѣ; это кости, облеченныя въ плоть, но лишенныя *животворящаго духа*. Въ игрѣ М—чъ именно нѣтъ духа жизни. Моя Вѣра—внѣ всякаго сравненія лучше передаетъ мысль композитора; разумѣется, я даю ей по силамъ пьесы; и въ механизмѣ она стоитъ ниже М—чъ, но механизмъ съ лѣтами, съ упражненіемъ развивается и совершенствуется; былъ бы *смыслъ*, чувство, сознаніе красотъ произведенія; остальное пріобрѣсти легко трудомъ.

По окончаніи фантазіи Листа, при громѣ рукоплесканій, ушла полька, и на сценѣ появился уже русскій скрипачъ Редровъ [2]). Ни чья рука не поднялась привѣтствовать своего родного дарованія.

Среди общаго безмолвія, на подмостки вышелъ и поклонился молодой человѣкъ небольшого роста, худой, блѣдный, съ впалыми щеками. Но вотъ смычокъ коснулся струнъ, и полились нѣжные, грустные звуки, полные слезъ, чистые, какъ струи ручья, пробирающагося между густою зеленью, озаряемые мягкимъ свѣтомъ лѣтняго мѣсяца. Бѣдный артистъ, казалось, всю душу свою изливалъ въ тѣхъ тоскующихъ, плачущихъ и стонущихъ задушевныхъ напѣвахъ.

Но почти все общество состояло изъ однихъ поляковъ и

---

[2]) Редровъ—солистъ городского оркестра въ Иркутскѣ. Молодой, даровитый, но болѣзненный (алкоголикъ).

ихъ сторонниковъ, всегда съ презрѣніемъ относившихся къ Редрову, равно какъ и ко всему русскому... Однако же игра артиста была такъ хороша, что вызвала громкія одобренія всѣхъ враждебныхъ ему слушателей...

Приступили къ симфоніи Мендельсона: всѣ на мѣста усѣлись и приготовились слушать;—вдругъ всѣ исчезли изъ партера, нѣсколько человѣкъ прошли на сцену; прошелъ полякъ докторъ Степневскій; въ театрѣ—смятеніе: заговорили—съ кѣмъ-то изъ артистовъ сдѣлалось дурно. По нашей просьбѣ, одинъ изъ молодыхъ людей отправился узнать причину внезапнаго перерыва и принесъ грустное извѣстіе, что у скрипача Р—ва хлынула горломъ кровь, но что онъ самъ снова приметъ участіе въ концертѣ.

Покамѣстъ, вмѣсто симфоніи, принялись за исполненіе знаменитаго гимна «Страделла»—на роялѣ въ 4 руки, скрипкѣ, віолончели и гармоніумѣ. Я многаго ожидала отъ этихъ четырехъ инструментовъ; но и здѣсь оказалось такое же безцеремонное обращеніе съ образцовымъ произведеніемъ: господа артисты не сыгрались, какъ слѣдуетъ, и гимнъ потерялъ свое настоящее, чудное значеніе.

Такъ кончилась первая часть при общемъ «одобреніи»; никто и думать не посмѣлъ критически отнестись къ игрѣ: всѣ остались очень довольны—особенно полькой...

Вторая часть началась увертюрой Добжинскаго къ оперѣ «Бургграфъ». За фортепіано сѣли Л. [3]) и полька, на прочихъ инструментахъ играли все поляки, за исключеніемъ Редрова. Исполняли все знакомое, родное имъ—польское, игранное много разъ и въ разныхъ мѣстахъ. Увертюра шла превосходно, увлекательно. Слышались звуки призывной трубы, и скорый темпъ марша, и напѣвъ мазурки, и снова труба и быстрый, усиленный размѣръ военнаго марша...

Должно быть, играющіе воображали, что подъ звуки этого

[3]) Лаубе, Ив. Ник.—ученикъ Гензельта, начальникъ почтъ въ Восточной Сибири.

марша когда-то шли и неслись наполнявшіе залу театра «повстанцы», неслись бить тѣхъ дурней «москалей», что платятъ деньги за удовольствіе слушать повстанскую музыку.

Нѣкоторые поляки изъ публики кивали головой, били тактъ ногою и тихонько подпѣвали. Значитъ, эти мотивы очень знакомы и дороги сердцу!..

Симфонія и свадебный маршъ Мендельсона шли очень дурно, такъ же какъ и увертюра Моцарта. Но за то Rondo изъ концерта Вебера сыграно великолѣпно. За двумя роялями сидѣли Л... и Я...; затѣмъ квинтетъ изъ трехъ скрипокъ, віолончели и контробаса. Чудная, ясная музыка, полная красокъ и блеска, льющаяся широкой рѣкой и увлекающая всѣхъ шумнымъ потокомъ очаровательныхъ звуковъ. Я страстно люблю Вебера и не могу наслушаться его. Rondo напомнило мнѣ роскошное Allegro изъ его же знаменитой сонаты la maj.

Ольга Вяземская [4]) исполнила увлекательно это Allegro въ концертѣ, дававшемся зимою въ пользу учрежденія у насъ «общества сестеръ милосердія». Какое богатство мыслей, сколько разнообразія въ оттѣнкахъ, сколько свѣта, чувства, радости: какая раздольная, молодая удаль слышится въ плѣнительномъ Allegro, которое, само по себѣ, составляетъ вполнѣ законченное произведеніе. И передала же его мастерски Ольга Вяземская! Сколько изящества, граціи, а мѣстами сколько огня, стремительности, — просто роскошь! Ее и сравнивать нельзя съ М—чъ! Но Ольга—русская, институтка, получившая образованіе подъ нашей крышей, также имѣющая «несчастіе» быть чисто русской душой. Развѣ можетъ иркутское общество оцѣнить такую артистку?—Будь она полька изъ Вильны, Варшавы, Познани, Кракова—было бы другое

[4]) Одна изъ самыхъ даровитыхъ ученицъ Варв. Петр. (см. 1859 г. 7 января пр. 1 и 1860 г. 31 дек.).

дѣло... Редровъ—ученикъ русскаго знаменитаго Свѣчина [5]) и самъ русскій, стало быть, особенно въ Иркутскѣ на успѣхъ разсчитывать нельзя,—не хорошо! Устала...

Largo изъ сонаты Ré majeur Бетховена.—Вѣра Петровичъ.

16 іюля. Вѣра Петровичъ [1]) играетъ въ залѣ. Я, сидя въ кабинетѣ, хотѣла читать, но не могу: Largo изъ сонаты Ré majeur Бетховена приковываетъ все мое вниманіе.

Боже мой! Что это за звуки! Сколько высокой поэзіи въ этихъ дивныхъ музыкальныхъ рѣчахъ?.. Вначалѣ такъ покойно-печально говоритъ поэтъ, какъ можетъ говорить человѣкъ о неизбѣжномъ, ничѣмъ неотвратимомъ горѣ. Тамъ вмѣшивается чей-то жалобный женскій голосъ—поэтъ утѣшаетъ, но и сочувствуетъ той жалобѣ,—вмѣстѣ плачутъ и рыдаютъ. О чемъ говоритъ поэтъ? О чемъ плачутъ оба? Гадаешь, гадаешь и все же не узнаешь; слышится только глубокая, неизъяснимая скорбь. Порой стоитъ какъ будто гулъ рыданій уже не тѣхъ двухъ голосовъ, которые являлись вначалѣ, но сдается, что это стоны многихъ людей, собравшихся вмѣстѣ. И вдругъ, среди стенаній, возвышается молитвенный гимнъ, какъ будто погребальное пѣніе...

Кого хоронили и что хоронили подъ звуки тѣхъ молитвъ?..

О, Бетховенъ—величайшій геній! Въ Allegro этой сонаты столько блеска, такой широкій, быстрый, стремительный потокъ звуковъ, что дыханіе захватываетъ.

[5]) Свѣчинъ—музыкантъ-композиторъ (скрипка). (См. 1859 г. 7 февр. пр. 4). Весь родъ его до сихъ поръ выдается музыкальными способностями.

[1]) См. 1867 г. 17 мая пр. 4 и 1868 г. 12 іюня.

Вѣра мастерски исполняетъ его: какое разнообразіе, сколько огня и, порою, какая нѣжность звуковъ!..

Вѣра, моя милая,—внимательная и понятливая ученица, Господь да благословитъ тебя!

«Не тамъ, гдѣ вѣчными слезами
Туманится печальный взоръ;
Гдѣ часто вторится устами
Судьбѣ неправедный укоръ;
Гдѣ слышишь жалобные звуки,
Безсилья празднаго плоды;
Не тамъ, не тамъ душевной муки
Найдешь ты тяжкіе слѣды.
Иди туда, гдѣ взоръ безслезный
Исполненъ молчаливыхъ думъ;
Гдѣ гордо власть судьбины грозной
Встрѣчаетъ непреклонный умъ;
Гдѣ по челу, какъ будто сталью,
Заботы врѣзана черта,
Но надъ смертельною печалью
Хохочутъ дерзкія уста.
Тутъ вѣчно горе, тутъ глубоко
Страданье въ сердце залегло,
И подъ десницей тяжкой рока
Все сердце кровью истекло» [2]).

---

[2]) „Горе"—Хомякова, Алексѣя Степановича, извѣстнаго славянофила-мыслителя († 1861 г.) и свѣтскаго богослова.

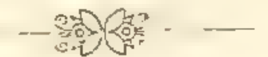
Fragment d'une lettre, qui n'a pas été envoyée à la poste.

Le 20 Août. Nos vacances sont finies et la rentrée des classes a eu lieu ces jour-ci, mais, hélas, les enfants n'ont guère profité de la belle saison. Nous avons eu un été froid, pluvieux, désagréable; bien peu de beaux jours. De gros nuages gris embrassaient tout le ciel jusqu'a l'horizon, sans laisser percer un rayon de soleil. C'est en vain qu'on cherchait à apercevoir, le plus petit lambeau de ciel bleu; une masse compacte, incolore, s'étendant d'un bout de l'horizon à l'autre, laissait tomber sur le sol désolé une pluie fine et serrée qui, à mois d', produis ait une impression pénible, décourageante, désespérante. Ces pluies constantes qui ont duré depuis le mois de Juin jusqu'en Août ont fortement gonflé tous les fleuves de la Sibérie orientale. Partout on n'entend que parler des désastres causés par les inondations; les chemins sont détériorés par le débordement des eaux qui couvrent toutes les parties basses. Notre Angarà et ses tributaires l'Irkoute et l'Ouchakovka font beaucoup de dégâts; leur flots rapides emportent tout ce qu'ils rencontrent sur leur passage: le bois de chauffage comme le bois de construction; des animaux, des maisons entières sont charriées par leurs vagues écumantes; les eaux débordées se sont répandues à six verstes de leur lit et c'est en bateau seulement qu'on peut se rendre au couvent de Saint-Innocent. Les plus anciens habitants d'Irkoutsk ne se rappellent rien de comparable à l'état actuel de l'atmosphère et à ce débordement général des fleuves. Entre Селенгинскъ et Посольскъ, ville située sur les bords du Baïkal, il n'y a plus de communication: quelques audacieux se hasardent à faire, à leurs risques et périls, la traversée en bateau, mais les gens prudents, les timides, les peureux n'osent point affronter ces dangers imminents; aussi y a-t-il quelques élèves, qui ne sont pas encore rentrées aprés les vacances, passées au Transbaïkal.

Выдержка изъ непосланнаго письма.

[Переводъ]. Каникулы наши окончились. Уроки начались на дняхъ, но дѣти не пользовались лѣтомъ. Оно было холодное, дождливое и непріятное, хорошихъ дней было мало: черныя тучи заволакивали небо со всѣхъ сторонъ, не пропуская лучей солнца. Тщетно старались мы увидѣть клочекъ голубого неба: густыя, безформенныя облака покрывали горизонтъ и опускались мелкимъ частымъ дождемъ, который произво-

дилъ удручающее впечатлѣніе. Отъ постоянныхъ дождей, продолжающихся съ іюня до августа, рѣки восточной Сибири вздулись и отовсюду только и слышно объ ужасахъ, производимыхъ наводненіями: дороги испорчены разлитіемъ рѣкъ. Наша Ангара и ея притоки—Иркутъ и Ушаковка причиняютъ много опустошеній: ихъ быстрыя волны уносятъ все, что попадается на ихъ пути: дрова, строевой лѣсъ, животныхъ; цѣлыя постройки уносятся ихъ пѣнящимися волнами. Вода разлилась на протяженіи шести верстъ, такъ что только на лодкѣ можно добраться до монастыря св. Иннокентія. Старожилы Иркутска не запомнятъ подобныхъ атмосферныхъ явленій и подобнаго повсемѣстнаго наводненія. Между Селенгинскомъ и Посольскомъ (городомъ, расположеннымъ на берегу Байкала) нѣтъ больше сообщенія: лишь смѣльчаки рискуютъ совершить эту переправу въ лодкѣ, осторожные же и боязливые не дерзаютъ идти на вѣрную опасность, — вотъ почему нѣкоторыя ученицы не возвратились съ каникулъ изъ-за Забайкалья.

Институтки-подвижницы: мать Θеофанія и казначея м. Варсонофія. —Святогорецъ Серафимъ и его письма.—Балъ у генералъ-губернатора и Маша Подгорбунская.

5 ноября. На дняхъ, кончивъ въ 6 часовъ вечера свои занятія, я взяла для отдыха первую попавшуюся мнѣ книгу; то было житіе матери Θеофаніи [1]), первой основательницы С.-Петербургской Воскресенской обители. Эту книгу прислала намъ игуменья здѣшняго монастыря [2]), — добрая, истинная монахиня, мать Сусанна.

Взяла я книгу чуть-чуть не съ предубѣжденіемъ, стала читать и зачиталась до полуночи простымъ разсказомъ о двухъ женщинахъ, начавшихъ жизнь среди роскоши и всѣхъ упоеній свѣта; начавшихъ жизнь красотою среди блеска и шумныхъ удовольствій, но кончившихъ глубоковѣрующими, святыми старицами, въ грубой монашеской рясѣ, въ постоян-

---

[1]) Въ мірѣ Готовцевой, Екатерин. институтки вып. 1805 г., родной тетки начальницы Имп. в. об. б. дѣв. М. Пав. Леонтьевой (см. зап. ч. 1-я стр. 112). Урожден. Александра Сергѣев. Щулепникова, м. Θеофанія была свѣтлая и высоконравственная личность, которой много обязанъ СПБургскій Воскресенскій женск. монастырь (см. его истор. и опис. стр. 21-я и книгу „Игуменья Θеофанія Готовцева").

[2]) Иркутскаго Знаменскаго дѣв. монастыря.

ныхъ, неусыпныхъ трудахъ и волненіяхъ по управленію возникавшей обители, которая въ короткій срокъ успѣла придти въ такое благоустроенное состояніе, въ какомъ находится теперь. Истинны святыя слова: *«посѣянное слезами радостями пожнемъ»*.

Въ бытность нашу въ Петербургѣ я видѣла обѣихъ монахинь: мать Ѳеофанію, настоятельницу, и неразлучнаго друга ея въ продолженіе 41 года—мать Варсонофію [3]), казначею Воскресенскаго монастыря. Въ голову не приходило мнѣ, что я вижу предъ собою праведныхъ подвижницъ, которыя въ началѣ жизни, по собственному своему желанію, сопротивляясь волѣ, взглядамъ и убѣжденіямъ близкихъ людей, промѣняли всѣ удобства, все обаяніе такъ называемаго «высшаго свѣта» на скромное уединеніе, подъ началомъ строгой игуменьи, налагавшей тяжелыя послушанія на молодыхъ красавицъ, привыкшихъ къ роскоши и нѣгѣ.

Мать Ѳеофанія 27 лѣтъ провела въ Горицкой обители [4]) и чувствовала себя совершенно счастливой. Почти 60-ти лѣтъ избрана была для устройства женскаго монастыря въ Петербургѣ, и тутъ начались ея треволненія, безсонныя ночи и тяжелые дни. Господь даровалъ ей необыкновенно много силъ, необходимыхъ для исполненія ея многотрудныхъ обязанностей. То была удивительно-дѣятельная женщина, не покидавшая управленія дѣлами почти до послѣдняго дня. Чувствуя приближеніе кончины, она выбрала изъ среды своей духовной паствы двухъ монахинь, которыхъ поселила

[3]) Вос-ца Имп. восп. об. бл. дѣв. вып. 1816—1819 гг. Марія Никитична Крымова (ея мать граф. А. А. Орлова-Чесменская). Подвижница: чернорабочая при постройкѣ монастыря, хлѣбница при квашнѣ, пѣвчая, переписчица, казначея и 42 года келейница м. Ѳеофаніи. (Подробности изъ ея жизни см. въ народномъ разсказѣ *„Дарьюшка, русская странница“*).

[4]) Горицкій-Воскресенскій дѣв. мон. Новгор. епарх., на р. Шекснѣ. Въ немъ два придѣла построены въ 1611 г. иждивеніемъ царицы Марѳы Матѳеевны—V-й супр. Іоанна Васильевича.

въ своихъ кельяхъ и пріучала ихъ къ управленію монастыремъ; одна изъ нихъ теперь игуменья [5]), другая—казначея.

Трогательна въ высшей степени дружба этихъ старицъ, изъ которыхъ одна была воспитана въ монашескомъ духѣ другою.

Генеральша Готовцева, въ постриженіи—мать Ѳеофанія, воспитанница Екатерининскаго института, вступила въ монастырь въ 1818 году, 30-ти лѣтъ; въ 1825 году постриглась М. Н. Крымова, воспитанница Смольнаго, 24-хъ лѣтъ, и отдана была подъ начало ризничей—матери Ѳеофаніи. Родство душъ связало навсегда этихъ избранницъ Божіихъ!—онѣ умерли въ одномъ году, въ промежутокъ трехъ мѣсяцевъ.

Господь исполнилъ молитву Варсонофіи о смерти прежде матери Ѳеофаніи.

Можетъ быть, и моя грѣшная молитва дойдетъ до Господа: и я умру прежде моихъ двухъ ангеловъ—сестеръ, особенно прежде Нуты, моей бѣдной труженицы, борющейся со всѣми здѣшними силами почти безъ всякой поддержки... Послѣ меня она долго будетъ жить; но, избави меня, Господи, видѣть смерть ея!..

Въ описаніи житія двухъ старицъ приводятся письма къ нимъ Святогорца о. Серафима [6]). Думала-ли я, разговаривая и шутя съ покойнымъ о. Серафимомъ, что этотъ монахъ, веселый, живой, съ блестящими черными глазами, могъ бы блаженствовать на Аѳонской горѣ, которую описываетъ самыми яркими красками въ своихъ посланіяхъ къ Ѳеофаніи и Варсонофіи.

— «Я торжествую, я весело пою Богу моему и въ невыразимой признательности, какъ пташка, распѣваю въ моей заоблачной пустынѣ величіе *Царицы Небесной*, поставившей на камени безмолвія пустынна нозѣ мои и вновь

[5]) М. Евстолія (въ мірѣ М. Н. Ерофеева).

[6]) См. зап. смол. ч. 1-я стр. 208, 277 и 278.

давшей мнѣ миръ и радости иноческія.—О, я теперь опять счастливѣйшій изъ земнородныхъ! И, среди торжества моей ликующей души о Господѣ, въ моей заоблачной пустынѣ какъ часто приходитъ мнѣ на память ваше положеніе.—О, много надобно съ вашей стороны и слезъ, сердечныхъ страданій и голгоѳскаго терпѣнія, чтобы былъ проченъ основной камень вашего монастыря» [7]) и пр., и пр.

«Помолимся Богу, скрестивъ молитвенно руки на груди, и, удостоившись напутствія Христовыхъ Тайнъ, мирно вздохнемъ въ послѣдній разъ и на крыльяхъ ангельской славы понесемся въ рай. О, дай-то, Господи! Дай, Царица Небесная! Помолитесь о мнѣ, великія старицы и благословите. Богъ вѣсть, удастся-ли написать къ вамъ еще. Прощайте».

Хворый Святогорецъ, I. Серафимъ.

1853 года, 28 ноября.

Это было послѣднее изъ двѣнадцати писемъ, за 21 день до смерти Святогорца, послѣдовавшей 17 декабря 1853 года.

Господь послалъ ему желанную кончину: онъ простился съ братіею и, напутствованный Святыми Тайнами Христовыми, мирно отошелъ въ вѣчность.

Пошли и намъ, Господи, такую же кончину и чистоту душевную!

— Пишу я о пустынѣ, о смерти, а рядомъ съ институтомъ, только черезъ улицу, домъ генерала-губернатора залитъ огнями, гремитъ музыка, и обширныя залы переполнены народомъ. Тамъ балъ, не знаю только—по какому случаю. Анна Петровна уѣхала со всѣми пепиньерками, которыя очень милы въ своихъ бѣлыхъ воздушныхъ платьицахъ и съ цвѣткомъ или гирляндой въ волосахъ. Все это

[7]) Письмо 1851 г. апрѣля 19. Святая гора Аѳонъ, Козьмодемьянская пустынь.

такъ молодо и свѣжо, — какъ ихъ молоденькія личики... Одной изъ нихъ нѣтъ еще и 16 лѣтъ, — то Маша Подгорбунская [8]), высокая, тоненькая,—очень мила! Тоже моя ученица въ музыкѣ; она хорошо, съ душой, изящно выполняетъ разученныя пьесы!

Уже безъ четверти полночь, а спать не хочется; жду Нуту съ бала; она должна скоро вернуться: уѣхала въ 10 часовъ и хотѣла черезъ часъ быть дома, препоручивъ пепиньерокъ поѣхавшей съ ними классной дамѣ.

Разлитіе р. Ангары.

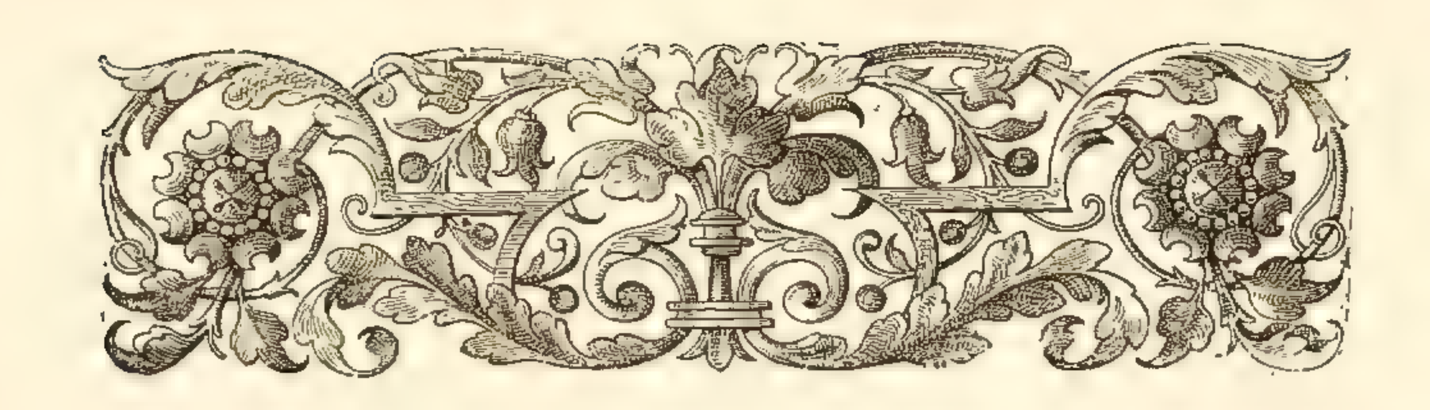
31 Декабря. Еще часъ и конецъ 1869 году.

Благодареніе Господу, что провели его благополучно; да благословитъ Господь и наступающій 1870 годъ.

Ангара, шалунья, разливается, а остановиться не хочетъ; кажется, пора бы: и морозы были сильные, но ее трудно къ рукамъ прибрать,—больно своенравна. Вотъ теперь всѣ береговые жители въ страхѣ: вдругъ разольется и хлынетъ въ дома, какъ то было лѣтъ пять тому назадъ; бѣда бѣдному люду!..

[8]) См. 1862 г. 25 окт. Прекрасныхъ музыкальныхъ способностей. Классная дама въ Иркут. институтѣ и учительница музыки. Музыкальн. образованіе заканчивала въ Москов. консерв. у проф. Дебюка.

1870 г.

Наводненіе въ Иркутскѣ. — О пожарахъ. — Дамскій Иркутскій комитетъ въ пользу раненыхъ. — Зависимость дамскаго комитета и формализмъ мужчинъ.

7 февраля. Недаромъ боялись береговые жители, недаромъ ждали со страхомъ «рѣкостава»[1]). Наводненіе было страшное, незапамятное: вода врывалась снаружи и извнутри и тотчасъ замерзала; почти цѣлый кварталъ залитъ и опустѣлъ. Вода доходила почти до нашего подъѣзда; въ подвалахъ поднялась чуть не на два аршина[2]). На Ангарѣ, передъ церковью Чудотворцевъ, стоятъ ледяныя скалы; можно же судить, какъ бушевала рѣка и какой ужасъ разливала кругомъ. Многіе сильно пострадали...

Сколько горя на свѣтѣ!

Вонъ, Енисейскъ, цѣлый городъ выгорѣлъ; три раза принимался горѣть и все въ бурную погоду—и не существуетъ болѣе: словно врагъ прошелъ или словно здѣсь побоище было.

Теперь только открывается, что поджигали наши вѣчные «друзья-пріятели»; тѣ же, что Петербургъ жгли въ 1862 г., что жгли всю Русь въ 1864 и 65 годахъ. Пожаровъ мало— война, пожалуй, готовится.

---

[1]) Провинціализмъ, обозначающій замерзаніе рѣки или остановку плотнаго льда на ней.

[2]) См. „Епархіальныя Вѣдомости“ № 1, 2 и 3 за 1870 г. (Примѣч. автора).

И когда перестанутъ люди рѣзать другъ друга? Еще куда ни шло, когда стоятъ за край родной; но посылать своихъ за какихъ-нибудь нѣмцевъ или французовъ, напоминающихъ звѣрей... охъ тяжело,—какъ тяжело...

О люди, христіане, гдѣ въ васъ любовь Христа?...

У насъ, въ Иркутскѣ, устроенъ тоже дамскій комитетъ въ пользу раненыхъ, съ полною зависимостью отъ мужского, а потому въ немъ и проку мало: стѣсняютъ всякую самостоятельность... Дѣло благотворенія составляетъ особенное преимущество женщинъ; пускай бы хотя въ это дѣло не мѣшались мужчины съ своимъ мертвящимъ формализмомъ проникающимъ во всѣ отрасли правленія, гдѣ «они» служатъ. Въ прошедшемъ 1869 году выбрали Анну Петровну предсѣдательницей дамскаго комитета. Она, разумѣется, отнеслась къ дѣлу искренно и съ обычнымъ ей усердіемъ; по довѣрію къ Нутѣ, сборы пошли быстро. Она задумала основать общину сестеръ милосердія въ Иркутскѣ съ тѣмъ, чтобы тѣ сестры могли быть полезными въ самомъ городѣ; начала собирать основной капиталъ—и пошло бы хорошо... Но, но... что, впрочемъ, говорить... Лучше промолчимъ. Кончилось тѣмъ, что изъ Петербургскаго центральнаго «мужского» комитета прислано повелѣніе, чтобы всѣ сборы денегъ передать всецѣло мужчинамъ, а изъ тѣхъ, которыя назначаются собственно для общины (основнаго капитала и содержанія), отдать половину.

Вотъ послѣ этого и дѣлайте, какъ знаете, т.-е., пожалуй, учреждайте для вида общину, разгласите объ этомъ въ газетахъ, а если черезъ годъ она прекратитъ свое существованіе,—не ваше дѣло, но на васъ рушится... Анна Петровна, вслѣдствіе такого рѣшенія, сочла лучшимъ сложить съ себя должность предсѣдательницы и въ первомъ засѣданіи дѣйствительно объ этомъ заявила. Но супружество К—выхъ, послѣ долгихъ и многихъ просьбъ и увѣщаній, склонило ее остаться, хотя на время.

Теперь Анна Петровна, съ горемъ пополамъ, продолжаетъ предсѣдательствовать, — но къ чему? Все одна форма, форма и форма... Моя же милая Анна Петровна — вся жизнь и искренность для разумной дѣятельности! [3]).

Пожаръ семинаріи и училища въ Якутскѣ.—Подозрѣнія въ поджигательствѣ чистильщика институтскихъ трубъ.—Пожаръ въ институтѣ. —Находчивый экономъ.—Спасаніе нашего имущества.

23 февраля. Вотъ и еще замѣчательный пожаръ: «Въ Якутскѣ, въ ночь съ 20-го на 21-е января, сгорѣло до тла зданіе духовнаго училища и семинаріи». Пожаръ начался отъ неизвѣстныхъ причинъ въ $10^1/_2$ часовъ вечера и такъ быстро распространился, что все зданіе черезъ четверть часа горѣло, какъ костеръ, поэтому невозможно было спасти горѣвшее или что-нибудь изъ находившагося внутри его; оставалось лишь спасать сосѣднія зданія.

Ужасное несчастіе для семинаріи и для бѣднаго нашего духовенства — зданіе загорѣлось неожиданно, мгновенно.—За четверть часа до пожара инспекторъ семинаріи обошелъ всѣ комнаты зданія, — нигдѣ не было не только дыма, но и запаха гари или дыма. При самомъ началѣ пожара не всѣ воспитанники успѣли выбѣжать въ двери корридора; нѣкоторые спасались черезъ окна, убѣгая, при 40 градусахъ мороза, въ одномъ бѣльѣ въ монастырь, отстоящій въ ста саженяхъ; семь воспитанниковъ ознобились, нѣкоторые обрѣзались стеклами, разбивая окна, чтобы выскочить, но, слава

---

[3]) Дѣйствительно, 29 іюля 1870 г. совершена закладка дома для сестеръ милосердія въ Иркутскѣ на частныя пожертвованія, при этомъ законоучитель Иркутск. института прот. о. А. М. Орловъ произнесъ прекрасное слово (см. „Епарх. Вѣд." за 1870 г.).

Въ 1872 году Анна Петровна получила отъ главнаго управленія Краснаго Креста благодарность за содѣйствіе въ постройкѣ бараковъ.

Богу, не опасно. Только одинъ ученикъ *сгорѣлъ*, не успѣвъ выбѣжать. Сгорѣли четыре библіотеки: семинарская, училищная, ученическая и общая библіотека духовенства; физическій кабинетъ, аптека, семинарскій архивъ и все имущество семинаріи и училища, воспитанниковъ и профессоровъ. Всѣ остались только при томъ, что было надѣто на нихъ...

Вчера все это мы слышали отъ одного молодого человѣка, на дняхъ возвратившагося изъ Якутска и бывшаго свидѣтелемъ внезапнаго пожара, случившагося при тихой погодѣ. Разсуждайте, сколько хотите, по поводу этихъ несчастій и иного объясненія не найдете, кромѣ того, что насъ жгутъ желающія вредить Россіи подпольныя силы. Нигдѣ нѣтъ столько пожаровъ въ такихъ страшныхъ размѣрахъ и ничѣмъ необъяснимыхъ, какъ за послѣднее время въ нашемъ отечествѣ! Давно-ли?—Въ началѣ зимы чуть было не случилось то же самое и у насъ въ институтѣ. Чистили трубы, по здѣшнему обыкновенію, посредствомъ выжиганія. Главный *выжигатель* ходилъ по комнатамъ, въ сопровожденіи эконома. Меня поразило лицо этого человѣка: смуглое, правильное, и какое-то особенное очертаніе и взглядъ черныхъ глазъ, остановившихъ на себѣ мое вниманіе: то было какое то дерзкое, враждебное выраженіе, не ускользнувшее даже отъ моей близорукости и вѣчной разсѣянности. Отозвавъ эконома въ сторону, я спросила его: «Полякъ?» — «Нѣтъ, нѣмецъ», отвѣтилъ полуиспуганно экономъ. Я не повѣрила, разумѣется, но, такъ какъ хозяйка въ институтѣ не я, и вмѣшиваться не въ свое дѣло не слѣдуетъ,—я промолчала, а вскорѣ и позабыла, какъ этотъ случай, такъ и самого выжигателя, будучи отвлечена уроками музыки.

Вечеромъ была всенощная наканунѣ праздника [1]). Дѣтская церковь помѣщалась въ верхнемъ этажѣ. Анна Петровна, по окончаніи службы, спустилась въ свои комнаты;

[1]) 20 ноября, наканунѣ Введенія во храмъ Пресв. Богородицы.

вдругъ входитъ наша горничная въ страшномъ испугѣ и шепчетъ мнѣ: «пожаръ».

«Гдѣ пожаръ?»

«Въ верхнемъ этажѣ горитъ».

Я, разумѣется, въ ту же минуту передала Нутѣ страшную новость. Сестра, набросивъ на плечи тальму, перекрестясь, бросилась наверхъ къ дѣтямъ. Тамъ ужъ весь корридоръ былъ наполненъ такимъ густымъ дымомъ, что въ двухъ шагахъ было ничего не видно. Дѣти, въ испугѣ, плакали. Анна Петровна тотчасъ отправила за пожарной командой и дала знать М. С. Корсакову; дѣтей велѣла свести во второй этажъ, раздать имъ все теплое и приказала имъ ожидать спокойно дальнѣйшихъ распоряженій. Сама же, поднявшись на самый верхъ, приказывала продолжать заливать водою, хотя иные и увѣряли, что огонь потушенъ. Тѣмъ временемъ прибылъ Михаилъ Семеновичъ, а вскорѣ явилась и пожарная команда, которой, къ счастью, не пришлось дѣйствовать, а только осмотрѣть, дѣйствительно-ли все безопасно. Тѣмъ все покончилось. Причина пожара осталась, по обыкновенію, не выясненною...

Какъ же открылся огонь и кто его замѣтилъ? Въ день пожара топили институтскую баню, соединенную съ главнымъ зданіемъ посредствомъ холоднаго корридора. Жена эконома, Александра Клементьевна Софьина [2]), почему-то запоздала туда отправиться и приказала служащей у ней женщинѣ идти впередъ и тамъ обождать ее. То было передъ концомъ всенощной. Женщина, проходя мимо нижняго water closet'а, увидала тамъ огонь и тотчасъ бросилась назадъ въ кухню за водой. Кухарки схватили ведра и побѣжали заливать; дали знать эконому, живущему въ нижнемъ корридорѣ. Тотъ съ гидропультомъ бросился на мѣсто пожара, — стѣна была уже вся въ огнѣ; съ помощью служащихъ, но-

[2]) Супруга Павлина Логгиновича, служившаго въ Иркутскомъ институтѣ съ 1845—1874 г.

сившихъ воду, и мужиковъ, прибѣжавшихъ на крикъ, экономъ потушилъ пожаръ въ самомъ началѣ и хотя спалилъ усы и бороду, но спасъ весь институтъ отъ огня, грозившаго полнымъ истребленіемъ, такъ какъ въ тотъ день была страшная вьюга, и, покажись пламя снаружи,—едва-ли что сохранилось бы даже изъ сосѣднихъ хозяйственныхъ построекъ. Въ день пожара печи не топились, а огонь показался изъ жестяной холодной трубы, устроенной для тяги воздуха. Стѣны Water closet'а засмолены, но не покрыты были известкою, потому что ихъ передѣлывали и давали время просохнуть. Поэтому-то ихъ разомъ охватило пламенемъ, и дымъ быстро поднялся въ верхній этажъ. Бѣдствіе могло бы быть ужасное, не случись эконома дома, да не опоздай жена его въ баню, или, что еще хуже,—вспыхни огонь нѣсколькими часами позже, когда бы всѣ спали?—Но Господь сохранилъ насъ. Страшно произносить положительное обвиненіе въ поджогѣ и причина осталась не выясненною, но я почти убѣждена въ томъ...

Когда Анна Петровна ушла наверхъ, я, оставшись одна, совсѣмъ растерялась въ первую минуту; но потомъ надѣла теплые сапоги, приготовила такіе же Аннѣ Петровнѣ, также шубы, муфты; положила въ карманъ деньги; разостлала чистую простыню, куда сложить образа,—и стала ходить по корридору, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій. И странно, что передъ самой всенощной, услышавъ завыванія бури, я сказала: «*избави, Господи, отъ пожара въ такое время!*» на что Анна Петровна равнодушно замѣтила: «*пожалуйста, не накликай бѣды*». Мы обѣ послѣ вспомнили эти слова, и тутъ же припомнился мнѣ зловѣщій взглядъ *выжигателя* трубъ. Я осталась при томъ убѣжденіи, что онъ былъ полякъ. Теперь говорятъ, что, можетъ быть, я и права, назвавъ его полякомъ.

Такъ-то въ постоянномъ страхѣ живутъ русскіе люди за эти послѣдніе годы у себя на Руси, когда пожары въ такой

модѣ: нѣтъ средствъ уберечься отъ вражескаго поджога...

Но Господь надъ всѣми нами!

Прощеный день масляницы: катанье институтокъ на тройкахъ; вечерня.—Преосвященный Парѳеній.—Мой взглядъ на пастырское служеніе.—Мать Сусанна и ея казначея.

24 февраля. Мнѣ отдыхъ въ первую недѣлю Великаго поста: уроковъ нѣтъ,—отдыхаютъ нервы, и перо просится въ руки. Хочется отмѣтить вкратцѣ о томъ, что читала въ продолженіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ; но прежде опишу прощеный день масляницы.

Въ 12 часовъ утра прощенаго воскресенья нѣсколько троекъ стояло у подъѣзда института въ ожиданіи воспитанницъ, ждавшихъ, въ свою очередь, *«въ величайшемъ нетерпѣніи»* минуты, когда усядутся въ сани.

Вотъ, наконецъ, всѣ размѣстились съ дамами, пепиньерками, съ Анной Петровной во главѣ и понеслись черезъ Ангару по Московской дорогѣ. На возвратномъ пути заѣхали онѣ въ Вознесенскій монастырь приложиться къ мощамъ святителя Иннокентія. Въ три часа всѣ были уже дома.

Въ четыре часа раздался призывный колоколъ во всѣхъ городскихъ церквахъ. Мы съ сестрой поѣхали въ домовую церковь, гдѣ каждый годъ преосвященный Парѳеній, по совершеніи вечерни, кланяется земнымъ поклономъ всѣмъ, стоящимъ въ церкви, испрашивая прощенія въ своихъ согрѣшеніяхъ. На меня благотворно дѣйствуетъ это христіанское смиреніе: всѣ предстоящіе бываютъ растроганные, вѣроятно, какъ мы сами, и становятся тоже на колѣни всѣ разомъ, безъ исключенія, предъ преклоненнымъ долу архипастыремъ, а послѣ этого всѣ идутъ къ нему подъ благословеніе. И совершается въ тѣ великія минуты христіанское примиреніе и чувствуется какое-то единеніе духа пастыря съ паствой, и никогда служители

алтарей Господнихъ не бываютъ на такой высотѣ въ глазахъ міранъ, какъ въ эти минуты [1]). Да, напрасно думаютъ, что пышная обстановка, суета бѣгающихъ взадъ и впередъ по храму низшихъ прислуживающихъ во время архіерейскаго служенія, роскошныя облаченія и тому подобная *тщета* можетъ возвысить духовенство въ глазахъ мірскихъ людей [2]). Ко всѣмъ этимъ блесткамъ глазъ привыкаетъ, и мало кто цѣнитъ. Не того мы требуемъ отъ духовныхъ лицъ [3]). Намъ нужно видѣть истинныхъ служителей Божіихъ, въ смиреніи совершающихъ свой святительскій подвигъ,—и дѣломъ, и словомъ привлекающихъ къ Господу немощныхъ, невѣжественныхъ и падающихъ [4]). Предъ такими служителями Божіими смиряешься духомъ, вглядываешься пристальнѣе въ глубь души своей и стремишься идти по пути, пролагаемому такимъ духовнымъ учителемъ. Между тѣмъ многіе домогаются равняться чинами съ генералами, полковниками и т. д. Мнѣ печально это домогательство: не падаетъ-ли крайне духовенство, становясь въ разрядъ чиновниковъ и кавалеровъ? Но объ этомъ въ другой разъ.

Изъ домовой церкви, по обыкновенію, ѣздимъ въ этотъ

---

[1]) Такъ ли?—Пусть отвѣтитъ себѣ на этотъ вопросъ каждый міранинъ, прочитавшій эти строки, и мы увѣрены, что получатся самые разнообразные и діаметрально противоположные отвѣты. (См. полный чинъ Божеств. литургіи).

[2]) Едва-ли это кто такъ думаетъ, а если думаетъ, то ошибочно. Естественно, для славы Божіей, обставлять все, посвященное Богу, лучшимъ и великолѣпнѣйшимъ. Во внѣшности это и выражется въ золотѣ, серебрѣ и въ возможномъ благолѣпіи,—за соотвѣтствіе же внутренняго отвѣтитъ каждый христіанинъ предъ *Сердцевѣдцемъ*.

[3]) Странный и губительный взглядъ на духовныхъ лицъ (пастырей), къ которымъ предъявляются ихъ пасомыми «требованія», къ прискорбію распространяющійся и въ наши дни. (См. «Миссіонерское обозрѣніе» за 1899 г. февр. и мартъ Стат. свящ. Фуделя).

[4]) И сколько такихъ подвизающихся въ глухихъ весяхъ Россіи... (См. рѣчь К. П. Побѣдоносцева въ Кіевѣ въ 1888 г.).

день въ Знаменскій монастырь [5]) проститься съ игуменьей, матерью Сусанной, которую уважаемъ всею душой. Одно лицо ея, исхудалое, доброе, свѣтящееся кроткой улыбкой, внушаетъ искреннее расположеніе. Мать Сусанна, подобно матери Ѳеофаніи, дружна съ своей казначеей, матерью Анатоліей [6]). Онѣ однихъ почти лѣтъ: матери Сусаннѣ 42 или 43 года, а та немного моложе; обѣ достойныя женщины и преданы всѣмъ существомъ своему, добровольно на себя взятому еще въ молодости, служенію. Обѣ изъ купеческаго званія, стало быть шли въ монастырь не отъ бѣдности. Мать Сусанна и теперь недурна собой, но свѣтъ не имѣлъ для нея ничего привлекательнаго,—она вступила въ монастырь 20 лѣтъ и ни разу не бросила вздоха сожалѣнія по покинутому міру. Тихо проходитъ путь ихъ среди молитвъ и занятій по управленію монастыремъ; съ полнымъ уваженіемъ гляжу я на подобныхъ женщинъ.

Чтеніе „Московскихъ Вѣдомостей". — Борьба Каткова. — Молодежь.—Мое возмущеніе современнымъ положеніемъ дѣлъ.

26 февраля. Читала я, начиная съ «Les grandes dames de Paris» — Арсенія Гуссе и до «méditations religieuses» включительно. Третьяго дня хотѣла читать.., но принесли 22 запоздавшихъ нумера «Московскихъ Вѣдомостей» (съ 1-го января по 27-е). Не переводя духа, прочла передовыя статьи 12-ти нумеровъ и, вслѣдствіе всего прочитаннаго, не могла заснуть до 5 часовъ утра.

[5]) Въ Иркутскѣ же на р. Ангарѣ. Монастырь былъ прекрасно поставленъ, отличался строгостью жизни и помощію нуждающимся.

[6]) Впослѣдствіи игуменьей Знаменскаго монастыря въ Иркутскѣ.

Бѣдный Катковъ! [1]). Какая тяжкая борьба съ глумленіемъ, ложью, клеветою, ненавистью!.. Какую тяжелую, упорную, честную борьбу ведетъ онъ почти одинъ противъ главарей въ печати [2]). Стало быть человѣкъ глубоко проникнутъ своими убѣжденіями, если не измѣняетъ имъ, не смотря на всевозможныя нападки, длящіяся цѣлые семь лѣтъ, т. е. 2,555 дней! — Такого человѣка нельзя не уважать! Только на долго-ли хватитъ его?.. Борьба идетъ ожесточенная: и чужіе, и свои, съ голоса чужихъ, съ яростью накидываются на честнаго русскаго человѣка; нѣмцы и поляки служатъ запѣвалами, а наши изъ силъ лѣзутъ, чтобы не отстать отъ своихъ вожаковъ... Первыхъ двухъ враговъ его понять не трудно: Катковъ зорко блюдетъ выгоды своего отечества, что, разумѣется, не нравится нашимъ сосѣдямъ. Но свои, но братья, но дѣти одной семьи русской, переходящіе во вражескій станъ, — вотъ что тяжело, что гнететъ душу, гонитъ сонъ и наводитъ мучительныя думы...

И все молодежь служитъ жалкимъ орудіемъ коноводовъ, вродѣ Бакунина, Нечаева [3]) и тому подобныхъ личностей. И гибнутъ силы молодыя, столь необходимыя отечеству, на заговоры, на печатанія безчеловѣчныхъ прокламацій, на безцѣльныя сходки, — а дѣло въ сторону! Во имя блага человѣчества готовятъ повтореніе французской рѣзни, хвастаясь далеко оставить за собою Маратовъ, Дантоновъ, Робеспьеровъ и прочихъ—ихъ же имя легіонъ... Что думаютъ разныя дѣятели нашего отечества? Что думаютъ, заставляющіе молчать Аксаковыхъ и Катковыхъ и поддерживающіе «Современникъ», «Дѣло» и т. п. журналы?..

Нѣтъ, нѣтъ, нехорошее творится у насъ..! Грядущія поколѣнія съ стѣсненнымъ сердцемъ будутъ изучать

---

[1]) См. 1866 г. 30 іюня пр. 1.

[2]) „И даже съ „Голосомъ“ во главѣ, въ продолженіе десяти лѣтъ!.. То истинный гражданинъ своего отечества“ (позднѣйшая приписка автора).

[3]) Нечаевъ—см. 1871 г. 11 августа (бунтовщикъ въ 60-хъ годахъ).

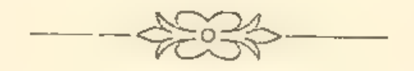
исторію нашего времени... Не чужіе враги расхищаютъ добро русское; время мирное, войны нѣтъ, заняться бы внутренними дѣлами и мало-по-малу разрабатывать неоцѣнимыя нѣдра Русскаго государства. Работы много: земля раскинулась далеко, вездѣ можно найти вѣрный кусокъ хлѣба;—что же мѣшаетъ работать дружно, выгодно для себя и для другихъ?.. Что мѣшаетъ?..

Нѣтъ, лучше пусть другіе отвѣтятъ; пусть говорятъ мужчины: это ихъ дѣло, они *всѣми управляютъ*, на нихъ отвѣтственность лежитъ.—Полно сваливать... Впрочемъ, замолчу лучше: боюсь выговорить слово желчное—такъ много накипѣло на душѣ...

Но мнѣ положительно вредно читать и «Московскія Вѣдомости», и покойный «День», и «Москву», умершую насильственной смертью. Если бы я могла поправить зло, если бы въ моей власти было чѣмъ-нибудь помочь горю,—пожертвовала бы собой и страдала бы, но даромъ, безъ всякой пользы для себя и для другихъ страдать—безумно.

Въ послѣднія восемь лѣтъ я много читала и хорошо изучила родной край и знаю все, что въ немъ теперь дѣлается [1]); зачѣмъ же растравлять свои раны?.. Нѣтъ, лучше «meditations religieuses», лучше письма Святогорца,—яснѣе будетъ на душѣ...

Каткову не сдобровать; вѣроятно, и его заставятъ молчать, какъ предъ 4 апрѣля 1866 г... И въ воздухѣ чувствуется то же направленіе: и нѣмцы, и поляки, и друзья ихъ, только носящіе названіе «русскихъ», не дремлятъ,—готовы дѣлать зло, какъ и въ то время.

[1]) Не слишкомъ-ли увлекается Вар. П.?

Игра воспитанницъ и настроеніе, навѣваемое ихъ игрою.

5 марта. Сію минуту только кончила уроки музыки съ 9 час. утра до 3 час. пополудни; начала съ самой слабой. Лидіей Конд. [1]) изъ маленькаго класса, и покончила Машей Подгорбунской [2]) и Вѣрой [3]). Обѣими очень довольна, особенно Вѣрой. Къ вечеру 8 числа Маша приготовила варіаціи Герца на мотивъ изъ оперы «Іосифъ», «La régata vénitiana» Листа и «Largo appassionato» изъ второй сонаты Бетховена la maj.

* *
*

Ton bras céleste nous attire,
Comme un ami, contre son coeur;
Le monde qui nous voit sourire,
Se dit: D'où lui vient ce bonheur?
Et l'âme se fond en prière
Et s'entretient avec les cieux
Et les larmes de la paupière
Sèchent d'elles-mêmes à nos yeux.

Lamartine [4]).

Parti aussi! que j'aimais au début de ma jeunesse sa douce poésie! Je m'enivrais des sons harmonieux, servant de forme, d'enveloppe à de belles idées, émanées d'une âme enthousiaste et pure! Repos à cette âme, qui a tant souffert dans son exil!

---

[1]) Вос—ца вып. 1875 г.

[2]) Марія Васильев. (см. 1862 г. 25 окт. и 1869 г. 5 нояб.). По резонамъ Варв. Петровны отправилась въ Москву продолжать музыкальное образованіе, впослѣдствіи классная дама въ Иркут. инстит. (съ 1871—1880 и 1883—1891 гг.). Теперь слѣпая—живетъ на пенсіи въ Иркутскѣ.

[3]) Григор. Петровичъ, см. 1867 г. 17 мая пр. 4 и 1869 г. 16 іюля.

[4]) Альфонсъ—французск. поэтъ, историкъ и государств. дѣятель. Его особенно любила В. П., вѣроятно за сантиментально-религіозную мечтательность его поэтическаго таланта, почему ея записки и изобилуютъ массою выписокъ изъ его сочиненій.

De son pieux espoir son front gardait la trace,
Et sur les traits flétris la mort avait empreint sa majesté.
Pauvre poête!.. Et voilà la vie!
Je voudrais vivre après ma mort! *Vous, qui priez, priez pour moi*!

[Переводъ]. Скончался и онъ! Какъ я любила въ моей ранней молодости его усладительную поэзію! Я упивалась гармоничными звуками, въ которые онъ облекалъ свои прекрасныя идеи, выходящія изъ чистой и восторженной души. Покой душѣ, которая столько выстрадала въ своемъ изгнаніи. Его чело сохранило слѣдъ искренней надежды и на его поблекшихъ чертахъ смерть наложила печать величія. Бѣдный поэтъ! Вотъ жизнь!..

Я бы желала жить послѣ моей смерти. Вы, которые молитесь, помолитесь обо мнѣ!..

Мои лучшія ученицы.

25 мая. Груня Рухлова [1], — новый нарождающійся и замѣчательный талантъ; жаль только, что она не обладаетъ терпѣніемъ ни Вѣры ни Маши Подгорбунской. Чего бы мы съ нею не достигли?.. Но не мнѣ, думаю, придется оканчивать ея образованіе: вѣроятно, съ лѣтами, послѣ выпуска, отнесется она серьезнѣе къ своему дарованію. А жаль, очень жаль! Съ какимъ удовольствіемъ помогала бы ея развитію и съ какимъ наслажденіемъ слѣдила бы я за успѣхами этой талантливой дѣвочки? Она легко разучиваетъ и читаетъ ноты; есть вкусъ, пониманіе, бѣглость,—только чистоты недостаетъ; нѣтъ той безупречной, законченной отдѣлки, которую я встрѣчаю въ моихъ ученицахъ, — разумѣется, даровитыхъ. Если бы Грунѣ терпѣнія побольше!.. У нея столько данныхъ для достиженія артистической игры...

Зато развивается Маша Подгорбунская. Она и Вѣра каждый день играютъ по три часа, болѣе—некогда: есть другія

[1] Агриппина Михайловна (по мужу Зимина).

занятія. Вѣра исполняетъ восхитительно сонату Apassionato. Широкимъ, неудержимымъ потокомъ разливаются звуки; положительно не могу равнодушно слышать ее: у меня дѣлается лихорадочная дрожь; даже совѣстно. что до сихъ поръ можетъ имѣть на меня такое вліяніе музыка...

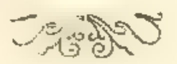
Что играетъ Вѣра Петровичъ.

18 іюня. Вѣра [1]) кончила другую сонату ré maj.. извѣстную подъ именемъ: «Sonate pastorale».

Не знаю, за что ее называли «pastorale», развѣ за Rondo, въ которомъ дѣйствительно слышится и видится сельская жизнь: переливы гудка вдали и вблизи, пѣсенка несется простая, веселая, беззаботная; живется хорошо, подъ звуки этого rondo... Но Andante, andante производитъ томительное впечатлѣніе,—то поетъ не одинъ человѣкъ, а цѣлый хоръ какъ будто исполняетъ гимнъ церковный. Звуки полные, глубокіе. страстные, увлекательные охватываютъ неотразимо душу силой глубокой скорби... Очень тяжело...

Для отдыха теперь Вѣра разучиваетъ 2-й концертъ Вебера,—ясная, блестящая музыка; игрива, весела, изящна.

Люблю я тоже Вебера. Это rondo то самое, что играли въ прошедшемъ году въ концертѣ на двухъ рояляхъ, трехъ скрипкахъ, віолончели и контробасѣ и которымъ я такъ увлекалась [2]).

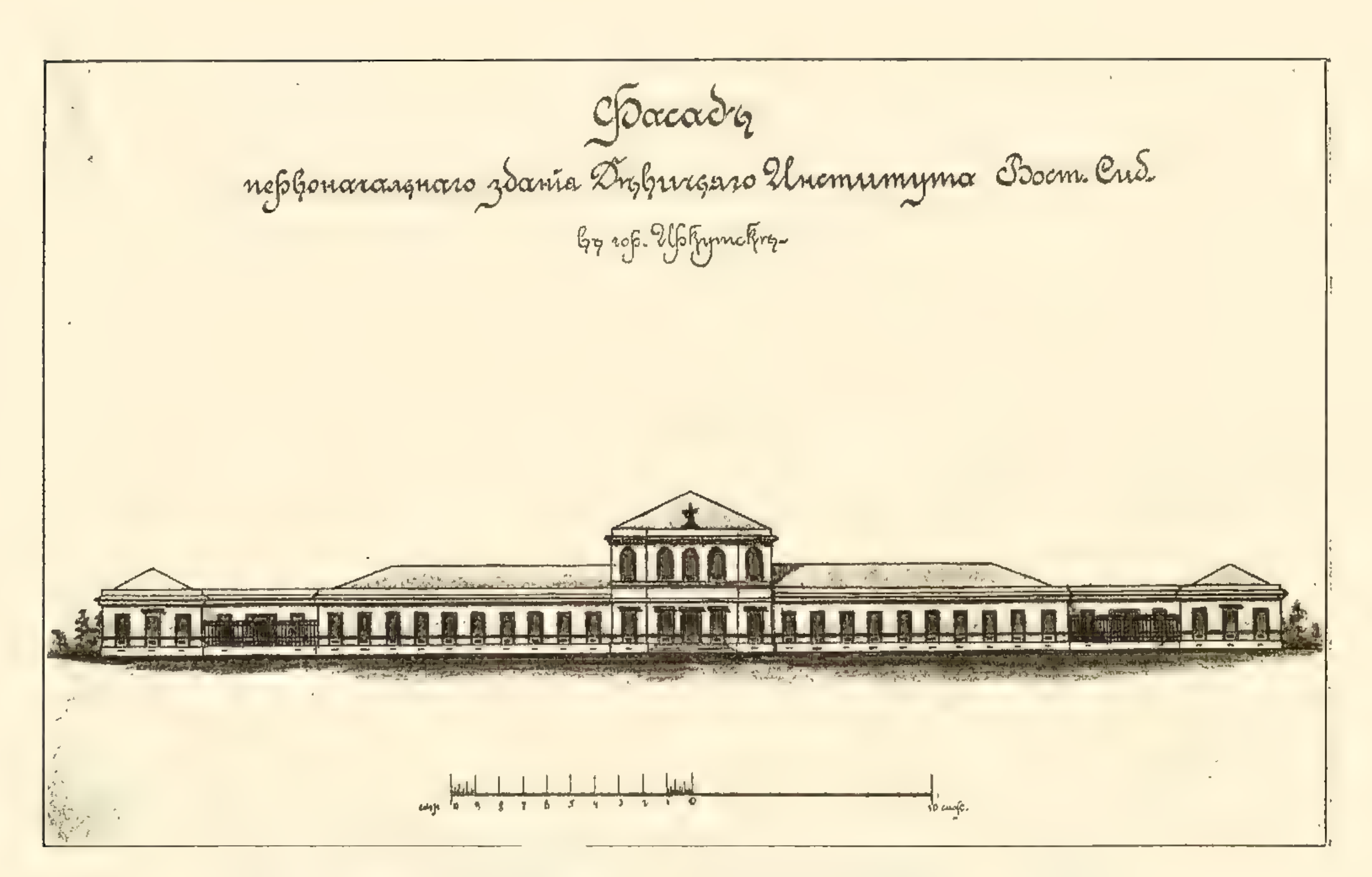
[1]) Григор. Петровичъ. см. 1867 г. 18 мая, 1868 г. 12 іюня.
[2]) См. 1869 г. 24 апр.

Въ саду начальницы Иркутскаго института.—О возникновеніи сада начальницы.

19 іюня. Утро до 12 час. у меня свободно, и я съ 9 час. сижу въ бесѣдкѣ небольшого сада, насаженнаго по указанію сестры и по ея вкусу. Запахъ тополей, лиственницъ и цвѣтущей рябины разлитъ въ тепломъ воздухѣ; всюду въ глазахъ зелень и распускающіеся цвѣты; небо голубое, затканное мѣстами серебристыми облачками; тишина. свѣтъ, разнообразное чириканье какихъ-то крохотныхъ птичекъ въ полѣ и въ густыхъ кустахъ шиповника, покрытаго розовыми цвѣтами,—все такъ хорошо и такъ успокоительно дѣйствуетъ на усталые нервы. Жаль, что не могу видѣть всѣхъ лѣтнихъ пернатыхъ гостей, что поселились въ нашемъ саду; по различному щебетанью слышно, что и здѣсь много разныхъ породъ, но какихъ—не знаю. По близорукости своей издали не могу видѣть. а близко боюсь подойти, чтобы не спугнуть бѣдняжекъ; онѣ такъ хорошо пріютились въ лиственной густотѣ, можетъ быть вьютъ себѣ гнѣздышки; жаль нарушить ихъ счастливый покой... И воробушки тутъ же пируютъ: вечеромъ, при закатѣ солнца, задаютъ такія шумныя серенады, что просто бѣда! Они налетаютъ цѣлыми сотнями на вершины самыхъ высокихъ тополей, и тамъ происходятъ такія «многоголосныя пренія», что хоть вонъ изъ сада бѣги.—настоящіе «митинги»; есть у нихъ передовые вожаки, и все, какъ слѣдуетъ въ народныхъ собраніяхъ...

Счастливые воробушки! Они за мнѣнія не клюютъ другъ другу глазъ, не обзываютъ ретроградами, обскурантами, идіотами людей... то. бишь. птицъ, несогласныхъ съ мнѣніями наиболѣе сильныхъ...

Когда, 9 лѣтъ назадъ, перешли мы въ новый домъ института, то подлѣ комнатъ, назначенныхъ для начальницы института, отгородили пустое мѣсто, гдѣ не росло ни травки. Осенью того же года распланировали тамъ садъ и стали засаживать молодыми деревьями. по выбору Анны Петровны.

Видъ главнаго корпуса Иркутскаго института до 1861 г. (съ 1845 г.).

Сажали преимущественно душистыя: тополя, лиственницу, яблони, рябину, кусты шиповника, тальника, малины и смородины. Въ теченіе девяти лѣтъ понемногу украшаемъ мы садикъ; завели маленькіе парники, устроили цвѣточныя клумбы,—и вотъ въ настоящее время садикъ—игрушка: чистенькій, густолиственный, благоухающій, оживленный хлопотливыми птичками... А дѣтскій шумъ и веселый хохотъ, сливаясь съ оживленной рѣчью молодыхъ дамъ и пепиньерокъ, служащихъ при институтѣ, такъ и несется на просторъ изъ всѣхъ оконъ трехъ-этажнаго дома [1]), выходящихъ въ садъ.

Дверь въ корридоръ и окна въ зало открыты; оттуда вырываются смѣшанные звуки фортепьяно: то Вѣра и Маша разучиваютъ свои пьесы; порознь каждая — хорошо, но вмѣстѣ — нестройно. Утренніе три часа онѣ всегда играютъ у насъ въ квартирѣ; а тамъ дѣти приходятъ, и имъ уже мѣста не будетъ.

Но становится жарко; уйду въ комнаты, тамъ прохладно. Предъ окнами Ангара и ея зеленые крутые берега. А тамъ—даль чудно, чудно хороша!..

Дѣтскій садъ въ двадцать разъ болѣе нашего, но на другой сторонѣ дома.

Двадцатипятилѣтіе Иркутскаго института.—Дѣятельность Иркутскихъ институтокъ на педагогическомъ поприщѣ.—Ихъ облагораживающее вліяніе на общество.—Моя сестра Анна Петровна.

30 іюня. Завтра исполнится институту 25 лѣтъ, потому сегодня вечеромъ служили въ дѣтской церкви всенощную и панихиду по основателямъ его.

Помянули покойную Государыню Александру

[1]) См. стр. 1, II части зап. „Иркутскій институтъ Императора Николая I".

Өеодоровну; *Руперта*, бывшаго генералъ-губернатора Восточной Сибири, хлопотавшаго объ основаніи института [1]); купца Мясникова [2]), Голубкова [3]) и Кузнецова [4]), пожертвовавшихъ свои капиталы: два первые на построеніе прежняго дома, и послѣдній на домъ, который мы занимаемъ теперь. Завтра будетъ обѣдня и молебенъ за всѣхъ трудившихся дѣломъ и словомъ на пользу воспитанія.

Генералъ-губернаторъ Вильгельмъ Яковлевичъ Рупертъ.

Да, царство небесное способствовавшимъ основанію института, — этого разсадника образованія въ далекомъ краю, куда не проникалъ до тѣхъ поръ свѣтъ наукъ!

---

[1]) Генералъ-лейтенанта Вильгельма Яковлевича, коему и принадлежитъ мысль объ учрежденіи института (ген.-губ. съ 1837—1847 г.)

[2]) Почетн. гражданинъ (10,000 р.)

[3]) Надв. совѣт. Платонъ Васильевичъ.

[4]) Потом. поч. гражд. Ефимъ Андреевичъ. Кромѣ нихъ жертвователями были: кол. сов. Поповъ, Дриневичъ, комер. сов. золотопромышлен. Асташевъ, Машаровъ, Герасимовъ, Малявинскій и мн. др.

Наши институтки первыми разбрелись по всей Восточной Сибири до самыхъ береговъ Восточнаго океана. За весьма малымъ исключеніемъ, воспитанницы сестры вышли хорошими женами, нѣжными матерями: и этимъ на дѣлѣ въ жизни онѣ доказали, что не даромъ провели нѣсколько лѣтъ въ институтѣ.

Во всѣхъ женскихъ сибирскихъ училищахъ есть наши институтки; въ частныхъ домахъ онѣ служатъ наставницами; кромѣ того, многія изъ нихъ даютъ уроки дома. Нюта Калугина [5]), не смотря на свою молодость, исполняетъ должность начальницы Нерчинской гимназіи, Саша Аринкина [6]) — Читинскаго пріюта; обѣими чрезвычайно довольны, и каждая получаетъ по 600 руб. Римма Аринкина [7]) даетъ тоже въ Читинской гимназіи много уроковъ и съ большимъ успѣхомъ. Тамъ же занимались: Людмила Корфъ [8]), Лиза Гаряева [9]); — въ Кяхтинской гимназіи: Сахарова [10]), Плятеръ [11]), Трапезникова [12]); здѣсь двѣ сестры Козловы [13]), Яхимовичъ [14]), Чайковская [15]) и Виличковская [16]). Послѣдняя получаетъ 600 руб. — столько же, сколько ея мужъ. Наставницъ въ частныхъ домахъ не считаю, ихъ множество; нѣкоторыя изъ нихъ уже повышли замужъ. Въ институтѣ изъ воспитанницъ

---

[5]) См. 1867 г. 18 мая, пр. 4.

[6]) Аринкина, Александра Петров., вып. 1861 г.

[7]) Аринкина, Римма Петр., первая ученица вып. 1867 г. (по мужу Пріессъ).

[8]) Баронъ. Корфъ, Людмила Никол., вып. 1863 г., клас. дама въ Иркутск. инст. съ 1871—1879 г. (урожд. Виноградская).

[9]) Гаряева, Елизавета Яковлевна, вып. 1863 г., кл. дам. 1872—1879 г. и учит. педагогики.

[10]) Евдокія Александр. урожд. Неустроева вып. 1865 г.

[11]) Плятеръ, Анна, графиня, вып. 1865 г. (дочь историческ. личности).

[12]) Трапезникова, Марія, вып. 1865 г.

[13]) Козловы, Ольга Евгеніевна, вып. 1865 г. и Елизавета, вып. 1867 г. Ольга служила въ Кяхтѣ и кл. дамой въ Иркутскѣ. Елиз. умерла.

[14]) Яхимовичъ, Елена, вып. 1865 г.

[15]) Чайковская, Людмила Севастьяновна, вып. 1865 г. (по мужу Павлинова). Имѣетъ дипломъ врача.

[16]) Виличковская, Клавдія, вып. 1865 г., по м. Пономарева.

три классныхъ дамы [17]; другія пріѣхали изъ Петербурга и служатъ давно, до прибытія въ Иркутскъ сестры. Здѣсь же учительница танцевъ — своя [18]); были бы и учительницы музыки свои: Останина [19]), Подгорбунская [20]), Курбатова [21]) и Воллертъ [22]); но всѣ повышли замужъ за состоятельныхъ людей. Впрочемъ, Оля Козлова давала уроки 9 мѣсяцевъ; потомъ ее перезвали въ Кяхту, гдѣ она должна была получать около 700 рублей на всемъ готовомъ.

А наши замужнія институтки — прелесть. *Эти молоденькія женщины облагородили* сибирское общество. Между ними нѣтъ *львицъ*, — но много милыхъ, умныхъ, любезныхъ женщинъ. Изъ Иркутска нѣкоторыя уѣхали въ Петербургъ, въ Западную Сибирь, въ Туркестанскую область, на Амуръ, — и всѣ хорошо живутъ.

Гдѣ-то Агнія [23]) теперь? Что сдѣлалось съ этой дѣвушкой? Давно ничего о ней не слышно. Господь да благословитъ институтъ!..

Преемница сестры.... но кто замѣнитъ Анну Петровну? У кого найдется столько горячей, самоотверженной любви къ дѣлу, столько постоянства, настойчивости въ тяжеломъ трудѣ? Кто станетъ такъ строго относиться къ самой себѣ, стремиться все идти впередъ и впередъ такъ стойко и безостановочно!? Кто совмѣститъ въ одномъ лицѣ и сердечную всепрощающую доброту, и свѣтлый, образованный умъ, и твердый характеръ, и крѣпкую волю, и кипучую дѣятель-

[17]) Анастасія Петр. Степанова, Ольга Григор. Розова и Мар. Вас. Подгорбунская.

[18]) Ольга Гавриловна Бачаснова (дочь декабр.) вып. 1865 г.

[19]) Евдокія Гавриловна, бывш. Киселева, учит. 1875—1885 г.

[20]) См. 1862 г. 25 окт. и 1869 г. 5 нояб. пр. 8.

[21]) Агафія Николаевна, классн. дама Иркутск. инст. съ 1875—1876 г.

[22]) Александра Антоновна, вып. 1871 г. учит. съ 1871 г.—1875 г. (по мужу Степанова.) См. 1871 г. 26 іюня и 1873 г. 17 іюня.

[23]) Аѳ. Разсказова. См. 1862 г. 24 окт. пр. 3; 1864 г. 6 іюня пр. 1; 1865 г. 21 янв. пр. 1.

ность и откликъ на все прекрасное въ Божьемъ мірѣ... Сестра, моя чудная, была гордость моя въ молодости и остается гордость моя въ старости! Не можетъ быть, чтобы не помянули ее съ благодарностью ея воспитанницы! Много пользы принесла она краю и прожила здѣсь тяжелое десятилѣтіе, смутное для всей Россіи время и еще болѣе смутное въ далекой окраинѣ, гдѣ не у кого ждать никакой поддержки. Въ модѣ было здѣсь идти противъ направленія сестры, которая на своихъ плечахъ выносила всю тяжесть борьбы. Другой бы не подъ силу было, сломилась бы. Съ кѣмъ только не приходилось ей бѣдной вести борьбу...

Подкрѣпи ее, Господи, окончить службу мирно и съ честью, какъ начала! Тѣснятъ ее больно и сильно до сихъ поръ...

Сегодня попалось мнѣ нечаянно неоконченное письмо къ одной изъ подругъ, писанное изъ Саратова, гдѣ, между прочимъ, говорю о сестрѣ, бывшей тогда въ Малороссіи съ покойной мачихой по дѣламъ: «прекрасное это созданіе — моя Анюта! Ты ее не знаешь, и сама я недавно узнала ее; все, что только можетъ совмѣщать въ себѣ возвышенное, благородное, доброе, умное существо, — все въ ней есть; характеръ ея развился во всей идеальной красотѣ; если бы ты ее знала, ты бы сильно ее полюбила. Ею всѣ очарованы: однихъ привлекаетъ ея любезность, умъ, игривое воображеніе, возвышенный образъ мыслей, другіе любятъ ея простодушіе, веселость, доброту. Посмотрѣла бы ты, какъ она мила бываетъ на вечерахъ! Сколько граціи, простоты, непринужденности во всѣхъ ея движеніяхъ! Лорнетовъ не сводятъ съ нея: любуются и старики и молодые».

Въ поѣздку по Малороссіи ее многіе полюбили. Богатая помѣщица Скоропадская [24]) упрашивала ее остаться у нея жить, обѣщая удѣлить часть своего имѣнія, поѣхать съ нею

---

[24]) Около г. Глухова. Черниг. губ.

во Францію, а зиму провести въ Римѣ. Анюта благодарила за все, но не приняла ни одного предложенія, говоря, что никакія блага въ свѣтѣ не въ состояніи оторвать ея отъ семейства, съ которымъ вѣчная «разлука была бы для нея невыносима».

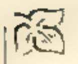
Такъ писали тридцать лѣтъ назадъ о сестрѣ. Сегодня же попались мнѣ стихи, посвященные ей, когда она уже была классной дамой; чтобы не переписывать, я пришиваю ихъ къ этой страницѣ: въ нихъ она обрисована, какъ воспитательница:

АННѢ ПЕТРОВНѢ БЫКОВОЙ.

И вы стиховъ моихъ желали?
Въ угодность вашу я пишу.
Задачу трудную мнѣ дали,
Удачно-ль я ее рѣшу?

ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА.

Всегда привѣтлива, любезна,
Съ душой возвышенной, умна,
Во всемъ—познаніемъ полезна,
И терпѣлива, и скромна;
Подруга чести, простоты,
Не любитъ гордости, педантства,
Полна сердечной доброты,
Не знаетъ лести и жеманства...
Душою и лицомъ—она прекрасна:
Талантъ блеститъ въ ея очахъ,
Нелицемѣрна, безпристрастна—
И съ чистой совѣстью въ дѣлахъ.

Анна Петровна БЫКОВА.

(„Нута, Нюта и Annette").

* *
*

Трудъ тяжкій на себя взяла
Руководить младую нѣжность;
За долгъ священный приняла:
Во всемъ отвѣтственность и вѣрность.
Слѣдитъ развитіе ума,
Неторопливо наставляетъ,
Въ урокахъ всѣмъ она сама
Слова и мысли объясняетъ.
Мораль и истины святыя
Въ сердца влагаетъ всѣмъ одна;
Забавы дѣтства золотыя
Дѣлитъ съ питомцами она.
Въ печаляхъ, радостяхъ дѣтей
Беретъ участіе живое,
Цѣнитъ сердечность у дѣтей,
Храня *призваніе* святое.

* *
*

— Оставить свѣта обольщенье
И жить для пользы лишь другихъ,—
Прямое самоотверженье.
Людей немного есть такихъ!

* *
*

Кто-жъ можетъ *подвигъ* оцѣнить
Вполнѣ достойный уваженья?
Кто можетъ трудъ вознаградить?..
— Одно благое Провидѣнье!

* *
*

Была *великая жена* [25]).
Которая судить умѣла

25) Императрица Марія Ѳеодоровна.

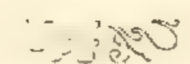
О пользѣ всякаго труда.
Она сама труды имѣла [26])...
Ея преемница [27]) равно
Труды и подвигъ отличаетъ [28]):
Она усердіе давно
Своимъ вниманьемъ награждаетъ...

* *
*

Вотъ идеалъ моихъ сужденій,
— Портретъ любимицы моей.
Но угодилъ-ли вамъ поэтъ-не геній
Перомъ и мыслію своей?

Въ январѣ 1854 г. — А. Аникіевъ [29]).

Все это принадлежитъ исторіи; нынче дорожатъ лоскутками, отрывками едва уцѣлѣвшихъ писемъ, проливающими свѣтъ на извѣстное время. Дѣятельность сестры на пользу родного края не пропадетъ; скажутъ «*спасибо*» грядущія поколѣнія за вѣрную службу русскому великому дѣлу, приготовляющему добрыхъ гражданокъ для возлюбленной Руси нашей!..

[26]) Въ церкви Имп. восп. об. бл. дѣв. сохраняется св. потиръ, украшенный рѣзьбой изъ слоновой кости, по преданію, работы Императрицы М. Ѳ. См. 1-я ч. зап. стр. 373. Шале въ Павловскѣ.

[27]) Т. е. по управленію институтами,—Императрица Александра Ѳеодоровна.

[28]) Многія классныя дамы Имп. восп. об. бл. дѣв. были переводимы начальницами въ провинціальные институты.

[29]) Александръ Петров., даровитый учитель въ Имп. в. об. бл. дѣв. исторіи и рус. языка съ 1814—1853 г. Интересенъ и поучителенъ взглядъ стариннаго, до-Ушинскаго, учителя на воспитательницу и ея обязанности.

Объ иностранцахъ начальникахъ.—Празднованіе нами 25-лѣтняго юбилея института.—Игра Вѣры Петровичъ.—Маша Сокальская, Оля Урановская и Е. А. Мензбиръ. — Празднованіе юбилея дѣтьми. — Поѣздка на заимку архіерея.

1 іюля. Только-что разошлась институтская семья, собравшаяся отпраздновать по-домашнему двадцатипятилѣтнее существованіе института. Для празднества въ болѣе широкихъ размѣрахъ нужно было просить разрѣшенія изъ Петербурга, откуда, пожалуй, и не получили бы своевременно, какъ это часто бывало. Да и нами здѣсь завѣдуютъ три лица германскаго происхожденія; можетъ быть, даже не сочли бы нужнымъ дать позволеніе праздновать это торжественное событіе, принесшее столько пользы отдаленной Восточной окраинѣ русской. Будь то in Riga, oder Rewal, Mitau,—то дѣло другое, то несущія просвѣщеніе мѣстности: но губернскій русскій городъ смиряется и буквально исполняетъ приказанія разныхъ Г... и tutti quanti, не смѣя ставить себя наравнѣ съ препрославленными городами, обитаемыми нѣмцами.

Но настанетъ время. что и нашими дѣлами будутъ завѣдывать русскіе?.. Неужели никогда безъ иностранцевъ не обойдемся? Кажется, воспитаніемъ-то русскихъ дѣтей ближе бы всего заниматься самимъ русскимъ: а посмотрите, кто здѣсь стоитъ во . . . . . ну, да Богъ съ ними, авось, когда-нибудь и станемъ на собственныя ноги;—возвратимся лучше къ нашему празднику.

Послѣ обѣдни и молебна, всѣ служащіе при институтѣ: дамы, пепиньерки, священникъ, учителя, учительницы, членъ по хозяйственной части, экономъ—собрались въ комнатахъ Анны Петровны; пили чай, завтракали, обѣдали. Бесѣда шла веселая, оживленная: были все свои, и стѣсняться, стало быть, было нечего и некого. Послѣ обѣда открыли рояль.— Вѣра сыграла Rondo изъ Sonate pastorale Бетховена, потомъ Allegro изъ сонаты «Appas.»; отдохнувъ, — финалъ изъ той

же сонаты. Въ другихъ комнатахъ стали пѣть русскія пѣсни. Одни остались въ залѣ, другіе вышли въ садъ; въ числѣ нихъ была и я. Маша Сокальская [1]), бывшая пепиньерка—Оля Урановская [2]), Елиз. Алекс. Мензбиръ [3]) и я усѣлись на террасѣ, ведущей прямо изъ корридора въ садъ. Подлѣ меня вертѣлась Вѣра и, во время пѣнія въ залѣ, болтала безъ умолку. Когда пѣвицы стихли, Анна Петровна опять усадила Вѣру за рояль и просила сыграть одну изъ любимыхъ пьесъ Анны Петровны Sehnsucht am Meere. Къ намъ на террасу пришли еще три пепиньерки: Саша Филимонова [4]), Лиза Осипова [5]) и Паша Курбатова [6]), всѣ—премиленькія. Звуки прекраснаго рояля Штюрцваге неслись къ намъ изъ оконъ залы и изъ дверей, растворенныхъ настежъ. Нѣжные, страстные, ласкающіе напѣвы разливались въ воздухѣ; глаза отдыхали на яркой густой зелени древесной листвы и на клумбахъ цвѣтовъ; теплый, легкій вѣтерокъ мягко обвѣвалъ лицо и шею. Мы всѣ стихли, прислушиваясь къ поэтической игрѣ Вѣры, и у всѣхъ, вѣроятно, навѣялись свои завѣтныя думы... Когда музыка смолкла,—подлѣ меня плакала одна изъ прежнихъ институтокъ, вышедшая до пріѣзда Анны Петровны.

Музыка, садъ, насаженный и выращенный сестрою, молодыя женщины и дѣвушки, живые цвѣты, мое прошлое и будущее той молодости,—все вмѣстѣ порождало множество мыслей въ головѣ... Благословляла я тѣ новыя, честныя силы на долгій, разстилающійся предъ ними, путь жизни. Гдѣ-бъ

[1]) Урожд. Марія Рейнталь, вып. 1859 г. (по 2-му мужу Штраухъ).

[2]) См. 1864 г. 6 іюня пр. 2.

[3]) Елиз. Александр. была клас. дама въ Иркут. институтѣ 1875—1881 г.

[4]) Александра Никол. (сестра Ольги Фил., вып. 1869 г., замужемъ за морякомъ Любицкимъ, а потомъ за Брютерусомъ).

[5]) Осипова, Елизавета Ив., вып. 1869 г., учительн. пѣнія въ Иркут. институтѣ 1873—1875 г. (по мужу Шершавина).

[6]) Курбатова, Параск. Никол., вып. 1869 г. (по мужу Шешукова).

ни были онѣ, пусть по совѣсти исполняютъ долгъ свой,— и благо имъ и другимъ будетъ...

Маша Сокальская, одного выпуска съ Олей Урановской, была два года пепиньеркой и потомъ вышла замужъ. Молоденькой дѣвушкой любила она танцы, общество, шумъ и блескъ вечеровъ; хорошенькимъ цвѣткомъ красовалась она во всѣхъ собраніяхъ и танцовала до упада. 17-ти лѣтъ вышла она по любви за молодого и достойнаго человѣка, но безъ состоянія; вскорѣ сдѣлалась матерью и съ тѣхъ поръ, безъ сожалѣнія, простилась со всѣми свѣтскими увеселеніями; добрая жена - она безропотно сноситъ всѣ невзгоды неразлучныя съ жизнью бѣднаго человѣка, все состояніе котораго зависитъ отъ службы; сама роститъ, учитъ и обшиваетъ малютокъ-дѣтей, занимается хозяйствомъ и находитъ время для музыки.

Оля Урановская, бывшая Филимонова, овдовѣвъ, снова вступила классной дамой въ институтъ. Теперь (въ 1871 г.?) Оля Урановская вышла замужъ за подполк. артил. Лазарева, начальника крѣпостной артиллеріи въ Николаевѣ и сегодня отправляется въ путь. Анна Петр. поѣхала проводить ее; я же простилась утромъ и поплакала вмѣстѣ, когда она молилась въ послѣдній разъ въ нашей спальнѣ предъ завѣтными благословенными образами. Вѣроятно, болѣе не увидимся въ жизни... Да поможетъ ей Господь внести въ окружающую ее среду правила ученія Христова, въ которомъ заключаются всѣ совершенства души человѣческой!

Елизавета Алекс. Мензбиръ даетъ здѣсь уроки музыки; воспитанница Николаевскаго сир. института—это милая, добрая, честная, трудолюбивая женщина, и мы обѣ ее очень любимъ и часто видимся. Она зарабатываетъ около тысячи рублей и, разумѣется, вмѣстѣ съ мужемъ вноситъ благосостояніе въ свой домъ, гдѣ все сама дѣлаетъ и всѣмъ завѣдуетъ, кромѣ кухни и грязной работы.

Дѣти, въ то время, какъ мы завтракали, сидѣли за своимъ

столомъ, гдѣ, для праздника, угощали ихъ члены по хозяйственной части и экономъ роскошнымъ обѣдомъ; потомъ дали полную свободу дѣлать, что хотятъ, а старшій классъ явился въ комнаты Анны Петровны. Въ пять часовъ все кончилось; а въ 6-ть—сестра, три пепиньерки, Оля Урановская и 5 воспитанницъ старшаго класса поѣхали гулять на заимку [7]) архіерея, гдѣ останутся часовъ до 9-ти.

Анна Петровна, послѣ окончанія экзаменовъ, обыкновенно поочереди ѣздитъ съ дѣтьми на разныя дачи знакомыхъ.

Прогулки Анны Петровны съ воспитанницами въ Вознесенскій монастырь.

5 августа. Вчера и сегодня я цѣлый день одна. Анна Петровна отправились съ дѣтьми на богомолье въ Вознесенскій монастырь [1]), что дѣтямъ доставляетъ большое удовольствіе.

4 августа, въ 7½ час. утра, она уѣхала съ старшимъ классомъ къ перевозу, оттуда прямо до монастыря пѣшкомъ. Въ гостинницѣ всѣ отдохнули передъ обѣдней, по окончаніи которой, настоятель, архимандритъ Веніаминъ, просилъ сестру въ свои кельи, гдѣ приготовленъ былъ обильный завтракъ; кромѣ того, изъ института привезли обѣдъ, чай и все необходимое. Дѣти ходили къ вечернѣ: послѣ нея, за оградой монастыря, на отлогомъ берегу Ангары пили чай, гуляли и въ 9 часовъ вечера возвратились домой совершенно счастливыя своей прогулкой.

Сегодня Анна Петровна, чтобы не огорчать другіе два класса, не откладывая поѣздки, снова отправилась въ 7 часовъ и вернулась въ девятомъ съ большими затрудненіями.

[7]) Мѣстное названіе загородной дачи.

[1]) Въ 4-хъ верстахъ отъ Иркутска (см. 1858 г. 25 окт. пр. 4).

Верховой вѣтеръ съ Байкала быстро возвышаетъ воды въ Ангарѣ. Утромъ шли въ монастырь по доскамъ, вечеромъ— уже все было снесено; экипажи заливались водою и пробирались узенькою тропинкою по берегу Ангары. Теперь, слава Богу, всѣ спокойны и довольны, и никто не пострадалъ; только моя Нута очень утомилась.

Нашъ концертъ. — Пожертвованія. — Телеграммы о франко-прусской войнѣ. — Ривароль о религіи и философіи.

18 сентября. Три недѣли назадъ, 20 августа, устроили мы концертъ въ пользу постройки дома для сестеръ милосердія. Чистой выручки получилось 625 руб., а съ 28 августа Нута передала въ дамскій комитетъ 1,475 руб., потому что къ нимъ присоединила сестра 500 р.—жертву М. А. Сибирякова, Курбатова (200) и П. С. Хамина (150 р.).

Концертъ удался во всѣхъ отношеніяхъ,—и слава Богу! Изъ пьесъ для фортепіано исполняли въ началѣ 1-ой части Jubel ouverture—Вебера въ четыре руки двѣ воспитанницы изъ 2-го класса [1]). Во 2-ой части—увертюра изъ Фрейшюца на 2-хъ рояляхъ въ восемь рукъ — двѣ пепиньерки и двѣ воспитанницы старшаго класса [2]). Соло — Вѣра: Adagio и Rondo изъ 2-го концерта Вебера и Allegro изъ сонаты «Appas.» — Бетховена. Ольга—кн. Вяземская [3]) участвовала съ квинтетомъ въ секстюорѣ Мошелеса. Она восхитила всѣхъ своей жемчужной игрой; дѣйствительно, игра ея своею чистотою, плавностью, ясностью, блескомъ напоминаетъ сыплющійся жемчугъ! Оля за роялемъ—въ своей сферѣ: проста, безъ всякой натяжки, безъ принужденія; сидитъ, какъ будто

[1]) В. П. Софьина и Т. П. Харинская (12 и 11 лѣтъ).

[2]) В. Г. Петровичъ, М. В. Подгорбунская, Нат. Г. Петровичъ и А. М. Рухлова.

[3]) Ольга Мих., урожд. Сибирякова (см. 1859 г. 7 янв. пр. 1).

бы въ залѣ не было 300 слушателей. Вѣра, по обыкновенію, играла съ огнемъ, съ увлеченіемъ. Allegro Бетховена особенно хорошо ею выполнено. Увертюра въ 8 рукъ сошла прекрасно; за нее я всего болѣе боялась.

Концертъ происходилъ въ институтской залѣ. Портретъ во весь ростъ покойной Государыни Александры Θеодоровны, при которой основанъ институтъ, былъ украшенъ цвѣтами. Эстрада была тоже вся въ зелени и цвѣтахъ; зала освѣщена á giorno, всѣмъ было весело: и институткамъ и слушателямъ. Гимнъ повторяли безъ счета разъ.

— Въ то время, какъ мы готовились къ концерту, въ Иркутскъ приходили телеграммы самаго мрачнаго свойства.

Нѣмцы, словно варвары среднихъ вѣковъ германскаго происхожденія, наводняютъ Францію. Бойня идетъ страшная. Прекрасная страна обливается кровью, а нѣмцы все новые и новые прибываютъ и несутъ съ собою смерть, пожары, опустошеніе.

И это образованный народъ! и это христіане!..

Наполеонъ въ плѣну; его жена и сынъ бѣжали въ Англію. Франція снова, въ третій разъ, республика! «Непогрѣшимый» въ плѣну, а Викторъ-Эммануилъ въ Римѣ; Мадзини [1]) въ Гаэти.

Что это будетъ?—Мятутся народы, какъ во время нашей злополучной Крымской войны...

Хотя бы насъ миновала рѣзня!..

Пруссаки давно зарятся на наши прибалтійскія губерніи, гдѣ 200 тысячъ нѣмцевъ и два милліона латышей и эстонцевъ, всѣми силами отбивающихся отъ своихъ господъ-тирановъ...

«Il me faut, comme à l'univers, un Dieu, qui me sauve du chaos et de l'anarchie de mes idées. Son idée délivre

---

[1]) Мадзини — знамен. итальянскій революціонеръ (1805—1872 г.). Въ семидесятомъ году былъ заключенъ на островъ Гаэти.

notre esprit de ses longs tourments et notre coeur de sa vaste solitude».

Rivarol.

[Переводъ]. Мнѣ нуженъ, какъ и міру, Богъ, который спасетъ меня отъ смятенія и безпорядка моихъ мыслей. Мысль о Немъ освобождаетъ умъ отъ долгихъ мученій, а душу изъ огромной пустыни.

Les objections contre l'existence de Dieu sont épuisées et ses preuves augmentent tous les jours: elles croissent et marchent sur trois ordres: dans l'intérieur des corps, toutes les substances et leurs affinités; dans les cieux, tous les globes et les lois d'attraction; au milieu, la nature animée de toutes ses pompes.

Considérant les philosophes modernes comme les pères du désordre et de l'anarchie, il les montre possédés d'une manie d'analyse, qui porte en toute matière sociale les dissolvants et la décomposition.

«Dans la physique, dit-il, ils n'ont trouvé que des objections contre l'auteur de la nature; dans la métaphysique que doute et subtilités; la morale et la logique ne leur ont fourni que des déclamations contre l'ordre politiqué contre les idées religieuses et contre les lois de la propriété; ils n'ont pas aspiré moins qu'à la construction du tout par la révolte contre tout.

Que dire d'un architecte, qui chargé d'élever un édifice, briserait les pierres, pour y trouver des sels, de l'air et une base terreuse, et qui nous offrirait ainsi une analyse au lieu d'une maison.

Ils ont cru, ces philosophes, que définir les hommes, c'était plus que les réunir, que les émanciper, c'était plus que les gouverner; et qu'enfin les soulever, c'était plus que les rendre heureux. Ils ont renversé des états pour les régénérer et disséqué les hommes vivants pour les mieux connaître.

«Que l'histoire vous rappelle, que partout, où il y a mélange de religion et de barbarie, c'est toujours la religion qui triomphe; mais que partout, où il y a mélange de philosophie et de barbarie, c'est la barbarie qui triomphe. La philosophie

divise les hommes par les opinions, la religion les unit dans les mêmes principes.

Rivarol [5]).

[Переводъ]. Возраженія противъ существованія Бога истощены, доказательства прибываютъ съ каждымъ днемъ, они растутъ и идутъ въ трехъ порядкахъ: устройствомъ тѣлъ, ихъ составомъ и сродствомъ, въ небесахъ—всѣми планетами и законами ихъ притяженія и въ центрѣ—оживленной во всей своей пышности природой. Разбирая новѣйшихъ философовъ, какъ отцовъ безпорядка и анархіи, онъ указываетъ на нихъ, какъ на обладающихъ маніей анализа, который вноситъ во всѣ соціальные вопросы распущенность и разрушеніе.

Въ вещественномъ мірѣ, онъ говоритъ, они не нашли ничего, кромѣ возраженій противъ Творца природы; въ метафизикѣ—сомнѣніе и обманъ. Нравственность и логика заставили ихъ витійствовать противъ политическаго порядка, противъ религіозныхъ идей и противъ закона собственности; они стремятся къ передѣлкѣ всего путемъ возмущенія противъ всего. Что сказать объ архитекторѣ, которому поручено было бы воздвигнуть зданіе, а онъ разбивалъ бы камни, чтобы узнать ихъ составъ, и который представилъ бы намъ вмѣсто дома—анализъ этихъ камней? Эти философы думали, что познать людей было бы важнѣе, нежели ихъ соединить, эманципировать ихъ—важнѣе, нежели сдѣлать ихъ счастливыми. Они разрушали государства, чтобы ихъ возсоздать, и производили опыты надъ живыми людьми, чтобы лучше узнать ихъ. Пусть исторія вамъ напомнитъ, что вездѣ, гдѣ есть смѣшеніе религіи и варварства, тамъ религія всегда торжествуетъ, но вездѣ, гдѣ встрѣчается философія съ варварствомъ, тамъ торжествуетъ варварство. Философія дѣлитъ людей по ихъ общему убѣжденію, религія ихъ соединяетъ тѣми же принципами.

Ривароль.

О французахъ.—Русскіе герои Крымской войны.—Возмездія за кровопролитныя войны.—Негодованія на нѣмцевъ.—Александръ Бестужевъ.

23 сентября. Какъ пала нравственно Франція! 22 августа 80 тысячъ войска положили оружіе. 20 сентября 112 тысячъ сдались безъ боя на капитуляцію! Позоръ неслыханный въ лѣтописяхъ народовъ!!..

[5]) Графъ Антуанъ, другъ d'Аламберта. Въ революціи поклонникъ политической реформы. Извѣстенъ сатирами и эпиграммами, полными ума и злости. Умеръ въ Берлинѣ въ 1801 году.

А наши въ Крыму 11 мѣсяцевъ, изо дня въ день, отстрѣливались отъ союзныхъ войскъ 4-хъ государствъ, имѣя плохое вооруженіе, недостатокъ продовольствія, при отсутствіи порядочныхъ путей сообщенія, не имѣя даже опытныхъ полководцевъ, исключая признанныхъ героевъ въ родѣ Хрулева, Нахимова, Корнилова Истомина и другихъ очень немногихъ. И ложились костьми русскіе люди, передавая грядущимъ поколѣніямъ завѣтъ, какъ надо умирать за свою мать-родину, за Русь православную! [1]).

Бѣдные французы! и надъ ними, какъ то было надъ нами, тяготѣетъ судъ праведный... Можетъ быть эта война и имъ послужитъ тоже огнемъ очистительнымъ: всенародное бѣдствіе заставитъ глубже войти въ самихъ себя, признать за собою много дурного и возродиться къ новой жизни...

Послѣ первой революціи, послѣ побѣдоноснаго шествія французовъ по всей Европѣ, настали войны мщенія народовъ за прежніе захваты, за грабежи, за милліоны павшихъ братій. Союзныя войска два раза были въ Парижѣ; народъ былъ униженъ, посрамленъ. Но то время скорби пробудило въ душахъ французовъ уснувшія святыя вѣрованія въ Боже-

---

[1]) Подобный же взглядъ у Варв. Петр. былъ и на русско-турецкую войну 1877 г.: „въ эту страшную войну за братьевъ славянъ сколько стойкости и мужества проявили наши мученики воины! Не пишу объ этомъ болѣе потому, что силъ не хватаетъ: страданій на землѣ такъ много... и мнѣ не остановить потоковъ крови, проливаемой изъ за жестокихъ Бисмарковъ, Биконсфильдовъ, Андраши и всѣхъ такъ называемыхъ „просвѣщенныхъ туркофиловъ“, отдающихъ сознательно милліоны несчастныхъ славянъ въ руки мусульманъ-палачей, истязающихъ свои жертвы. Писать объ этомъ...—но то была бы непрерывная рѣчь о низости человѣческой, о страданіи угнетенныхъ и о безпредѣльномъ терпѣніи русскихъ воиновъ, которые стоятъ выше всякой похвалы.

Теперь, какъ и встарь—во время крымской войны *), ночи проходятъ безъ сна подъ напоромъ мыслей, и всей душою призывается миръ благодатный. Но гдѣ тотъ миръ?.. Того и смотри—война съ Англіею!

О, палачи, палачи цивилизованные! Нѣтъ, не хочу писать,—будетъ!—Настрадалась“!.. (Изъ замѣтокъ за 1878 годъ).

*) См. зап. ч. 1-я—1854, 1855 г. нач. 1856 г.

ство, въ безсмертіе, въ промыслъ Божій; воскресла любовь къ обезславленному отечеству, истощенному длиннымъ рядомъ войнъ и окончательно порабощенному... Лучшіе люди стали пристальнѣе вглядываться въ совершавшіяся событія и передавать другимъ свои мысли, чувства, свое горе народное. И полились широкимъ потокомъ неслыханныя на землѣ человѣческія пѣсни, и, внимая тѣмъ чистымъ, небеснымъ звукамъ просвѣтлялся умъ, согрѣвалось сердце, и миръ Божій проникалъ въ грѣшныя души!..

Какъ высоко поднялась тогда Франція среди поборовшихъ ее народовъ! Можетъ быть, снова, послѣ 20 лѣтъ военнаго самообольщенія, послѣ длинной вереницы годовъ полной разнузданности нравовъ, нужно сильное потрясеніе?

Франція не погибнетъ отъ нашествія германскихъ варваровъ;—очищенная въ горнилѣ страданій, она снова воспрянетъ, по призыву лучшихъ людей, и снова зацвѣтетъ прекрасная страна; и нѣмцамъ, обагреннымъ кровью, не уничтожить ее! Было время, что вся Франція была въ рукахъ англичанъ, и король англійскій короновался въ Парижѣ... Было время, когда и наша Русь многострадальная была въ одно и то же время раздираема врагами внѣшними: нѣмцами, шведами, поляками, татарами и внутренними раздорами и предателями — и что-же? Прошли вѣка: Франція сильна и цвѣтуща; Россія побила шведовъ, нѣмцевъ, поляковъ и татаръ и раскинула, голубушка, свои владѣнія на необъятныя пространства.

Статься можетъ, что ненасытный нѣмецъ сожметъ своей желѣзной рукавицей и насъ, какъ Францію и Данію и однокровную Австрію.—Пусть сожметъ; настанетъ и его чередъ; Пруссія уже была въ нашихъ рукахъ, и Наполеонъ проѣхался по ней. Были когда-то грозные императоры германскіе; были папы, властители вселенной; былъ Наполеонъ I, расправлявшійся судьбами всей Европы,—и что-же?—Наполеонъ для отдыха отправленъ на островъ св. Елены, императоры давно сошли со сцены; а папы... папы—возбудили про-

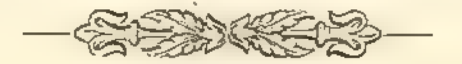
тивъ себя почти всеобщее негодованіе. Такъ чередуются событія... Придетъ возмездіе и нѣмцамъ, проливающимъ кровь, какъ наступилъ судъ и Наполеону III,—тоже кровопролителю. Много зла надѣлалъ онъ чужимъ и далеко не осчастливилъ Францію, такъ опрометчиво возложившую на него вѣнецъ императорскій...

— Въ послѣднихъ двухъ книгахъ «Русскаго Вѣстника» печатаются письма Алекс. Бестужева [2]) къ матери и братьямъ Вся поэтическая личность страдальца встаетъ въ этихъ письмахъ и задушевныхъ разговорахъ, какъ живая. Легкіе недостатки, сквозящіе въ нихъ, искупаются искренностью, чистотою его прекрасной, благородной души. Равнодушно нельзя ихъ читать: знаешь, что гореего—невыдуманное горе, не искуственныя слезы; то было дѣйствительное страданіе, то стоны больной души, измученной своимъ бѣдствіемъ и бѣдствіемъ своихъ братьевъ. Бестужева я страстно любила въ первой молодости; не зная, кто Марлинскій, я съ наслажденіемъ читала и зачитывалась имъ; но еще болѣе занялась имъ, когда узнала, что то одинъ изъ пяти Бестужевыхъ. Помню, разъ какъ-то, въ Смольномъ, въ воскресенье попалась мнѣ одна изъ повѣстей его; какая именно — не могу припомнить. Я такъ углубилась въ чтеніе, что не замѣтила, какъ подошла ко мнѣ инспектриса съ вопросомъ, чѣмъ такъ сильно занята я? Вмѣсто отвѣта я показала книгу и тутъ-то въ первый разъ узнала, что авторъ ея — Алекс. Бестужевъ, который былъ тогда на Кавказѣ. Разумѣется, со временемъ, я уже немного охладѣла къ Бестужеву, цвѣтистый слогъ котораго пересталъ мнѣ нравиться; но, тѣмъ не менѣе, самъ Бестужевъ, послѣ смерти, сохранилъ всю прелесть въ моемъ воспоминаніи. Теперь-же, читая его письма, опять на-

---

[2]) Александръ Александ. Бестужевъ, (дек.) болѣе извѣстенъ подъ псевдонимомъ „Марлинскій“. (Род. 1797 г., а въ 1837 г. убитъ на Кавказѣ). Беллетристъ и критикъ.

чинаю цѣнить ихъ еще болѣе и сожалѣть даровитаго, такъ рано погибшаго, умнаго, но увлекавшагося человѣка!

Болѣзнь воспитанницъ и Нуты.—Нетлѣніе останковъ святителя Софронія.—Размышленіе о тайнахъ человѣческой жизни.

14 октября. Вотъ уже третій день и третью ночь проводитъ сестра у постели больной воспитанницы въ дѣтской институтской больницѣ.

У Нюты Савенковой [1]) заболѣло горло утромъ; въ воскресенье вечеромъ сдѣлался жаръ, въ понедѣльникъ сильно затруднилось дыханіе, и съ тѣхъ поръ мы живемъ между страхомъ и надеждою. Моя бѣдная сестра страшно безпокоится, страдаетъ, а я, глядя на нее, не имѣю ни сна, ни покоя.

Сегодня Нуточка ѣздила молиться; завтра поднимаетъ образъ Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости.

Въ здѣшнемъ соборѣ похороненъ (кажется, въ прошломъ столѣтіи) святитель Софроній, о которомъ въ народѣ давно ходитъ молва, что онъ былъ святой жизни человѣкъ и что мощи его нетлѣнны; на могилѣ его служатъ панихиды, какъ служили ихъ на могилѣ Тихона Задонскаго. И Нута ѣздила сегодня тоже въ соборъ отслужить панихиду.

Слава Богу, Нюта Савенкова выздоровѣла; потомъ заболѣла тоже опасно Саша Гамелла [2]) — и снова Нуточка на нѣсколько дней и ночей поселилась въ больницѣ у больной. Всѣ эти тревоги, волненія и почи безсонныя оказали сильное вліяніе на здоровье сестры: разлилась желчь, появились головокруженія и слабость. Нута нѣсколько дней была больна.

Лѣтомъ, въ этомъ году, поправляли Иркутскій соборъ, обновляли его и передѣлывали внутри; всѣмъ завѣдывалъ

---

[1]) Савенкова, Анна, вып. 1871 г. (по мужу Некрасова).

[2]) Алек. Гамелла, вос—ца вып. 1875 г. (по мужу День).

самъ преосвященный. Исправленіе храма дало строителямъ случай удостовѣриться въ истинѣ народной молвы. Самъ преосвященный со многими интересовавшимися лицами удостоились видѣть совершенно сохранившееся тѣло святителя, — даже покровъ и одежды цѣлы. — Непостижимо!

Да, есть тайны, въ которыя никакъ не проникнешь!..

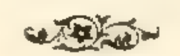
Но развѣ наше собственное существованіе не есть тоже необъяснимая тайна? — Откуда? Зачѣмъ? Куда?.. А душа человѣческая? а стремленія всѣхъ къ чему-то лучшему, недосягаемому? а разумъ, вѣчно жаждущій новыхъ познаній? а потребность вѣрованія въ высшія начала, — въ Божество? а желаніе жить по смерти?.. Кто вложилъ эти мысли въ умы всѣхъ народовъ?

О, тайна великая, непостижимая, неразрѣшимая на землѣ! Не говорю о духовной сторонѣ. Нельзя не благоговѣть предъ премудрымъ устройствомъ нашего тѣла, гдѣ съ математическою точностью опредѣлены всѣ отправленія, гдѣ кровь неустанно движется по разъ назначенному пути, гдѣ каждый фибръ знаетъ свое дѣло, гдѣ все работаетъ по невидимому мановенію Всемогущаго и Вездѣсущаго Владыки. Развѣ можно объяснить, откуда все это взялось?

Да, наука, расширяя все болѣе и болѣе кругозоръ ума человѣческаго, наполняетъ душу неизъяснимымъ благоговѣніемъ къ Создателю: чувствуешь свое ничтожество среди безчисленныхъ міровъ и, между тѣмъ, знаешь, что, несмотря на свое ничтожество, въ *тебѣ горитъ искра Божественная*, освѣщающая въ душѣ твоей темное сознаніе о высшемъ назначеніи.

«Ничто, но Ты во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ!»

Господи, дай мнѣ вѣру крѣпкую и любовь къ Тебѣ, моему Творцу, и собратьямъ моимъ — людямъ!

Телеграммы о франко-нѣмецкой войнѣ.

20 октября. Опять пришла третья страшная телеграмма: 150 тысячъ французскаго войска сдались на капитуляцію!..

Событіе неслыханное въ мірѣ: 300 тысячъ арміи сдались въ три пріема непріятелю!

Чѣмъ истолковать подобное несчастіе съ народомъ, всегда слывшимъ воинственнымъ и храбрымъ?—Какое паденіе! какой позоръ!!.

А наши бѣдные солдатушки и ополченцы такъ и ложились подъ вражескимъ огнемъ;—тѣ безымянные герои развѣ посрамляли такъ землю русскую?

Но, бѣдные французы! и жестокіе нѣмцы!..—Какъ хладнокровно избиваютъ эти «культуртрегеры» десятки тысячъ людей!.. какъ опустошаютъ, какъ унижаютъ несчастную страну!..

О, у нѣмца не ищи жалости; тевтонское племя—самое жестокое изъ всѣхъ племенъ.

Бѣдные французы! Парижъ, вѣроятно, тоже сдастся на капитуляцію.

Нападки европейцевъ на Россію.—Недоброжелательство къ Россіи Франціи.—Слухи о новомъ генералъ-губернаторѣ.—Воспоминанія о бывшихъ.—Отзывы генерала Сколкова объ Иркутскомъ институтѣ.

8 января. Благослови, Господи, вѣнецъ наступающаго года благостью Своею, утоли вражду, нестроеніе и междуусобныя брани; подай миръ, твердую и нелицемѣрную любовь, благочинное настроеніе и добродѣтельное житіе! [1]).

Половина Франціи въ рукахъ нѣмцевъ!—Города сдаются. Войска, прекрасно вооруженныя и многочисленныя, отступаютъ, бросая оружіе и припасы въ пользу непріятеля... Что-то непонятное совершается на нашихъ глазахъ; страшно выяснять то, что для себя еще загадочно—но странныя, исключительныя событія переживаемъ мы...

Снова вся европейская печать накинулась на Россію по Черноморскому вопросу, и Франція,—одна изъ первыхъ запѣвалъ. Франція опозоренная, разбитая, опустошенная, изнемогающая подъ желѣзной дланью нѣмца. Франція, къ которой мы, русскіе, такъ сочувственно отнеслись, забывъ 1812, 1855, 1863 гг. и многое, многое другое; эта Франція со злобою отзывается о насъ, пуская въ ходъ избитыя, потерявшія теперь всякое значеніе для насъ, русскихъ, но пол-

---

[1]) Изъ молебна на новый годъ.

ныя презрѣнія, ненависти: «Московиты, кнутъ, сѣверные варвары» и тому подобныя милыя выраженія... Странный, безумный народъ или, вѣрнѣе, безумные правители!.. [2]).

— У насъ, въ Иркутскѣ, тревога: пронесся слухъ, что ѣдетъ новый генералъ-губернаторъ.

Въ провинціи это событіе громадной важности, особенно въ такомъ отдаленномъ краѣ, какъ наша Восточная Сибирь, гдѣ генералъ-губернаторъ съ огромною властью, предъ волею котораго все склоняется, и подчиненные котораго принуждены пѣть на его ладъ и съ нимъ вмѣстѣ, потому что составъ всевозможныхъ второстепенныхъ «служащихъ» набирается по личному усмотрѣнію главнаго *).

Хотя бы хорошій человѣкъ пріѣхалъ, да позанялся серьезно управленіемъ края!.. Говорятъ, старикъ и женатъ на молоденькой. — Такого рода супружество немного предвѣщаетъ хорошаго; нужно много смѣлости и самонадѣянности, чтобы въ 60 лѣтъ жениться на молодой... Впрочемъ, можетъ быть, и хорошая женщина, честная, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ злоупотребляющая обаяніемъ молодости въ ущербъ спокойствію стараго мужа.—Но что и за храбрость съ обѣихъ сторонъ! не знаешь, кому удивляться болѣе: весна и зима! Холодный снѣгъ и яркій блескъ цвѣтовъ и зелени! — Непостижимо!..

Впрочемъ, можетъ быть все это неправда; кто нибудь пошутилъ и пустилъ въ ходъ, смѣха ради, свою выдумку; подож-

---

[2]) Сегодня сестра получила отъ Французскаго Общества вспоможенія пострадавшимъ отъ войны письмо, гдѣ, между прочимъ, говорится: „La nation Russe répond avec un si sympathique empressement à l'appel de la charité, que nous avons déjà pu envoyer“ aux malheureuses victimes des localités devastées des secours considérables tant en argent qu'en objets de toute nature“. (Изъ замѣтокъ 1871 г. 21 марта).

[Переводъ]. „Русскіе отвѣчаютъ съ такою поспѣшностью на призывъ милосердія, что мы могли значительно уже облегчить участь несчастныхъ жертвъ опустошенныхъ мѣстностей, посылая имъ деньги и всякаго рода вещи“.

*) Но В. П. забываетъ, что надъ всѣми есть Государственный контроль.

П. д. Генералъ-Губернатора Восточной Сибири

Евгеній Михайловичъ ЖУКОВСКІЙ.

демъ, увидимъ, услышимъ и скажемъ свое правдивое слово [3]).

Изъ всѣхъ правителей и вліятельныхъ лицъ, жившихъ временно или постоянно въ Восточной Сибири, съ особенной благодарностью вспоминаемъ: графа Амурскаго, съ которымъ поссорили насъ недобрые люди; Евгенія Михайловича Жуковскаго, честнаго, умнаго, добраго, образованнаго человѣка, отъ котораго, кромѣ добра, ничего не видали, и Ивана Григорьевича генералъ-адъютанта Сколкова [4]). Вотъ три человѣка, относившіеся сочувственно къ трудамъ сестры; да благословитъ ихъ Богъ за привѣтъ, за слово одобренія, за нравственную поддержку честной женщины!

Много я спорила съ Евгеніемъ Михайловичемъ, и никогда онъ не сердился, только сошелся болѣе съ Анной Петровной по сходству убѣжденій и по складу ума. Теперь, когда разоблачилось много лжи и обнаружилась истина, вижу, что была во многомъ не права, особенно въ отношеніи къ полякамъ, которыхъ Евгеній Михайловичъ зналъ очень коротко и далеко не въ радужномъ цвѣтѣ; но тогда, отума-

[3]) Слухъ дѣйствительно былъ не совсѣмъ вѣренъ: жена С. вдова, у которой сынъ лѣтъ 25; стало быть—не безумный бракъ. С—въ оказался честный, добрый, хорошій человѣкъ, неутомимый дѣятель, предпринявшій много хорошаго, чего, вѣроятно, совершить не успѣетъ, за отъѣздомъ въ Петербургъ, куда его зачѣмъ-то вызвали. Жаль, если утратитъ его Восточная Сибирь. Между тѣмъ, почти навѣрное можно сказать, что здѣсь ему не зажиться. Въ короткое время онъ нажилъ себѣ безчисленное множество враговъ, начиная съ евреевъ до... до всѣхъ, исключая народа, который любитъ его, говоря, что „такого генерала (т. е. генералъ-губернатора) еще не бывало". Доступъ къ нему открытъ для всѣхъ съ пяти часовъ утра: и малый, и слабый, и больной, неимущій—всѣ идутъ къ генералу,—отказа никому. Нельзя не пожалѣть, что именно на такого человѣка обрушилась общая вражда.—Много бранили гр. Муравьева и М. С. Корсакова, но у нихъ былъ свой придворный штатъ, связанный съ ними крѣпкими узами личныхъ выгодъ,—по крайней мѣрѣ тѣ превозносили и геніальный умъ Муравьева и сердечную мягкость Корсакова. (Изъ замѣтокъ автора 1871 и 1872 года).

[4]) Сколковъ, Иванъ Григорьевичъ, пріѣзжалъ въ Иркутскъ ревизоромъ изъ С.-Петербурга.

ненная вмѣстѣ со многими, я видѣла несправедливость въ поступкахъ русскихъ и мнѣ стыдно было за ту несправедливость и я горячо отстаивала права мнимо-угнетенныхъ. Вотъ что значитъ замалчивать, таить истину! Не понимаю, почему запрещали говорить правду, историческую правду, которая одна могла бы пролить свѣтъ и разогнать мракъ международныхъ отношеній! Сколько зла, сколько безплодной крови пролито изъ-за утайки истины. Да, Евгенію Михайловичу было все извѣстно; онъ въ молодости служилъ въ Варшавѣ при Паскевичѣ, и потому неосторожно и почти что неприлично было съ моей стороны такъ горячиться изъ за поляковъ и подчасъ рѣзкимъ словомъ оскорблять честнаго человѣка. Скоро 8 лѣтъ, какъ онъ уѣхалъ, и до самаго пріѣзда генерала Сколкова нынѣ каждодневно вспоминается Евгеній Михайловичъ.

Иванъ Гр. Сколковъ, посѣтивъ институтъ, заговорилъ повсюду объ удивительномъ порядкѣ, поразившемъ его; о непринужденности воспитанницъ; о благовоспитанности институтокъ прежнихъ выпусковъ, которыхъ онъ встрѣчалъ въ Приамурской области. Ему особенно понравилось, что наши институтки отличаются находчивостью и совсѣмъ не ищутъ блеску, и многое, многое, очень лестное, говорилъ онъ о нашемъ институтѣ.

Зная непріязнь и модныя воззрѣнія на институты, слова Сколкова очень ободрили насъ.

Да благословитъ его Господь!

Отрывокъ изъ проповѣди преосвященнаго Парѳенія о плодахъ цивилизаціи Франціи и Германіи.

9 января. Только что прочла слово, сказанное преосвященнымъ Парѳеніемъ [1]) въ соборѣ въ день Новаго года, на

[1]) См. 1866 г. 21 мар. пр. 1 и 1866 г. 12 іюля пр. 2. Есть воспоминанія о преосвященномъ въ біографіи Саввы, архіепископа Тверского (см. „Богослов. Вѣстн." за 1899 г. февр.).

на текстъ Апостола Матѳея: *«Отъ плодъ ихъ познаете ихъ»* [2]).

Дѣло идетъ о плодахъ мнимаго просвѣщенія двухъ, такъ называемыхъ, «передовыхъ народовъ». Многое выражено съ такою правдою и силою, что хочется записать нѣсколько отрывковъ, переписать же всю не станетъ терпѣнія.

«По плодамъ ихъ узнаете».

«Конечно, у насъ еще рано созрѣть вполнѣ плодамъ этихъ столѣтнихъ растеній; но не время-ли намъ взглянуть заграницу, откуда пересаживаются къ намъ эти чужепочвенныя пышныя растенія, и посмотрѣть, какіе они тамъ принесли плоды, хотя, напр., въ минувшемъ году? Кто въ минувшемъ году далъ знать о себѣ такъ впечатлительно на весь міръ въ Западной Европѣ, какъ не прогрессъ, можно сказать, олицетворенный въ объединенной германской націи съ ея главою — Пруссіей? И что, какъ не цивилизація, олицетворенная въ полированной до крайней утонченности французской націи съ ея знаменитымъ «Парижемъ?».

«Вотъ буря, раздуваемая страстями, столкнула между собою эти обѣ націи—представительницъ прогресса и цивилизаціи и обила на землю плоды, которые красовались на высотѣ этихъ пышныхъ растеній на прельщеніе многихъ...

«Познавайте, хотя теперь, по плодамъ ихъ, кто они..

Вотъ и французская нація, отъ цивилизаціи которой въ литературѣ, въ художествахъ, въ общественной жизни, въ увеселеніяхъ, модахъ и т. под. брали уроки всѣ народы до послѣдняго времени»! [3]).

Смерть ламповщика Ларіона.—Прошлое Ларіона.

12 января. Въ два часа пополудни, давая уроки музыки, вдругъ услыхала я необыкновенный шумъ въ корридорѣ;—отворяю дверь, и первыя слова нашей горничной поразили

[2]) Еванг. Мѳ. гл. 7-я, ст. 16.

[3]) См. болѣе подробно въ „Иркут. Епарх. Вѣд." за 1871 г. № 2.

меня: «*Ларіонъ Павловичъ умерли*», сказала она со слезами. «Бѣдный Ларіонъ Павловичъ умеръ вдругъ, въ кладовой, съ пучкомъ мяты въ рукахъ, за которой туда отправился». Смотрю, идетъ Анна Петровна, вся въ слезахъ: «Ларіонъ умеръ; бѣдный! и смерть его застала на службѣ,—такъ съ мятой въ рукѣ и лежитъ».—И всѣ говорятъ: «бѣдный Ларіонъ! такой былъ добрый, и усердный, и услужливый! Какъ жаль Ларіона!..»

Да, дѣйствительно жаль человѣка, который 12 лѣтъ служилъ при сестрѣ въ самой скромной должности ламповщика; своею честностью, безупречнымъ исполненіемъ и другихъ возлагаемыхъ на него обязанностей онъ заслужилъ общую любовь въ нашемъ институтѣ.—За нимъ всѣ были покойны: прежде чѣмъ ляжетъ, осмотритъ весь институтъ, возьметъ ключи отъ дверей; раньше всѣхъ встанетъ и съ молитвой принимается за свой честный трудъ. Въ 5 часовъ утра, когда всѣ спятъ, отворяетъ дверь въ садъ, чтобы очистить воздухъ; мететъ нижній корридоръ, топитъ печи во всемъ нижнемъ корридорѣ и, когда мы всѣ встанемъ, онъ уже совсѣмъ уберется съ утренней работой; и цѣлый день онъ на ногахъ до 10 часовъ вечера, а иногда и долѣе. Въ домѣ всѣ его любили и относились съ уваженіемъ.

Бѣдный Ларіонъ! Царство ему небесное [1]).

Вечеромъ на панихидѣ сестра молилась о упокоеніи души человѣка, утромъ еще веселаго, работавшаго, по обыкновенію, съ такимъ усердіемъ.

Кто же былъ тотъ Ларіонъ, котораго потеря такъ огорчила всѣхъ насъ?

Въ ранней молодости онъ, какъ сынъ господскаго крестья-

---

[1]) Ларіонъ Павловъ—клейменый, ссыльно-каторжный, прекрасной души человѣкъ. Былъ замѣшанъ въ убійствѣ Колокольцева въ Сарат. губ.: стоялъ на караулѣ, не подозрѣвая, что оберегалъ убійцъ. Любимый всѣми въ институтѣ. Воспитанницы на заданную тему: „написать чью-нибудь характеристику“ въ 1867 г.—прекрасно написали біографію Ларіона.

нина, участвовалъ, по приказанію старшихъ дворовыхъ людей, въ убійствѣ своего помѣщика; былъ наказанъ, клейменъ и сосланъ въ каторжную работу. Гдѣ и какъ жилъ онъ прежде поступленія въ институтъ — неизвѣстно; но при институтѣ жилъ онъ болѣе двадцати лѣтъ, и всѣ привыкли смотрѣть на него, какъ на члена большой институтской семьи, которой онъ необходимъ вездѣ. И вдругъ пресѣклась та честная дѣятельность, незначительная въ глазахъ людей, но, вѣроятно, оцѣненная Господомъ Богомъ, предъ Которымъ всѣ равны, у Коего нѣтъ на лица и положенія зрѣнія, гдѣ бы ни служилъ человѣкъ.

Бѣдный Ларіонъ! Вотъ и успокоился. Онъ все хотѣлъ отдохнуть; теперь отдыхъ до второго суда! Когда задумалъ онъ уходить изъ института, сестра сказала ему: «послужи, Ларіонъ, пока я здѣсь; я привыкла къ вамъ, старымъ служителямъ института, и мнѣ будетъ жаль разставаться съ вами». — «Вы не начальница, а мать родная», — сказалъ бѣдный Ларіонъ Аннѣ Петровнѣ и остался, — но Господь взялъ его...

Побѣжденные французы. — Жестокость нѣмцевъ. — Мое предсказаніе о Наполеонѣ. — Безчеловѣчность мотивовъ, приводимыхъ нѣмцами, какъ поводъ къ войнѣ. — Ростъ Пруссіи.

21 февраля. Ну нѣмцы! Ну Бисмаркъ! — Пять милліардовъ французской контрибуціи и отнятіе Лотарингіи и Эльзаса!.. Просто язычники — римляне да и только! А туда же призываютъ имя Бога милосердаго и Христа Спасителя, отдавшаго Себя за враговъ и за спасеніе рода человѣческаго!..

Сколько крови пролито, а сколько сожжено, истреблено, ограблено! сколько сиротъ, вдовъ и калѣкъ! — Это настоящій походъ «Аттилы XIX-го вѣка!» Но не простятся нѣмцамъ всѣ беззаконія, совершаемыя ими, какъ не простились беззаконія обоихъ Наполеоновъ и ихъ сподвижниковъ. — 17 лѣтъ назадъ писала я во время Крымской войны, что не пройдетъ

Наполеону даромъ его черезчуръ смѣлое вторженіе въ предѣлы Россіи [1]); что народъ, поставившій во главѣ своей такого человѣка, самъ свидѣтельствуетъ о своемъ нравственномъ паденіи. 29 августа, когда дошло до насъ страшное извѣстіе объ отступленіи изъ Севастополя, въ отчаяніи я проклинала имена Наполеоновъ, пролившихъ столько крови! Подобно дядѣ, не щадившему милліоновъ людей для своего ненасытнаго честолюбія, льешь и ты кровь французовъ и русскихъ; но, подобно дядѣ, падешь и ты, пигмей презрѣнный! Господь правосуденъ! пробьетъ и твой часъ! и что-же?—Божій судъ свершился надъ Наполеономъ и французами, такъ «побѣдоносно» вторгшимися въ наше отечество и поражавшими насъ въ союзѣ съ тремя государствами Европы.

Такъ свершится судъ Божій и надъ нѣмцами! Когда и какъ—не знаю, но Господь правосуденъ. Годъ назадъ никому въ голову не могло придти, чтобы могущественная, воинственная и богатая Франція была теперь истерзана, унижена, опозорена и поруганная сдалась жестокимъ тевтонамъ. А, между тѣмъ, капитуляція Парижа свершилась и 400,000 войска оказались военноплѣнными... Страшный позоръ!

Храни насъ, Господи, отъ такого несчастья! До сихъ поръ русскіе умирали, но сотнями тысячъ въ плѣнъ не сдавались.

Бѣдные французы!—Измѣнниковъ много между ними; въ правительственныхъ сферахъ нѣтъ любви къ отечеству; нѣтъ святого, нѣтъ гражданскаго мужества—оттого и сдавались войска сотнями тысячъ. Несчастная Франція!

Но какіе жестокіе нѣмцы! Извиняютъ себя тѣмъ, что полстолѣтія назадъ Наполеонъ I также варварски поступалъ съ ними!.. Но что бы стало съ родомъ человѣческимъ, если бы народы вздумали мстить другъ другу спустя десятки лѣтъ?!.

---

[1]) См. зап. ч. 1-я 1855 г. стр. 341.

Не мѣшало бы приняться въ такомъ случаѣ и за Пруссію, превратившуюся въ короткое время изъ маленькой Мекленбургіи въ громадное европейское государство и захватывающую направо и налѣво все, что плохо лежало. Русская пословица говоритъ: «плохо не клади, кого-то въ грѣхъ не вводи»; то же можно сказать и о европейскихъ «культуртрегерахъ».

Ну и народецъ!.. — *Знанія* расширяются, все вокругъ совершенствуется, а сердце да совѣсть европейская все тѣ же...

Записки Ржевской.—Воспоминаніе о Смольномъ.

3 марта. На дняхъ читала я въ «Русскомъ Архивѣ» выдержки изъ записокъ Ржевской, рожденной Алымовой [1]), смолянки 1-го выпуска, и съ удовольствіемъ остановилась на словахъ, гдѣ она съ благодарностью относится къ мѣсту своего воспитанія. Стало быть, и кромѣ меня и немногихъ другихъ, есть же люди, которые вспоминаютъ съ любовью наши институты.

Да, милый Смольный, много разъ говорю о тебѣ: и въ ранней молодости, когда сидѣла я на классныхъ скамьяхъ, и въ первые годы свѣтской жизни, и въ бытность въ должности воспитательницы въ томъ же Смольномъ, и въ дальнемъ Иркутскѣ въ стѣнахъ института на закатѣ своей педагогической дѣятельности. Съ благодарностью вспоминаю отца и покойную мачиху, старавшихся помѣстить насъ туда.

[1]) Алымова, вос—ца Имп. восп. общ. бл. дѣвицъ самыхъ первыхъ выпусковъ (т. е. Екатерининскихъ временъ). Она упоминается въ перепискѣ Императрицы Екатерины II-й съ воспитанницами Смольнаго монастыря. („Бумаги Императрицы Екатерины II-й, хранящіяся въ Государств. архивѣ“, акад. А. Пекарскаго и „Письма Екатерины II-й“ изд. Я. К. Грота).

Всѣмъ, всѣмъ обязана тебѣ, мой дорогой, мой любимый Смольный! Ты представлялъ изъ себя обильную духовную трапезу; всѣ, желавшія насытиться, могли вкушать отъ нея; голодными и нищими отходили отъ нея лишь тѣ, кто отворачивался отъ предлагавшейся здоровой пищи.—Не Смольный виноватъ, что выходили и выходятъ оттуда невѣжественными; видимъ мы, что многіе, окончившіе курсъ въ университетахъ, не знаютъ русской грамматики; не винить же университеты, что молодые люди не хотятъ пользоваться предоставленнымъ имъ образованіемъ, вѣдь они не дѣти!

— Такъ добрая воля каждой изъ насъ—пополнять полученное или дать совершенно вывѣтриться головѣ...

Воспоминанія о генералъ-губернаторѣ М. С. Корсаковѣ и графѣ Н. Н. Муравьевѣ-Амурскомъ.

30 марта. Вотъ и Корсакова [1]) не стало. Уже предъ другимъ генералъ-губернаторомъ клонятся головы Иркутянъ, и другому уже генералъ-губернатору дается сегодня въ купеческомъ клубѣ—вечеръ, и завтра въ дворянскомъ собраніи—другой; между тѣмъ всего двѣ недѣли, какъ бѣдный Корсаковъ покончилъ свои разсчеты съ здѣшнимъ міромъ... Какъ будто ничего и не случилось; какъ будто все идетъ своимъ обычнымъ порядкомъ и не сошелъ на вѣки съ лица земли человѣкъ, который еще такъ недавно безгранично властвовалъ во всей Восточной Сибири!.. Все тѣ же чины военные и гражданскіе, то же купечество, сгибавшееся и улыбавшееся Михаилу Семеновичу и его женѣ, точно такъ же

---

[1]) Корсаковъ см. 1862 г. 3 янв. пр. 2.

заискиваетъ и принижается предъ Синельниковымъ, который прибылъ только 20 марта, стало быть, ничѣмъ еще не успѣлъ заслужить уваженія... [2]).

О, человѣчество!...

Долго не могла я свыкнуться съ мыслію, что нѣтъ болѣе въ живыхъ человѣка, котораго нѣсколько мѣсяцевъ назадъ видѣла цвѣтущаго здоровьемъ, котораго знали въ продолженіи 12 лѣтъ и не надѣялись пережить. Помню живо наше первое знакомство: то было ровно 12 лѣтъ назадъ, въ 1859 г., въ мартѣ.

Входитъ въ комнаты сестры графъ Амурскій, котораго я вспоминаю съ благодарностью, не разбирая его дѣйствій, какъ правителя Восточной Сибири; я только помню личныя отношенія его къ сестрѣ и ко мнѣ, при нашемъ пріѣздѣ въ Иркутскъ. Всегда онъ былъ внимателенъ и добръ; исполнялъ охотно всѣ просьбы касательно института, въ которомъ принималъ большое участіе. Любила я умную, одушевленную его рѣчь и простоту въ обхожденіи въ то время, когда онъ былъ могущественнымъ властелиномъ обширнаго края, и когда все гнулось предъ его волей. Бѣдный Муравьевъ! — отуманили его лесть и похвалы чрезмѣрныя; увлекся онъ и скитается теперь за границей. Правда, онъ членъ Государственнаго Совѣта, имѣетъ 5 тысячъ жалованья, но ему не даютъ завистники трудиться и онъ ничего сдѣлать не можетъ; а могъ бы много, много еще поработать. Бѣдный «Николай Николаевичъ»! — Подъ этимъ именемъ извѣстенъ онъ былъ отъ Екатеринбурга до крайнихъ предѣловъ нашихъ американскихъ владѣній, и всѣ знали, кто такой «Николай Николаевичъ». Съ Николаемъ Николаевичемъ былъ очень молодой человѣкъ, блондинъ, розовый, съ прекрасными голубыми глазами; мы приняли его за адъютанта. Каково-же было на-

---

[2]) Заслужилъ тѣмъ, что получилъ довѣріе Императора и назначенъ на такой постъ.

ше удивленіе, когда графъ Муравьевъ представилъ его, называя Михаиломъ Семеновичемъ Корсаковымъ, атаманомъ Забайкальской области! На видъ ему было не болѣе лѣтъ 25, пожалуй, еще моложе. Чрезъ 10 лѣтъ, когда въ послѣдній разъ, въ 1869 году, вернулся онъ женатымъ изъ Петербурга, онъ былъ совсѣмъ сѣдой, съ тяжелой поступью и какъ-то опустившійся; но лицо все еще свѣжее и голосъ звонкій и молодой. Въ 1870 г. 2 сентября, въ день отъѣзда, или наканунѣ, не припомню хорошенько, онъ былъ у насъ. Говоря о томъ, что можетъ быть не вернется, онъ былъ озабоченъ и грустенъ. Изъ участія — сказала я ему: «вернитесь, Михаилъ Семеновичъ, дайте намъ кончить срокъ службы при васъ». Нужно замѣтить, что послѣдніе годы мы очень далеко себя держали по разнымъ обстоятельствамъ, отъ насъ независѣвшимъ, поэтому слова мои показались, вѣроятно, странными Михаилу Семеновичу и онъ отвѣтилъ съ оттѣнкомъ ироніи: «мы такъ дружны, что непремѣнно должны вмѣстѣ кончить службу». Мнѣ стало досадно на свое неумѣстное участіе, и я сказала: «нѣтъ, Михаилъ Семеновичъ, не потому; а мы просто привыкли 10 лѣтъ видѣть васъ генералъ-губернаторомъ, и какъ-то дико подумать, что пріѣдетъ другой кто-нибудь». Теперь мнѣ жаль тѣхъ словъ: жаль потому, что не могу смягчить ихъ жестокости; но тогда я была такъ далека отъ мысли о его смерти; онъ былъ еще въ полной силѣ и имѣлъ громадную власть!

— Вотъ и власть и сила — все прошло!

Упокой, Господи, душу его!

Болѣзнь воспитанницы Вахрушевой и причащеніе Святыхъ Таинъ.

3 апрѣля. Около трехъ недѣль Нута проводитъ дни и многія ночи въ дѣтской больницѣ у постели больной воспитанницы, которая едва-ли встанетъ. Пять лѣтъ назадъ при-

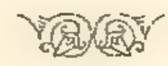
везли ее въ институтъ маленькой, худенькой, желтой, золотушной дѣвочкой. Ее лечили; лѣтомъ она просиживала цѣлые дни на солнцѣ въ саду сестры. Тамъ она и кушала и спала, играла до 5 часовъ, пока воздухъ не начиналъ охлаждаться. Развивалась она плохо, училась мало, но шалила много; хотя, въ общемъ, дѣвочка добрая и умненькая. Постомъ занемогла воспаленіемъ легкихъ; недѣли двѣ лежала почти безъ движенія, потомъ стала какъ будто поправляться: явился аппетитъ, стала сидѣть и даже могла немного пройтись. Ожила сестра, ожили и мы. Вдругъ ей сдѣлалось снова худо, затѣмъ опять лучше, снова нехорошо и такъ постоянно находились мы между страхомъ и надеждою.

Больная прекрасно пріобщилась Святыхъ Тайнъ въ Вербное воскресенье; въ другой разъ, въ день ея рожденія, 25 марта, когда ей свершилось 15 лѣтъ, которое приходилось въ чистый четвергъ, а вмѣстѣ съ нею пріобщались и многія изъ ея подругъ. Она сама того пожелала, равно какъ исповѣдываться наканунѣ, вмѣстѣ со всѣми.

Сподобившись принять тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа, мы всѣ, вмѣстѣ съ воспитанницами пѣвчими, послѣдовали за священникомъ, несшимъ Святые Дары, вышли изъ церкви и съ пѣніемъ: «*Вечери Твоея тайныя*», спустились въ нижній корридоръ и вошли въ больницу.

Нюта Вахрушева сидѣла съ благоговѣніемъ на постели; Анна Петровна стала подлѣ нея, чтобы, по просьбѣ больной, утереть платомъ уста по пріобщеніи. Во время молитвы, произносимой священникомъ, она плакала, и подруги ея, и мы всѣ. Послѣ выпила стаканъ молока и заснула такимъ покойнымъ, сладкимъ сномъ! Одной рукой поддерживала головку, другая откинулась вдоль тѣла; личико бѣленькое, прозрачное, просвѣтленное кроткою, ангельской улыбкой. Вся она въ бѣломъ; одежда широкими складками ложилась кругомъ тоненькаго, исхудалаго стана и придавала еще болѣе покоя и свѣта изящно покоющейся молоденькой дѣвушкѣ,

почти дитяти. Вмѣстѣ съ Ольгой Лазаревой [1]) мы нѣсколько минутъ простояли у постели, любуясь этимъ невиннымъ сномъ молодости. На первый день Святой недѣли ей было совсѣмъ хорошо, потомъ стало хуже, а теперь она очень ослабѣла: больше не поднимается съ постели, но докторъ не теряетъ надежды на выздоровленіе. Господь знаетъ, что будетъ. Эта дѣвочка — круглая сирота; ее помѣстилъ нѣкто Вахрушевъ, который и платилъ за ея воспитаніе; настоящая же ея фамилія — Александровичъ; на дняхъ Анна Петровна получила отъ Вахрушова письмо, въ которомъ онъ проситъ оставить Нюту пепиньеркой. Но ей всего 15 лѣтъ. Какая же она будетъ пепиньерка? Анна Петровна желаетъ, чтобы она осталась еще въ старшемъ классѣ, если Господь возстановитъ ее съ одра болѣзни.

Послѣдній день жизни Нюты Вахрушевой и ея кончина.

6 апрѣля. Вчера распустилась первая роза на нашемъ розовомъ кустѣ, а сегодня она уже красуется вмѣстѣ съ другими цвѣтами и зеленью въ волосахъ покойной маленькой дѣвушки Вахрушевой...

Да, покойной; — вчера, въ седьмомъ часу, тихо отошла душа ея въ вѣчность, и радость духовная отразилась кроткой улыбкой на изнуренномъ личикѣ, нисколько не вызывающемъ мысли о смерти. Точно заснула одѣтая, въ ожиданіи чего-то хорошаго; ее нарядили въ кисею, въ розовыя ленты, окружили цвѣтами и зеленью, и я снова, какъ и въ чистый четвергъ, долго стояла подлѣ нея, вглядываясь въ лицо усопшей, которое стало гораздо покойнѣе, чѣмъ было за день до смерти. Вчера, услышавъ о ея кончинѣ, заплакала я; но сегодня утромъ, увидѣвъ свѣтлое выраженіе

---

[1]) Ольга Лазарева, ур. Филимонова. (См. 1864 г. 6 іюня пр. 2, 1866 г. 20 іюля пр. 8 и 1867 г. 17 фев. пр. 5).

лица отшедшей, я утѣшилась: это выраженіе какъ-будто хочетъ сказать: *«какъ хорошо мнѣ!»* — И все мнѣ хочется итти и смотрѣть и вглядываться въ тотъ образъ смерти и думать о душѣ чистой, отлетѣвшей въ обители Отца Небеснаго...

Я видѣла Нюту въ послѣдній разъ въ воскресенье, 4-го апрѣля; она встрѣтила меня весело и сама сказала сидѣвшей подлѣ ея постели, спиной къ двери, Аннѣ Петровнѣ, что я пришла. Въ тотъ же день она говорила о предстоящихъ экзаменахъ и о желаніи еще остаться въ институтѣ и серьезно заняться науками. Къ вечеру ей сдѣлалось нехорошо; докторъ оставался до 3-хъ часовъ ночи и на другой день просилъ, чтобы никто не входилъ и не безпокоилъ ее. Анна Петровна пошла въ классы; въ половинѣ двѣнадцатаго, по просьбѣ дѣвочки, сошла къ ней въ больницу, поцѣловала ее, посидѣла и, видя, что стѣсняетъ ее своимъ присутствіемъ, ушла опять въ классъ. Послѣ обѣда я упросила Анну Петровну поѣхать прокатиться, чтобы освѣжиться немного. Вернувшись съ прогулки, она прямо прошла въ больницу и, не желая безпокоить Нюту Вахрушеву, поманила къ себѣ надзирательницу лазарета изъ другой комнаты. Нюта Вахрушева, видя, что Анна Петровна не подходитъ, по обыкновенію, къ ея постели, заплакала, сказавъ надзирательницѣ: *«Маtап сердится на меня за то, что я съ ней не говорила»*. Надзирательница тутъ же громко сказала: «Анна Петровна, слышите, что Нюта говоритъ? Вы сердитесь на нее?» Анна Петровна тотчасъ подошла къ постели, сѣла, поцѣловала ее, утѣшала, говоря: «дитя мое, за что же мнѣ сердиться на тебя? Я не приходила, чтобы не тревожить тебя; успокойся, Господь съ тобой!» И снова перекрестила и поцѣловала ея лобикъ и головку. Нюта улыбнулась и поцѣловала руку;— но она была уже совсѣмъ холодная, даже волосы и постель, на которой она лежала, похолодѣли. Аннѣ Петровнѣ стало ее очень жаль. Боясь заплакать, она встала,

сказавъ, что идетъ приказать скорѣе приготовить ей миндальное молоко, прописанное докторомъ. Только она вышла, какъ больная подозвала Лукерью Ивановну [1]) (надзирательницу), прося потереть правый бокъ; сама вынула булавку изъ кофточки, сама разстегнула рубашку и указала, гдѣ нужно тереть. Та едва коснулась бока, какъ дѣвочка начала отходить, вздохнула нѣсколько разъ... и все кончилось!

Да упокоитъ Господь душу ея въ селеніяхъ свѣтлыхъ!

Похороны Вахрушевой.—Уроки музыки.

8 апрѣля. Утро свѣжее, но не холодное; облака заволокли все небо; въ воздухѣ тишина; духовный причтъ поетъ вполголоса «*Христосъ Воскресе*»; несутъ розовый гробъ, а въ томъ гробу лежитъ охладѣвшее тѣло той отроковицы, что отошла въ вѣчность съ надеждой воскресенія.

За гробомъ шла Анна Петровна и мы, служащіе при институтѣ. Направо синѣла спокойно Ангара съ своими горными берегами...

Такъ провожали мы сиротку, внимая пасхальному пѣнію и думая о великой тайнѣ смерти...

Господь взываетъ душу къ земной жизни, и Господу-ли Милосердому покинуть ту душу по смерти?..

Я дошла только до поворота въ улицу: нужно было вернуться и къ 10 часовъ начинать урокъ музыки. — Но не дико-ли слышать эти слова рядомъ съ погребальнымъ пѣніемъ? Когда все мое душевное состояніе проникнуто мыслію о жизни загробной, я должна садиться за фортепіано и не только цѣлый часъ, но почти цѣлый день выслушивать нетвердое дѣтское повтореніе гаммъ, упражненій и легкихъ пьесокъ, забытыхъ во время праздниковъ?..

---

[1]) Лукерья Ивановна Смирнова, служив. въ Иркутскомъ инстит. съ 1866 г. по 1871 г.

Сегодня берутъ уроки самыя слабыя. Если бы еще можно перейти было къ Вѣрѣ[1]) или Машѣ [2]) и вслушаться въ Бетховена; Largo и Adagio его сонатъ, въ которыхъ такъ много глубины мысли и чувства, что прямо, выйдя изъ церкви, можно было перейти-бы къ его звукамъ и вдумываться въ ихъ значеніе. Но маленькія воспитанницы... впрочемъ, — долгъ велитъ; жизнь не должна останавливаться...

XXV лѣтъ моей службы.—Тяжесть службы классной дамы.—Молитва.

23 апрѣля. Поднявшись сегодня въ церковь къ обѣднѣ, первыя слова услышала я: *«Благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его!»* [1]).

Повергшись на колѣни, съ умиленіемъ слѣдила я за всякимъ словомъ этого благодарственнаго псалма, вторившаго настроенію души моей, празднующей духовно *двадцатипятилѣтнюю годовщину моей службы* родной землѣ въ качествѣ воспитательницы и наставницы ея юныхъ поколѣній.

Да, вотъ и всѣ двадцать пять лѣтъ минули со дня моего вступленія въ должность классной дамы въ Смольный [2]). Тогда, казалось, не дожить, не вынести двадцатипятилѣтняго труда, а теперь кажется, какъ будто бы и не очень много времени прошло съ тѣхъ поръ и силъ хватаетъ, чтобъ давать уроки по шести и даже по семи часовъ ежедневно. По истинѣ. сила Божія въ немощи совершается!..

Впрочемъ, останься я классной дамой, не выдержать бы мнѣ такого долгаго пути: для образованной женщины нѣтъ болѣе тяжелаго и отвѣтственнаго труда, какъ *трудъ воспита-*

[1]) П. Петровичъ, см. 1867 г. 17 мая пр. 4.
[2]) Маріи Вас. Подгорбунской, см. 1862 г. 25 окт., 1869 г. 5 нояб. пр. 8.

[1]) Псал. 103, ст. 1 и 2-й.
[2]) См. зап. ч. 1-я стр. 151.

тельницы. Боже мой! сколько унижения, оскорбления, сколько нравственной пытки достается на долю этимъ несчастнымъ труженицамъ! сколько грубостей приходится выносить отъ самихъ воспитанницъ... Нужно имѣть замороженную, ледяную кровь или совершенно ангельскую, неземную кротость, чтобы снести, смолчать, не вспыхнуть, не сказать неосторожнаго, рѣзкаго слова въ то время, когда вы внутренно сознаете себя совершенно правой. Какъ не забыться, какъ не выйти изъ себя, особенно при живомъ, пылкомъ характерѣ?.. А забудешься—приходится платиться за минуту увлеченія—собственнымъ раскаяніемъ!

23 апрѣля, 5 часовъ пополудни. Благослови же, душа моя, Господа, подкрѣплявшаго слабѣвшія мои силы, утѣшавшаго въ скорбяхъ, облегчавшаго бремя жизни, освѣщавшаго мрачный мой путь свѣтомъ благодати Своея!

Господи, и до конца дней моихъ помоги мнѣ потрудиться родному краю дѣломъ, словомъ и мыслію; благослови дѣла наши, благій Господи, и настави насъ на исполненіе заповѣдей Твоихъ!

Стихотвореніе „Труженикъ" (1858 г.).

1 мая. Пріѣзжалъ къ намъ преосвященный Пароеній и провелъ у насъ вечеръ. Непріятности тѣснили его со всѣхъ сторонъ,—онъ желалъ умереть или уйти на покой. Нута уговаривала владыку еще служить, но когда зашла рѣчь объ Хомяковѣ, то Анна Петровна, сама имѣвшая много непріятностей по службѣ, съ воодушевленіемъ прочла преосвященному стихотвореніе Алексѣя Степановича [1]) «Труженикъ»:

[1]) Т. е. Хомякова (см. 1869 г. 16 іюня).

«По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.
Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкою борьбою...
Я утомленъ, я утомленъ.
Пора на отдыхъ. О, дубравы!
О, тишина полей и водъ
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!
Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной
Вдохнуть вечернюю струю.
Стереть бы потъ дневного зноя,
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!..
«Безумецъ! нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!
Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди.
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога,
Господь велитъ: иди, иди!
Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты:
Сгибайся-жъ, пахарь, надъ браздою,
Борись, борецъ, до поздней тьмы!»
Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ;
А, Ты, безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!
Иду свершать въ трудѣ и потѣ
Удѣлъ, назначенный Тобой,

И не сомкну очей въ дремотѣ
И не ослабну предъ борьбой.
Не брошу плуга рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего!»

Преосвященный старецъ прослезился, слушая эти чудные стихи [2]).

Выпускъ.—Наташа Петровичъ и Дуня Хромова.—Прощаніе съ выпускными.—Желаніе Нуты оставить институтъ.

19 іюня. Еще новый рой молоденькихъ пчелокъ вылетѣлъ изъ временного улья.—17-го числа былъ выпускъ, и пролито много искреннихъ слезъ воспитывавшимися въ стѣнахъ института и ихъ воспитательницами.

Прощанія начались еще наканунѣ. Наташа Петровичъ [1]) и Дуня Хромова [2]) брали послѣдній урокъ музыки; Наташа была взволнована и плакала, а милая Дуня даже играть не могла отъ слезъ. Я должна была прекратить урокъ. Дуня бросилась ко мнѣ и такъ заплакала, положивъ свою головку ко мнѣ на плечо, что я сама разрыдалась, благословляя ее на новую жизнь.

Дуня Хромова шла постоянно во главѣ своего класса по наукамъ; даровитая и добрая дѣвочка, радовавшая насъ

[2]) См. портр. 1868 г. 21 апр.

---

[1]) Наталія Григ. Петр., вып. 1871 г. (по мужу Лебедева), родн. сестра Вѣры Петровичъ.

[2]) Евдокія Хромова,—съ шифромъ въ вып. 1871 г.; вскорѣ по выходѣ изъ института, по дошедшимъ извѣстіямъ,—умерла.

всѣхъ своими успѣхами, она, должно быть, и сама привязалась къ институту, съ которымъ ей такъ тяжело было разставаться, несмотря на то, что она сильно любитъ мать и брата.

Да, привязанность къ воспитавшему насъ учебному заведенію служитъ только проявленіемъ добраго, признательнаго сердца, а потому нимало не мѣшаетъ привязанности къ родной семьѣ, о которой такъ часто и съ уваженіемъ говорится въ стѣнахъ института! Не знаю, какъ къ этому относятся въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Я только говорю о нашемъ институтѣ, находящемся подъ управленіемъ сестры, которая старается поддерживать *святой* союзъ дѣтей съ родителями.

Вечеромъ, наканунѣ выпуска, была отслужена всенощная и благодарственный молебенъ. Въ самый день выпуска воспитанницы поднялись съ 3-хъ часовъ утра. Къ обѣднѣ съѣхались ихъ родственники; за молебномъ законоучитель раздавалъ Евангелія, какъ прощальное напутствіе; а Анна Петровна, собравъ въ пріемномъ залѣ въ послѣдній разъ вокругъ себя своихъ юныхъ питомицъ, сказала имъ нѣсколько задушевныхъ словъ, прерывавшихся отъ волненія душившими ее слезами. Дѣти всѣ плакали, или, по крайней мѣрѣ, бо̀льшая часть, обнимая свою мать, а не начальницу. Потомъ начались общія прощанія другъ съ другомъ и со всѣми, живущими въ институтѣ; многія приходили и ко мнѣ.—Надо-ли говорить, сколь всѣ мы были разстроены, какъ утомлены за это послѣднее время?..

Господь да благословитъ молодую жизнь на добро, на миръ и согласіе! Трудъ придетъ самъ собою.

Думаю, этотъ выпускъ послѣдній: едва-ли Нута останется до слѣдующаго; думаемъ зимою ѣхать въ Петербургъ: Нутѣ становится не подъ силу борьба и непріятности съ разнородною дѣятельностью... Впрочемъ, какъ Господу будетъ угодно...

Прощальная игра Вѣры для Анны Петровны. — Что станетъ съ Вѣрою и ея сестрою.

26 іюня, 11 часовъ вечера. Сейчасъ только разошлись собравшіяся у насъ дѣвочки отъѣзжающія: Вѣра и Наташа [1]) и ихъ подруги — Маша Подгорбунская и Саша Волкертъ [2]).

Вѣра, по желанію Анны Петровны, въ послѣдній разъ играла въ институтской залѣ. Прекрасные звуки рояля Штюрцваге стройно раздавались и разливались въ поэтической и всѣмъ извѣстной ноктюрнѣ Дрейтона (Шульгофа?), въ любимой Анной Петровной «Sehnsucht am Meere» Вильмерса и въ тоскующей прощальной пѣснѣ Шуберта, переложенной Листомъ. Вѣра, подъ впечатлѣніемъ торжественныхъ минутъ разставанья, всю душу переливала въ тѣ звуки; подруги плакали, а мы тяжко призадумались надъ будущею судьбою обѣихъ этихъ молоденькихъ сестеръ. Что-то ждетъ ихъ въ новой, открывающейся предъ ними, жизни? Что станетъ съ талантомъ Вѣры? Что сдѣлаетъ Наташа? она, вѣдь, тоже довольно сильна въ музыкѣ... Разработаютъ-ли онѣ тѣ зачатки всего добраго и хорошаго, что такъ старательно прививали имъ въ институтѣ? Что сдѣлаетъ изъ нихъ новая среда, въ которую онѣ вступятъ? — И многое, многое приходило на умъ, и становилось такъ тяжело, тяжело слушать скорбныя пѣсни, выливавшіяся изъ-подъ нѣжныхъ пальчиковъ талантливой Вѣры...

Я ушла въ другую комнату и плакала потихоньку.

Бѣдная Вѣра! Что предвѣщаютъ тебѣ мои слезы? Дай Господи, чтобъ онѣ были хорошимъ предзнаменованіемъ и

---

[1]) В. Петровичъ, см. 1867 г. 17 мая пр. 4, 1871 г. 19 іюня—сестра Наташи.

[2]) Подгорбунская, М. В., 1862 г. 25 окт. и 1870 г. 5 мар. пр. 2. Волкертъ, Алекс. Степ., вып. 1871 г. (по мужу Степанова) см. 1871 г. 26 іюня и 1873 г. 17 іюня.

послужили росой благодатной, оживляющей дальніе цвѣты и доброе начало твоего жизненнаго пути.

Бѣдныя дѣти! любите крѣпко другъ друга и, по слову евангельскому, «другъ друга тяготы носите»[3]).—Господь сиротъ не покинетъ!

Завтра въ 6 часовъ утра сама Анна Петровна хочетъ везти ихъ въ домъ купца Родіонова, съ которымъ онѣ ѣдутъ домой; три дочери Родіонова воспитывались въ институтѣ въ одно время съ Вѣрой и Наташей. Надо встать рано и напоить ихъ чаемъ,—а я заснуть не могу...

Уѣзжайте съ миромъ, милыя дѣти! Благодать Божія да сохранитъ васъ,—и да встрѣтятъ въ васъ сестры и братья ваши—добрыхъ и истинныхъ сестеръ христіанокъ!

Отказъ Анны Петровны отъ званія предсѣдательницы дамскаго комитета. — Нечаевское дѣло. — Революціонеры, цѣль ихъ и средства. — Кто истинныя дѣти отечества?

11 августа. Вчера Анна Петровна сложила съ себя званіе предсѣдательницы дамскаго комитета [1]) и осталась только членомъ общества, вносящимъ ежегодно 10 рублей.

Слишкомъ много непріятностей пришлось вынести отъ одного изъ вліятельныхъ лицъ, постоянно враждебно относившихся ко всей дѣятельности сестры въ продолженіе 10 лѣтъ. Въ Иркутскѣ онъ пользуется большимъ вліяніемъ, вслѣдствіе близкаго родства съ однимъ изъ Петербургскихъ «тузовъ-чиновниковъ», и потому нѣтъ училища, нѣтъ комитета, гдѣ бы онъ не имѣлъ самаго сильнаго голоса. Дамскому комитету онъ дѣлалъ много вреда, стѣсняя его, отбирая собранныя деньги, которыми распоряжался по своему усмо-

[3]) Изъ посл. св. ап. Павла къ Галатамъ 6 гл. 2-й стихъ.

[1]) См. 1870 г. 7 февраля.

трѣнію, и обращался съ комитетомъ, какъ со своими безпрекословными подчиненными.

Любимой мечтой сестры было основаніе общины сестеръ милосердія собственно для города. Денегъ собрано довольно; инженеръ, взявшійся строить домъ, обѣщалъ скоро приготовить помѣщеніе для будущихъ сестеръ, которыхъ уже набралось шесть. Мебель, кровати готовы, равно какъ и деньги на покупку бѣлья, обуви, платья, пальто, шалей и всего необходимаго для хозяйства;—а домъ все не готовъ, хотя закладка происходила уже давно [2]).—Въ началѣ нынѣшняго года Анна Петровна вторично хотѣла сложить съ себя званіе предсѣдательницы, и опять дамы-учредительницы упросили ее взять назадъ свой отказъ, говоря, что онѣ останутся, какъ овцы безъ пастыря. Между тѣмъ, помимо дамскаго комитета и даже противъ желанія его, г. М. назначилъ двухъ женщинъ въ мужскую больницу, возставая противъ постройки дома для общины. Все это, какъ и многое другое, побудило сестру принять твердое рѣшеніе навсегда оставить службу въ комитетѣ. Теперь можно замѣнить Анну Петровну женой генералъ-губернатора, которая, вѣроятно, ничего противъ этого имѣть не будетъ. Авось, имѣя дѣло съ вліятельной особой, будутъ нѣсколько сдержаннѣе...

— Сегодня я не спала до 3 часовъ утра по милости Нечаевскаго дѣла [3]). Газеты наполнены прокламаціями Бакунина, его агента Нечаева, цѣлымъ катехизисомъ революціонеровъ и изложеніемъ суда надъ виновными. Холодъ ужаса охватываетъ при чтеніи ихъ адской программы. Для того, чтобы свободнѣе дѣйствовать, они отрекаются отъ всякихъ святыхъ чувствъ, отъ благороднаго образа мыслей, отъ всего, поднимающаго человѣка на извѣстный нравственный уровень. Все знаніе естественныхъ наукъ они сводятъ

[2]) См. 1 іюля и 18 сент. 1870 г.

[3]) См. 1870 г. 21 февр.

къ единственной цѣли разрушенія. Послѣднее слово, послѣдній выводъ теоріи этихъ «безумцевъ»: *«да здравствуетъ разбойничій міръ!»* Наконецъ-то договорились, чего добиваются подъ предлогомъ *любви* къ народу! Понятно теперь, отчего петербургскіе журналы и нѣкоторыя провинціальныя газеты осыпаютъ бранью Каткова. Вотъ для чего имъ нужны «такъ называемыя» реальныя гимназіи. Хорошо еще, что парижская коммуна, одна изъ международныхъ вѣтвей, показала себя во всей прелести; — по крайней мѣрѣ теперь наглядно выяснилось ихъ ученіе, этихъ ложныхъ народолюбцевъ, грабежныхъ и кровавыхъ правителей...

Страшно становится за человѣчество!..

Нѣтъ, не такъ поступаютъ истинные сыны отечества. Они не жаждутъ ни чьей крови, не питаютъ въ душѣ своей ни злобы, ни мести, не домогаются ни власти, ни денегъ, а идутъ смиренно съ молитвою и любовью тяжелымъ путемъ, проповѣдуя словомъ и дѣломъ любовь къ ближнему, къ честному труду; они съ благословеніемъ Божіимъ расчищаютъ дорогу для лучшей жизни грядущихъ поколѣній. Люди такого направленія большею частью проходятъ незамѣченными; — это *скромные труженики, сѣятели добрыхъ сѣмянъ.* Господь видитъ ихъ, и зерно, брошенное ими, даромъ не пропадетъ [4]).

Сходство нашихъ революціонеровъ съ французами.—Мысли Вилата.

23 октября. Въ параллель съ нашими нечаевцами, я хотѣла выписать нѣсколько отрывковъ изъ повѣствованій са-

[4]) Въ Еванг. Матөея читаемъ: „Отецъ Твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно“ (6-я глава 4 ст.).

ныхъ дѣятелей первой французской республики, чтобы указать, насколько отстали наши вожаки, черпая до сихъ поръ цѣликомъ революціонныя начала изъ ученія и примѣра людей, опозорившихъ человѣчество своимъ звѣрствомъ еще 80 лѣтъ тому назадъ. Нужно было бы переписать все, или, по крайней мѣрѣ, половину разсказа бывшаго присяжнаго Вилата. Теперь нигдѣ не найдешь этой замѣчательной статьи, между тѣмъ для потомства она драгоцѣнна.

«Comme ils abusaient des choses les plus sacrées ces usurpateurs de l'opinion publique, qui par leurs artifices, avaient accumulé sur la France tous les genres de calamités! Ils avaient sans cesse à la bouche les mots séduisants de liberté, d'égalité, de fraternité, ils couvraient le sol français d'une multitude d'inquisiteurs, de bastilles, d'échaufauds; ils établissaient par tous les moyens imaginables la plus affreuse tyrannie; ils semaient les haines, les querelles, les vengeances, les guerres civiles; ils mettaient à l'ordre du jour la probité, la justice, les vertus, et partout ce n'était que vols publics, vexations inouies, cruautés barbares, enfin tous les crimes déchaînés à la fois!

De quoi doit-on être le plus étonné ou des sophismes qu'ils employaient pour commettre leurs ravages, ou de l'aveugle docilité du plus éclairé des peuples à se laisser prendre en détail, égorger en masse comme un stupide troupeau destiné à la boucherie».

«Vilate, exjuré au tribunal révolutionnaire de Paris, détenu à la Force, ce 15 vendémiaire, an III de la république».

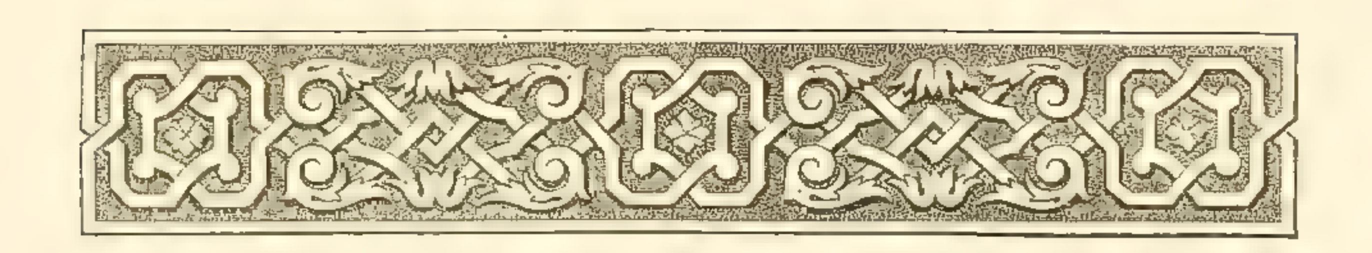
[Переводъ]. „Какъ они злоупотребляли самыми священными вещами, эти самозванцы народнаго мнѣнія, которые своимъ искусствомъ, хитростью собрали на Францію ужасы всякаго рода! На ихъ устахъ были постоянно соблазнительныя слова свободы, равенства, братства, а они покрыли французскую землю множествомъ инквизицій, крѣпостей, эшафотовъ, они всевозможными средствами учреждали тиранію, они сѣяли ненависть, ссоры, междоусобныя войны. Они думали проповѣдывать честность, правосудіе, добродѣтели, а на самомъ дѣлѣ царили расхищеніе общественнаго достоянія, неслыханныя притѣсненія, варварская же-

стокость,—словомъ, всѣ преступленія, которыя никакая сила уже болѣе не сдерживала.

Не знаешь, чему болѣе удивляться: тѣмъ-ли софизмамъ, которыми они оправдывали свои хищенія, или слѣпому повиновенію наиболѣе просвѣщеннаго изъ народовъ, позволявшаго обманывать себя въ частности и душить себя въ массѣ, подобно глупому стаду, предназначенному на убой“.

„Вилатъ, бывшій присяжный въ революціонерномъ судѣ Парижа, заключенный въ крѣпость 15-го вандеміера, III-го года республики“.

1872 г.

Труды и стремленія Нуты.—Объ институтскомъ преподаваніи и развитіи дѣтей.

19 мая. Мы все еще въ Иркутскѣ, и не знаю, выѣдемъ-ли этой зимою. Между тѣмъ, пора, пора! Нута слабѣетъ и очень утомляется. Трудно вынести еще годъ, пора отдохнуть! Она, голубушка моя, всю душу свою кладетъ въ трудъ свой и все стремится довести до совершенства; но все недовольна своими успѣхами. Но развѣ можно добиться совершенства въ дѣлѣ воспитанія? Дѣти, какъ бы умны они не были,—все-жъ дѣти. Они должны поиграть, порѣзвиться и даже шалить, а отъ нихъ начинають требобовать столь многаго,—что прохожденіе всего убиваетъ ихъ физическій ростъ. Составители программъ, кажется, забываютъ, что *здоровье есть основа* для естественнаго развитія душевныхъ способностей; теперь чаще и чаще болѣзнь мѣшаетъ дѣтямъ учиться,—но у нихъ очень много серьезныхъ занятій; не считая рукодѣлія, танцевъ, пѣнія, музыки, а вѣдь и на все это идетъ время. Да и какъ же можно желать, чтобы всѣ воспитанницы сосредоточивали все свое вниманіе на наукахъ? Лѣнивыя и бездарныя вездѣ есть, и ихъ большинство. Есть и выдающіяся свѣтленькія головки, въ которыхъ знанія укладываются ясно и стройно, безъ усилій и, вѣроятно, въ будущемъ эти знанія принесутъ имъ «большую» пользу..

Только, когда человѣкъ вступитъ на арену жизни, когда онъ столкнется съ ея явленіями,—можно судить о сте-

пени его образованія. Какая же польза въ накопленіи разнородныхъ свѣдѣній, если человѣкъ не становится отъ нихъ лучше, добрѣе, полезнѣе въ жизни? А отъ многихъ трудныхъ предметовъ въ нашемъ преподаваніи для жизни не останется ничего...

Да, вообще, мало цѣнится въ людяхъ развитіе душевныхъ, сердечныхъ силъ...

Вѣсть о болѣзни Его И. В. Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича.

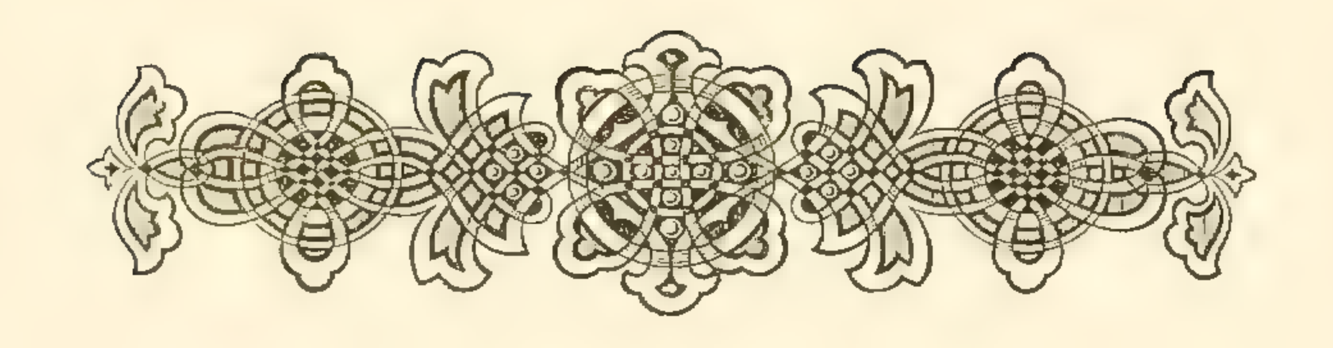
15 декабря. Вчера телеграмма принесла страшную вѣсть: Наслѣдникъ опасно боленъ!

Второй Наслѣдникъ русскаго престола опасно боленъ. — Какое несчастіе для Россіи!..

Великій Князь Александръ Александровичъ — *чудный*, *русскій* человѣкъ. Онъ заявилъ себя горячею любовью къ своему народу.

Господи, сохрани дни его! Исцѣли его, Боже Милосердый!

1873 г.

О ходѣ болѣзни Е. И. Высочества.

3 января. Благодаря Н. П. Синельникову [1]), мы черезъ день получаемъ извѣстія о ходѣ болѣзни милаго Наслѣдника. До сихъ поръ все идетъ къ лучшему. «Въ воскресенье, 31 декабря, онъ кушалъ и два часа просидѣлъ въ креслахъ».

— Слава Господу! можетъ быть и встанетъ: крѣпокъ и здоровъ нашъ царственный больной. Благослови его, Отче небесный!..

Выздоровленіе Его И. В. Наслѣдника Цесаревича.

25 января. Слава Господу! выздоровѣлъ нашъ Князь желанный! Пусть живетъ долгія лѣта на счастіе моей Руси возлюбленной. Отъ его чудной, доброй души многаго ждетъ царство русскихъ.

[1]) См. 1871 г. 8 янв. пр. 3. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири.

Еще новое занятіе у Анны Петровны.—Взглядъ ея на исполненіе долга начальницы института.

6 февраля. Моя Анна Петровна сегодня съ утра замѣняетъ больную даму: поднялась наверхъ въ 9 часовъ и приходила только позавтракать, пообѣдать и выпить двѣ чашки чаю. Сама подготовляетъ воспитанницъ старшаго класса и очень весела; дѣти держатъ себя хорошо; она, голубушка, не чувствуетъ усталости. Пришла съ блестящими глазами, разрумяненная и весело улыбающаяся.— А тутъ и еще добавленіе къ ея занятіямъ. Бывшій учитель педагогики—Я. И. Стуковъ [1]) назначенъ инспекторомъ семинаріи. Институтъ остался безъ преподавателя по такому важному предмету. Сестра начала искать подходящаго преподавателя, но. за неимѣніемъ подходящихъ въ Иркутскѣ, благословясь сама принялась за это дѣло. Педагогика близка ей: всю жизнь посвятила она воспитанію юношества, и потому понятно, что лучше моей чудной сестры трудно пріискать преподавателя по этому предмету. Есть способные, но неблагонадежные... Съ августа 1871 года она сама читаетъ педагогику въ старшемъ классѣ.

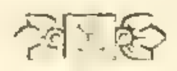
Въ прошедшемъ 1872 году захворалъ учитель исторіи и русской словесности, человѣкъ съ небольшими средствами и съ многочисленной семьей [2]). Жаль стало ей лишать его жалованья, но жаль и дѣтей оставлять безъ необходимыхъ познаній; вотъ Анна Петровна принялась сама замѣнять его въ старшемъ классѣ по русской словесности. Черезъ три мѣсяца больной учитель самъ отказался отъ уроковъ. На исторію едва могли подыскать преподавателя, а словесность такъ и осталась на рукахъ Анны Петровны. Она даетъ два урока въ недѣлю по этому предмету и нисколько не тяготится, какъ будто такъ и должно быть. Правда, дѣтямъ отъ

[1]) Яковъ Ивановичъ, прослужившій въ Иркутскомъ институтѣ съ 1868—1871 г. Прекрасно знавшій свой предметъ.

[2]) Иванъ Онисифоровичъ Катаевъ (служ. въ Иркутск. инстит. 1850—1861 гг. и съ 1868—1872 г.).

того большая польза; но ей-то каково? Нужно самой было пройти весь курсъ; нужно было прочесть многое, относящееся къ словесности; нужно выдерживать характеръ учительницы, а не начальницы, когда лѣнятся дѣти. Рѣдкая начальница во всей Россіи работаетъ столько, сколько сестра. Правда, живущимъ въ столицахъ и большихъ городахъ, гдѣ много учителей, не представляется надобности замѣнять ихъ; но и въ провинціи ни одна начальница не станетъ брать на себя такихъ обязательствъ. Я бранюсь съ нею и отговариваю ее всячески, а моя милочка говоритъ: «затѣмъ я стою во главѣ заведенія, чтобы слѣдить за всѣмъ и помогать вездѣ, гдѣ требуется помощь. Если учителя, классныя дамы и дѣти здоровы,—слава Богу,—мнѣ легче; заболѣютъ—мой прямой долгъ замѣнять первыхъ и употребить всѣ усилія поправить больныхъ».

Господь да благословитъ ея христіанское отношеніе къ людямъ, но мнѣ больно смотрѣть на нее,—она измучивается.

Дѣятельность Путы и Ѳомы Арнольдъ.—Недостатокъ въ характерѣ Путы.

22 февраля. Съ наслажденіемъ читаю я въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статьи о дѣятельности Ѳомы Арнольдъ [1],—знаменитаго воспитателя въ Англіи и бывшаго директора училища Рогби.

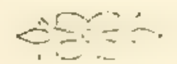
Сколько общаго у нихъ съ моею сестрой въ направленіи, въ пониманіи, въ педагогическихъ пріемахъ и даже въ самыхъ словахъ! Будто я читаю повѣствованіе о ея дѣятельности въ средѣ юношества, воспитанію котораго она отдала всю свою жизнь, по собственному призванію, съ самой ран-

[1] Арнольдъ-Ѳома-Томасъ,—англійскій педагогъ (р. 1795 г. † 1842 г.) Началъ свою педагогич. дѣятельность съ учителя школы, потомъ былъ ея директоромъ, а 1827 г. профес. Оксфордскаго унив. и докторъ богословія.

ней молодости. Вся ея внутренняя работа сводится къ одному: всѣ мысли, занятія устремлены на усовершенствованіе метода воспитанія. Нѣтъ,—она просто слѣпокъ съ Ѳомы Арнольдъ: такая же равнодушная къ выгодамъ житейскимъ, преданная дѣлу, она, какъ и онъ, становится непреклонною, когда отъ нея требуютъ чего-нибудь, не соотвѣтствующаго ея взглядамъ на воспитаніе. Она тоже оберегаетъ свой институтъ отъ вторженія въ него лицъ, могущихъ занести въ него разлагающія начала безвѣрія, такъ сильно распространившіяся въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Она тоже въ наставницахъ и наставникахъ желаетъ увидѣть *истинныхъ христіанъ*, людей дѣятельныхъ, преданныхъ своимъ обязанностямъ до самоотверженія. Она тоже старается передать учащимся, а въ особенности своимъ бывшимъ воспитанницамъ свои взгляды на жизнь и воспитаніе. Въ бесѣдахъ Арнольда съ учениками старшаго класса слышатся рѣчи Анны Петровны, обращенныя къ ея питомицамъ. Поразительное сходство!

Какъ я счастлива, что сестра моя даетъ мнѣ право, по совѣсти, безъ всякаго преувеличенія, обрисовывать ее въ такихъ краскахъ и провести сравненіе съ Арнольдъ и говорить это предъ всё Вѣдающимъ Богомъ. Одного недостаетъ ей—это кротости. Она очень сдержанна и только въ рѣдкихъ случаяхъ возвышаетъ голосъ. Съ дамами и преподавателями даже утонченно вѣжлива, а во избѣжаніе всякихъ непріятностей, она сама примѣрно взялась тащить тяжелый плугъ и проводитъ глубокія борозды по обработываемой нивѣ. Если бы ко всѣмъ христіанскимъ достоинствамъ сестры присоединить еще и кротость,—она была бы совершенствомъ въ нравственномъ отношеніи. Но совершенства нѣтъ между людьми, на землѣ, притомъ же всю свою пылкость характера она переноситъ исключительно на меня, которую любитъ выше всего на свѣтѣ: вспылитъ—и вспышка тотчасъ проходитъ, а затѣмъ становится еще нѣжнѣе.

Господи, дай мнѣ ранѣе ея умереть, а ее благослови къ продолженію начатаго труда на пользу человѣчества!

Концертъ Души Останиной и Мани Подгорбунской.—Желаніе слышать отзывы талантливыхъ музыкантовъ.—Отношеніе къ музыкѣ иркутскаго общества.

27 марта, 7 часовъ вечера. Теперь въ собраніи идетъ концертъ, въ которомъ принимаютъ участіе: Душа Останина, бывшая Киселева [1]), и Маня Подгорбунская [2]). Душа вѣроятно въ эти минуты исполняетъ извѣстный концертъ Мендельсона sol m. Страхъ беретъ за нее: чтобы не испугалась, явившись въ первый разъ предъ многочисленнымъ обществомъ! Со мною она превосходно проиграла весь концертъ, равно какъ и «Лѣсного царя» и «Соловья», переложенныхъ Листомъ. Въ «Соловьѣ» такъ и льются волшебныя трели. Исполненіе же «Лѣсного царя» разнообразно до крайности; мы изучили до мельчайшихъ подробностей партіи трехъ дѣйствующихъ лицъ этой пьесы и каждой изъ нихъ придали надлежащее своеобразное выраженіе. Сначала испуганный шопотъ ребенка, успокаивающій голосъ отца и вкрадчивый, чарующій призывъ лѣсного царя; потомъ смятеніе, крикъ дитяти, снова утѣшительная рѣчь отца и затѣмъ снова волшебные звуки царя воздушныхъ пространствъ и т. д. до самой смерти дитяти.

Душа все передаетъ очень вѣрно; какъ-то она, бѣдная, сыграетъ тамъ, и пойметъ-ли такую игру иркутское общество, состоящее большею частью изъ поляковъ, евреевъ и нѣмцевъ?..

Маня Подгорбунская должна исполнять «пѣснь Дездемоны»—переложеніе Горіа. Ея артистическую игру въ состоя-

[1]) Евдок. Гаврилов., вып. 1865 г. См. 1870 г. 30 іюня.

[2]) М. Васильев. Подгорбунская, см. 1862 г. 25 окт., 1869 г. 5 нояб. пр. 8.

нія оцѣнить только артисты или тѣ, у которыхъ развито чувство изящнаго.

Много разъ, слушая своихъ ученицъ, думала я, какъ бы хорошо было, если бы геніальный Листъ или Рубинштейнъ, стоящіе на такой высотѣ, могли прослушать нашихъ молодыхъ артистокъ,—интересно, если бы они могли высказать свое одобреніе и тѣмъ укрѣпить въ нихъ вѣру въ ихъ дарованіе! Но это желаніе, увы, тщетно! Здѣсь же, когда я покину Иркутскъ, ихъ никто не поддержитъ, и, по всей вѣроятности, ихъ развивающіеся музыкальные таланты совершенно заглохнутъ.

Въ Иркутскѣ положительно не понимаютъ музыки: лишь бы стучали покрѣпче, да пальцы бѣгали попроворнѣй,—вотъ и всѣ требованія; о смыслѣ, чувствѣ, выраженіи—и помину нѣтъ. Стало быть, какъ не заглохнуть молодому дарованію въ такой средѣ—безъ поддержки?..

Онѣ приготовили еще увертюру къ оперѣ «Эгмонтъ»—Бетховена, въ четыре руки, и увертюру къ одной изъ оперъ Вебера на 2-хъ рояляхъ,—вещи слишкомъ извѣстныя, чтобы о нихъ говорить.

Послѣдній мой урокъ французскаго языка и словесности въ выпускномъ классѣ.—Послѣднее наставленіе воспитанницамъ.—Двадцать семь лѣтъ педагогической дѣятельности.—Нута—моя помощница.

12 мая. Благодарю Господа моего, давшаго мнѣ силы для перенесенія 27-лѣтняго тяжелаго труда!

Сегодня дала я послѣдній урокъ французскаго языка и словесности въ старшемъ, выпускномъ классѣ. Особенно никого не спрашивала, но обращаясь ко всѣмъ воспитанницамъ, кратко прошла обзоръ всѣхъ замѣчательныхъ писателей по столѣтіямъ, начиная со второго вѣка. Отвѣты были очень и очень удовлетворительны; по нимъ я убѣдилась, что познанія усвоены сознательно, по крайней мѣрѣ, боль-

шинствомъ изъ класса: отвѣчали на всѣ мои вопросы почти безъ запинки, стоило лишь слегка сосредоточиться. Лучшія изъ воспитанницъ оказались бы пригодными во всѣ Петербургскіе институты,—умненькія головки! Между ними особенно выдаются Варя Софьина [1]), Поля Бялковская, Лидія Максимова [2]), Агнія Александрова [3]) и Вѣра Липай [4]). Есть и другія очень сообразительныя и развитыя, но... во не дѣлаютъ того, что сдѣлать могутъ; впрочемъ, жизнь поможетъ имъ окончить образованіе; здѣсь въ институтѣ даются только основы,—ну и молоды еще онѣ,—старшей, напр., семнадцать лѣтъ; стало быть, сколько еще предстоитъ времени для усовершенствованія и для совмѣстнаго умственнаго и нравственнаго развитія. Я говорила объ этомъ дѣтямъ, прося ихъ не пренебрегать образованіемъ, но стремиться все впередъ и впередъ, всю жизнь, до самой смерти. Такое стремленіе къ совершенству есть *цѣль нашего существованія.*

Подъ конецъ урока я очень устала; голосъ задрожалъ на послѣднихъ словахъ отъ волненія; и, когда дѣти выбѣжали въ корридоръ еще разъ проститься со мною и поблагодарить, слезы выступили на моихъ глазахъ. Я поторопилась уйти...

— Боже мой! — думала-ли я, вступая въ 1846 году на службу, что протяну такъ долго? И вотъ 27 лѣтъ уже прошли, и я много, но не всѣ еще утратила силы, сравнительно съ тѣмъ временемъ, какъ поступила въ Смольный. Между тѣмъ, приходилось иногда по 8 часовъ въ день заниматься уроками. Да и какія попадались бездарныя ученицы, какъ онѣ терзали мои нервы и слухъ!.. Послѣ нѣкоторыхъ уроковъ

[1]) Варвара Павлиновна Софьина, первая въ вып. 1873 г. съ шифромъ, (по мужу Армфельдтъ).

[2]) Лидія Иван., служила въ Читинск. гимн. (теперь въ Петерб. клиникѣ душевно-больныхъ).

[3]) Учительн. въ Кяхтинской гимназіи.

[4]) Вѣра Липай умерла въ Красноярскѣ, скоро по выпускѣ

иногда хоть въ постель ложись: до того, бывало, измучатъ... И все прошло! все вынесла!

Благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ благодѣяній Его!

Въ продолженіе всѣхъ двѣнадцати лѣтъ моя Нута, или Анна Петровна, отбирала человѣкъ двѣнадцать самыхъ слабыхъ и занималась ими въ то время, какъ на мою долю доставались самыя сильныя: этимъ она спасала слабыхъ, а мнѣ,—мнѣ помогала, какъ всегда, вездѣ и во всемъ.

Мой ангелъ хранитель земной! Моя чудная сестра! Да утѣшитъ и благословитъ тебя Господь!

Послѣдній концертъ при насъ въ институтскомъ залѣ.—Обстановка и музыкальная часть концерта.—Воспитанницы, участвовавшія въ концертѣ.—Мой восторгъ.

18 мая. До сихъ поръ не могла я поговорить о нашемъ послѣднемъ концертѣ, данномъ въ залѣ института 23-го апрѣля—въ день поступленія моего на службу и въ послѣднюю годовщину моей педагогической дѣятельности.

Въ августѣ мы намѣрены совсѣмъ покинуть Иркутскъ. Сестра ужъ отправила прошеніе объ отставкѣ къ Его Высочеству принцу П. Г. Ольденбургскому.

23 апрѣля мы устроили музыкальный вечеръ съ благотворительной цѣлью.

Зала, какъ и въ прежніе два вечера [1]), была ярко освѣщена; портретъ Августѣйшей Основательницы института покойной Государыни Александры Өеодоровны красовался среди цвѣтовъ и зелени. Отъ портрета до эстрады и кругомъ эстрады высились тропическія растенія. Съ противоположнаго конца залы видъ былъ рос-

[1]) Въ ноябрѣ 1868 г. и 27 августа 1870 г.

кошный: точно въ саду сидѣли участвовавшія въ концертѣ. Изъ этого импровизированнаго свѣтлаго сада лились тоже свѣтлые, гармоническіе звуки Вебера, Моцарта и Россини. Оттуда же разносились эхомъ по залу родныя великорусскія и малороссійскія пѣсни, исполненныя хоромъ воспитанницъ старшаго класса; молодые, свѣжіе, стройные голоса производили особенно пріятное впечатлѣніе.

Для начала было сыграно «Allegro marsiale»—Ашера въ 8 рукъ на двухъ рояляхъ; потомъ воспитанница Харинская [2]) мастерски исполнила фантазію Nàke на «Цыганъ удалецъ». То была дѣйствительно разудалая, молодецкая пѣсня, понятная всѣмъ и каждому, а потому вызвавшая взрывъ рукоплесканій. Затѣмъ слѣдовали: дуэтъ изъ «Донъ-Жуана», переложенный для двухъ роялей: Подгорбунская и Останина [3]). Вторая часть: увертюра «Вильгельмъ Тель» на 8 рукъ для двухъ роялей; исполняли тѣ же, что и «Allegro marsiale»: Останина, Подгорбунская, Софьина [4]) и Харинская, «Allegro» изъ сонаты Ia b. Вебера, solo—Останина. Третья часть: дуэтъ изъ Эвріанты и Adagio и Rondo изъ концерта Вебера; обѣ пьесы для двухъ роялей: Останина и Подгорбунская. Между фортепіанными пьесами исполнены хоры: «Не бѣлы снѣги» и «Во лузяхъ», «Гей пидъ горою», «Ахъ, со вечера» и «Сѣни мои, сѣни», «Жито не полова», «Пловцы» и «Боже, Царя храни!»—чѣмъ и закончили нашъ вечеръ.

Желая собственнымъ опытомъ убѣдиться въ силѣ и ясности звуковъ во всѣхъ углахъ залы, сѣла я на одномъ изъ стульевъ задняго ряда, остававшагося пустымъ, и до слуха моего долетали отчетливо самые нѣжные музыкальные переливы. Съ упоеніемъ вслушивалась я въ чарующіе напѣвы моего любимаго Вебера, такъ артистически передаваемаго молодыми піанистками. Съ наслажденіемъ внимала роднымъ

[2]) Татьяна Павлов., вып. 1875 г. (по мужу Савелова).

[3]) См. 1873 г. 27 мар. пр. 1 и 1870 г. 5 мар. пр. 2.

[4]) См. 1873 г. 12 мая пр. 1.

пѣснямъ; любовалась живою картиной, которую изображали собою мои юныя милыя ученицы, окруженныя зеленью и цвѣтами, и мысленно благодарила я Господа, что дивными звуками музыкальной гармоніи заключаю послѣднюю годовщину своей служебной дѣятельности.

Всѣ тѣ артистки — мои ученицы; даже хоры воспитанницъ образовались подъ моимъ руководствомъ; такъ что вся музыкальная часть лежала на моихъ плечахъ. У меня было ясно и весело на душѣ. Я вся была зрѣніе и слухъ и не чувствовала, что на меня наводили бинокли, чтобы слѣдить изъ любопытства за впечатлѣніемъ, производимымъ на меня тѣмъ, что совершалось на эстрадѣ. Въ Иркутскѣ. вѣдь, почти всѣ знаютъ, что эти піанистки—мои ученицы.

Да, я была совершенно счастлива, несмотря на то, что четверть залы была пуста. *Сознаніе*, что я выработала нѣсколько замѣчательныхъ талантовъ, что добросовѣстно исполнила долгъ свой, наполняло душу тихой радостью: я все улыбалась, и хорошо же мнѣ было...

Послѣ концерта и на слѣдующій день стоило мнѣ только вспомнить о музыкальномъ вечерѣ, какъ я уже улыбалась, сіяла, и горячая благодарственная молитва, незримая людямъ, возносилась отъ чистаго сердца Всевѣдущему Богу.

Игра Мани Подгорбунской.

6 іюня. День свѣтлый. Ангарскій противоположный берегъ красуется въ свѣжей зелени. Ангара спокойна. Изъ залы несутся знакомые любимые звуки Andante Pastorale Бетховена: то поетъ Маня Подгорбунская, т. е. вѣрнѣе, рояль поетъ подъ ея нѣжными пальцами.

Какъ развилась моя Маня! Съ грустью думаю, что съ

моимъ отъѣздомъ погибнетъ и ея музыка [1]). Она еще такъ молода: вѣдь ей нѣтъ еще двадцати лѣтъ, да и здоровьемъ слабенькая!

А что за звуки! Боже мой! Какіе глубокіе, какіе скорбные звуки!..

Посѣщеніе Иркутскаго института Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ.

13 іюня. Въ воспоминаніе счастливаго дня пришила я къ своему дневнику цвѣтокъ, распустившійся сегодня въ саду сестры.

Сегодня Его Имп. Высоч. Великій Князь Алексѣй Александровичъ посѣтилъ институтъ и потомъ зашелъ въ комнаты Анны Петровны выкушать чашку кофе. Онъ былъ очень милостивъ, привѣтливъ и веселъ. Отъ его стройнаго, красиваго и величественнаго вида съ прекраснымъ настроеніемъ всѣ институтки обезумѣли...

Все то же, что бывало съ нами встарь.

Великій Князь прибылъ въ Иркутскъ вчера въ $8^1/_2$ часовъ вечера и остановился въ домѣ генералъ-губернатора [1]), гдѣ для него было приготовлено помѣщеніе. Се-

[1]) М. Вас. Подгорбунская, см. 1869 г. 25 окт., 1871 г. 8 апр. и 1873 г. 27 мар. пр. 2. Когда М. Вас. держала вступительный экзаменъ въ 1882 г. въ Москов. консерваторію, то профессоръ Дебюкъ въ восторгѣ отъ ея игры воскликнулъ: «у какого чуднаго учителя вы брали уроки?»

[1]) Николай Петровичъ Синельниковъ, генер.-губ. Вост. Сибири съ 1871—1874 г. Есть его прекрасныя записки о Сибири („Историческ. Вѣстн." въ 1896—98 гг.). Чудный человѣкъ и начальникъ, во всякое время дня и ночи для всѣхъ доступный. Предъ нимъ благоговѣли подчиненные. Въ институтѣ за доброту его называли „дѣдушка" († въ 1892 г.). См. 1871 г. 8 января.

Генер.-Губерн. Восточной Сибири

Николай Петровичъ СИНЕЛЬНИКОВЪ.

годня въ 10 часовъ утра былъ общій пріемъ служащихъ по всѣмъ вѣдомствамъ. Въ $10^{1}/_{2}$ часовъ уже экипажъ Его Высочества стоялъ у нашего подъѣзда. Внизу, при выходѣ изъ швейцарской, Его Высочество встрѣтила сестра.

Съ появленіемъ Его Высочества въ стѣнахъ института—по институту разлились звуки народнаго гимна: то дѣти и служащіе привѣтствовали царственнаго гостя. Онъ подалъ руку Аннѣ Петровнѣ и вмѣстѣ поднялись по лѣстницѣ, устланной коврами, въ залу, гдѣ всѣ были въ сборѣ. Великій Князь весело поздоровался съ дѣтьми, прося ихъ «не стоять во фронтъ»; вслѣдствіе такого желанія всѣ бросились провожать Великаго Князя по классамъ, въ пепиньерскую, въ столовую, словомъ—всюду.

Такъ какъ дѣтская церковь въ третьемъ этажѣ, то пѣвчія опередили Великаго Князя и стояли на клиросѣ. При входѣ въ церковь, Его Высочество былъ встрѣченъ мѣстнымъ протоіереемъ о. Александромъ Орловымъ [2]). Во время молебствія Великій Князь стоялъ у праваго клироса; къ концу молебна онъ подошелъ къ Аннѣ Петровнѣ. Въ церкви стоялъ съ благоговѣніемъ; крестился полнымъ крестомъ. Когда сестра объяснила ему, что у насъ, послѣ всякой службы, поется «Спаси, Господи, люди Твоя» съ 4 апрѣля 1866 года—у него показались на глазахъ слезы.

Обойдя институтъ, Великій Князь, по приглашенію сестры, зашелъ къ ней въ комнаты. Дѣти подавали кофе и шоколадъ; онъ выкушалъ чашку кофе, былъ веселъ, шутилъ и, повидимому, чувствовалъ себя хорошо; хотѣлъ еще пойти въ садъ, въ столовую во время дѣтскаго обѣда, но его торопилъ генералъ-губернаторъ, напоминая, что еще многое предстоитъ осматривать.

---

[2]) О. Александръ Матвѣевичъ—настоятель институтской церкви и законоучитель съ 1845—1882 и съ 1885—1889 гг. (см. 1866 г. 6 апр. пр. 3).

Къ общему горю, Великій Князь уѣхалъ въ 11½ часовъ, сопровождаемый дѣтьми до самой швейцарской. Съ Анной Петровной говорилъ много, представилъ самъ адмирала Посьета [3]) и всю свою свиту; благодарилъ за все, прибавляя: *«совершенно одинъ изъ институтовъ даже Россіи!»*

На это сестра почтительно возразила: «Ваше Высочество, Сибирь—тоже Россія, и мы тѣ же русскіе, что и во внутреннихъ губерніяхъ».

Онъ засмѣялся, сказавъ: «т. е. Европейской Россіи».

Вообще, Великій Князь очень простъ въ обхожденіи и живого, веселаго нрава.

Господь да благословитъ его обратный путь въ Петербургъ послѣ двухъ съ половиною лѣтъ странствія по чужимъ берегамъ!

Обѣдъ Его И. В. В. Князя въ кельяхъ архимандрита Веніамина.—Просьба институтокъ на балу 14 іюня.—Разговоръ Великаго Князя съ Нутою, съ Н. И. Синельниковымъ и съ Сашею Воллертъ.

16 іюня. Сегодня въ 10 часовъ утра уѣхалъ нашъ милостивый, нашъ добрый Великій Князь. Иркутскъ будто разомъ опустѣлъ. Множество народа хлынуло за Ангару въ Вознесенскій монастырь, гдѣ Великій Князь будетъ слушать литургію и напутственный молебенъ и затѣмъ будетъ на завтракѣ отъ городского общества въ кельяхъ архимандрита Веніамина [1]), настоятеля монастыря. Сестра уѣхала туда же, въ сопровожденіи Мани Подгорбунской и Саши

[3]) Константина Николаевича, впослѣдствіи г. мин. пут. сообщенія (съ 1874—1888 г.). Съ 1858 по 1874 г. состоялъ при В. К. Алексѣѣ Александровичѣ въ качествѣ наставника и спутника въ долгихъ и дальнихъ плаваніяхъ, а съ 1871 г. и попечителемъ Его Высочества до совершеннолѣтія (род. 1819 г. и † 1899 г.).

[1]) Впослѣдствіи архіеписк. Иркутскій.

Воллертъ [2]) (пепиньерки). У насъ тоже молились въ церкви о благополучномъ путешествіи нашего дорогого, но кратковременнаго гостя.

Впрочемъ, институтъ имѣлъ счастье и въ другой разъ принимать у себя Великаго Князя. На балу 14 іюня, данномъ городскимъ обществомъ, Маня Подгорбунская, вмѣстѣ съ Сашей Воллертъ и съ нѣкоторыми другими, какъ мы узнали послѣ, подойдя къ Николаю Петровичу Синельникову, *умоляли* его попросить Великаго Князя еще разъ посѣтить институтъ.

Н. П. Синельниковъ, подавъ руку Манѣ, подошелъ къ Великому Князю со словами: «*Институтки просятъ Ваше Высочество еще разъ побывать у нихъ*». Маня сказала: «То было бы для насъ такое великое счастье, о которомъ и мечтать не смѣемъ».

«*Пріѣду съ удовольствіемъ*», — отвѣтилъ Великій Князь подавъ ей руку.

На балу Его Высочество нѣсколько разъ подходилъ къ сестрѣ. «Dansez vous, madame?» [3]) — спросилъ онъ вначалѣ.

«Ai — je l'air de vouloir danser, votre Altesse?» [4]).

«Mais lui, il danse» [5]), — сказалъ Великій Князь, указывая на адмирала Посьета.

«Nous autres femmes, en vieillissant, nous vieillissons franchement et loyalement; quant à l'autre moitié du genre humain, elle peut être jeune jusqu'a l'âge de soixante et dix ans» [6]).

[2]) Александра Антоновна, по мужу Степанова, вып. 1871 г. 26 іюня. Очень бойкая, красивая и умная барышня. До сихъ поръ не покидаетъ, какъ родная дочь, свою воспитательницу Анну Петровну.

[3]) Танцуете вы, мадамъ?

[4]) Развѣ я имѣю видъ желающей танцовать, Ваше Высочество?

[5]) Но вотъ онъ танцуетъ.

[6]) Мы, женщины старыя, старѣемъ откровенно и законно: что касается до другой половины рода человѣческаго, она можетъ быть молодой до шестидесяти и семидесяти лѣтъ.

В. Князь разсмѣялся: «c'est vrai; les femmes sont en général plus honnêtes» [7]).

— Немного спустя, Великій Князь подошелъ къ сестрѣ, когда она разговаривала съ Синельниковымъ.

— О чемъ вы говорите?

Сестра, смѣясь, отвѣтила:

— Николай Петровичъ наказалъ меня.

— Какъ? наказалъ?

— Да, Ваше Высочество, за то, что Вы остались въ институтѣ долѣе, нежели Николай Петровичъ того желалъ: онъ не далъ мнѣ ложи вчера въ театрѣ, когда Вы тамъ были.

Синельниковъ оправдывался и, наконецъ, взвалилъ всю вину на полицмейстера.

— Танцуя съ Сашей Воллертъ, Великій Князь сказалъ:

— Ваша maman никакъ не хочетъ со мною танцовать.

— Maman никогда не танцуетъ.

— Да, я теперь знаю. Она была очень хороша собою; въ свое время ваша maman была знаменитая красавица. Я помню ее и знаю хорошо ея начальницу М. П. Леонтьеву. Maman добра?

— Очень добра, и мы ее всею душею любимъ!

— То-то вы все вьетесь подлѣ нея! — Что же вы будете дѣлать послѣ выпуска?

— Maman оставляетъ меня учительницей музыки; послѣ, можетъ быть, займу мѣсто классной дамы.

— Вотъ и хорошо.

— Вообще Великій Князь такъ простъ въ обхожденіи, что заставляетъ забывать свое высокое положеніе; держитъ себя обыкновеннымъ смертнымъ.

— Воспитанницы ваши просятъ меня завтра ихъ навѣстить, — сказалъ онъ Аннѣ Петровнѣ, — но завтра я цѣлый день занятъ, а въ субботу буду свободенъ и тогда заѣду.

[7]) Это вѣрно; женщины вообще честнѣе.

— Ваше Высочество, простите смѣлость моихъ дѣтей; онѣ не знаютъ, что не должны просить такой милости.

Великій Князь улыбнулся и обѣщалъ быть непремѣнно.

15 іюля, послѣ спектакля, въ городскомъ саду для Великаго Князя былъ приготовленъ чай въ вокзалѣ. Протанцовалъ онъ неохотно три кадрили послѣ многихъ просьбъ. Онъ сидѣлъ на терассѣ, куда привелъ Сипельниковъ и Нуту, которая оставалась тамъ до 12 часовъ, т. е. до отъѣзда Великаго Князя.

Вторичный пріѣздъ Великаго Князя въ институтъ и отбытіе изъ института Его Высочества.

17 іюня. Въ 11½ часовъ Великій Князь снова прибылъ въ институтъ, гулялъ въ дѣтскомъ саду, обѣдалъ за дѣтскимъ столомъ, выпилъ два стакана квасу и снова кушалъ кофе въ комнатахъ Анны Петровны. Старшія пѣли хоромъ: «Пловцы», «Не бѣлы снѣги», «Жито маты» и «Сѣни»; Маня Подгорбунская сыграла: «Una furtiva lagrima» съ большимъ чувствомъ.

«Quel charmant toucher», выразился Великій Князь, когда она кончила.

Въ часъ и пять минутъ Его Высочество, въ сопровожденіи воспитанницъ, сестры и всѣхъ служащихъ, выходилъ и быть можетъ — навсегда изъ стѣнъ нашего института. По просьбѣ сестры, прошелъ пѣшкомъ весь дворъ до самыхъ воротъ, напутствуемый нашимъ общимъ благословеніемъ.

Проводивъ своего царственнаго гостя, старшія усѣлись

на площадкѣ лѣстницы и плакали, передавая другъ другу взаимныя впечатлѣнія [1]).

Да благословитъ его Господь!

Предъ всенощной въ дѣтской церкви служили напутственный молебенъ. Такъ институтъ встрѣтилъ и проводилъ молитвою сына царскаго, посѣтившаго отдаленныя страны владѣнія своего Государя и Отца.

Да почіетъ благодать Божія на немъ!

Новое вниманіе Его И. В. В. Кн. Алексѣя Александровича къ институту.—Воспоминаніе Его Высочества объ Иркутскѣ и разговоръ съ сестрою.

4 іюля. Анна Петровна получила 2 іюля изъ Тобольска телеграмму отъ 1 іюля отъ Посьета [1]), увѣдомляющую о новой милости Вел. Князя къ институту: поступаетъ вторая пансіонерка Его Высочества, первая же уже опредѣлена: сирота изъ Владивостока; а вторая—изъ Тобольска сиротка Галахова [2]). Анну Петровну больше всего тронуло, что Вел. Князь изъ Тобольска посылаетъ воспитанницу въ ея институтъ, тогда какъ институтъ въ Казани вдвое ближе оттуда.

Да, пребываніе Его Высочества въ Иркутскѣ оста-

[1]) Сибирскіе инородцы и русскіе, встрѣчаясь съ экипажемъ Его Высочества, набожно осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ. Иные цѣловали экипажъ Его Высочества, брали изъ подъ колесъ его землю и уносили съ собою, а одинъ бурятъ ухитрился достать изъ оси колесной мази, намазалъ ею усы и бороду и только по особому расположенію дозволялъ себя цѣловать (изъ разсказовъ очевидцевъ).

[1]) Посьетъ—см. 1873 г. 13 іюня пр. 3. († 26 апр. 1899 г.).

[2]) Галахова не поступила въ институтъ по болѣзни.

Его Императорское Высочество Великій Князь

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

вило свѣтлое воспоминаніе: онъ вездѣ былъ милостивъ, внимателенъ, вездѣ слышалось его ласковое слово, видѣлась привѣтливая его улыбка всюду. Отъ добраго корня и отрасль добрая. У Александра Николаевича, воспитанника Жуковскаго, —всѣ дѣти добры по наслѣдству, потому что *Онъ* самъ добръ.

Впрочемъ, у Государя Николая Павловича было тоже золотое сердце, полное любви къ своему народу и своей семьѣ; Онъ обладалъ возвышеннымъ умомъ, просвѣтленнымъ христіанскимъ ученіемъ, былъ простъ душою и любилъ простоту во всемъ. Несмотря на все это, и его обманывали какъ обманываютъ всѣхъ, стоящихъ высоко..., старая истина...

Когда Великій Князь прощался съ институтомъ, дѣти просили его карточекъ. Его Высочество тотчасъ велѣлъ своему адъютанту записать, сколько въ институтѣ всѣхъ дамъ, пепиньерокъ и воспитанницъ; прямо изъ института Его Высочество самъ заѣхалъ къ фотографу Мальмбергу и снялся два раза: для кабинетныхъ портретовъ и для большого, назначеннаго Аннѣ Петровнѣ.

На всѣхъ карточкахъ и портретахъ его прекрасное молодое лицо носило отпечатокъ задумчивости, между тѣмъ, сестра видѣла его постоянно веселымъ, улыбающимся юношей, какимъ онъ и есть въ дѣйствительности. Что за крѣпкая думушка залегла въ душѣ его въ ту минуту, когда солнце помогало увѣковѣчить для потомства красивыя черты лица его въ полномъ расцвѣтѣ молодости? Будто грусть какая-то отуманила его чудные голубые глаза, все время горѣвшіе яркимъ блескомъ...

Сохрани его, Господи, отъ навѣтовъ вражьихъ, отъ лести тлетворной, губящей самые лучшіе дары!

— Въ день отъѣзда Великаго Князя сестра, въ числѣ многихъ другихъ провожавшихъ, отправилась въ Вознесенскій монастырь. Туда пріѣхалъ Вел. Князь въ одиннадцатомъ часу и былъ, по обыкновенію, встрѣченъ торжественно епи-

скопомъ Мартиніаномъ и всѣмъ духовенствомъ въ праздничномъ облаченіи. Сестра вмѣстѣ съ другими дамами стояла на паперти. Увидавъ ее, Вел. Князь привѣтливо поклонился, улыбаясь своею доброю улыбкою. По окончаніи службы, въ кельяхъ настоятеля былъ приготовленъ завтракъ. Подойдя къ столу, на которомъ стояла закуска, «начните», сказалъ онъ, обратясь къ сестрѣ, предлагая вино.

«Я не пью никакого вина, Ваше Высочество!»

«Дѣти не увидятъ»,—шутя говорилъ Вел. Князь.

За столомъ сестра сидѣла подлѣ него, рядомъ съ нею—жена Забайкальскаго атамана Дитмаръ, далѣе—еще одна дама, и тамъ—адмиралъ Посьетъ. Послѣ тоста за здоровье Его Высочества, Посьетъ сказалъ, обращаясь къ сестрѣ, съ которой онъ успѣлъ познакомиться, встрѣчаясь съ ней пять дней сряду: «Анна Петровна, за ваше здоровье! Пусть продолжаетъ процвѣтать вашъ институтъ, какъ процвѣталъ до сихъ поръ; желать больше нечего; дай Богъ, чтобы онъ остался только такимъ, какимъ есть».

«Благодарю васъ, Константинъ Николаевичъ»,—отвѣтила сестра;—«но я желаю, чтобы мой институтъ шелъ впередъ и впередъ».

«Дай Богъ, чтобы онъ только сохранился такимъ, какъ теперь»,—настойчиво повторилъ Посьетъ, боясь, вѣроятно, чтобы, съ перемѣною начальницы, не измѣнился бы къ худшему и самъ институтъ.

Его Высочество съ своей стороны прибавилъ:

«Je n'aime pas à faire des compliments, mais il faut, que je vous dise, que tout ce qu'il y a de convenable et de plus comme il faut parmi les personnes, que j'ai rencontrées de l'Amour à Irkoutsk,—toutes sont les élèves de l'institut».

[Переводъ]. „Я не люблю говорить комплиментовъ, но долженъ вамъ сказать, что все, что встрѣтилъ прекраснаго и изящнаго между

лицами, которыхъ встрѣчалъ на Амурѣ и въ Иркутскѣ,—это были все воспитанницы института“ [3]).

Само собою, отзывы такого рода, слышанные изъ устъ Его Высочества и уважаемаго Константина Николаевича Посьета, благотворно подѣйствовали на сестру, для которой нѣтъ выше цѣли, какъ преуспѣяніе ея института, и нѣтъ выше награды, какъ доброе слово объ ея воспитанницахъ.

За столомъ кто-то заговорилъ о музыкѣ Оффенбаха, объ его операхъ и направленіи. Сестра, нисколько не стѣсняясь только что заявленнымъ одобреніемъ Великаго Князя нѣкоторымъ произведеніямъ этого композитора, твердо высказала свое мнѣніе, идущее въ разрѣзъ со всѣмъ, выраженнымъ окружающими, стараясь доказать всю пошлость, весь вредъ этого направленія, извращающаго вкусъ общества. «Хотѣла бы я знать»,—заключила она—«прослушавшіе музыку Оффенбаха [4]) цѣлый вечеръ,—на что они способны?»

«Ne faites pas la méchante» (не будьте злы),—сказалъ, улыбаясь, Великій Князь по поводу замѣчанія, вырвавшагося нечаянно изъ устъ сестры во время того же завтрака.

Уѣзжая, Его Высочество подалъ сестрѣ руку, прибавивъ: «Поклонитесь отъ меня всему институту!»

То были послѣднія слова Его Высочества, слышанныя сестрою. Привѣтомъ началъ, привѣтомъ и кончилъ,—и въ продолженіе всѣхъ пяти дней былъ одинаково милостивъ!

Чѣмъ же сестра могла привлечь такое милостивое вниманіе, какъ не своей нравственной высотою; а это дѣлаетъ

[3]) Эти слова Его Имп. Высочествомъ были повторяемы въ С.-Петербургѣ, потому и вошли въ рескриптъ, Высочайше дарованный Аннѣ Петровнѣ 14 сент. 1877 г. (см. ч. 1-я стр. 426 въ примѣч.).

[4]) Оффенбахъ, Жакъ, французск. композиторъ (р. 1819 г.). Впервые выступилъ съ легкой и игривой музыкой на темы басенъ Лафонтена, потомъ оперъ-буффъ—всякаго содержанія, до самыхъ тривіальныхъ. Матеріальный успѣхъ ихъ автора (напр. „Орфей“ далъ Оф. 240.000 фран.) оказался страшно заразителенъ, но распространеніе ихъ служитъ школою *униженія* искусства музыкальнаго и театральнаго (въ чемъ грѣшатъ до сихъ поръ и у насъ въ Россіи).

величайшую честь Алексѣю Александровичу тѣмъ болѣе, что сестра говорила прямо, высказывая свои убѣжденія, ни къ чему и ни къ кому не приноравливаясь.

Стало быть, чистота душевная имѣетъ тоже своего рода обаяніе! Слушалъ же Александръ I по нѣсколько лѣтъ сряду вдохновенную рѣчь честнаго гражданина Карамзина [5]), отстаивавшаго свое отечество отъ любимцевъ Государя, дѣлавшихъ столько вреда Россіи. «Я не безмолвствовалъ», — говоритъ незабвенный Карамзинъ, — «я говорилъ о налогахъ мирнаго времени, о нелѣпой системѣ финансовъ Гурьева [6]), о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ Аракчеева [7]), о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важныхъ сановниковъ, о министерствѣ просвѣщенія, о необходимости уменьшить войско, о настоятельной надобности установить твердые гражданскіе и государственные законы, о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостныхъ народу».

Слушалъ же всѣ эти рѣчи Повелитель всей Европы, строго относившійся и къ своему собственному государству. Стало быть, есть же своего рода красота въ честномъ, умномъ словѣ людей, ничего для себя лично не добивающихся.

Такъ, мнѣ думается, уважаютъ и сестру мою, хотя многіе терпѣть ее не могутъ; между тѣмъ, къ ней вполнѣ примѣнить можно слова Карамзина о Шишковѣ [8]): «незлобива, какъ голубь»!

5) Николая Михайловича (1766—1826 г.). Русскій историкъ, журналистъ и литераторъ.

6) Гурьевъ (Дмитрій Александр.), графъ, министръ финансовъ (1751—1821 г.).

7) Графъ Аракчеевъ, Алексѣй Андреевичъ (1769—1839 г.). Русскій дѣятель, прославившійся своими „военными поселеніями“. (См. „Гр. Аракчеевъ и воен. поселенія“. Спб. 1871 г., „Бунтъ“ военныхъ поселянъ въ 1831 г. „Воспоминанія очевидцевъ“ Спб. 1870 г., „Александръ I въ воен. поселеніяхъ“ „Рус. Стар.“ за 1875 г. т. XII стр. 84 и мн. др.).

8) Шишковъ министръ народн. просвѣщенія (съ 1824—1828 г.); горячій русскій патріотъ, поклонникъ чисто славяно-русскаго корня и

Какъ жаль, что высшіе міра окружены часто людьми, помышляющими только о собственныхъ выгодахъ! Но это — неизбѣжно; въ душу человѣка не проникнуть... Государь или президентъ республики всегда были и будутъ окружены людьми иногда хитрыми, честолюбивыми, сребролюбивыми — и тому подобными; изъ-за нихъ и Державины, и Карамзины выслушиваются, но остаются часто безъ всякаго вліянія; — ихъ уважаютъ, но... и только. Ainsi va le monde... Тѣмъ не менѣе одинъ законный правитель — *Богомъ избранный Государь* — гораздо желаннѣе правителей первой, второй и третьей республикъ, кровью граждан обагрившихъ родную землю и свое возвышеніе и, во мнѣніи всѣхъ, стоящихъ несравненно ниже избранниковъ Божіихъ.

Еще о встрѣчѣ Его И. В. В. Кн. Алексѣя Александровича въ Иркутскѣ.

19 августа. «У насъ въ Иркутскѣ за эти два года было много новаго, и если немного хорошаго, какъ это всегда бываетъ на этомъ свѣтѣ, за то много такого, на что не разсчитывали, о чемъ говорится у насъ вездѣ, и о чемъ умолчу я, ибо это дѣло не хорошее [1]... Всѣ же толки утихли при радостной вѣсти съ востока о скоромъ посѣщеніи Иркутска Его Имп. Высочествомъ Вел. Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ.

Это важное, выдающееся событіе совершилось въ pendant вашимъ петербургскимъ пріемамъ высокихъ посѣтителей — императоровъ.

стиля въ нашемъ языкѣ. В. П., почти не пользовавшаяся иностранными словами въ русской рѣчи, очень сочувствовала взглядамъ Шишкова на русскій слогъ.

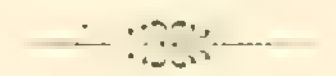
[1]) Взято изъ письма Вар. П. къ Сок-скимъ.

У насъ былъ только одинъ царственный гость, но стоитъ вашихъ двухъ, будь то самъ царь нѣмецкій, или, какъ принято говорить новѣйшимъ языкомъ, самъ Германскій монархъ и повелитель. Да, для русскаго сердца, горячо любящаго свое отечество и своего Государя, отрадно было наконецъ-то увидать одного изъ царскихъ сыновей на одной изъ далекихъ окраинъ земли русской, почти на границѣ Китая. И съ какимъ восторгомъ встрѣтили же его по всей Восточной Сибири! Многіе собирали землю, по которой проходилъ Великій Князь, и прикладывали ту землю къ больнымъ мѣстамъ, *надѣясь на исцѣленіе*. Да, велика преданность народа русскаго ко всему царскому семейству; умѣло пользуясь такою любовію,— можно всего достигнуть, все преодолѣть... Въ Кяхтѣ, по случаю радостнаго событія, купечество пожертвовало 80,000 р. и домъ для женской прогимназіи. Не знаю только, почему купечество отдало преимущество женщинамъ, тѣмъ болѣе, что въ Троицкосавскѣ есть уже женская гимназія; кажется, не мѣшало бы позаботиться прежде о мужскомъ образованіи, которое въ Сибири распространяется весьма слабо, а въ Кяхтѣ—и поразительно слабо. Впрочемъ, то дѣло самихъ жертвователей; спасибо, что въ память пребыванія Вел. Князя хоть о женщинахъ вспомнили; мужчины, вѣроятно, сами о себѣ похлопотать не забудутъ.

Его Высочество Алексѣй Александровичъ прибылъ въ Иркутскъ въ 8 ч. вечера 12 іюля и выѣхалъ отсюда 17-го въ 10 ч. утра. Всѣ пять дней городъ сіялъ по вечерамъ такими огнями, какихъ никогда еще не видали со дня его существованія. Народъ съ утра сновалъ по улицамъ; то тамъ, то тутъ слышалось завѣтное «ура!» Этотъ громкій, раскатистый возгласъ давалъ знать, гдѣ находится въ эту минуту нашъ свѣтъ—красное солнышко Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Каждое утро было посвящено обзору учебныхъ и общественныхъ учрежденій. Иркутскъ вычистился, выбѣлился, выровнялся, украсился фла-

гами, знаменами и попряталъ двѣ трети вывѣсокъ питейныхъ домовъ, чтобы своимъ безобразіемъ не портить общаго пріятнаго впечатлѣнія. Пусть Его Высочество думаетъ, что мы не поощряемъ народъ къ пьянству, а ведемъ его въ нравственномъ развитіи посредствомъ общественныхъ, приличныхъ гуляній, театровъ, бесѣдъ и тому подобныхъ просвѣтительныхъ развлеченій. Институтъ нашъ выше всѣхъ красовался своими знаменами; ихъ было что-то очень, очень много; на крышѣ, на оградѣ, у подъѣзда — вездѣ развѣвались эти видимыя проявленія радостнаго чувства, сокрытаго въ сердцѣ. Вѣроятно наши флаги первые привѣтствовали на слѣдующее утро пробужденіе Вел. Князя въ городѣ Иркутскѣ; вѣдь между институтомъ и домомъ генералъ-губернатора только одна улица и нѣтъ въ нашемъ сосѣдствѣ другихъ зданій; кругомъ зелень, среди которой высится нашъ мирный питомникъ, гдѣ растутъ и другіе тоже живые цвѣты, одинъ изъ которыхъ, высушивъ, — я пришиваю здѣсь.

Страненъ былъ въѣздъ Великаго Князя въ городъ. Въ коляскѣ съ ген.-губернаторомъ онъ сидѣлъ по лѣвой сторонѣ въ шинели и простой фуражкѣ. Народъ вообразилъ, что то простой офицеръ, и даже никто шапки не снялъ. Такъ прибылъ онъ въ соборъ, такъ ѣхалъ почти до самаго дома г.-губернатора среди общей тишины, въ облакахъ иркутской пыли. Къ счастію, тутъ стоялъ отрядъ солдатъ: при появленіи Великаго Князя грянула музыка и могучее потрясающее «ура» огласило воздухъ. Въ числѣ многихъ, мы съ сестрой стояли на валу у самаго конца большой улицы, по которой неслась во весь опоръ коляска Великаго Князя; и неловко и досадно было встрѣчать такъ дорогого Гостя.

1874 г.

Отъѣздъ изъ Иркутска въ Петербургъ. — Путь до Тюмени. — Томскъ. — Красноярскъ и Тобольскъ.

11 іюня. Цѣлый этотъ годъ, наиболѣе обильный для насъ разнообразіемъ впечатлѣній, вслѣдствіе поѣздки въ Петербургъ, гдѣ думали остаться навсегда, сохранился въ моей памяти не переданнымъ бумагѣ.

19 августа 1873 г., въ воскресенье, въ 6 час. утра мы выѣхали изъ Иркутска, проведя всю ночь безъ сна. Наканунѣ, послѣ всенощной, служили намъ напутственный молебенъ, при которомъ протоіерей о. Александръ Орловъ [1]), законоучитель института, сказалъ теплое, задушевное прощальное слово и освятилъ икону Покрова Пресвятой Богородицы, которую сестра выписала изъ Москвы, чтобы благословить ею покидаемый институтъ, гдѣ, съ соизволенія Божія, работала неустанно въ продолженіи пятнадцати лѣтъ [2]).

По окончаніи службы, сестра стала прощаться съ дѣтьми, благословляя каждую отдѣльно. Всѣ, находившіеся въ церкви, были въ слезахъ. Мнѣ тяжело было смотрѣть и я поспѣшила уйти. Изъ церкви всѣ зашли къ намъ, и, когда комнаты опустѣли, Анна Петровна снова поднялась къ дѣ-

[1]) См. 1873 г. 13 іюня пр. 2.
[2]) Т. е. съ 1858 г.

тамъ; обошла всѣ классы, всѣ спальни, снова перекрестила всѣхъ дѣтей, осѣнила крестнымъ знаменіемъ всѣ покои и вернулась около полуночи, истомленная физически и нравственно.

Всѣмъ объявляли, что выѣзжаемъ въ 8 ч. утра, между тѣмъ собирались выѣхать ночью, чтобы избѣжать тягостныхъ прощаній съ дѣтьми, съ которыми сестра въ послѣдній разъ, будучи не въ состояніи видѣть ихъ безъ слезъ, простилась письменно, передавъ письмо старшей класной дамѣ Мурниковой [3]), прося на другой день прочесть его всѣмъ воспитанницамъ.

Въ пять часовъ, когда институтъ еще не просыпался, мы тихонько тронулись въ путь. До первой станціи не могли удобно усѣсться; но потомъ снова все переложили и проѣхали бы отлично до Томска, еслибы не починка экипажа, которымъ насъ обманули, продавъ намъ довольно дорого никуда негодный, пользуясь нашимъ совершеннымъ незнаніемъ въ этомъ дѣлѣ. Въ Иркутской губерніи дороги были отличныя, благодаря проѣзду Великаго Князя. Первые четыре дня солнце ярко свѣтило, и я съ наслажденіемъ любовалась на живописные виды, которыми такъ изобилуетъ Восточ. Сибирь. Въ Красноярскѣ мы принуждены были бросить свой тарантасъ и перемѣстились въ другой, предложенный полковникомъ Нарскимъ [4]), чѣмъ избавились отъ дальнѣйшихъ дорожныхъ непріятностей.

Красноярскъ — красивый городъ; въ немъ мы пробыли только нѣсколько часовъ, отдохнувъ въ гостепріимномъ домѣ Нарскаго, гдѣ я впервые увидѣла его жену, милую, симпатичную женщину. Отсюда до самаго Томска мѣстность гористая; дороги, размытыя дождями, очень плохи; тѣмъ не менѣе я не скучала и, пріѣхавъ 30 августа въ Томскъ, мнѣ жаль было раз-

---

[3]) Марія Михайловна. Въ Иркутск. инстит. служила съ 1855—1875 г.

[4]) Нарскій—знакомый вдовы Полынцевой, ѣхавшей съ ними изъ Иркутска, гдѣ мужъ ея служилъ учителемъ.

статься съ тарантасомъ. Пассажирскій пароходъ Колчина [5]) только-что ушелъ утромъ въ 4 ч. Намъ приходилось ждать 6 дней до слѣдующаго. Между тѣмъ, товаро-пассажирскій пароходъ того же Колчина отправлялся 1 сентября; кромѣ того было еще удобство: намъ разрѣшили тотчасъ перебраться туда и занять весь первый классъ, потому что кромѣ насъ другихъ пассажировъ не было. Такъ мы и порѣшили и почувствовали себя, какъ дома. Наступило холодное, пасмурное, дождливое время; вѣтеръ гулялъ по широкой мутной Оби, вздымая волны, бѣлѣвшіяся на сѣрой поверхности водъ. Пароходъ трещалъ, и страшно было намъ съ непривычки; пустынные, скалистые, дикіе берега наводили тоску; селеній по Оби почти не встрѣчалось; рады радехоньки были, когда завидимъ какую-нибудь убогую деревушку. Только 9 сентября, недалеко отъ Тобольска, услышали въ первый разъ благовѣстъ и увидали золотой крестъ, сіявшій на храмѣ Божьемъ. То вдали былъ Тобольскъ. Въ него мы прибыли въ тотъ же день около полудня, бросили якорь, и пользуясь часовою стоянкой, я поѣхала осматривать городъ, т. е. хотя мелькомъ взглянуть на его древнія постройки. Общій видъ мнѣ особенно понравился своею стариной; жаль, что не могла обстоятельно все разсмотрѣть.

Иртышъ бушевалъ не хуже Оби,—онъ почти такъ же широкъ, какъ она. Но что за прелесть его берега! Лѣтомъ, думаю, трудно глазъ отвести отъ ихъ живописныхъ очертаній; даже пасмурной осенью мы любовались ими. Воображаю, какой дивный видъ они представляютъ въ лѣтній, ясный денекъ!...

Населить бы тѣ даромъ пропадающія пустынныя пространства, и какъ бы они зацвѣли и кормили бы сотни

---

[5]) Колчинъ—содержатель пароходовъ, совершавшихъ рейсы по р. Оби.

тысячъ людей [6]). Сколько у насъ свободной земли, а все жалуются на *бѣдность*, безземелье; далеко-жъ отъ столицъ уѣзжать не хотятъ и не понимаютъ всѣхъ удовольствій сельскаго хозяйства, дающаго столько нравственныхъ прелестей...

Еще удивляетъ меня, какъ никто не желаетъ изслѣдовать почву этихъ береговъ? Видъ ихъ очень загадоченъ и страненъ: они словно обтесаны и разрисованы довольно правильными черными очертаніями на каменистомъ желтоватомъ полотнѣ. На протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ виднѣются все тѣ же стѣны, исписанныя природою al fresco.

Жаль мнѣ было, что на пароходѣ не у кого было спросить объясненія причинъ тѣхъ причудливыхъ изображеній; такъ и осталась я до сихъ поръ въ недоумѣніи относительно ихъ геологическаго строенія. Въ Петербургѣ истинно-ученыхъ въ обществѣ я почти не встрѣчала; здѣсь, въ Иркутскѣ,—тѣмъ менѣе; вѣроятно умру ранѣе, чѣмъ встрѣчу что-нибудь объ изслѣдованіи таинственныхъ береговъ Иртыша. Что же дѣлаютъ учившіеся изъ семи университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, назначеніе которыхъ — подготовлять молодыхъ людей къ ученымъ изслѣдованіямъ, къ примѣненію наукъ къ живому дѣлу, къ пользѣ человѣка?... Зато всѣ мечтаютъ быть чиновниками, ими наводняютъ землю русскую, а много-ли способныхъ къ вдумчивому труду? Медики? — Медицинскіе факультеты полны, а взгляните: русскихъ докторовъ нѣтъ, а въ провинціи—никакой медицинской помощи,—если лечатъ, то преимущественно поляки да нѣмцы. Такъ было встарь, такъ продолжается и въ наше время, и врядъ-ли скоро можно

---

[6]) Объ этомъ заботилась еще Императрица Екатерина II-я. Въ 1773 г. 2 сент. былъ Высочайшій докладъ „объ умноженіи хлѣбопашества въ Иркутской губерніи“. Замѣчательное собственноручное Ея Величества заключеніе на докладѣ объ этомъ можно читать въ бумагахъ Императрицы Екатерины II-й, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ. Изданіе 1874 г. академика Я. Грота (т. III. стр. 358).

ожидать перемѣны къ лучшему: самоотверженіе даже у молодыхъ не въ модѣ.

«Всегда такъ будетъ и бывало,
Таковъ издревле бѣлый свѣтъ:
Ученыхъ много—умныхъ мало,
Знакомыхъ тьма,—*а друга нѣтъ*»,

читала я когда-то у одного изъ русскихъ поэтовъ [7]); и все потому, что мало воспитываютъ сердце и не сохраняютъ вѣру во Вседержителя...

Въ Тюмень мы прибыли 11 сент. въ 8 ч. вечера. Освѣщенныя пристани нѣсколькихъ пароходныхъ обществъ оживляли берегъ, что намъ очень приглянулось послѣ одиннадцатидневнаго странствія среди непривѣтливыхъ, безлюдныхъ береговъ Оби, Иртыша и Тавды [8]). На пароходъ явились къ сестрѣ: знакомый купецъ 1-й гильдіи Молодыхъ, городской голова, и городской исправникъ Игумновъ съ предложеніемъ услугъ. Молодыхъ пригласилъ тотчасъ переѣхать къ нему въ домъ, гдѣ все уже было готово для пріема сестры. Игумновъ тоже старался угодить намъ. Мы были очень благодарны имъ обоимъ, тѣмъ болѣе, что городъ незнакомый и намъ нужно было найти и выбрать тарантасъ въ дорогу до Перми.

За послѣднія пятнадцать лѣтъ, что мы провели въ Иркутскѣ, г. Тюмень очень разроссся, вѣроятно благодаря пароходству; лѣтъ черезъ десять онъ несомнѣнно будетъ одинъ изъ замѣчательныхъ торговыхъ пунктовъ и возьметъ верхъ надъ остальными городами Тобольской губерніи. Богатое здѣсь купечество, оживленная торговля и судоходство,—все обѣщаетъ ему цвѣтущую будущность, особливо когда примкнетъ сюда желѣзная дорога и соединитъ Западную Сибирь съ остальнымъ русскимъ краемъ. Давно уже

[7]) Эпиграмма А. С. Пушкина (эпитафія „покойникъ Клитъ"...).
[8]) Тавда впадаетъ въ Обь.

хлопочутъ о проведеніи *этого* пути, но проходятъ десятки лѣтъ, западная окраина государства во всѣхъ направленіяхъ пересѣкается рельсами, а Востокъ, начиная отъ Нижняго, остается въ первобытномъ состояніи, и средоточіе русской торговли—Нижній-Новгородъ совершенно разобщенъ съ восточной половиной Россіи, гдѣ путь почти до Тюкалинска [9]) нерѣдко становится непроѣзднымъ отъ безчисленнаго множества обозовъ, тянущихся отъ самой Кяхты и Нерчинска вплоть до Нижняго.

Отъ Тюмени до Перми.—Казань, Волга, Саратовъ.—Свиданіе съ родными.

14 іюня. Мы собственнымъ опытомъ извѣдали всю тяжесть переѣзда отъ Тюмени до Перми. Были станціи, что мы тянулись по 4 версты въ часъ, безпрестанно подвергаясь опасности сломить себѣ шею отъ множества ямъ, ухабовъ, выбоинъ, косогоровъ, покрытыхъ аршинной густой грязью. Экипажъ у насъ былъ крѣпкій, легкій; проводникъ—расторопный, смышленый; тѣмъ не менѣе горя натерпѣлись вдосталь. Проведите желѣзную дорогу и вы тѣмъ устраните множество невзгодъ, выпадающихъ теперь на долю тысячъ людей...

А какъ хороша Пермская область! Когда погода позволяла, мы всходили на горы и спускались съ горъ пѣшкомъ, во время этихъ восхожденій и спусковъ любовались окрестными видами, полными художественной красоты...

Не знаемъ мы своего отечества и, по отсутствію въ насъ гражданской доблести, да по непредпріимчивости, и знать не хотимъ: тратимъ жизнь, деньги, здоровье и умственныя силы на

---

[9]) Тюкалинскъ—заштат. городъ Тобольск. губ., Омск. округа, на р. Тюкалкѣ.

раззорительныя удовольствія заграницей... Приложить бы трудъ и умѣнье у себя дома, и какъ бы можно было поднять благосостояніе милліоновъ русскихъ людей! И какъ бы облагородилась и осмыслилась наша жизнь, *русская*, трудовая!—Намъ не дождаться этого счастливаго времени; но я твердо вѣрю, что оно настанетъ [1]).

Отъ Екатеринбурга до Перми дороги окаймлены высокими насыпями, усаженными плакучими березами, что придаетъ имъ много прелести. Съ березъ спускалась, словно золотистая мантія, листва до самой земли, чуть волновавшаяся отъ легкаго вѣтерка. Во время затишья деревья, точно очарованныя, стояли, не шевеля ни единымъ листкомъ. Лежа въ тарантасѣ, я глазъ не спускала съ плакучихъ березъ, удивительно живописныхъ въ своихъ богатыхъ, зеленыхъ одеждахъ.

Въ Перми прожили мы двое сутокъ въ довольно порядочной гостинницѣ, но очень дорогой, какъ и всѣ тѣ остальныя, гдѣ намъ приходилось останавливаться. Городъ постройками весьма чистенькій, но улицы очень грязны, дорожки узки, неудобны; тротуары плохи, гостинный дворъ гораздо хуже Иркутскаго, жизнь, по видимому,—самая патріархальная. Во время проѣзда Великаго Князя, жена исправника замѣняла «отсутствующую губернаторшу», о чемъ намъ, какъ о событіи, разсказывали съ важнымъ и озабоченнымъ видомъ, что было крайне смѣшно.

Пароходъ «Купецъ» общества Кавказъ и Меркурій, на которомъ отправились мы изъ Перми, оказался очень удобнымъ и отличался своимъ прекраснымъ буфетомъ; первый классъ снова былъ пустъ и отданъ весь въ наше распоря-

---

[1]) Мы, читатель, счастливы видѣть осуществленіе этой мечты Варв. Петровны, начало которому положилъ незабвенный Императоръ Александръ III, а надъ продолженіемъ такъ усердно трудится Императоръ Николай II-й, состоя Предсѣдателемъ комитета по постройкѣ великаго Сибирскаго пути.

женіе, что, разумѣется, было намъ очень пріятно. Кама [2]) шалила, подобно своимъ азіатскимъ сестрамъ, и на пароходѣ все дрожало; книги не было ни одной, только два листка «Голоса» или «Бирж. Вѣдомостей», — не упомню хорошенько, прочла и больше нечего было читать; — скука страшная.

Въ Казань мы прибыли около 10 ч. в. и во весь длинный переѣздъ отъ самаго Иркутска въ первый еще разъ мы были предоставлены самимъ себѣ; не зная, куда дѣваться въ такой поздній часъ со всѣми чемоданами, подушками и пр. и пр., мы попросили дозволенія поставить вещи по близости, тутъ же на пристань, въ такъ называемую контору. Для двухъ женщинъ, почти безпомощныхъ, такое положеніе оказалось чѣмъ-то ужаснымъ: конторою называлась грязная, холодная комната, выходящая въ холодный же корридоръ, изъ котораго былъ выходъ прямо на улицу. Ни замка въ дверяхъ, ни души кругомъ. Совершенно однѣ провели мы ночь, не смыкая глазъ, боясь лечь на какой-то грязный, не то диванъ, не то ларь: что-то безцвѣтное и безформенное. Утромъ, чуть свѣтъ, сестра пошла отыскивать пристань общества Волжскаго пароходства, нашла ее и мы тотчасъ велѣли перенести туда всѣ наши пожитки. Комната оказалась чистенькая, служащіе — вѣжливы; вскорѣ закипѣлъ на столѣ самоваръ, принесли густыхъ сливокъ, разнаго вкуснаго печенья, — и мы забыли неудобства ночного пребыванія въ грязной, неуютной конторѣ общ. «Кавказъ и Меркурій».

Часовъ въ 8 утра заняли мы семейную каюту, очень просторную, удобную, гдѣ могутъ помѣститься трое. Здѣсь мы обѣдали, пили чай, работали, читали и принимали сосѣдей изъ другихъ каютъ. Все было бы хорошо, будь немножко потише и побольше покоя. Пассажиры же цѣлую ночь и цѣлый день шумѣли въ залѣ; говорятъ, то былъ съѣздъ членовъ Волжскаго общества: они толковали о пароходныхъ

---

[2]) Кама беретъ начало въ Вятск. губ., лѣвый притокъ Волги.

дѣлахъ, но намъ отъ этого не были легче. Тутъ же на пароходѣ услышали мы въ первый разъ пѣвучій, красивый русскій говоръ. Въ Иркутскѣ говорятъ скоро, съѣдая гласныя, такъ что для иностранца слышится *нестройное жужжанье*. На Волгѣ же и въ Москвѣ народная рѣчь ясная, звучная, гармоничная, пѣвучая. Въ туманномъ иноземномъ Петербургѣ — далеко не такой пріятный говоръ: нѣтъ той чистоты, той музыкальности въ голосѣ. Мы съ сестрой съ особеннымъ удовольствіемъ прислушивались къ мѣстному разговору: проведя всю жизнь въ Петербургѣ, потомъ, въ Иркутскѣ, нельзя было не понять всей прелести родного русскаго языка...

Волга вела себя тоже очень дурно: всплески волнъ ударяли въ окна каюты. Время осеннее — добра нечего ждать. Но мы, вѣроятно, попривыкли къ плаванію и потому не боялись; къ тому же капитанъ попался хорошій, внимательный, пароходъ не особенно валкій, такъ что мы не очень чувствовали волненіе на рѣкѣ. Сама-же Волга наводила на много думъ о нашей первой молодости, проведенной на ея берегахъ. Какъ живой, возникалъ въ памяти любимый отецъ, благословлявшій насъ передъ смертью..., видѣла я себя живою, впечатлительной молодой дѣвушкой, со скорбію и страхомъ смотрѣвшей на грустное лицо умирающаго отца, котораго мнѣ никогда не забыть... Представлялся мнѣ отецъ въ гробу, какъ ночью я стою у его гроба, вглядываюсь и цѣлую потухшія очи родного, говорю съ нимъ и жду его отвѣта [3]). Въ мертвомъ лицѣ не было ничего страшнаго, — напротивъ, казалось, онъ заснулъ глубокимъ, спокойнымъ сномъ, такъ что мысль о смерти родного изчезала сама собою...

Днемъ, среди суеты, я развлеклась; но вечеромъ, глядя на Волгу, въ которой играли серебристые лучи мѣсяца, снова приходили мнѣ въ голову молодые годы, и я съ боль-

[3]) См. зап. ч. 1-я 1839 г. стр. 113—126.

шимъ нетерпѣніемъ ожидала свиданія съ родными въ Саратовѣ.

Ярко и тепло свѣтило солнце, когда пароходъ приставалъ къ родному городу [4]). У меня духу не хватало подняться на палубу и посмотрѣть, не ждутъ-ли насъ на берегу. Анна Петровна пошла туда одна и черезъ нѣсколько минутъ вернулась вся взволнованная. Меньшая сестра Ольга [5]), съ которой мы не встрѣчались послѣ выпуска ея изъ Смольнаго, гдѣ она росла общимъ баловнемъ дамъ, учителей и подругъ, — Ольга, увидѣвъ Анну Петровну, несмотря на окружающую толпу, выкрикнула имя «Нуты», которымъ ее звали въ дѣтствѣ: «Анюточка! Варинька гдѣ къ вамъ пройти?»

Сестра сошла внизъ, прося капитана парохода разрѣшить ей привести къ намъ сюда все свое семейство, чтобы первое свиданіе произошло здѣсь, а «не на людяхъ». Тогда. . . . . . но такія минуты не описываются...

Грустно посмотрѣла я на состарѣвшуюся горячо любимую сестру Елизавету Петровну [6]), отдавшую себя, согласно завѣщанію отца, на служеніе семьѣ, закрывшую глаза отцу, покойной мачихѣ, и взявшую на себя попеченіе о меньшихъ братьяхъ и сестрахъ, а теперь лелѣющую одну изъ дочерей брата Валеріана [7]),—малютку Илю, къ которой привязалась всей силою своей доброй души. Ольга все еще свѣжа и хороша, хотя 15 лѣтъ минуло послѣ ея выпуска.—Сестра Соня [8]), извѣстная своей красотой въ Смольномъ и въ Саратовѣ, до сихъ поръ иногда бываетъ замѣчательно хороша,

[4]) Саратову, см. зап. ч. 1-я 1837 г. стр. 101—124.

[5]) Ольга Петровна Б., сестра по мачихѣ. (См. зап. ч. 1-я стр. 152, 139 и 223).

[6]) Сестра отъ одной матери—она же „Пыдочка", или „сестрицынька", самая старшая сестра († въ 1876 г.). См. зап. часть 1-я, стр. 51. 113, 124 и др.

[7]) Валеріанъ П. отъ мачихи.

[8]) Софья Пет. (отъ мачихи), восп. Импер. об. бл. дѣв. вып. 1851 г., по мужу Городецкая.

несмотря на то, что у самой—молоденькая красивая дочь, въ эту зиму въ первый разъ выѣзжавшая на балы. У Лизы [9]), нашей племянницы, чистый славянскій обликъ: каштановые волосы, кроткіе голубые глаза, окаймленные пушистыми, длинными рѣсницами и ярко-розовый румянецъ. Привлекательное личико! Другая дочь Сони, институтка Оля, живая, черноглазая дѣвочка, похожая на своего старшаго брата Володю; оба напоминаютъ своего покойнаго отца, тоже замѣчательно красиваго мужчину. Здѣсь же мы встрѣтились съ братомъ Никол. Петровичемъ [10]), спустя 25 лѣтъ послѣ выпуска его изъ 1-го кадетскаго корпуса. Говорить нечего, какъ онъ долженъ былъ измѣниться за четверть столѣтія нашей разлуки и что сталось съ тѣмъ бѣленькимъ юношей, который, казалось, такъ недавно прощался съ нами, отправляясь на службу въ Саратовъ... Да, все измѣнилось, и я не узнала даже Саратова; онъ показался намъ совсѣмъ чужимъ городомъ, будто и не жила я въ немъ, а между тѣмъ вся первая молодость, по выходѣ изъ Смольнаго, прошла здѣсь.

Первый выѣздъ былъ на могилу къ *родному*, съ которой я увезла въ Сибирь нѣсколько цвѣтковъ и травку. Завидя тотъ завѣтный холмикъ, я быстро пошла къ нему и съ рыданіемъ бросилась на землю, подъ которой уже 30 лѣтъ покоится прахъ отца. Не знаю, какъ я молилась, но помню, что цѣловала землю, готова была провести цѣлый день на могилѣ, если бы оставили меня здѣсь одну. Сознаніе, что тутъ лежитъ мой любимый отецъ, заставило пережить снова все то, что было связано съ его смертью. Я забывала, что я сама уже состарилась и, вѣроятно, скоро покину землю... Я помнила только, что тутъ лежитъ отецъ любимый, съ которымъ свидѣлась спустя тридцать лѣтъ, и что мнѣ нужно

[9]) Елизав. Александровна Городецкая. Ольга Александр. восп. въ Саратов. инстит. вып. 1871 г.

[10]) Николай Петровичъ Б., см. зап. ч. 1-я стр. 107.

съ нимъ о многомъ, многомъ переговорить. Я страдала, но все же рада была видѣть дорогую могилу!..

Но полно объ этомъ...

Петербургъ.—Представленіе сестры Государынѣ.—Вниманіе Императрицы къ сестрѣ.—Отъѣздъ обратно.

28 декабря. Въ Саратовѣ мы прожили 11 дней въ кругу родныхъ и 8 октября, вечеромъ, по желѣзной дорогѣ отправились въ Петербургъ. Въ Москвѣ остановились только на нѣсколько часовъ въ гостинницѣ и прибыли въ Петербургъ 11 октября въ 10 ч. утра.

На дебаркадерѣ ждалъ насъ братъ Валеріанъ съ женою, и мы, по усердной ихъ просьбѣ, поселились въ ихъ домѣ на всѣ три мѣсяца, проведенные въ Петербургѣ.

Петербургъ за 15 лѣтъ много обстроился, украсился и расширился; но онъ все тотъ же «Петербургъ», какимъ мы его знали раньше: та-же роскошь магазиновъ, тотъ-же сіяющій Невскій и обѣ Морскія; только я отвыкла отъ его широкихъ улицъ, отъ пятиэтажныхъ домовъ, отъ постояннаго грохота экипажей, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвыкла отъ грязи, слякоти, грязносѣраго цвѣта неба и болотныхъ испареній, по милости которыхъ, ровно черезъ мѣсяцъ, я занемогла и проболѣла до самаго выѣзда «изъ царства холеры, тифовъ и всякихъ недуговъ».—Но не будь такого отвратительнаго климата и дороговизны, нигдѣ такъ хорошо не жилось бы, какъ въ Петербургѣ.—Мы были здѣсь такъ обласканы; встрѣтили такъ много старыхъ знакомыхъ, что и выѣзжать отсюда не хотѣлось... Притомъ же въ Петербургѣ симфоническіе концерты, дающіе множество наслажденій: кромѣ того— вечера въ консерваторіи, русская опера, хорошее пѣніе въ нѣкоторыхъ церквахъ, здѣсь жизнь кипитъ, и всякій можетъ жить, какъ хочетъ. Мы съ тѣмъ и пріѣхали, чтобы совсѣмъ

поселиться въ Петербургѣ. Но Господь судилъ иначе,—и благословенны судьбы Его!

Болѣзнь моя до того приковала вниманіе сестры, что она только спустя два мѣсяца по пріѣздѣ просила позволенія представиться Ея Величеству и поблагодарить за милостивый рескриптъ и брилліантовый браслетъ, полученный за послѣдній выпускъ [1]). Благодаря Великому Князю Алексѣю Александровичу, рескриптъ удивилъ всѣхъ своею особенной задушевностью. Такъ какъ сестра испрашивала четырехмѣсячный отпускъ для отдыха и поправленія здоровья, Государыня изъявила при рескриптѣ желаніе видѣть сестру по прибытіи въ Петербургъ, *чтобы лично изъявить ей Свою признательность.*

10 декабря, перекрестивъ, благословила я мою милую Анну Петровну на путь въ Зимній дворецъ предъ царскія очи. Разумѣется, мы обѣ волновались; я даже не могла приколоть ей шифръ,—такъ дрожали руки...

Цѣлыхъ четыре часа ждала я съ безпокойствомъ возвращенія сестры; наконецъ, передъ обѣдомъ, она вернулась покойной, улыбающейся, и я снова перекрестилась, съ облегченнымъ сердцемъ возблагодаривъ Господа.

Во дворцѣ сестра болѣе получаса прождала, пока позвала ее Государыня [2]).

Войдя въ залу, она увидала, что дама идетъ къ ней на встрѣчу; по своей близорукости она подумала, что это кто нибудь изъ придворныхъ; каково же было ея удивленіе, когда

[1]) См. зап. ч. 1-я стр. 425. Рескриптъ 20 авг. 1873 г.

[2]) Здѣсь у Анны Петровны произошелъ случайный, но весьма интересный разговоръ съ ожидавшимъ пріема Императрицы кн. Об. объ Иркутскомъ ген.-губернаторѣ. Оба собесѣдника были о немъ діаметрально противоположныхъ взглядовъ,—одинъ основывалъ свои отзывы на основаніи личнаго съ нимъ знакомства, службы и наблюденій,—другой на основаніи донесеній». А. П., не зная хорошо, съ кѣмъ говоритъ, высказала очень много правды за несправедливости къ подчиненному,—его начальнику.

наконецъ она узнала Государыню Марію Александровну, подававшую ей руку. Въ первыя минуты такая неожиданность смутила сестру; но потомъ, при дальнѣйшемъ милостивомъ обращеніи Государыни, всякое смущеніе исчезло, и сестра спокойно разговаривала, опустившись возлѣ дивана въ кресло, по приглашенію Ея Величества! Государыня очень внимательно разспрашивала объ институтѣ, одобряла все выслушанное и, проговоривъ или, лучше сказать, прослушавъ сестру около $^3/_4$ часа, вышла въ другую комнату, а оттуда вернулась уже вмѣстѣ съ Государемъ [3]), такъ что сестра имѣла счастіе видѣть и Его Величество, подавшаго ей руку и почтившаго ее милостивыми разспросами.

Отпуская Анну Петровну, Государыня сказала: «мы еще увидимся», что вѣроятно значило: «просите другой разъ позволенія представиться мнѣ». — Но этому не суждено было сбыться. Сестра, принятая такъ привѣтливо Царицею, не нашла удобнымъ замолвить слово объ отставкѣ; но изъ Зимняго дворца поѣхала прямо къ секретарю Ея Величества Шторху [4]), котораго просила повергнуть къ стопамъ Государыни просьбу объ отставкѣ. Шторхъ, убѣждая ее остаться на службѣ, увѣрялъ, что Государыня не согласится уважить ее, тѣмъ не менѣе, обѣщалъ представить Ея Величеству желаніе сестры.

— Дня черезъ два, посѣтивъ сестру, онъ вошелъ со словами: J'ai de très bonnes nouvelles à vous communiquer, Анна Петровна; vous avez produit une excellente impression sur Sa Majesté; et puis, selon votre désir, l'inspecteur a obtenu la gratification demandée».

«Et mon congé? en avez-vous parlé à Sa Majesté?»

«Oui, Анна Петровна, j'en ai parlé; mais à peine ai-je

---

[3]) Александромъ II-мъ Николаевичемъ (см. зап. ч. 1-я, стр. 392).

[4]) Шторхъ, Николай Андреевичъ, дѣйств. т. сов., статсъ-секретарь, почетный опекунъ.

énoncé votre désir, que l'Impératrice s'est écriée: «que Dieu préserve! qu'elle se repose autant qu'elle veut, un an même, si l'état de sa santé l'exige; mais qu'elle continue de servir».

[Переводъ]. „Я имѣю хорошія извѣстія сообщить вамъ, Анна Петр.: вы произвели прекрасное впечатлѣніе на Ея Величество и, потомъ, по вашему желанію, инспекторъ получилъ испрошенную вами награду".

— „А объ отставкѣ моей говорили Ея Величеству?"

„Да, Анна Петровна, я объ этомъ говорилъ, но едва только выразилъ ваше желаніе, Императрица воскликнула: „избави Богъ, пусть она отдыхаетъ цѣлый годъ, если того требуетъ ея здоровье, но пусть продолжаетъ службу".

Что было дѣлать? Оставаться на службѣ въ Петербургѣ,— поступать въ другой институтъ?.. Надо бы было привыкать къ новымъ лицамъ,—не хотѣлось сестрѣ.—Если обязательно уже нужно продолжать службу, то лучше въ своемъ институтѣ, почти созданномъ ею, куда она поступила спустя только 12 лѣтъ послѣ его основанія и гдѣ прослужила 15 лѣтъ. Но, какъ ѣхать?—Дорога отъ Иркутска до Петербурга обошлась намъ около 1,000 рублей, да пребываніе въ Петербургѣ болѣе 2,000; ѣхать назадъ—не съ чѣмъ; притомъ же дороги страшныя; я совсѣмъ больная; всѣ знакомые возстали противъ нашего отъѣзда.

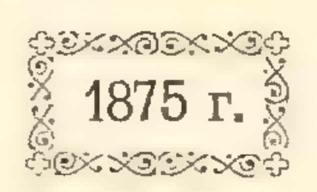
При первомъ новомъ свиданіи со Шторхомъ, Анна Петровна объявила ему, что не имѣетъ средствъ ѣхать въ обратный и дальній путь, а что если ѣхать необходимо, то медлить нельзя, — надобно выѣзжать въ началѣ января, потому что дороги и теперь уже изрыты ухабами и очень опасны. Тотчасъ всѣ затрудненія были улажены: по повелѣнію Государя выдано 1,500 р. на проѣздъ; баронъ Веліо, директоръ почтъ, далъ предписаніе всѣмъ почтовымъ чиновникамъ по пути нашего слѣдованія способствовать «покойному и удобному» проѣзду сестры, — такъ что намъ пришлось сряду готовиться къ отъѣзду.

Въ это время шли приготовленія къ свадьбѣ Великой

Княжны Маріи Александровны. Государыня, естественно, вся была предана мысли о предстоящемъ важномъ семейномъ событіи, а потому только въ милостивыхъ словахъ передала Шторху сожалѣніе, что въ эти дни не можетъ видѣть Анну Петровну, значитъ—нужно было обождать, но длинный, тяжелый путь пугалъ насъ. Не откладывая, 16 января 1874 г. выѣхали мы обратно въ Иркутскъ, не предвидя того, что тамъ насъ ожидало...

1875 г.

Успѣхи въ музыкѣ.

14 іюня. Благодарю Господа, даровавшаго мнѣ силы образовать еще одну замѣчательную піанистку.

Сегодня давала я послѣдніе уроки музыки воспитанницамъ выпускного курса и закончила Таней Харинской [1]) на концертѣ Вебера, который она исполнила артистически; хотя бы самъ Рубинштейнъ [2]) прослушалъ ее и тотъ остался бы совершенно доволенъ: чистота, глубина звуковъ, быстрота, изящество, пѣвучесть — все соединяетъ въ себѣ эта юная артистка; читаетъ ноты тоже легко. Еще бы года два серьезнаго занятія — и моя Таня не уступила бы никакой Есиповой [3]); тѣмъ болѣе, что ей всего шестнадцать лѣтъ. Къ сожалѣнію, кажется, она не будетъ продолжать уроковъ музыки; сама же слишкомъ молода и не цѣнитъ, что такъ щедро одарена. Сегодня она попеременно исполнила прекрасно: Рапсодію — Листа, Польскій — Шопена, Польскій — Вебера, двѣ ноктюрны

---

[1]) Харинская, Татьяна В., восп. Иркутск. инст., вып. 1875 г., по мужу Савелова (см. 1873 г. 18 мая).

[2]) Рубинштейнъ, Антонъ Григорьевичъ, знаменит. піанистъ (ум. 1894 г.).

[3]) Есипова—даровитая русская піанистка, входившая въ то время въ славу.

тюрны Шопена sol min. и mi maj., извѣстный вальсъ Шопена,—и это почти все безъ перерыва. Рапсодію играла наизусть; — духъ захватываетъ: — несется на всѣхъ парахъ. Грустно, если ея способности заглохнутъ подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ... Моя бѣдная, моя милая Таня! Голубушка! Послѣ урока она обняла меня, заплакала и такъ крѣпко сжала своими рученками, что у меня даже слезы брызнули.

Господь да благословитъ ее на новомъ пути.

Маня Рычкова [4]) тоже обѣщаетъ много, но она еще совсѣмъ ребенокъ и занималась всего 4 года, изъ которыхъ одинъ почти потеряла по болѣзни. Мы съ ней будемъ еще заниматься.

Маня Шешукова [5]), когда захочетъ, играетъ очень хорошо; сегодня, напримѣръ, исполнила безупречно двѣ блестящія фантазіи на мотивы изъ Навуходоносора и Лючіи. Исполненіе весьма разнообразное и осмысленное: нѣжность, и силу, и блескъ умѣетъ придать своей игрѣ. Прекрасно сыграла она извѣстную фантазію Осберна на Miserère Троватора. Жаль, что... ну да дѣло прошлое!.. Жизнь дастъ толчекъ, и все можетъ измѣниться...

Не думала я дождаться этого выпуска; казалось, все было рѣшено, что покинемъ навсегда институтъ, а вотъ и опять мы трудимся въ немъ!..

Помоги намъ, Господи!..

[4]) Марія Рычкова, вып. 1875 г. (по мужу Рупская).

[5]) Марія Павлов. Шешукова, вып. 1875 г.; оконч. курсъ въ С.-Петерб. консерваторіи (по мужу Поторочина). Учительница музыки.

День именинъ сестры Елизаветы.

5 сентября. Иркутскъ.

Сегодня твои именины, мой ангелъ сестрицынька,—Господь да осѣнитъ тебя благодатнымъ миромъ, насколько то возможно въ нашей земной жизни.

Вчера мы слушали всенощную въ домовой церкви и потомъ зашли къ преосвященному [1]), возвратившемуся только изъ Забайкалья. Сегодня же невозможно было поѣхать къ обѣднѣ: Анна Петровна въ девятомъ часу поднялась въ классы, давáла маленькимъ урокъ франц. языка, потомъ перешла въ старшій классъ; а я съ половины девятаго до трехъ часовъ, не переводя духу, давала уроки музыки. Въ три часа я выбѣжала въ садъ, чтобы освѣжить нервы и уши послѣ шестичасового выслушиванія упражненій, гаммъ и подчасъ фальшивыхъ звуковъ; въ четыре часа обѣдали, еще погуляли въ саду и вотъ, немного поуспокоившись, присѣли, каждая къ своему письменному столу, чтобы поздравить тебя. Хотя письмо пропутешествуетъ цѣлый мѣсяцъ, все же увидимся съ тобою, поговоримъ и какъ будто дѣйствительно побесѣдуемъ.

Да, милочка, не ѣздили мы въ церковь. но много разъ поминали тебя и призывали благословеніе Божіе на тебя. Сегодня у меня въ головѣ твои первыя именины послѣ нашего выпуска. Какой оживленный былъ вечеръ?—Всѣ мы были такъ молоды, и всѣмъ гостямъ такъ было весело, что послѣ долго вспоминала молодежь вечеръ Быковыхъ. А сколько нѣтъ теперь живыхъ, тогда веселыхъ, молодыхъ!.. И какъ давно, давно схоронили самаго дорогого изъ всѣхъ нихъ, кто былъ веселъ въ тотъ день [2])... А что сдѣлалось съ оставшимися на землѣ? Куда дѣвалась свѣжесть лица, блескъ очей, улыбка устъ?—Все погибло; — смотришь въ зеркало и не

[1]) Вѣроятно Веніамину (см. 1866 г. 21 мар. пр. 2).

[2]) Т. е. ихъ отца (см. зап. ч. 1-я стр. 118—121).

узнаешь себя! Но, благодареніе Господу! въ душѣ все такъ же ярко свѣтится святая любовь къ ближнему, къ дорогому Отечеству; и тѣмъ же чистымъ, тихимъ, неугасаемымъ пламенемъ горитъ привязанность къ вамъ обѣимъ, мои ангелы, мои чудныя сестры! Все та же молитва несется о васъ къ Царю Небесному, утѣшителю, Духу истины... Надѣюсь унести съ собою тѣ чувства завѣтныя, которыя рука объ руку прошли со мною черезъ всю жизнь: пусть останется земное земному, а небесное послѣдуетъ за нами въ несомнѣнно лучшій, вѣчный и непостижимый міръ... Господь да благословитъ васъ!

1876 г.

Чувства послѣ св. причастія и размышленія о сестрахъ.

3 апрѣля. Иркутскъ [1]).

Виноваты, ангелъ сестрицынька, что пропустили болѣе трехъ недѣль; сама не знаю, какъ то случилось, и потому пишу сегодня наскоро, въ день причастія Святыхъ Тайнъ, только бы успокоить тебя насчетъ нашего здоровья.

Да, сегодня Господь снова сподобилъ меня пріобщиться Тѣлу и Крови Своей честной. Сегодня снова приступила къ вечери Его тайныя, и снова ясность душевная посѣтила меня! Но надолго-ли?..

Молитва моя ко Господу да сподобитъ меня и въ день кончины соединиться духомъ съ Нимъ!

Какое благодатное состояніе души! — Всѣхъ любишь, всѣмъ прощаешь!.. О, если бы и умереть такъ!!.

Голубушка, сестрицынька, Господь да благословитъ васъ всѣхъ! Нута тоже пріобщалась сегодня: она говѣетъ два раза Великимъ постомъ. Чудныя вы у меня сестры; зная васъ, нельзя сомнѣваться въ человѣчествѣ. На землѣ не переводятся избранники Божіи, только они разсѣяны и рѣдко приходится встрѣчать ихъ. Но, сестрицынька, да не все-

---

[1]) Изъ писемъ.

лять слова мои гордости въ твое сердце; я не съ тѣмъ говорю, но въ собственное свое утѣшеніе, иначе я не сказала бы. Притомъ же, я не говорю: «совершенства», но избранники Божіи. Боюсь ввести тебя въ грѣхъ своею похвалой. Нуту я не хвалю въ глаза, только иногда, въ часы ея унынія, стараюсь поддержать сокрушенный духъ и укрѣпить словомъ ободренія,—много ей непріятностей... Нынче много перемѣнъ по хозяйственной части во всѣхъ институтахъ. Въ слѣдующемъ письмѣ Нута будетъ говорить объ этомъ подробнѣе; сегодня же едва-ли успѣемъ. До пяти почти часовъ у насъ были посторонніе; теперь она уѣхала навѣстить одну изъ своихъ бывшихъ воспитанницъ, имѣніе которой готовятся описывать и которая умоляетъ Анну Петровну дать совѣтъ, какъ и что дѣлать. Потомъ всенощное бдѣніе съ чтеніемъ 12 евангелій; послѣ чего, вѣроятно, Нута очень утомится, тѣмъ болѣе, что во весь день нисколько не отдохнула. Стало быть, сестрицынька, не безпокойся. Завтра снова двѣ длинныхъ службы. Если будемъ живы и здоровы, и дѣти тоже, и ничего особеннаго не случится, станемъ писать къ Святой. Я тоже очень устала. Господь со всѣми вами!

Взглядъ на жизненныя безпокойства.—О духовномъ завѣщаніи.—О непріятностяхъ за взгляды.

4 августа. Иркутскъ [1]). Полно бояться, ангелъ сестрицынька, не получая долго нашихъ писемъ; пора, милочка, положиться на Господа во всемъ и даже въ жизни и смерти твоихъ сестеръ. Не горюй заранѣе, «довлѣетъ дневи злоба его»; зачѣмъ же страшиться тамъ, «идѣже не бѣ страхъ».

Видишь, въ то время, какъ ты тревожилась о насъ, особенно дурного ничего не случилось. Но безъ непріятностей

[1]) Изъ писемъ.

мелкихъ, безъ заботъ и волненій невозможно прожить; на это не разсчитывай, сестрицынька. Гдѣ бы мы ни жили, вездѣ будутъ огорченія,—такъ они бываютъ со всѣми. Что дѣлать? не убѣжишь, когда это удѣлъ всего живущаго на землѣ.

Ты напрасно думаешь, сестрицынька, что мы сердимся на родственниковъ. Господь съ ними! надѣюсь,—дѣлъ не придется имѣть никакихъ и видѣться тоже не желаю; видимо,—мы посторонніе, и я даже забываю объ ихъ существованіи, отдаленномъ отъ насъ на 5,000 верстъ. Они—взрослые молодые люди, могутъ сами работать; у нихъ и наша доля осталась, которою 20 лѣтъ они пользовались. Чего же больше? Мы не спрашиваемъ той доли;—больше никакихъ отношеній между нами не существуетъ. Только, сестрицынька, мы не желаемъ служить имъ посмѣшищемъ и положительно не желаемъ, чтобы, въ случаѣ нашей смерти, перешло, что послѣ насъ останется, *незнающимъ насъ*... Нѣтъ, немногое, пріобрѣтенное двадцатисемилѣтней тяжелой службой обѣихъ насъ, не должно быть обращено на удовольствіе людей, намъ чуждыхъ чувствами, понятіями. вѣрованіями,—всѣмъ однимъ словомъ. И, вообще, мы не желаемъ отдавать нажитое честнымъ трудомъ ни на чье проматываніе... Переживешь насъ,—все твое. Помни это и сбереги это письмо. Ежели же ты умрешь ранѣе, о чемъ мы не думаемъ, то во всякомъ случаѣ распорядиться тебѣ слѣдуетъ.

Впрочемъ, сестрицынька, я не люблю говорить о томъ, кому оставимъ что послѣ смерти; не потому, чтобы ея боялась; живя въ Иркутскѣ, среди опасностей всякаго рода: землетрясеній, наводненій, среди тысячъ сосланныхъ каторжниковъ, исконныхъ нашихъ враговъ-поляковъ съ ихъ друзьями, съ нигилистами, революціонерами, *ни за одинъ день нельзя быть увѣреннымъ*; притомъ же постоянные приливы крови къ головѣ могутъ разомъ покончить съ моею жизнію. Стало быть я не разсчитываю на долгіе годы и жду смиренно, когда Господу угодно будетъ отозвать насъ къ себѣ.

но духовной дѣлать не хочу по какому-то странному чувству; должно быть, чтобы наслѣдники не желали моей смерти, находя, что мѣшаю имъ жить... Дѣтей у насъ нѣтъ; отцовскаго наслѣдія тоже нѣтъ; обманывать некого; стало быть, какая же можетъ быть духовная? Да и что останется? Курсы нынче такъ падаютъ, что нельзя ни на что разсчитывать. Ну, будетъ объ этомъ.—Это недостойно разговора. Господь далъ, Господь и укажетъ, какъ употребить данное;—намъ заботиться нечего.

— Извини, сестрицынька, что не могу согласиться съ тобою, будто мы запоздали со своими понятіями. Стало быть, всѣ честные люди запоздали? Стало быть, міровыя истины запоздали? Развѣ это можетъ быть, суди сама?!—То повѣтріе, то мода, вродѣ нарядовъ изъ двухъ смѣшанныхъ и противоположныхъ другъ другу цвѣтовъ: бѣлаго и чернаго, которые господствуютъ уже четыре года наперекоръ разсудку и вкусу. И, двадцать лѣтъ назадъ, мы имѣли удовольствіе слышать: «*какъ вы странно говорите! вы смотрите совсѣмъ по другому на жизнь и на все!*»... Чтожъ это доказываетъ? Неужели въ пору молодости мы тоже запаздывали понятіями? И тогда люди были не лучше теперешнихъ, и тогда душа возмущалась всѣмъ, что происходило кругомъ... Припомни только, за что пострадалъ отецъ, и какъ семейные люди, правительственныя лица гнали его и глумились, говоря: «Быковъ, какъ собака, лежитъ на сѣнѣ; самъ не ѣстъ и другимъ не даетъ».—Развѣ же то были наши мнѣнія? Припомни молодыхъ людей нашего времени и скажи, гдѣ тѣ сыны отечества, тѣ люди правды, тѣ христіане по духу, а не по слову и не на половину только?—Развѣ мы не были въ вѣчномъ разладѣ съ общественнымъ мнѣніемъ? Развѣ не скучали съ глупцами? Развѣ не гнушались порокомъ, гдѣ бы онъ ни гнѣздился и чѣмъ бы ни прикрывался? Развѣ не благоговѣли предъ истиною и добромъ? Въ чемъ же запоздали, сестрицынька?!—Что не признаемъ нигилизма, дѣйствую-

щаго тлетворно своею гибельною проповѣдью? Въ такомъ случаѣ отстало божественное ученіе Христово? Такъ, что-ли?

О, дай мнѣ, Господи, хоть издали слѣдовать по пути Твоему, еже есть *«истина и свѣтъ!»*...

Нѣтъ, сестрицынька, милая, ангелъ мой, — то *временно* болѣютъ люди. Но придетъ время и излечатся отъ тяжкаго недуга, и здоровый духъ Евангельскаго ученія снова оживотворитъ умы, и падетъ туманъ *лжи* предъ свѣтомъ Божественной истины! Можетъ мы и не доживемъ и не увидимъ того свѣта на землѣ, но все равно скоро засіяетъ и онъ!

Сто лѣтъ назадъ, во Франціи, все, что называлось образованнымъ, все болтало противъ религіи и щеголяло безвѣріемъ. Нынѣшніе нигилисты со своими Бюхнерами, Фохтами, Лаіелями, Дарвинами и другими повторяютъ только все то, что говорилось сто лѣтъ назадъ и было опровержено. Нашла грозовая туча, повисла надъ Франціей, погубила милліонъ народа на гильотинахъ, въ разстрѣливаніяхъ, въ затопленіяхъ и всякаго рода убійствахъ. Людямъ стало гадко смотрѣть на себя и стали снова искать Бога, который ихъ оставилъ за беззаконія. Снова открылись храмы, снова понеслись молитвы къ престолу Всевышняго...

Нѣтъ, сестрицынька, не запоздали мы, а забѣжали впередъ, далеко впередъ; забѣжали еще въ молодости, и время, и люди безъ правды насъ понять не могутъ, но въ этомъ намъ и посланъ крестъ Христа [2]).

— А Лиза [3])—прелесть! Воспитуйте ее въ страхѣ Божіемъ и не допускайте къ ней наставницъ нигилистокъ; — не губите ребенка.

— 8-го начинаются классы; снова работы много: поправка сочиненій и переводовъ докучаютъ; при томъ же нужно и самой приготовляться, что говорить въ классѣ, какъ то по-

[2]) Ев. Матѳ. 10 гл. 6 стихъ („и враги человѣку домашніе его“).

[3]) Племянница—по карточкѣ, присланной въ Иркутскъ.

добаетъ каждому порядочному учителю. Вообще, много хлопотъ. Писемъ частыхъ не жди, сестрицынька, будь покойна,—всѣ мы въ рукахъ Божіихъ.

Третьяго дня ѣздила за Ангару къ Святителю Иннокентію, мощи котораго почиваютъ въ мужскомъ монастырѣ. Завтра, если Господь сподобитъ, поѣду въ домовую—на акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ, который всегда читаетъ самъ Преосвященный; а тамъ и заговѣюсь. Пятница у меня вся занята, равно какъ и всѣ утра.

Господь со всѣми вами! Молись, сестрицынька, да дастъ *Онъ* намъ силы работать во славу имени *Его* и на пользу брата человѣка, умственную и нравственную. 11 часовъ ночи.

Вѣроятно 5 сентября получишь письмо. Господь да благословитъ тебя въ этотъ день и во всѣ дни твоей жизни.

Объ отставкѣ, о покоѣ и о вѣчности.

19 августа. Иркутскъ [1]). Съ 16 августа начались наши обыкновенныя классныя занятія со всѣми тревогами и волненіями; еще года три слишкомъ нужно послужить,—и тамъ куда-нибудь на покой, если еще жить будемъ... Гдѣ придется жить и какъ жить—мы ничего не думаемъ. Самъ Господь укажетъ, что нужно дѣлать, а предположенія и замыслы человѣческіе рѣдко исполняются, потому и ждемъ мы спокойно, гдѣ придется кончать вѣкъ... Мнѣ бы только хотѣлось садикъ подлѣ дома; теперь намъ сдѣлалось потребностью уголокъ зелени, гдѣ бы могли глаза отдохнуть и гдѣ бы погулять на чистомъ воздухѣ. Въ комнатахъ я зады-

[1]) Изъ письма къ сестрѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

хаюсь. Даже зимою каждый день гуляемъ по часу въ день въ дѣтскомъ саду, гдѣ расчищены двѣ дорожки; иначе такой стукъ въ головѣ подымется и такъ она горитъ, что не знаешь, куда дѣваться. Даже при гуляньи приходится часто смачивать голову холодной водой, что я сію минуту и сдѣлала, выливъ цѣлую кружку, и освѣжилась, — жару нѣтъ. На ночь всегда поливаю и, кромѣ того, подлѣ постели на столикѣ ставлю стаканъ воды — на всякій случай: начнетъ стучать въ виски и горѣть темя, я тотчасъ за воду и такъ усердно лью на голову, что подушка становится мокрою, — тогда засыпаю спокойно.

Вотъ почему необходимъ намъ садикъ и лѣтомъ и зимою. Но объ этомъ послѣ.

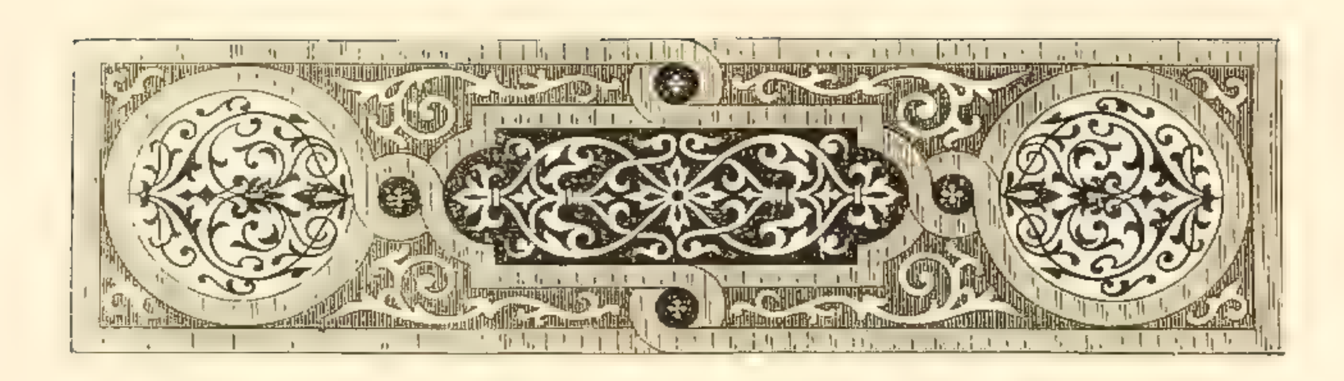
Отдохнула-ли ты, мой ангелъ, отъ дороги и какъ идутъ твои дѣла. У васъ въ Пензенской губ. опять пожары отъ поджоговъ. Храни васъ, Господи; такъ страшны всѣ эти бѣдствія! И не унимаются эти люди — «благодѣтели рода человѣческаго», благополучіе котораго созидаютъ мечемъ и огнемъ!.. Семь лѣтъ назадъ я все еще ждала лучшаго: мнѣ казалось, что подраставшее поколѣніе внесетъ въ міръ много добрыхъ началъ, и станетъ теплѣе и свѣтлѣе на землѣ. Оказалось, что и эта надежда, подобно многимъ другимъ, рухнула: подрастающее на школьныхъ скамейкахъ молодое племя выросло, — и что же? Все то же, что было встарь, только рѣчь измѣнилась, а духъ, а дѣло — все прежнее, давно знакомое и въ областной и въ столичной жизни...

«И не жду отъ жизни ничего я
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу лишь мира и покоя,
Я хочу забыться и заснуть» [2]).

[2]) «Выхожу одинъ я на дорогу» — М. Ю. Лермонтова (видимо по памяти цитируется).

Видишь, сестрицынька, ангелъ мой, годы, изглаживая слѣды молодости на лицѣ человѣческомъ, не касаются души. Видишь, какъ живы въ ней поэтическіе напѣвы, слышанные въ незапамятныя времена,—это потому, что духъ *нашъ безсмертенъ* и не знаетъ старости. Лучшимъ тому доказательствомъ—наша любовь и *неизмѣнная дружба*. Такъ и умремъ, милочка, благословляя другъ друга. Господь со всѣми вами! Устала я что-то, думаю лечь. 12 час. ночи.

1877 г.

Душевное состояніе.

16 февраля. Почти три года минуло послѣ неоконченнаго разсказа о пребываніи нашемъ въ Петербургѣ, и сколько горя мы испытали съ тѣхъ поръ, сколько тревожныхъ дней приходится переживать въ настоящее время!.. Обстоятельства сложились такъ, что почти не къ кому обратиться ни за совѣтомъ, ни за поддержкой. Иркутскъ сдѣлался нравственной пустыней: ищешь, зовешь человѣка—и никто не откликается,—все глухо...

Жаль смотрѣть на мою бѣдную Путочку... Измѣнилась страшно за это трехлѣтіе, особенно за послѣдніе четыре мѣсяца, когда столько непріятностей накопилось и не уберечься отъ нихъ... Ждемъ только выпуска, чтобы въ началѣ мая выѣхать изъ Иркутска, гдѣ нынче господствуютъ элементы: польскій, еврейскій, нигилистическій; не слыхать только правды и честности... Гдѣ-нибудь далеко, далеко раздается же голосъ чести и совѣсти, но пока онъ не доходитъ до слуха нашего...

Помоги, Господи, кончить благополучно давно начатый трудъ, и, благословясь, скорѣе убраться отсюда. Тоска беретъ. Когда бы знать, что ждетъ насъ въ этомъ городѣ, ни за что не поѣхали бы назадъ [1])...

---

[1]) Въ институтѣ были, вѣроятно, злоупотребленія довѣріемъ Анны Петровны.

Послѣднее время на службѣ. — Пріятныя письма.

18 апрѣля. «*Нынѣ отпущаеши рабу Твою, по глаголу Твоему, съ миромъ*».

— Сегодня дала послѣдній урокъ французскаго языка въ старшемъ классѣ и, прощаясь съ провожавшими меня дѣтьми, простилась въ то же время и съ своею педагогическою дѣятельностью! Силъ больше нѣтъ: глаза отказываются служить, все въ тягость, — едва дотянула до конца курса.

Горя было много за эти послѣдніе три года — горя нравственнаго, подкосившаго силы наши: «*путь былъ узкій и прискорбный*»!.. Приходилось бороться со всѣмъ и со всѣми; изнемогли силы при концѣ своего долгаго и тяжкаго пути. Новое вѣяніе, а, быть можетъ, и со своими взглядами устарѣли... Да и пора-бы отдохнуть душою...

Но гдѣ тотъ отдыхъ желанный?

Но гдѣ тотъ отдыхъ на землѣ — гдѣ столько страданій?.. — Вотъ уже два года, какъ Турція поглощаетъ наши молодыя силы, гибнущія отъ войны и отъ всякихъ болѣзней. Мыслящему человѣку, любящему свое отечество, не весело живется въ такое тяжелое время. Приходишь къ окончательному убѣжденію, что нѣтъ на землѣ покоя...

Да будетъ воля Твоя, Господи! Черезъ нѣсколько дней, 23 апр., завершится тридцать первая годовщина моей службы отечеству на двухъ противоположныхъ его пунктахъ: въ Петербургѣ и Иркутскѣ. Работала, сколько хватало умѣнья и силъ, съ полнымъ желаніемъ способствовать умственному и нравственному развитію проходившихъ чрезъ мои руки воспитанницъ.

Преподаваніе всякаго предмета можно уподобить *огню*: оно можетъ просвѣтить и очистить душу, равно какъ можетъ и истребить, сжечь все хорошее, вложенное въ нее Творцомъ ея. Въ предметъ моего преподаванія входила литература, т. е. все духовное наслѣдіе человѣка; стало быть, мнѣ принадлежало обширное поле для воздѣлыванія... Если въ сѣмена

пшеницы попадали и плевелы, то это не по нашей винѣ: врагъ сѣялъ ихъ украдкой.

— Бѣдная моя сестра! Сколько нравственныхъ огорченій вынесла она за 18 лѣтъ службы въ Иркутскѣ; особенно же тяжелы были для нея эти три послѣдніе года...

Неужели бывшія ея воспитанницы не помянутъ съ благодарностью эту чудную женщину?..

Нѣтъ,—не одна честная душа вспомнитъ мою бѣдную страдалицу Нуту; пройдутъ наши тяжелыя, смутныя времена—и свѣтлый образъ сестры моей предстанетъ передъ грядущими поколѣніями во всемъ своемъ нравственномъ блескѣ,—въ это я глубоко вѣрю.

Господи, благослови насъ окончить благополучно давно, давно принятый на себя трудъ воспитанія. Весь нашъ внѣшній видъ измѣнился: силы быстро падаютъ; довольно, Господи!

Благодарю, Боже, за дарованіе Твоей помощи намъ обѣимъ, женщинамъ слабымъ; ни одна изъ насъ не могла похвалиться здоровьемъ и крѣпостію силъ, а между тѣмъ 31 годъ проработали почти безъ отдыха на педагогической нивѣ... Но сила Божія въ немощи совершается [2], если то Ему угодно. *Благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ благодѣяній Его!..*

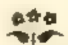
Спустя нѣсколько часовъ. Пришиваю только что полученное письмо отъ одной изъ тѣхъ благородныхъ, возвышенныхъ душъ, о которыхъ говорила выше. То пишетъ Оля Лазарева, бывшая Филимонова [3]). Такое же теплое письмо получили изъ Петербурга отъ Юліи Масловой [4]) и

[2]) 2-е посл. Коринѳ. 12 глав. 9 ст.

[3]) Ольга Лазарева, изъ Казани (за артил. полковникомъ), вос—ца вып. 1859 г.—она же Урановская:—сообщаетъ о полученіи вещей Анны и Варвары Петровны и объ ожиданіи ихъ лѣтомъ въ ея семействѣ. (См. 1864 г. 6 іюля пр. 2 и 1866 г. 20 іюля.

[4]) Юлія Констант. Маслова (рожд. Баженова, вып. 1867 г.).

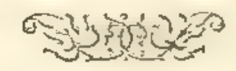
ми. другихъ. Стало быть, не забудутъ мою Анну Петровну. Все же есть между людьми натуры глубокія, признательныя! И за то слава Тебѣ, Господи! [5]).

Въ С.-Петербургѣ.

17 августа. Петербургъ, 20 м. второго. Среда.

Мучительное состояніе духа не даетъ мнѣ покоя, не знаешь, за что приняться, а глаза не хотятъ служить: ни читать не могу, ни работать... Я совершенно, кажется, ослабла?..

Дни осады Плевны.

30 августа. Какъ эти дни напоминаютъ дни скорби 1855 г.[1]). Плевну осаждаютъ, нашихъ бѣдныхъ русскихъ бьютъ, рѣжутъ и мучатъ звѣри турки, да пріятели ихъ—англичане, поляки, мадьяры!—И прежнее злорадство друзей при неудачахъ нашихъ, и прежняя измѣна польская гнѣздится, и прежнія ругательства и клеветы сыплются на Россію, обнажившую мечъ все за тѣхъ же *братьевъ* - славянъ! И по прежнему одинокой, и непонятой, и оклеветанной стоитъ великая мученица, не отверзая устъ своихъ... И по прежнему болитъ сердце каждаго честнаго русскаго человѣка!..

Возведохъ очи мои въ горы, откуда пріидетъ помощь моя? — Помощь моя отъ Господа, сотворившаго небо и землю! [2]).

[5]) Естественно „сосуду переполненному“ жить тѣмъ, что сьяно въ жизни, подводить итоги пройденнаго, пережитаго, что и совершается въ Варв. Петровнѣ.

[1]) См. зап. ч. 1-я стр. 322—357.

[2]) Псал. СХХ-й.

Четырехкратное представленіе Нуты Императрицамъ.

2 сентября. Пятница.

Пробило 12 часовъ. Нута теперь въ Царскомъ [1]), куда поѣхала для представленія Государынѣ въ два часа пополудни.

Это будетъ четвертое и, вѣроятно, послѣднее представленіе Царицамъ: въ 1858 году въ августѣ она два раза была у Государыни Александры Θеодоровны [2]), при своемъ вступленіи въ должность начальницы института; въ 1873 году, 10 декабря, сестру принимала милостиво Государыня Марія Александровна [3]). Теперь же, при прошеніи сестры объ увольненіи отъ службы, снова Ея Величество пожелала видѣть Нуту.

Господи, благослови моего ангела, хранителя земного! Сохрани вхожденіе и исхожденіе ея отнынѣ и до вѣка! [4]).

Пріемъ Нуты Государынею.

17 сентября. И въ четвертый разъ Царица милостиво принимала сестру!

14-го подписанъ задушевный рескриптъ, читая который, я не могу не плакать.

---

[1]) Т. е. въ Царскомъ Селѣ, гдѣ такъ любила жить лѣто покойная Императрица Марія Александровна.

[2]) См. зап. 1858 г. 4 авг.

[3]) См. зап. 1874 г. 28 дек.

[4]) Псаломъ CXX-й.

Благослови, Господи, Государыню и утѣшь ее въ скорбяхъ, какъ и Она утѣшаетъ насъ! [1]).

[1]) Вотъ текстъ этого рескрипта:

„Анна Петровна! Съ полнымъ самоотверженіемъ вы посвятили многотрудному дѣлу воспитанія дѣтей лучшіе годы вашей жизни и изъ нихъ девятнадцать лѣтъ исключительно Иркутскому Дѣвичьему Институту. Благодаря вашей неутомимой дѣятельности и педагогической опытности, этотъ разсадникъ женскаго образованія на нашемъ дальнемъ востокѣ постоянно приносилъ, подъ вашимъ управленіемъ, самую существенную всему краю пользу. По отзыву Моего Сына, Великаго Князя Алексѣя Александровича, посѣтившаго въ 1873 г. Восточную Сибирь, *большая часть образованныхъ женщинъ, которыхъ ему приходилось тамъ встрѣчать, почти всѣ обязаны были своимъ воспитаніемъ Иркутскому институту и вашимъ материнскимъ о нихъ заботамъ и попеченіямъ.* Нынѣ разстроенное *ваше здоровье заставляетъ васъ отказаться отъ дальнѣйшей педагогической дѣятельности.*

„Съ крайнимъ сожалѣніемъ соглашаясь на ваше увольненіе, Я при этомъ случаѣ не могу за ваши многолѣтніе полезные труды не повторить вамъ еще разъ письменно ту искреннѣйшую благодарность, которую я вамъ неоднократно выражала устно, при чемъ прошу васъ, въ воспоминаніе вашего отличнаго служенія *въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи,* принять препровождаемый у сего подарокъ, какъ видимый знакъ Моего особеннаго къ вамъ благоволенія".

(На подлинномъ собственноручно начертано): *„Пребываю неизмѣнно навсегда доброжелательною.*

„МАРІЯ".

Въ Царскомъ Селѣ. 14 сентября 1877 г.

1880 г.

Наступленіе старости.

22 августа. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, оставивъ Саратовъ послѣ тяжкой потери отца, ѣхали мы въ Петербургъ зимою съ братомъ Александромъ, возвращавшимся туда съ молодою женою. Въ одной изъ гостинницъ Пензы, куда пріѣхали ночью, угорѣла вся наша семья. Чтобы придти въ себя отъ страшнаго ночного угара, мы принуждены были остаться въ Пензѣ на цѣлый день. Зная, что въ этомъ городѣ проживаетъ А. С. [1]), племянница жены здѣшняго губернатора—наша подруга по Смольному, дали ей знать о нашемъ прибытіи съ просьбою навѣстить насъ.

Саша тотчасъ пріѣхала веселая, счастливая. Воспоминанія полились рѣкою; но еще оживленнѣе пошелъ разговоръ, когда мы коснулись настоящаго. Мы съ сестрою разумѣется болѣе молчали: «рана» [2]) была еще слишкомъ свѣжа, а настоящее пасмурно... Саша же, напротивъ, говорила безъ конца, разсказывая съ жаромъ, о чемъ обыкновенно повѣствуютъ молодыя дѣвушки.

Въ тотъ же день предстоялъ вечеръ у ея дяди—губернатора. Вечеръ тотъ имѣлъ много заманчиваго для Саши...

[1]) Александра Никол. Сушкова (см. зап. ч. 1-я 1835 г. 22 іюля пр. 1 и 1836 г. 16 фев. пр. 6).

[2]) Т. е. смерть ихъ отца: см. зап. ч. 1-я стр. 113—121.

къ тому же она обладала хорошимъ голосомъ, была хорошая піанистка и, вѣроятно, заранѣе предвкушала предстоящее удовольствіе.

Мы всѣ трое были тогда еще очень молоды. Моя Нуточка плѣняла тогда стариковъ и молодыхъ, иногда даже обаяніе неуловимой прелести переходило на женщинъ; нравственная красота придавала столько-же очарованія ея выразительному бѣленькому личику, окаймленному шелковистыми, вьющимися темными волосами...

Уѣхавъ изъ Пензы, мы потеряли другъ друга изъ виду; слышали, что, года два спустя, Саша вышла замужъ [3]). Мы же съ сестрой, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, поступили классными дамами въ Смольный; затѣмъ уѣхали въ Иркутскъ: сестра—начальницей института, я—учительницей музыки и французскаго языка; побывали опять въ Петербургѣ, снова возвратились въ Иркутскъ и въ 1877 г. окончательно вознамѣрились поселиться въ Петербургѣ, куда и прибыли въ томъ же году, предполагая только на время съѣздить къ роднымъ въ Саратовъ. Но вотъ уже три года, какъ живемъ въ Саратовѣ, и едва-ли придется скоро уѣхать...

— Вчера вечеромъ снова сидѣли мы трое за чайнымъ столомъ: бывшая Саша или А. С. и мы двѣ.—Сорокъ лѣтъ легло между нашимъ послѣднимъ свиданіемъ и настоящимъ днемъ. Что же сталось изъ тѣхъ молодыхъ дѣвушекъ?..

А. С. сильно раздалась въ ширину; ея высокій станъ... о, какъ погнулся!.. Покрытое морщинами лицо—пожелтѣло; говоритъ она тоже много, но не съ увлеченіемъ, и больше о своихъ дѣтяхъ, зятьяхъ и внукахъ, да о прошедшихъ успѣхахъ собственной молодости. Въ звукахъ ея голоса часто слышится сильно минорный тонъ...

Моя бывшая Анюта, прозванная «сильфидой», разумѣется, тоже утратила свой гибкій, тонкій видъ: ея шелковистыя

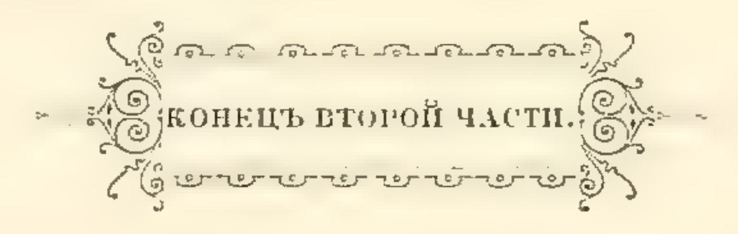
[3]) За Карачарова.

черныя кудри блестятъ серебристыми нитями, а ножки, такъ граціозно скользившія по паркету въ былые годы, теперь скоро устаютъ, тяжело передвигаясь. Да, съ каждымъ днемъ замѣтнѣе предъявляетъ намъ свои права неотразимая старость, и лишь нравственное обаяніе личности Нуты сохраняется до сихъ поръ: всѣ знакомые ея глубоко ее уважаютъ. Умъ и доброта сердечная сіяютъ тихимъ свѣтомъ въ ея очахъ и придаютъ милое выраженіе ея лицу, уже изборожденному неизбѣжными морщинами: «des années l'irréparable outrage»...

Изъ троихъ, мы обѣ незамужнія, потому, вѣроятно, сохранили болѣе живости ума и чувствъ прежнихъ лѣтъ, относясь сочувственно ко всему прекрасному въ Божіемъ мірѣ.—Но чувствуется, что силы уже съ каждымъ днемъ не тѣ!..

Лишь бы чужая радость, чужое горе и событія родной земли находили отголосокъ въ нашей душѣ.

За все же прочее «*благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его!*..

«Сѐ что̀ добро̀, и̂ли̂ что̀ красно̀,
но е҆́же жи́ти бра́тіи вку́пѣ.»
(Псал. рлв. а.)

Въ 1877 году, по выходѣ въ отставку, Варвара Петровна съ сестрою (Нутою) отправляются въ Саратовъ погостить у родственниковъ, быть ближе къ могилкѣ своего «родного» [1]), повидать мѣста, дорогія сердцу, гдѣ было пережито въ лучшіе молодые годы столько горя и радостей [2]).

[1]) См. зап. ст. см. ч. 1-я стр. 121 (12 дек. 1840 г. и 9 дек. 1868 г.).
[2]) Ibidem. 1837, 1839, 1840 и др. годы.

Въ годы жизни во второй разъ въ Саратовѣ и въ послѣдніе годы своей жизни, Варвара Петровна молится и мечтаетъ больше о своей смерти.

«Какъ бы я была счастлива, если бы передъ смертію сподобилъ меня Господь еще разъ поговѣть у о. Іоанна!» [3]).

«Какъ я буду счастлива, если мнѣ Господь пошлетъ смерть раньше Нуточки!»

Свѣтскія удовольствія ее по прежнему тяготятъ, но любовь къ музыкѣ сказывается мечтою о жизни лѣтомъ въ Павловскѣ (у Царск. Села).

«О, если бы мнѣ удалось», пишетъ она изъ Саратова, «когда нибудь послушать игру даровитаго Рубинштейна». (А. Гр.).

И чудно суждено было осуществиться мечтамъ Варвары Петровны...

Частыя недомоганія сестеръ, нужда посовѣтоваться съ лучшими силами столичныхъ медиковъ, сердечное влеченіе дать возможность окончить образованіе своей любимой, но бѣдной воспитанницѣ М. В. Подгорбунской, а по силѣ и возможности помочь такъ-же и другимъ, прибывшимъ съ нею изъ дальней Сибири; желаніе видѣть многихъ изъ своихъ подругъ, своихъ бывшихъ воспитанницъ, — жить вблизи своего «милаго, родного Смольнаго» [4]) и многія другія, тому подобныя соображенія побудили сестеръ въ половинѣ 1881 г. пріѣхать на житье въ С.-Петербургъ.

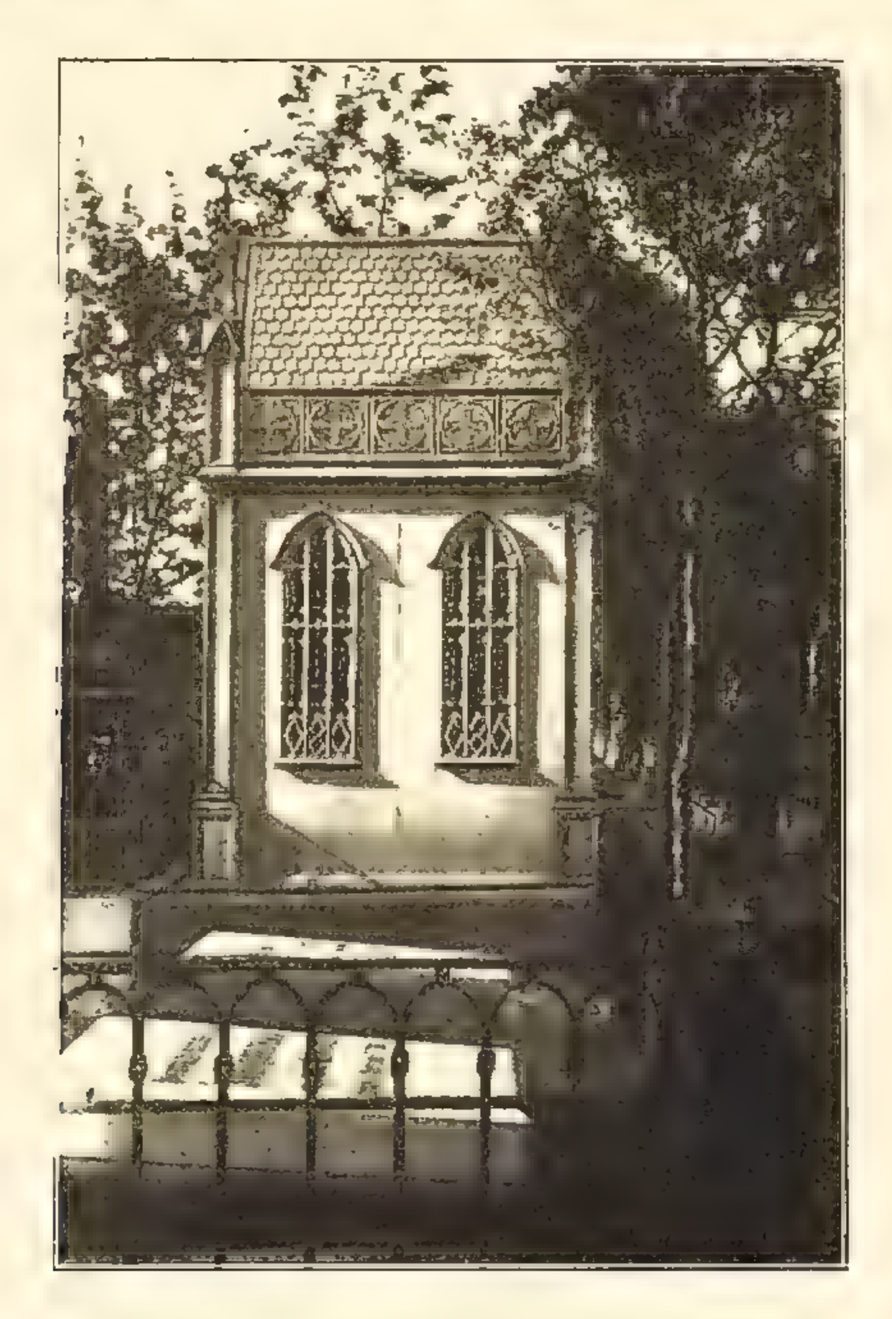
Въ Петербургѣ здоровье В. П. слабѣетъ и слабѣетъ. Временами ее оживляютъ лишь отношенія къ нимъ бывшихъ воспитанницъ, наперерывъ изъявлявшихъ желаніе доставить Варварѣ Петровнѣ и Аннѣ Петровнѣ какое-либо удовольствіе. Лѣтніе мѣсяцы В. П. живетъ въ Павловскѣ и часто бесѣдуетъ съ о. Іоанномъ.

Но годы и предѣлъ, «его же не прейдеши», чаще и чаще даютъ себя чувствовать. — В. П. понемногу какъ бы замираетъ

[3]) Т. е. Преображенскаго. См. II ч. 14 окт. 1865 г.

[4]) См. ея зап. ч. I. О Смольномъ.

для *внѣшняго* міра, сосредоточиваясь на своемъ *внутреннемъ*; «желаетъ быть больше съ Богомъ и въ Богѣ». Чаще и уже совершенно хладнокровно говоритъ о наступленіи старости, твер-

Часовня на могилѣ Варвары Петровны.

дитъ о своемъ желаніи перейти въ вѣчность и, непремѣнно, — раньше своей любимой Нуты [5]). «Ты, Нута, безъ меня можешь существовать, но я не могу себѣ представить, какъ

[5]) См. 5 нояб. 1869 г.

можетъ жить безъ тебя Варенька», — повторяетъ она, какъ бы въ утѣшеніе сестрѣ, а затѣмъ обычно слѣдуетъ молитва В. П. о скорѣйшей ея смерти, приводившая иногда въ смущеніе Нуту и ея близкихъ.

За три дня до своей смерти, В. П. слегла въ постель и пожелала пріобщиться Св. Таинъ; христіански напутствованная о. Іоанномъ Преображенскимъ, она тихо *22 октября 1886 года* отошла ко Господу, окруженная любовію сестры и любящихъ ее.

Какъ видимое выраженіе признательности отъ Нуты Варенькѣ за жизненное сопутствіе, — поставлена часовня на ея могилѣ [6]); но сродство воспитанныхъ душъ, запечатлѣнное *нестарѣющею любовію*, благоговѣйная память о покойной, сердечная признательность, ежедневная глубокая молитва сестры, слезы умиленія Анны Петровны со всегдашнимъ желаніемъ скорѣе отойти къ Варенькѣ, какъ только заходитъ рѣчь о Варварѣ Петровнѣ, — все это, смѣемъ думать, несравнимо дороже видимыхъ памятниковъ.

Блаженни живущіи и умирающіи въ Господѣ!

Свящ. Конст. Знаменскій.

С.-Петербургъ.
Смольный Монастырь.
Вдовій Домъ.

---

[6]) На кладбищѣ Воскресенскаго Новодѣв. монастыря въ Петербургѣ.

Алфавитъ именъ собственныхъ

(во второй части записокъ).

А

Б

В

Г

Д

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

Ѳ

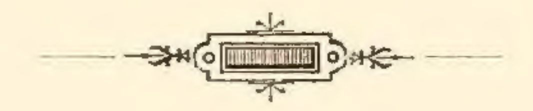

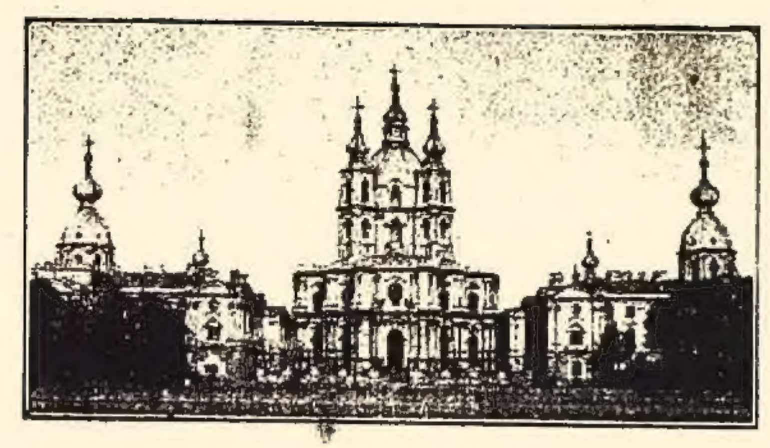
ОГЛАВЛЕНІЯ

II-й части.

стр.

стр.

Смольный монастырь СПБ.

+ 23 Мая 1899 г.

Ваше Превосходительство,
глубокоуважаемый
Викторъ Матвеевичъ!

Вчера я получилъ Ваше письмо. Не нахожу словъ выразить Вамъ мою глубокую, сердечную признательность! — Вы даете силу воспрянуть духомъ и трудиться усерднее еще и еще.. Пошли Вамъ, Господи, силъ здоровья и счастія съ семействомъ на многая лѣта!

Глубокопризнательный Вамъ, Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга
Священникъ Іона Гаспринъ Знаменка

-деть Васъ лично, появлюсь какъ только выйдетъ изъ печати II-я часть. Будьте здоровы и благополучны! Примите почтеніе отъ Серафимы Матвѣевны Турской-(Нагавкиной)-всю Вашу семью вспоминающей со слезами умиленія.

С. К. Зн.

